ДБ
375
Н64

Никонов С.П.
"Крестьянский правопорядок и его желательное будущее"

Харьков 1906

362. 1.—

§ 1—

5/p

1494
ДБ
375
Н 69

С. П. Никоновъ.
Профессоръ Харьковскаго Университета.

БИБЛІОТЕКА
О. Р. К.
ХАРЬКОВ

КРЕСТЬЯНСКІЙ ПРАВОПОРЯДОКЪ

Госуд. публичная историческая библиотека РСФСР
74370

И

ЕГО ЖЕЛАТЕЛЬНОЕ БУДУЩЕЕ.

ОБЪЕДИНЕННАЯ БИБЛИОТЕКА И. К. П.
74370

ХАРЬКОВЪ.
Товарищество «Печатня С. П. Яковлева», Гончаровскій бульв., домъ № 6/2.
1906.

На основаніи ст. 41 п. 41 §1 п. 4 и ст. 138 Унив. Уст. печатать разрѣшается февраля 16 дня 1906 г.

Ректоръ Университета *Л. Рейнгардтъ.*

Памяти

Евгенія Ивановича

Якушкина

посвящаетъ

авторъ.

I.

Крестьяне до освобожденія.

Семьсотъ лѣтъ тому назадъ едва лишь начинало свое существованіе княжество Московское. Привольныя тогда были въ немъ мѣста для сельскаго хозяйства. Прежде всего здѣсь было тихо; кругомъ стояли дремучіе лѣса безъ дорогъ, стало быть трудно было добираться сюда лихому степняку или иному непріятелю. Земля была—цѣлина, и много свободной было—бери, кто хочетъ; только и заботы лѣсъ расчистить, да пашню вспахать. Первое время и податей на народѣ лежало мало.

Нечего и говорить, какъ пошло на эти новыя земли крестьянство наше, особенно съ запада, изъ мѣстъ, гдѣ нынѣ губерніи Смоленская, Псковская, Новгородская и друг. и гдѣ землепашцевъ сильно обижали и грабили сосѣди поляки, нѣмцы и литва. Хорошо жилось крестьянамъ первое время около Москвы: и земли много, и въ казну сборовъ не шло черезъ мѣру; да и тихо въ лѣсахъ было, подъ конецъ о вражескихъ нашествіяхъ и думать забыли.

Но недолго продолжалось это время. Изъ степей восточныхъ, какъ черная туча, налетѣли на всю Россію татары; пожгли они села и города, побили князей разныхъ, что по городамъ сидѣли, а народа простого сколько жизни лишили и еще болѣе въ полонъ къ себѣ увели—этого и не сосчитать. Сказать можно только одно, а именно, и послѣ татарскаго погрома еще лѣтъ пять вся земля Русская лежала въ развалинахъ—вмѣсто городовъ одни головешки торчали, а народъ жилъ по лѣсамъ какъ звѣри въ норахъ, ютясь въ землянкахъ.

Легче другихъ однако удалось пережить это время предкамъ нашимъ, которые вокругъ Москвы — города разселились. Дремучіе лѣса многихъ укрыли отъ татарскаго погрома. Потихоньку переждали они немного времени въ тайгѣ, пока татары ушли обратно, и снова занялись земледѣліемъ, снова обстроились и скотину, какая была спрятана, въ новыя усадьбы свои вернули.

Однако татары и послѣ того не забыли народъ и большими податями на себя всѣхъ обложили. На счастье только поселились далеко они отъ Москвы и не часто народъ потому грабили. Да и князьямъ московскимъ скоро удалось получить себѣ отъ татарскихъ хановъ право самимъ собирать дань съ народа для передачи имъ, и перестали тогда ханскіе преспѣшники грабить народъ.

Въ такомъ хозяйствѣ да надзорѣ за крестьянствомъ привыкли и князья, а позднѣе государи московскіе считать всю землю, которая къ Москвѣ тянула, за свое имѣніе. Они и стали землей этой распоряжаться да большими участками служилымъ людямъ своимъ боярамъ да ратнымъ людямъ за труды въ пользованіе отдавать, не обращая вниманіе на то, сидѣли или нѣтъ на участкахъ такихъ крестьяне. Однако послѣднихъ еще крѣпостными не считали, и каждый хлѣбопашецъ былъ воленъ и послѣ такого пожалованія разработанной имъ земли служилому человѣку, уйти съ нея, куда хочетъ, на новыя земли, еще государемъ московскимъ никому не отданныя въ особое пользованіе, на черныя земли, какъ ихъ тогда звали; отсюда и крестьянъ, которые жили на свободныхъ государевыхъ земляхъ, стали звать *черносошными* крестьянами, въ отличіе отъ проживавшихъ на помѣщичьихъ земляхъ—*владѣльческихъ* крестьянъ.

Эти черносошные крестьяне, собственно говоря, мало чѣмъ зависѣли во владѣніи своемъ землею государевой; они ее свободно пахали, лѣсъ рубили, рыбу ловили и только подать платили, какую съ нихъ государь укажетъ. Часто при этомъ они, для удобства жизни,

что бы сообща лѣсъ чистить и отъ звѣря отбиваться, котораго тогда было въ лѣсахъ больше, чѣмъ теперь зайцевъ, собирались жить складчинами, какъ тогда говорили, т. е. по нашему общиной. Но это—кому какъ нравилось. Многіе жили и выселками, на своей каждый росчисти, особенно если у кого семья была могучая и онъ не боялся одинъ съ нею хозяйство вести; впрочемъ и на черной землѣ жить никто крестьянина не нудилъ: хотѣлъ онъ, и въ городъ шелъ на житье, посадскимъ тогда становился, въ родѣ какъ теперь мѣщаниномъ, а то могъ и купцомъ сдѣлаться.

Въ иномъ положеніи были крестьяне, которые остались на земляхъ, переданныхъ государемъ московскимъ въ помѣстье своимъ боярамъ и инымъ служилымъ людямъ. Они съ теченіемъ времени попали въ личную и имущественную зависимость отъ своихъ господъ—землевладѣльцевъ, перестали имѣть возможность уйти съ земли на новое мѣсто или распорядиться (продать, напримѣръ) своимъ хозяйствомъ и усадьбой.

Впрочемъ такая кабала пришла позднѣе. Первое же время часто вольные люди съ охотой и сами садились на такія помѣстья и вотчины. Имъ выгодно было иной разъ жить на помѣщичьей землѣ за сильнымъ землевладѣльцемъ, вотчина котораго часто освобождалась отъ разныхъ сборовъ и повинностей и который защищалъ своихъ крестьянъ отъ произвола и насилій со стороны сосѣдей и мѣстныхъ властей. Даже въ позднѣйшее время вольные люди иногда охотно записывались въ крестьяне къ помѣщикамъ для того, чтобы „скитаясь межъ разныхъ вотчинъ, не погибнуть напрасно“.

Владѣльческій крестьянинъ долго еще признавался человѣкомъ свободнымъ, имѣвшимъ право перехода на новыя земли въ извѣстные сроки. Онъ сидѣлъ на чужой землѣ, онъ устраивался на ней въ силу обычая самостоятельнымъ дворомъ и пользовался особымъ участкомъ пашни, а также соотвѣтствующими угодьями. Помѣщики при этомъ старались пускать на свои земли крестьянъ по особому каждый разъ письменному условію

(„порядъ“). Въ записи такой преимущественно опредѣлялись тѣ обязаности, которыя крестьянинъ „по своему приговору“ принималъ на себя относительно господина, когда онъ рядился на участокъ его земли, и упоминалось о тяглѣ, которое онъ долженъ былъ тянуть вмѣстѣ съ другими крестьянами въ пользу государства.

Обязанности, исполненіе которыхъ крестьянинъ принималъ на себя въ силу поряда, были различной сложности, смотря по тому, поступалъ-ли онъ въ готовый дворъ и садился-ли на разработанномъ участкѣ пашни, или долженъ былъ обзаводиться новымъ хозяйствомъ. Въ послѣднемъ случаѣ нужно было имѣть кое какія средства для того, чтобы обзавестись хозяйствомъ и пользоваться землей, чего у новосела часто и не бывало. Въ такихъ случаяхъ, кромѣ льготы отъ уплаты податей, на годъ или на два, новоселъ обыкновенно бралъ отъ помѣщика еще „подмогу“, деньгами, хлѣбомъ и разными другими принадлежностями хозяйства на всякій „крестьянскій заводъ“.

На какую бы землю крестьянинъ не селился, онъ рано или поздно долженъ былъ приняться за исполненіе обязанностей, какія на немъ лежали по уговору за пользованіе землею. Обязанности эти, конечно, могли быть самыя разнообразныя, но съ теченіемъ времени изъ нихъ стали выдѣляться преимущественно двѣ, а именно—барщина и оброкъ.

Барщина—это была издѣльная повинность крестьянъ помѣщику—отработка своимъ трудомъ за землю. Крестьянинъ, обложенный барщиной за свой надѣлъ, обыкновенно по условію обязывался: 1) работать на господскомъ дворѣ (дворъ подѣлывать, хоромы ставить, сады оплетать и проч.); 2) вести полевую страду на собственной пашнѣ и сѣнокосахъ помѣщика; 3) вести остальныя работы, предназначенныя для доставленія или пополненія барскаго „запаса“, и другія болѣе мелкія „издѣлья“; 4) наконецъ „повозъ“, т. е. обязанность доставлять на своихъ же подводахъ всякіе сборы и продукты хозяйства на барскій дворъ, а иногда и въ городъ. Впрочемъ

вплоть до конца XVI-го вѣка (1560—1590 гг.) барщина была еще мало развита. Обыкновенно до этого времени помѣщики сдавали всю свою землю въ пользованіе крестьянамъ „изъполу“, а позднѣе за опредѣленный денежный съ нихъ *оброкъ*, величина котораго мѣнялась, смотря по обстоятельствамъ и по мѣсту.

Разныя хозяйственныя несчастія—пожары, неурожаи, болѣзни, а съ половины XVI вѣка еще необходимость давать хозяину денежный оброкъ и въ казну рядъ денежныхъ податей, все это часто ставило крестьянъ въ затруднительное положеніе, принуждало ихъ искать, гдѣ возможно, денегъ себѣ на поправку. Въ цѣляхъ такихъ крестьяне не рѣдко прибѣгали къ займу, обыкновенно у своего же помѣщика. Послѣдній кромѣ того соглашался на такой заемъ еще и при самомъ переселеніи крестьянина на его господскую землю, ссужая хлѣбомъ или деньгами, надѣляя своего крестьянина „всякимъ крестьянскимъ заводомъ“, даже „домовой посудой“, не говоря уже о лошадяхъ, коровахъ и „иной мелкой скотинѣ“, и т. п. Между тѣмъ, по законамъ того времени, крестьянинъ, жившій, на помѣщичьей землѣ, могъ сойти съ нея и переселиться на другое мѣсто, во первыхъ, лишь въ опредѣленные сроки, именно за недѣлю до Юрьева дня осенняго и въ недѣлю по Юрьевѣ днѣ осеннемъ, а во вторыхъ, расплатиться съ хозяиномъ своимъ по всѣмъ займамъ и оброчнымъ платежамъ и податямъ; иначе крестьянинъ съ земли не спускался и обязывался за долгъ работать помѣщику по прежнему. Наконецъ, царь Борисъ Годуновъ, въ началѣ 17 вѣка, и совсѣмъ запретилъ крестьянамъ отходить отъ помѣщиковъ, прикрѣпивъ ихъ такимъ образомъ къ землѣ и передавъ ихъ въ руки ихъ господъ.

Съ этихъ поръ и вплоть до великаго дня освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, 19 февраля 1861 года, положеніе крестьянъ становится все хуже и хуже. Особенно сурово относился къ нимъ Петръ Великій. Постоянно нуждаясь въ людяхъ и деньгахъ для веденія своей двадцатилѣтней войны со шве-

дами, онъ не только подтвердилъ прикрѣпленіе крестьянъ къ землямъ помѣщиковъ и обложилъ ихъ налогами, но уничтожилъ прежде существовавшихъ „вольныхъ гуляющихъ людей“. Гулящіе люди, до Петра свободно переходившіе съ мѣста на мѣсто и свободно рядившіеся въ крестьянство, теперь должны были или идти въ военную службу, или приписаться въ крѣпостную зависимость къ тому, кто ихъ приметъ, или, наконецъ, быть сосланы въ Сибирь на поселеніе. Дѣло при немъ дошло до того, что указами 1720—1723 годовъ Петръ I велѣлъ помѣщикамъ включать въ число своихъ крѣпостныхъ излишнихъ церковно-служителей, а дѣтьми прежде бывшихъ поповъ, дьяконовъ и причетниковъ указалъ владѣть тѣмъ, на чьихъ земляхъ они будутъ записаны въ подушный сборъ.

Старые „черносошные“ крестьяне тоже были привлечены къ платежу подушнаго оклада и составили сословіе государственныхъ крестьянъ. Это сословіе должно было находиться въ такомъ же отношеніи къ правительству, въ какомъ находились владѣльческіе крестьяне къ своимъ господамъ; причемъ за одно Петръ обложилъ всѣ разряды государственныхъ крестьянъ особой „оброчной“ податью. Вмѣстѣ съ тѣмъ теперь устанавливается общее правило, что крѣпостными могутъ владѣть только тѣ, у кого есть деревни, а затѣмъ изъ этого выводится заключеніе, что только шляхетство (служилое дворянство), какъ сословіе, законно владѣющее деревнями, можетъ имѣть крѣпостныхъ. Помѣстье и вотчина одинаково стали безусловной недвижимой собственностью дворянъ; причемъ и крѣпостные стали считаться частью полной дворянской собственности. Вмѣстѣ съ тѣмъ послѣ Петра быстро расширяется право помѣщиковъ распоряжаться своими крѣпостными. Указомъ 14 декабря 1747 года было разрѣшено помѣщикамъ продавать крестьянъ и дворовыхъ, кому угодно, для отдачи въ рекруты; изъ чего многіе помѣщики составляли себѣ статью дохода. Указомъ 1760 года дозволено было помѣщикамъ ссылать своихъ крѣпостныхъ въ

Сибирь, обѣщавъ притомъ зачитать сосланныхъ въ счетъ слѣдовавшихъ съ владѣльца рекрутъ.

Въ царствованіе Екатерины II крѣпостное право достигаетъ высшей точки своего развитія, главнымъ образомъ благодаря тому покровительству, которымъ императрица эта отличала дворянъ передъ другими сословіями. Полная отмѣна обязательности службы окончательно сообщила дворянскому владѣнію населенными имѣніями характеръ владѣнія на частномъ правѣ. Крѣпостной крестьянинъ сталъ тогда считаться имуществомъ своего господина; послѣдній могъ распоряжаться своими людьми наравнѣ съ „прочимъ дворянскимъ скарбомъ“, принадлежавшимъ ему на безусловномъ правѣ собственности. На практикѣ торговля людьми была очень распространена въ 18 вѣкѣ, причемъ нерѣдко крѣпостныхъ выводили на рынки, какъ невольниковъ, а тогдашнія газеты были полны объявленіями въ родѣ слѣдующихъ: „продается лѣтъ 30-ти дѣвка и молодая гнѣдая лошадь, ихъ можно видѣть тамъ-то“, или—„продается 20 лѣтъ дворовый человѣкъ и лучшей породы корова“, или—„продаются четыре пары гончихъ, 15 щенковъ и двѣ дѣвки“ и т. д.

Въ область взаимныхъ отношеній крѣпостныхъ своихъ крестьянъ помѣщики, по общему правилу, обыкновенно не вмѣшивались.

Для правильнаго извлеченія доходовъ съ вотчины, а также для уплаты подушной подати и для исправленія крестьянами рекрутской и другихъ государственныхъ повинностей, помѣщику было выгодно покровительствовать крестьянской общинѣ, до новой ревизіи платившей и за убылыя ревизскія души: хозяйственная и податная исправность крестьянъ въ извѣстной мѣрѣ обезпечивалась ихъ общиннымъ устройствомъ; съ крестьянскаго міра удобно было равнымъ образомъ требовать платежи за крѣпостныхъ, взятыхъ въ дворовые, что иногда дѣлалось, и за людей, проданныхъ въ рекруты или деньги на покупку ихъ.

Дѣйствительно, общинное владѣніе успѣло, начиная съ XVII вѣка, значительно развиться среди помѣщичьихъ крестьянъ, т. е. тамъ, гдѣ при сравнительной густотѣ населенія, земельномъ утѣсненіи и потребности въ уравненіи вышеуказанныя обстоятельства оказывали свое дѣйствіе. Земля разверстывалась по тяглямъ, вѣнцамъ и т. п.; въ составъ одного тягла или вѣнца входили мужъ и жена, могущіе работать. Общіе передѣлы всей земли (пашни, сѣнокосовъ и пріусадебной земли) производились отъ времени до времени, въ различные сроки, частные передѣлы—обыкновенно почти каждый годъ. Сами помѣщики допускали разверстку тяголъ, по которымъ распредѣлялись всѣ повинности, не рѣже какъ черезъ два или три года. Помѣщикъ, отвѣчавшій передъ казной за запущеніе его крестьянами недоимокъ, не препятствовалъ, а иногда даже содѣйствовалъ и другимъ проявленіямъ общинной жизни, въ особенности, если они оказывались выгодными для имѣнія: извѣстны случаи, напр., когда крестьянскій міръ помогалъ своимъ обѣднѣвшимъ членамъ арендовать сосѣдніе участки казенной или частной земли и даже покупалъ себѣ землю съ дозволенія помѣщика и на его имя.

Внутренняя жизнь крестьянъ шла по обычаю; помѣщикъ предоставлялъ обыкновенно выборы должностныхъ лицъ и рѣшеніе нѣкоторыхъ мірскихъ дѣлъ (напримѣръ, раскладку податей и оброка) крестьянамъ на сходахъ ихъ. Наказаніе виновныхъ равнымъ образомъ происходило иногда „съ совѣта“, а иногда и „съ согласія“ крестьянскаго міра.

Тѣмъ не менѣе крестьянская община, конечно, не могла мѣшать помѣщику распоряжаться крѣпостными, какъ ему пожелается. И дѣйствительно, мы видимъ постоянное вмѣшательство помѣщиковъ въ жизнь ихъ крестьянъ. Помѣщики устраивали или разрѣшали ихъ браки, брали, кого нужно, себѣ въ дворню, снимали съ крестьянъ тягла или накладывали ихъ на новыхъ плательщиковъ; наконецъ, во власти помѣщика было и наказывать своихъ крѣпостныхъ.

Дѣйствительно, и самъ законъ въ этомъ послѣднемъ отношеніи своей неопредѣленностью давалъ помѣщикамъ обширныя правомочія. Размѣры карательной власти помѣщиковъ надъ крѣпостными оставались неопредѣленными до времени изданія Свода Законовъ при Николаѣ Павловичѣ, когда помѣщикамъ еще предоставлялось право употреблять домашнія средства наказанія и исправленія, по своему усмотрѣнію, лишь бы только не было увѣчія и опасности для жизни. Исторія показываетъ намъ однако постоянно и часто случаи убійствъ крѣпостныхъ помѣщиками, которыя сходили виновнымъ совершенно безнаказанно.

Положеніе крестьянъ стало особенно плохимъ съ 1767 года, когда указомъ они были лишены права подавать челобитныя на тиранство своихъ помѣщиковъ не только царю, но и мѣстному начальству; причемъ подавшимъ такія челобитныя указъ грозилъ кнутомъ и безсрочной ссылкой на каторжныя работы, съ зачетомъ ихъ владѣльцамъ въ рекруты. Въ такомъ печальномъ положеніи и жили, вѣрнѣе мучились, помѣщичьи крестьяне вплоть до своего освобожденія царемъ Александромъ II.

Сравнительно лучше жилось крестьянамъ государственнымъ. Прежде всего, въ отношеніи къ нимъ, за крайне рѣдкими въ общемъ исключеніями, никогда почти не встрѣчалось случаевъ такихъ надругательствъ и издѣвательствъ со стороны казенныхъ управителей, какія сплошь и рядомъ позволяли себѣ помѣщики по отношеніи своихъ крѣпостныхъ. Начиная съ 1700 годовъ, казна стала, по примѣру помѣщиковъ, все болѣе и болѣе вмѣшиваться въ частныя отношенія крестьянъ, сидящихъ на казенныхъ земляхъ, и во внутренніе распорядки ихъ жизни.

Какъ мы уже говорили выше, въ старину черносошные крестьяне свободно распоряжались земельными участками, ими обработанными, мѣняли ихъ, продавали, наконецъ, просто бросали на произволъ судьбы, сами уходя на другое мѣсто. Такая свобода отчужденія

участковъ и личнаго передвиженія не нравилась казнѣ, главнымъ образомъ потому, что свободно переселявшіеся крестьяне легко уклонялись отъ платежа въ казну податей и повинностей. И вотъ, чтобы легче и удобнѣе было взимать съ мужика эти окладные сборы, правительство московское, прикрѣпивъ къ землѣ помѣщичьихъ крестьянъ, равнымъ образомъ прикрѣпило къ тяглу и черносошныхъ. Все болѣе утверждаясь во взглядѣ, что земля, на которой сидятъ черносошные, является собственностью казны, правительство стало смотрѣть за тѣмъ, чтобы эта земля не выходила изъ рукъ черносошныхъ крестьянъ; къ тому же, вѣдь, и крестьяне, которые сидѣли на этой землѣ, доходы свои получали съ земли же, и безъ нея оказались бы не въ силахъ платить исправно казенныя подати. Исходя изъ этихъ соображеній, правительство со средины 17-го вѣка начало строго запрещать государственнымъ (черносошнымъ) крестьянамъ продавать ихъ земли на сторону или отчуждать ихъ другъ другу. Въ то же время оно начинаетъ заботиться о равномѣрномъ надѣленіи государственныхъ крестьянъ землею и, желая помочь малоземельнымъ своимъ крестьянамъ, настаиваетъ на проведеніи всюду общинъ и уравнительныхъ передѣловъ земли, закрѣпленной за общиной.

Раскладка и сборъ податей были предоставлены общинамъ, подъ круговой порукой всѣхъ общинниковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, начиная съ половины 18 вѣка, особыми указами признаны были завѣдывающими внутренними дѣлами обществъ государственныхъ крестьянъ мірской сходъ и выборное самоуправленіе: волостныя и сельскія правленія, съ волостными головами и сельскими старостами.

Заботясь однако, до извѣстной степени, о благосостояніи своихъ крестьянъ, именно постольку лишь, чтобы они оставались въ силахъ платить казнѣ подати, правительство въ остальномъ смотрѣло на государственныхъ крестьянъ, какъ на казенную собственность. А потому и распоряжалось ими, какъ прочимъ

своимъ имуществомъ, продавало ихъ, и раздавало вмѣстѣ съ землею частнымъ лицамъ, въ награду за службу или за особыя услуги, оказанныя царю или правительству. Такая раздача уже производилась при Петрѣ I; но особенно злоупотребляли ею Екатерина II, раздавшая за 35 лѣтъ царствованія около 800,000 душъ,—и еще болѣе императоръ Павелъ Петровичъ. За 4 года своего царствованія онъ сумѣлъ раздарить около 600,000 крестьянъ обоего пола, половину которыхъ составляли дворцовые крестьяне, жившіе по тѣмъ же правиламъ, какъ и крестьяне государственные.

Освобожденіе крестьянъ.

Первымъ серьезнымъ шагомъ въ дѣлѣ облегченія участи крестьянъ является указъ императора Павла Петровича, отъ 5 апрѣля 1798 года, которымъ было предоставлено крѣпостнымъ 4 дня въ недѣлю для обработки своихъ, а не помѣщичьихъ полей и воспрещено гонять ихъ на работу по праздникамъ.

При Александрѣ I, въ началѣ его царствованія, въ эпоху «благихъ порывовъ», возникли предположенія о распространеніи на всѣ сословія дворянской прерогативы—права владѣнія землею, населенной крестьянами, ограничивъ лишь новыхъ помѣщиковъ въ ихъ распоряженіи крѣпостными и строго урегулировавъ права старыхъ дворянъ. Уже 6 мая 1801 года по волѣ Александра I генералъ-прокуроръ Беклешовъ внесъ въ государственный совѣтъ записку, въ которой указывалось, что «донынѣ съ людьми какъ съ вещественной собственностью поступается, и ими торгъ и продажа даже публично производится», и предлагалось запретить продажу крестьянъ безъ земли. Государственный совѣтъ нашелъ однако, эту мѣру опасной и несвоевременной и остался при особомъ мнѣніи, несмотря на личное присутствіе Государя на засѣданіяхъ. Въ результатѣ этого предложенія послѣдовало лишь 18 мая того же года запрещеніе печатать въ газетахъ объявленія о продажѣ людей, и

12 декабря 1801 года разрѣшено было «не только купечеству, мѣщанству и всѣмъ, городскимъ правомъ пользующимся, но и казеннымъ поселянамъ, къ какому бы вѣдомству они не принадлежали, равномѣрно и *отпущеннымъ на волю отъ помѣщиковъ* пріобрѣтать покупкой земли». На основаніи этого закона въ 1858 году сдѣлались собственниками около 300,000 крестьянъ, огромное большинство которыхъ происходило изъ государственныхъ крестьянъ.

Въ слѣдующемъ году графъ Строгановъ предложилъ государю свой проектъ освобожденія крѣпостныхъ. Къ нему присоединился Румянцевъ, подавшій государю записку о дозволеніи помѣщикамъ освобождать цѣлыя селенія, «утверждая крѣпостнымъ порядкомъ участки или угодья за каждымъ крестьяниномъ особливо, или же всю дачу за обществомъ», на условіяхъ, согласныхъ съ государственными узаконеніями и обоюдною пользой. Выкупившіяся на волю съ землею крестьянскія общества должны были составить «*состояніе вольныхъ хлѣбопашцевъ*». Этотъ проектъ прошелъ въ государственномъ совѣтѣ, несмотря на борьбу противъ него со стороны «пѣвца Фелицы» — Державина, и 8 февраля 1803 года получилъ силу закона. Однако, созданный такимъ образомъ новый способъ освобожденія крѣпостныхъ мало примѣнялся на дѣлѣ; по крайней мѣрѣ до 1858 года перешло въ сословіе вольныхъ хлѣбопашцевъ всего 107,796 душъ помѣщичьихъ крестьянъ, начиная отъ полнаго выкупа, съ единовременной уплатой или съ разсрочкой платежа на извѣстное число лѣтъ, и кончая вѣчными обязательствами предъ различными учрежденіями, большей частью благотворительными.

Около того же времени мѣстные ландтаги прибалтійскихъ губерній подняли вопросъ объ отмѣнѣ крѣпостного права путемъ предоставленія личной свободы крѣпостнымъ, но *безъ земли*. Черезъ 10 лѣтъ Канкринъ представилъ свой проектъ постепеннаго освобожденія крестьянъ, въ которомъ впервые былъ разработанъ этотъ вопросъ достаточно полно. Тогда же знаменитая книга

Николая Тургенева «Теорія налоговъ» указала на невыгодность для государства крѣпостного права. Александръ I, внявъ всему этому, поручилъ разрѣшеніе вопроса... Аракчееву, который, со свойственнымъ ему «геройствомъ», повелъ дѣло ad majorem помѣщиковъ gloriam, предложивъ предоставить послѣднимъ право продавать крестьянъ въ казну съ надѣломъ въ 2 десятины на душу и съ оцѣнкой издѣльнаго имѣнія—представителями мѣстнаго дворянства, а оброчного имѣнія—путемъ капитализаціи оброка изъ 5 проц. Однако и этотъ проектъ, несомнѣнно выгодный для помѣщиковъ (благодаря ему, они получали возможность расплатиться съ долгами, сохранить большую часть земли и пріобрѣсти себѣ кабальныхъ рабочихъ изъ созданнаго земельнаго пролетаріата), былъ встрѣченъ сильной оппозиціею со стороны крѣпостниковъ, съ Шишковымъ во главѣ, и былъ отложенъ.

Императоръ Николай I, вступивъ на престолъ съ твердымъ намѣреніемъ улучшить положеніе крѣпостныхъ, однако, публично, манифестомъ 12 мая 1826 г., опровергъ всѣ слухи объ отмѣнѣ или даже смягченіи крѣпостного права. Помѣщикамъ рекомендовалось только христіанское и законное обращеніе съ крестьянами. Но въ то же время, 6 декабря 1826 года, былъ учрежденъ секретный комитетъ, въ задачу дѣятельности котораго по волѣ государя входило, между прочимъ, рѣшеніе вопроса о запрещеніи продавать крестьянъ безъ земли. Въ собственноручной запискѣ комитету Николай I предполагалъ, кромѣ того, еще запретить продажу и закладъ имѣній по количеству душъ и прекратить переводъ крестьянъ въ дворовые, произведя предварительно ревизію наличнаго числа послѣднихъ. На основаніи этой записки государя былъ составленъ Сперанскимъ проектъ улучшенія крестьянскаго быта Сперанскимъ были указаны, между прочимъ, мѣры къ освобожденію крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, причемъ онъ предлагалъ уничтожить личную крѣпость, какъ продуктъ позднѣйшаго злоупотребленія помѣщичьей властью, и оста-

вить одно чисто земельное прикрѣпленіе. Проектъ этотъ, равно какъ и проекты, предложенные графомъ Кочубеемъ, маркизомъ Паулучи и другими, обсуждался въ государственномъ совѣтѣ 24 и 27 марта 1830 года и былъ принятъ огромнымъ большинствомъ голосовъ, несмотря на возраженія со стороны Мордвинова и великаго князя Константина Павловича. Государь согласился съ большинствомъ, но велѣлъ еще разъ обсудить это дѣло, что и было сдѣлано государственнымъ совѣтомъ въ трехъ апрѣльскихъ его засѣданіяхъ, послѣ которыхъ было рѣшено немедленно обнародовать въ видѣ закона выработанный проектъ. Наступившій въ то же время мятежъ въ Польшѣ, однако, помѣшалъ этому, и новый законъ о состояніяхъ такимъ образомъ оказался мертворожденнымъ.

Въ тридцатыхъ годахъ выступилъ на сцену Киселевъ—этотъ «начальникъ штаба по крестьянской части», какъ называлъ его Николай I. Въ 1834 году государь просилъ Киселева помочь ему въ разработкѣ «труднѣйшихъ вопросовъ, которые онъ желалъ бы передать наслѣднику съ возможнымъ облегченіемъ при исполненіи». Въ 1835 г. былъ учрежденъ новый секретный комитетъ, «для изысканія средствъ къ улучшенію состоянія крестьянъ разныхъ званій и именованій». Ближайшей задачей комитетъ ставилъ возвращеніе къ чисто земельному прикрѣпленію, признавая окончательнымъ исходомъ свободный переходъ, т. е. безземельное освобожденіе. Но и этотъ проектъ «отцвѣлъ, не успѣвши расцвѣсть», и лишь косвеннымъ образомъ его существованіе повліяло на учрежденіе министерства государственныхъ имуществъ, вѣдомству котораго предоставлено было завѣдываніе государственными крестьянами.

Въ 1839 году, создавая новый секретный комитетъ, Николай I повелѣлъ, съ одной стороны, опредѣлить условія увольненія крестьянъ независимо отъ закона о свободныхъ хлѣбопашцахъ, а съ другой стороны, обсудить—предоставить-ли дворянству или начать съ государственныхъ имуществъ составленіе *инвентарей*. Ки-

селевымъ въ этотъ комитетъ была представлена записка, въ которой онъ отрицательно относился къ проектамъ освобожденія крестьянъ какъ безъ земли, такъ и съ землею, указывая, что въ первомъ случаѣ возникнетъ классъ бездомныхъ бобылей, вредныхъ для спокойствія государственнаго, а во второмъ случаѣ неизбѣжно послѣдуетъ «уничтоженіе самостоятельности дворянства и образованіе демократіи». Желая создать «золотую середину», Киселевъ предложилъ установить сословіе «обязанныхъ крестьянъ», т. е. устроенныхъ лично свободными, крѣпкими землѣ съмщиками послѣдней у помѣщиковъ. При этомъ, по проекту Киселева, «помѣщики, сохраняя при себѣ право вотчинной собственности на земли, предоставляютъ крестьянамъ личную свободу и затѣмъ, снабдивъ ихъ опредѣленною пропорціей земли, пользуются отъ нихъ, взамѣнъ этого, соразмѣрными повинностями или оброкомъ, положительно опредѣленнымъ по каждому имѣнію въ инвентаряхъ. Уволенные такимъ образомъ крестьяне, по отношенію къ владѣльцамъ, получаютъ названіе обязанныхъ крестьянъ». При разсмотрѣніи этого проекта въ государственномъ совѣтѣ, 30 марта 1842 г., государь произнесъ рѣчь, въ которой заявилъ, что крѣпостное право хотя и зло, но «прикасаться къ оному теперь было бы зломъ еще болѣе гибельнымъ», что «всякій помыселъ о семъ былъ бы лишь преступнымъ посягательствомъ на общественное спокойствіе и благо государства», на что самъ онъ «никогда не рѣшится». Въ виду этихъ соображеній Николай I настаивалъ прежде всего, чтобы ни одна изъ проектированныхъ Киселевымъ мѣръ не имѣла обязательнаго характера, и чтобы воспользоваться намѣченнымъ закономъ представлялось «единственно доброй волѣ и влеченію собственнаго сердца» помѣщика.

Изданный 2 апрѣля 1842 г. новый законъ объ обязанныхъ крестьянахъ оказался практически непримѣнимымъ, такъ какъ ни помѣщики, ни крестьяне не желали имъ воспользоваться. За все время царствованія Николая I было выпущено на положеніе обязанныхъ

крестьянъ всего 24,708 душъ мужского пола (графомъ М. П. Воронцовымъ, графомъ Витгенштейномъ и графами Потоцкими). Дѣлу не помогла даже личная просьба государя къ смоленскому дворянству о большемъ примѣненіи закона объ обязанныхъ крестьянахъ. Смоленскій губернскій предводитель князь Друцкой-Сокольницкій въ отвѣтъ на это подалъ государю докладную записку, въ которой объяснилъ, что цѣль указа 1842 г. очень хорошо понята дворянствомъ, но никто не могъ имъ воспользоваться по независящимъ отъ дворянъ причинамъ, именно, во-первыхъ, потому, что народъ не понимаетъ освобожденія безъ земли и разумѣетъ подъ свободой полную независимость, а во-вторыхъ, самые договоры окажутся ничѣмъ въ крѣпости своей необезпеченными. „Владѣльцы искренне желали бы пользоваться произведеніями своей земли безъ тяжелой обязанности пещись о своихъ крѣпостныхъ людяхъ. Но чтобы выйти изъ нынѣшняго положенія, необходимо, чтобы какъ владѣльцы, такъ и крестьяне не зависѣли другъ отъ друга и, не будучи связаны, какъ теперь, нуждались одинаково другъ въ другѣ: помѣщикъ—въ работникѣ, крестьянинъ—въ землѣ и работѣ. А этого результата можно достигнуть не прежде, *какъ когда крестьяне не будутъ крѣпки къ землѣ*“.

Остальное время своего царствованія Николай I велъ противъ крѣпостного права, по выраженію Заболоцкаго-Десятовскаго, лишь „партизанскую войну“, считая своей обязанностью, какъ выражался самъ въ письмахъ къ графу Киселеву, лишь *подготовить преобразованіе крѣпостного права для наслѣдника*.

Севастопольская гроза, открывшая съ излишней даже очевидностью глиняныя ноги у „россійскаго исполина“, указала настоятельную необходимость полнаго преобразованія основъ государственной жизни. Про наслѣдника цесаревича Александра Николаевича еще въ послѣднее время царствованія его отца было извѣстно, что онъ вообще за отмѣну крѣпостного права. Вско-

рѣ по восшествіи его на престолъ факты подтвердили эти ожиданія.

Въ 1856 году Александръ II сказалъ московскому дворянству, между прочимъ, слѣдующее:— „Господа, вы знаете, существующій порядокъ владѣнія душами не можетъ оставаться неизмѣннымъ. Лучше отмѣнить крѣпостное право сверху, нежели дождаться того времени, когда оно само собою начнетъ отмѣняться снизу". Эти слова не оставляли уже никакого сомнѣнія во взглядахъ молодого царя. Министръ внутреннихъ дѣлъ Ланской, пригласивъ себѣ въ товарищи Левшина, при содѣйствіи Ростовцева и Чевкина, принялся за подготовительныя работы для великой реформы. Уже 7 апрѣля государю была подана объ этомъ записка Левшинымъ, въ концѣ которой помѣщенъ былъ прямой вопросъ: „долженъ ли министръ постоянно стремиться къ главной цѣли освобожденія помѣщичьихъ крестьянъ и представлять частныя мѣры къ достиженію оной или ожидать общаго плана". Резолюція государя на эту записку гласила: „Постепенныя мѣры въ этомъ смыслѣ должны быть предпринимаемы, но вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо заняться и общимъ планомъ, дабы дѣйствовать систематически и съ большей осторожностью".

3 января 1857 года былъ образованъ секретный „особый комитетъ", подъ предсѣдательствомъ убѣжденнаго крѣпостника кн. Орлова; членами этого комитета избраны были несвѣдующіе въ крестьянскомъ дѣлѣ (тогда) Ростовцевъ и Чевкинъ, лица престарѣлыя (Блудовъ и Ланской), индиферентный бар. Корфъ, и прямо враждебные реформѣ А. М. Муравьевъ, шефъ жандармовъ Долгоруковъ и кн. Гагаринъ. На вопросъ государя,—наступило ли время освобождать крестьянъ—всѣ, впрочемъ, отвѣтили, что оно наступило, указывая, однако, на необходимость вести дѣло осторожно и поручивъ своимъ тремъ членамъ (Ростовцеву, Корфу и Гагарину) предварительную разработку вопроса. Всѣ трое составили каждый особый проектъ освобожденія крестьянъ. Ростовцевъ стоялъ на точкѣ зрѣнія добро-

вольныхъ соглашеній съ крестьянами на расширенной основѣ законовъ 1802 и 1842 гг. Корфъ совѣтовалъ прежде всего пригласить дворянство по губерніямъ высказать свое мнѣніе о средствахъ къ достиженію цѣли. Князь же Гагаринъ прямо предлагалъ „даровать помѣщикамъ право освобождать крестьянъ цѣлыми селеніями *безъ условій и безъ земли*“. Принимавшій горячее участіе въ крестьянскомъ вопросѣ Левшинъ подалъ 26-го іюля 1857 года новую записку Главная суть ея была—предоставленіе крестьянамъ участковъ земли, которые бы они сами постепенно выкупали у помѣщика работой и деньгами, а когда выкупъ этотъ кончится, признать землю крестьянской, а крестьянъ свободными. Возна: ражденіе за *личность* освобождаемыхъ крестьянъ Левшинъ считалъ возможнымъ дать помѣщикамъ лишь въ замаскированной формѣ выкупа усадебной осѣдлости, предполагая въ тоже время вводить новый порядокъ лишь „постепенно по губерніямъ, начавъ съ губерній западныхъ и пограничныхъ, болѣе подготовленныхъ къ принятію свободы“.

Съ августа того же года въ члены комитета былъ назначенъ великій князь Константинъ Николаевичъ, горячій сторонникъ реформы. Но, несмотря на это, 18 августа комитетъ „пришелъ къ положительному убѣжденію, что нынѣ невозможно приступить къ общему освобожденію крѣпостныхъ“, такъ какъ къ этому „не только помѣщики и крестьяне, но даже и само правительство не приготовлены“. Намѣреніе членовъ государственнаго совѣта провалить реформу было слишкомъ очевидно.

Государь, однако, настоялъ на своемъ. Въ концѣ октября того же 1857 года пріѣхалъ въ Петербургъ генералъ-губернаторъ Назимовъ и привезъ мнѣнія дворянства сѣверозападныхъ губерній объ установленіи его отношеній къ крестьянамъ. Дворяне Виленской, Гродненской и Ковенской губерній, занимаясь въ особыхъ комитетахъ пересмотромъ дѣйствовавшихъ здѣсь инвентарей, т. е. записей, опредѣлявшихъ точно повин-

ности крестьянъ въ пользу землевладѣльцевъ,—нашли необходимымъ, для упорядоченія своихъ отношеній къ крестьянамъ, освободить ихъ отъ крѣпостной зависимости, сохранивъ однако неприкосновенными права помѣщиковъ на земли. Результатомъ ознакомленія Александра II съ этими проектами былъ рескриптъ Назимову 20-го ноября 1857 года, *съ котораго начинается официальная исторія освобожденія крестьянъ*. Опираясь на послѣднюю записку Левшина, государь, по желанію дворянства литовскихъ губерній, въ рескриптѣ этомъ устанавливалъ созваніе въ нихъ губернскихъ комитетовъ для составленія проектовъ, „на основаніи которыхъ предположенія комитетовъ могутъ быть приведены въ дѣйствительное исполненіе, дабы не нарушить существующаго нынѣ хозяйственнаго устройства помѣщичьихъ имѣній". Въ рескриптѣ было указано далѣе на организацію работъ дворянства для осуществленія плана, и начертаны тѣ начала, которыя должны были служить руководствомъ при улучшеніи быта крестьянъ. Черезъ 15 дней послѣ рескрипта Назимову поступило прошеніе с.-петербурскаго дворянства о дозволеніи ему приступить къ составленію предположеній объ улучшеніи быта ихъ крестьянъ. Отвѣтомъ на него явился новый рескриптъ отъ 5 декабря 1857 г. на имя Игнатьева, въ общемъ схожій съ назимовскимъ. Вслѣдъ за этимъ министръ внутреннихъ дѣлъ Ланской, по совѣту великаго князя Константина Николаевича, захватилъ секретный комитетъ врасплохъ и вырвалъ у него постановленіе разосдать текстъ рескрипта всѣмъ губернаторамъ. Текстъ этотъ, а равно циркуляръ Ланскаго, отпечатали въ теченіе одной ночи и на другой же день разослали. Князь Орловъ на завтра спохватился, но было уже поздно. Въ циркулярѣ своемъ Ланской увѣдомлялъ губернаторовъ и предводителей дворянства, что правительство не скрываетъ своихъ видовъ и даже желаетъ, чтобы были извѣстны начала, которыми оно руководствуется въ тѣхъ случаяхъ, когда дворянство само вызывается содѣйствовать устройству быта поселянъ.

Первымъ послѣ петербургскаго, отозвалось на такое увѣдомленіе нижегородское дворянство, которое убѣдилъ сдѣлать этотъ шагъ мѣстный губернаторъ Муравьевъ (декабристъ). Значительно отстало въ этомъ дѣлѣ московское дворянство,—особенно благодаря противодѣйствію новому дѣлу со стороны московскаго ген. губернатора Закревскаго, которому государь былъ вынужденъ стороной высказать свое неудовольствіе за это. Только тогда, 7 января 1858 года, московское дворянство подало прошеніе объ открытіи комитета, но лишь для составленія такихъ правилъ, „которыя комитетомъ будутъ признаны общеполезными и удобными для мѣстностей Московской губерніи". Но это замѣчаніе встрѣтило отпоръ со стороны государя, который въ рескриптѣ Закревскому 16 января отмѣтилъ, что правительство признаетъ необходимымъ, чтобы предположеніе это „было составлено на тѣхъ же началахъ, кои указаны уже дворянству другихъ губерній".

Затѣмъ наступилъ перерывъ; только съ марта мѣсяца начали поступать (вплоть до октября 1858 года) ходатайства дворянъ и другихъ губерній объ учрежденіи у нихъ губернскихъ комитетовъ объ устройствѣ быта помѣщичьихъ крестьянъ. Какъ замѣчаетъ однако современникъ и крупный дѣятель по освобожденію крестьянъ—Левшинъ,—ходатайства эти имѣли своимъ источникомъ, не увлеченіе новымъ дѣломъ и его одобреніе, „а невозможность какой-либо губерніи отстать отъ другихъ и напоминанія, дѣлаемыя министерствомъ губернаторамъ; чистосердечнаго на убѣжденіи основаннаго вызова освободить крестьянъ не было ни въ одной губерніи".

Рядомъ рескриптовъ, въ общемъ одинаковаго содержанія, на эти ходатайства была заявлена всенародно воля Александра II порѣшить съ однимъ изъ видовъ неправды, пустившей глубокіе корни въ почвѣ нашего отечества. Вслѣдъ за рескриптами послѣдовали избранія въ члены дворянскихъ комитетовъ, по одному или по два съ каждаго уѣзда, и открытія комитетовъ въ

разныхъ губерніяхъ. Всего было открыто такимъ образомъ 48 губернскихъ комитетовъ, въ составѣ 1377 членовъ. Предметы занятій этихъ комитетовъ были указаны имъ главнымъ комитетомъ по крестьянскому дѣлу (созданнымъ изъ указаннаго выше секретнаго комитета). А именно, первоначальная обязанность, возложенная на эти комитеты, заключалась въ изысканіи способовъ къ улучшенію быта помѣщичьихъ крестьянъ на основаніяхъ, указанныхъ въ рескриптахъ, и въ начертаніи общаго объ этомъ положенія.

Вопросъ о порядкѣ и способахъ надѣленія крестьянъ землею, не былъ выясненъ достаточно точнымъ образомъ въ первыхъ рескриптахъ Александра II, данныхъ имъ дворянствамъ отдѣльныхъ губерній при организаціи губернскихъ комитетовъ. Здѣсь въ этомъ отношеніи было положено въ основу намѣченной реформы общее правило что помѣщикамъ сохраняется право собственности на всю землю, но крестьянамъ оставляется ихъ усадебная осѣдлость, которую они въ теченіе опредѣленнаго времени пріобрѣтаютъ въ свою собственность путемъ выкупа; сверхъ того предоставляется въ пользованіе крестьянамъ «надлежащее, по мѣстнымъ удобствамъ для обезпеченія ихъ быта и для выполненія ихъ обязанностей передъ правительствомъ и помѣщикомъ, количество земли, за которое они или платятъ оброкъ, или отбываютъ работу помѣщику».

Въ скоромъ времени даже нѣкоторые губернскіе комитеты указали правительству на неудовлетворительную постановку вопроса о надѣленіи крестьянъ землею, въ смыслѣ чрезмѣрнаго отягощенія послѣднихъ на пользу помѣщиковъ. Такимъ образомъ, напр., большинство членовъ тверского губернскаго комитета, равно какъ и тверской губернскій предводитель дворянства А. М. Унковскій, замѣтили, что постановленія этихъ рескриптовъ не обезпечиваютъ ни свободы крестьянъ, ни права собственности помѣщиковъ; неразрывно связанные вѣчнымъ крестьянскимъ пользованіемъ помѣщичьей землею,

крестьяне и помѣщики будутъ вовлечены въ безконечныя тяжбы другъ съ другомъ безъ всякой возможности сдѣлать взаимныя уступки или разойтись добровольно. Точно также нижегородское дворянство, далеко не либеральное, выразило желаніе отдать крестьянамъ ихъ фактическій надѣлъ на выкупъ уже при ходатайствѣ объ открытіи губернскаго комитета.

Въ теченіи 1858 и половины 1859 года поступали въ мин. внутр. дѣлъ составленные губ. комитетами проекты, вмѣстѣ съ которыми изъ многихъ губерній были доставлены еще особыя записки по разнымъ вопросамъ, написанныя отдѣльными членами или комитетскимъ меньшинствомъ. Послѣ составленія проектовъ губернскіе комитеты были закрыты.

Разсматривая содержаніе этихъ проектовъ и мнѣній, мы прежде всего замѣчаемъ, что самый вопросъ *о личномъ* освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости не вызвалъ особенныхъ споровъ. Дворянство всѣхъ губерній высказалось за отмѣну права помѣщика на личность крестьянина. Передъ дворянствомъ стоялъ блестящій примѣръ западной Европы, сдѣлавшей, по отмѣнѣ тамъ крѣпостного права, крупные успѣхи въ области сельскаго хозяйства. Не было особыхъ разногласій и относительно правъ, которыя естественно вытекали изъ личной свободы поселянина, т. е. напр., личныя, семейственныя, обязательственныя права освобожденныхъ крестьянъ,—все это мало затрагивало интересы помѣщиковъ, чтобы возбудить особыя пререканія по этимъ вопросамъ среди губернскихъ комитетовъ. Самый спорный вопросъ въ новыхъ начинаніяхъ былъ въ установленіи отношеній лично—свободнаго крестьянина къ землѣ, которой онъ пользовался ранѣе, какъ крѣпостной. Дать поселянину личную свободу безъ признанія за нимъ права на землю значило поставить помѣщика въ лучшія условія, а крестьянъ въ худшія, чѣмъ до отмѣны крѣпостного права. Пустить 20 милліоновъ крестьянъ на всѣ четыре стороны безъ земли—значило бы снять съ помѣщика тѣ

обязанности по прокормленію крестьянъ, которыя лежали на немъ ранѣе, и поставить его лицомъ къ лицу съ сельскимъ вольнонаемнымъ рабочимъ, рабочимъ безземельнымъ, который заключая „свободный“ договоръ съ землевладѣльцемъ, долженъ былъ бы, въ силу своей необезпеченности, принять все, что нанимателю будетъ угодно ему дать; это значило бы создать множество дешевыхъ рукъ въ сельско-хозяйственной промышленности.

Дворянство понимало это, и вопросъ о правѣ собственности помѣщиковъ на землю сдѣлался однимъ изъ наиболѣе острыхъ и трудно разрѣшимыхъ въ проектахъ губернскихъ комитетовъ.

Очень обстоятельно обрисовалъ отличительные признаки дѣятельности комитетовъ министръ внутреннихъ дѣлъ Ланской въ своемъ отчетѣ государю въ августѣ 1859 г. Въ большинствѣ представленныхъ комитетами предположеній—говоритъ Ланской, не замѣчается безпристрастнаго соблюденія интересовъ обоихъ сословій, нѣтъ даже яснаго пониманія самыхъ выгодъ помѣщиковъ. Въ нихъ выразилось стремленіе къ безземельному освобожденію крестьянъ, и въ то же время затрудняются имъ переходы. Составители проектовъ жалуются, что, по неимѣнію капиталовъ, и земли ихъ останутся безъ рукъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшаютъ надѣлы. Въ развитіи частностей замѣтно отсутствіе практическаго приложенія и незрѣлость сужденій: съ одной стороны, комитеты вдались въ мелочныя подробности, напр., опредѣляютъ вершками глубину пашни, съ другой выходятъ изъ круга своихъ обязанностей и возбуждаютъ посторонніе вопросы о соединеніи вѣдомствъ, объ откупной системѣ, и т. п. Нѣтъ также и примѣнимости къ мѣстнымъ условіямъ крестьянскаго быта. Положенія разнятся въ тѣхъ частяхъ, которыя должны быть общія для всей Россіи: въ личныхъ правахъ крестьянъ, въ устройствѣ обществъ,—и на оборотъ, сходятся въ томъ, въ чемъ должны были бы отразиться мѣстныя различія, а именно въ надѣлѣ и въ

повинностяхъ.... Съ сожалѣніемъ должно сознаться, что комитетскія положенія не разрѣшаютъ крестьянскаго вопроса и знакомятъ только съ тѣмъ, какъ смотритъ на него большинство дворянства".

Въ цѣляхъ болѣе подробнаго изложенія особенностей мнѣній комитетовъ, Ланской отмѣчаетъ три главнѣйшихъ мнѣнія, къ которымъ, по группамъ, подходятъ мнѣнія отдѣльныхъ комитетовъ: „Первое мнѣніе тѣхъ, кои мало оказывали сочувствія къ освобожденію крестьянъ, побуждаемые къ тому личными матеріяльными выгодами помѣщика. Нельзя подвергать ихъ безусловному и строгому осужденію. Большинство изъ нихъ, рожденные и воспитанные въ понятіяхъ крѣпостного права, не могутъ постигнуть настоятельной нужды преобразованія и ждутъ отъ него неминуемыхъ потерь. Напуганное воображеніе рисуетъ въ будущемъ разореніе и нищету какъ ихъ, такъ и ихъ потомковъ. Хотя всѣ губернскіе комитеты первой статьей своихъ положеній единогласно постановили отреченіе отъ крѣпостного права, но тайное направленіе къ удержанію своихъ правъ, подъ разными видами, встрѣчается почти во всѣхъ комитетахъ. Начальныя дѣйствія противниковъ освобожденія состояли въ томъ что они пытались остановить всякое движеніе по крестьянскому вопросу, стараясь пугать правительство предвѣщаніями бунта. Убѣдившись въ неудачѣ остановить реформу, люди несочувствующіе стали заботиться о томъ, чтобы дать ей оборотъ, какъ можно болѣе выгодный для помѣщиковъ. Сначала они домогались выкупа за личность крестьянъ, возлагая его или на самихъ крестьянъ, или на правительство, или на всѣ сословія государства. Не достигнувъ этой цѣли, въ настоящее время они или стараются сохранить барщинный трудъ и черезъ сіе власть помѣщика надъ крестьянами, или же, соглашаясь на безусловное освобожденіе личности крестьянина и восхваляя свободу труда, желаютъ всячески уменьшить крестьянскіе надѣлы и ограничить пользованіе крестьянъ землями, обезпеченное имъ царскими указами, однимъ пе-

реходнымъ временемъ (12 лѣтъ), съ тѣмъ чтобы по истеченіи этого времени земля поступала отъ крестьянъ къ помѣщикамъ обратно. Особенно горячими защитниками этого мнѣнія были комитеты — Воронежскій, Костромской, Курскій и Тамбовскій".

Что касается второго мнѣнія, то по отзыву Ланского, это направленіе „чисто сословнаго интереса. Оно нашло себѣ приверженцевъ всего болѣе между знатными и богатыми нашими помѣщиками. Поставляя на первый планъ сословные интересы дворянства, желаютъ создать у насъ дворянскую поземельную аристократію, подобно англійской... За предоставленныя крестьянамъ въ собственность усадьбы и въ пользованіе полевыя угодья, оставляютъ за помѣщикомъ подъ названіемъ „вотчинныхъ правъ", особыя, чуждыя доселѣ нашему законодательству права, напоминающія средневѣковыя феодальныя привилегіи на западѣ [1]).

Но и такое ограниченное признаніе правъ крестьянъ на поземельное владѣніе есть, со стороны этого направленія, только уступка правительству и общественному мнѣнію; настоящая же цѣль, которой держались люди этого мнѣнія весьма сознательно и настойчиво, есть освобожденіе крестьянъ безъ земли. Они увлекаются сословнымъ интересомъ, не принимая въ соображеніе различія времени и обстоятельствъ. Мало зная Россію и почти не постигая всѣхъ условій крестьянскаго быта, не видятъ, къ какимъ гибельнымъ послѣдствіямъ могло бы привести все государство такое направленіе, еслибъ оно осуществилось". Сторонниками этого мнѣнія явились члены петербургскаго комитета, „особы приближенныя къ царю, и члены главнаго комитета".

Наконецъ, сторонники третьяго мнѣнія желали полнаго уничтоженія крѣпостного права и надѣленія

[1]) т. е. принадлежавшія тогда полновластнымъ знатнымъ господамъ, свободнымъ и отъ императорской власти, — право, какъ хотятъ, по личному произволу, судить и рядить крестьянъ, сидѣвшихъ на ихъ земляхъ.

крестьянъ землею. „Мнѣнія ихъ, будучи плодомъ самостоятельныхъ убѣжденій, пріобрѣтенныхъ труднымъ путемъ долговременнаго и всесторонняго изученія предмета, расходясь въ подробностяхъ, единогласно защищаютъ совершенную отмѣну помѣщичьей власти и выкупъ, обязательный и необязательный, всего или части крестьянскаго надѣла въ полную собственность на условіяхъ, по возможности умѣренныхъ".

Въ обществѣ, окружавшемъ государя, было мало сочувствія дѣлу освобожденія крестьянъ. Можно прямо сказать, что кромѣ императрицы Маріи Александровны и великой княжны Елены Павловны, искренними сторонниками плановъ государя насчетъ освобожденія крестьянъ были лишь великій князь Константинъ Николаевичъ, генералъ-адъютантъ Я. И. Ростовцевъ и министръ внутреннихъ дѣлъ Ланской. Министръ государственныхъ имуществъ М. Н. Муравьевъ и государственный секретарь В. И. Бутковъ въ 1857 г. даже разъѣзжали по Россіи и прямо агитировали противъ предпринимавшейся реформы. Даже большинство членовъ созданнаго 8 января и 18 февраля 1858 года главнаго комитета по крестьянскому дѣлу, которому поручено было дѣло освобожденія крестьянъ (напр. Орловъ, Адлербергъ, Панинъ), заботилось о томъ лишь, чтобы по возможности замедлить ходъ дѣла, и если представится возможность, то и прямо похоронить въ морѣ бумагъ, или, въ случаѣ неуспѣха, постепенно подготовить освобожденіе крестьянъ, но безъ земли. Чтобы бороться противъ такой дѣятельности противниковъ реформы, императоръ Александръ II вынужденъ былъ самъ предпринять нѣсколько поѣздокъ по губернскимъ городамъ, гдѣ онъ въ рядѣ рѣчей заявилъ свою непремѣнную волю довести начатое дѣло до конца.

Въ Москвѣ онъ сдѣлалъ дворянамъ выговоръ за медленность въ дѣлѣ созыва губернскаго комитета и за несочувствіе дѣлу освобожденія. Въ Твери онъ сказалъ, что изъ членовъ губернскихъ комитетовъ будутъ вызваны по два депутата въ Петербургъ, въ главный

комитетъ. Всюду онъ заявлялъ про свое твердое намѣреніе освободить крестьянъ, не взирая ни на какія препятствія, лично убѣждаясь въ то же время, что и среди дворянства есть много поборниковъ освобожденія.

Къ этому времени особенно усиливается вліяніе Я. И. Ростовцева на государя. Призванный къ дѣлу освобожденія крестьянъ совершенно къ этому неподготовленнымъ, Ростовцевъ первоначально поддавался вліянію реакціонныхъ элементовъ комитета. Но позднѣе, подъ вліяніемъ государыни Маріи Александровны и особенно великой княгини Елены Павловны – горячей и энергичной сторонницы освобожденія, онъ сталъ серьезно изучать крестьянское дѣло и у насъ, и на Западѣ, и увлекшись имъ, буквально отдалъ всю жизнь свою и здоровье великому дѣлу освобожденія. Развитіе новыхъ взглядовъ Ростовцева на крестьянскій вопросъ видно изъ его четырехъ „всеподданнѣйшихъ писемъ“, написанныхъ государю изъ-за границы. Горячій тонъ, ихъ искренность увлекли и государя. Какъ только осенью оба они вернулись въ Петербургъ, между ними начались совѣщанія о томъ, чтобы провести идею „всеподданнѣйшихъ писемъ“—объ освобожденіи крестьянъ съ достаточно обезпечивающимъ каждаго земельнымъ надѣломъ—въ формѣ высочайшихъ повелѣній. Къ совѣщаніямъ этимъ приглашенъ былъ и Ланской. Результаты совѣщаній проведены были въ Высочайше утвержденныхъ 26 октября и 4 декабря 1858 г. журналахъ засѣданій главнаго комитета, согласно которымъ была установлена новая программа крестьянской реформы. Здѣсь было указано, между прочимъ, что крѣпостные крестьяне немедленно получаютъ всѣ права свободныхъ сельскихъ сословій и присоединяются къ ихъ составу; власть надъ личностью крестьянина принадлежитъ міру, а „помѣщикъ долженъ имѣть дѣло только съ міромъ, не касаясь личностей“. Вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо стараться, чтобы крестьяне постепенно дѣлались „поземельными собственниками“, и что „срочно-обязанное положеніе прекращается какъ для міра вообще, такъ и

для крестьянина отдѣльно, когда они или цѣлымъ обществомъ, или по одиночкѣ выкупятъ у помѣщика ту землю, которая вслѣдствіе Высочайшихъ рескриптовъ будетъ имъ опредѣлена въ пользованіе, или когда крестьянинъ выкупитъ у помѣщика такія угодья, которыя, на основаніи тѣхъ же рескриптовъ, могутъ обезпечивать ему исправную уплату податей и повинностей". Эти положенія легли теперь главной основой реформы.

26 января 1859 г. Ростовцевъ положилъ начало учрежденію трехъ редакціонныхъ комиссій—одной для выработки общихъ, другой- для выработки мѣстныхъ крестьянскихъ положеній и третьей—финансовой, для разработки вопроса о выкупѣ. Членами этихъ комиссій было назначено 18 чиновниковъ и 18 экспертовъ, предсѣдателемъ—Ростовцевъ. Изъ числа членовъ большинство составляли сторонники освобожденія; къ противникамъ принадлежало 5 членовъ-экспертовъ и одинъ членъ отъ правительства.

Вскорѣ послѣ ихъ открытія комиссіи были преобразованы такимъ образомъ, что первая была раздѣлена на юридическое и административное отдѣленіе, а вторая превращена въ хозяйственное отдѣленіе. Каждое отдѣленіе выбрало своего предсѣдателя (Жуковскій, Булгаковъ, Милютинъ). Члены, взявшіе на себя предварительную разработку докладовъ, получили названіе редакторовъ. Дѣятельность комиссій состояла въ сопоставленіи переданныхъ сюда изъ земскаго отдѣла министерства внутреннихъ дѣлъ мнѣній губернскихъ комитетовъ и „обзорѣ основаній", къ которымъ сводились эти мнѣнія; затѣмъ слѣдовалъ сводъ замѣчаній, сдѣланныхъ губернаторами, министерствомъ внутреннихъ дѣлъ и членами главнаго комитета, послѣ того соображенія отдѣленія и, наконецъ, окончательный выводъ, въ формѣ параграфовъ законопроекта. „Труды комиссій" печатали въ количествѣ 3,000 экземпляровъ и разсылали губернаторамъ и предводителямъ. Комиссіи работали чрезвычайно быстро подъ давленіемъ Ростовцева, который,

опираясь на волю Государя, велъ себя въ комиссіяхъ, какъ диктаторъ.

5-го марта 1859 года предсѣдатель редакціонныхъ комиссій Я. И. Ростовцевъ предложилъ имъ на обсужденіе нѣсколько мыслей, которыя, какъ *основныя*, небезполезно было принять въ соображеніе. Эти основныя мысли Ростовцева, устами котораго говорилъ самъ императоръ, были слѣдующія: 1) Вопросъ о прекращеніи крѣпостного состоянія долженъ быть рѣшенъ мирно и со строгой справедливостью для обѣихъ сторонъ—дворянъ и крестьянъ. 2) Одновременно съ личнымъ освобожденіемъ крестьяне должны получить возможность пріобрѣтать отъ помѣщиковъ землю по добровольному съ ними соглашенію. 3) Въ составъ выкупаемыхъ земель должны входить, какъ усадебныя, такъ и полевыя и другія угодья. 4) Продолженіе обязательныхъ барщинныхъ повинностей, хотя и срочное, будетъ для крестьянъ тягостно, а потому нужно не только строго упорядочить ихъ, но и стараться о скорѣйшемъ ихъ прекращеніи. 5) Правительство обѣщаетъ посредничество крестьянамъ при выкупѣ ими земли у помѣщиковъ. 6) Вопросъ объ общинномъ или личномъ владѣніи крестьянъ выкупленными землями долженъ быть рѣшенъ согласно съ мѣстными особенностями; онъ долженъ быть предоставленъ своему естественному теченію; принужденіе со стороны правительства не должно имѣть мѣста.

Члены комиссіи, выслушавъ эти предложенія, приняли ихъ единогласно и дѣйствительно положили ихъ въ основаніе созданной ихъ трудами крестьянской реформы.

Послѣ такихъ категорическихъ заявленій правительства о необходимости отпущенія крестьянъ на волю съ землею и съ предоставленіемъ имъ права выкупать надѣлы, лица, враждебныя реформѣ, употребили всѣ свои усилія преимущественно на то, чтобы по возможности ослабить ея значеніе путемъ организаціи серьезныхъ нападеній на частности, чтобы допустить част-

ности въ реформѣ съ такими ограниченіями, при которыхъ отъ общихъ началъ осталась одна буква. Много нужно было употребить трудовъ и усилій сторонникамъ реформы, чтобы спасти ее отъ крушенія въ борьбѣ противъ похода на нее со стороны крѣпостниковъ.

Весь центръ тяжести реформы лежалъ въ установленіи отношеній лично свободнаго крестьянина къ землѣ, которой онъ раньше пользовался, какъ крѣпостной. И дѣйствительно, вопросъ о правѣ собственности помѣщиковъ на землю сдѣлался предметомъ страстныхъ обсужденій въ засѣданіяхъ редакціонныхъ комиссій. Большая часть членовъ, приглашенныхъ туда отъ губернскихъ комитетовъ, истощала свое краснорѣчіе, доказывая, что помѣщики должны сохранить право полной собственности на землю. Наиболѣе яркимъ выразителемъ стремленій большинства лицъ, враждебныхъ реформѣ, явился кн. Гагаринъ въ своемъ полномъ софизмовъ мнѣніи, высказанномъ имъ въ комиссіяхъ. Дворянство,—говорилъ онъ здѣсь,—доказало свое безкорыстіе, свою готовность служить благу страны единогласнымъ отказомъ отъ права на личность крѣпостного. Пока высшая власть требовала только этого, до тѣхъ поръ она дѣйствовала во имя добра и справедливости. Но согласіе дворянъ не идетъ дальше этого; дворяне требуютъ признанія за собою исключительнаго права собственности на землю; законъ изстари охраняетъ это право, а потому онъ не долженъ, вопреки согласію всѣхъ, принимать на себя иниціативу его упраздненія. Редакціонныя комиссіи хотятъ отмѣнить это право, а законъ охраняетъ его. Неужели комиссіи стоятъ выше закона? Споліаціи помѣщичьихъ земель въ пользу крестьянъ—вотъ чего требуютъ редакціонныя комиссіи!—восклицаетъ князь. „Между тѣмъ право собственности не можетъ и не должно быть при томъ потрясаемо: оно есть высшее право; оно не создано государствомъ, а предшествовало ему; оно есть родовое начало въ жизни народа; государство и законъ, призванные къ его охраненію, не могутъ располагать добромъ, имъ ввѣреннымъ“. Отмѣна

этого права, по предсказанію князя, должна повлечь за собою всеобщія смуты и лишить власть ея жизненной силы.

Редакціонныя комиссіи спокойно выслушивали эти витіеватыя фразы и слѣдовали плану, начертанному державной волей. Сознаніе правительства о необходимости надѣлить освобожденныхъ крестьянъ землею было такъ глубоко, что всѣ усилія противниковъ оказались тщетными. Когда это сдѣлалось очевиднымъ, стрѣлы крѣпостниковъ направились на возможное урѣзаніе крестьянскаго надѣла. Большинство стояло за то, чтобы отвести крестьянамъ въ надѣлъ меньшую площадь земли, чѣмъ та, которой они пользовались при крѣпостномъ правѣ. Одни мотивировали свое предложеніе невозможностью для помѣщика вести хозяйство при наличеніи крестьянъ большими участками; другіе, прикрывая эти побужденія, выставляли на показъ свои доброжелательныя чувства: будетъ у крестьянъ много земли,—говорили они—и исчезнутъ всѣ мотивы къ усовершенствованію хозяйства; у крестьянина мало капитала; дать ему много земли значитъ заставить его разбрасывать капиталъ по слишкомъ большой площади и собирать только скудные урожаи. Иные приводили факты значительнаго благосостоянія крестьянъ при маломъ земельномъ надѣлѣ и т. д.

Несмотря на всю оппозицію въ этомъ отношеніи, редакціонныя комиссіи рѣшили оставить крестьянамъ существующіе надѣлы, если только они не оказывались слишкомъ малы или слишкомъ велики. Къ слишкомъ малымъ надѣламъ предполагалось сдѣлать прирѣзку, слишкомъ большіе—убавить. Что считать за слишкомъ большой или слишкомъ малый надѣль, комиссіи опредѣляли отдѣльно. Именно для этой цѣли вся Россія была раздѣлена ими на три полосы—черноземную, нечерноземную и степную; каждая изъ этихъ полосъ дробилась въ свою очередь на нѣсколько мѣстностей, и для каждой мѣстности былъ указанъ особый maximum

и minimum подлежащихъ сохраненію существующихъ надѣловъ.

Какъ читаемъ мы по этому поводу въ „объясненіяхъ“ редакціонныхъ комиссій, „мысль искусственнаго сокращенія крестьянскихъ надѣловъ не только не раздѣлялась редакціонными комиссіями, но онѣ еще полагали, что осуществленіе этой мысли противорѣчило бы здраво понятымъ экономическимъ интересамъ всей страны и всѣхъ сословій и не могло бы не быть сопряжено съ значительными опасностями для будущаго развитія общественной жизни. Какъ бы ни были основательны надежды на будущее экономическое развитіе, но трудно, или, лучше сказать, невозможно приносить въ жертву настоящее вѣрное поземельное обезпеченіе огромнаго населенія въ 23 милліона людей одному расчету на будущее улучшеніе его средствъ къ жизни, вслѣдствіе развитія промышленной дѣятельности и вольнаго труда. Еще труднѣе полагать, чтобы такое правильное и безболѣзненное развитіе не иначе могло быть подготовлено, какъ посредствомъ предварительнаго сокращенія всѣхъ вещественныхъ средствъ рабочаго класса, даже посредствомъ положительнаго отобранія у него земли, т. е. изъятія изъ его рукъ значительной доли самаго обычнаго и самаго любимаго имъ орудія производства. Трудно думать, чтобы мгновенный, ничѣмъ не подготовленный переломъ въ образѣ обычнаго пользованія землею, который при томъ предполагается совершить насильственно въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ, могъ послужить къ прочному и правильному водворенію народнаго благосостоянія и быть необходимымъ условіемъ экономическаго развитія. Подобныя умозрѣнія едва ли было бы благоразумно осуществлять на опытѣ въ дѣйствительной жизни“.

Допустимость отобранія отъ крестьянъ части ихъ фактическаго надѣла и присоединенія ихъ къ землямъ, остающимся въ непосредственномъ распоряженіи помѣщика, ограничена была Я. И. Ростовцевымъ въ его предсмертной запискѣ отъ 6-го февраля 1860 г. на имя

государя, тѣми лишь случаями, когда „крестьяне, по щедрости или беззаботности помѣщиковъ, надѣлены такимъ избыткомъ земли, что даже не могутъ извлечь изъ него истинной пользы".

Опредѣляя размѣръ крестьянскаго надѣла, редакціонныя комиссіи должны были бороться вмѣстѣ съ тѣмъ съ стремленіемъ очень многихъ губернскихъ совѣщаній и депутатовъ перваго и второго призывовъ— провести принципъ обязательнаго вознагражденія казной помѣщиковъ за стоимость *личности* отпускаемыхъ на волю крестьянъ, а равно получить возможно болѣе высокое вознагражденіе за уступаемыя крестьянамъ земли. При этомъ вознагражденіе за личность освобождаемыхъ крѣпостныхъ противники реформы предусмотрительно прикрывали требованіемъ чрезмѣрно высокой суммы выкупа за крестьянскія усадебныя земли.

Въ этомъ отношеніи комиссіи рѣшили прежде всего слить выкупъ усадебъ и полевыхъ угодій; но, признавая вмѣстѣ съ тѣмъ несравненно большую стоимость усадебной земли сравнительно съ полевымъ надѣломъ, редакціонныя коммисіи назначили повышенныя цѣны выкупа за первую десятину надѣла, въ которую должна была войти и усадебная осѣдлость.

Чтобы опредѣлить стоимость надѣла, комиссіи выводили, на основаніи данныхъ, собранныхъ губернскими комитетами, цифру *средняго* оброка въ каждой мѣстности и капитализировали этотъ оброкъ изъ 6%, установивъ при этомъ предѣльный размѣръ оброка въ 8 р. (лишь для нѣкоторыхъ мѣстностей въ 10 руб.) съ души. Полученная такимъ образомъ сумма признавалась равной стоимости *высшаго* надѣла для данной мѣстности. Если приходилось опредѣлять сумму выкупа для надѣла, ниже maximum'а въ данной мѣстности, тогда и оброкъ, и капитальная цѣна для выкупа надѣла должны были понижаться. Однако, установленіе такого пониженія *пропорціонально* величинѣ надѣла было бы слишкомъ невыгоднымъ для помѣщиковъ, почему комиссіи рѣшили установить при этомъ „градаціи" при оцѣнкѣ на-

дѣловъ. Въ счетъ надѣла шли только земли, годныя для пашни или сѣнокоса,—пески, болота, овраги, улицы дороги и т. п. не могли входить въ составъ крестьянскихъ надѣловъ. Изъ угодій въ надѣлы входили пашни, сѣнокосы, кустарники и лѣса

Такимъ образомъ при опредѣленіи стоимости надѣла, напр. при 4 десятинахъ „удобной“ земли высшаго надѣла за первую десятину (слѣдовательно и за усадебную землю въ томъ числѣ) назначалось 4 руб. оброка, за вторую 2 р. 40 к., за третью и четвертую по 1 руб. 30 к. При 8 десятинахъ высшаго надѣла тѣ же 9 р. оброка (maximum для нечерноземныхъ мѣстностей) распредѣлялись такъ: за первую десятину 4 р., за вторую 1 р. 60 к., за третью и остальныя по $56^2/_3$ коп. При максимумѣ въ 8 десятинъ четырехдесятинный надѣлъ платилъ уже не всѣ 9 р., а только 6 р. $73^1/_3$ к. оброка.

12 августа 1859 г. было рѣшено созвать депутатовъ отъ 21 губерніи, комитеты которыхъ представили свои проекты, въ цѣляхъ совмѣстнаго обсужденія ихъ работъ. Не смотря на всѣ заботы и даже на давленіе со стороны мѣстной администраціи, чтобы въ депутаты попали люди, согласные со взглядами правительства, въ числѣ 36 депутатовъ „перваго призыва“, явившихся въ Петербургъ отъ 19 комитетовъ, только 9 были сторонниками правительственной системы отпущенія крестьянъ на волю. Въ виду этого обстоятельства черезъ Ланского была представлена государю записка, въ которой авторъ, указывая на враждебное реформѣ настроеніе большинства губернскихъ комитетовъ и ихъ депутатовъ, просилъ принять заблаговременно мѣры, „чтобы мнѣнія, разсѣянно выраженныя въ разныхъ комитетахъ, не слились бы въ партіи, гибельныя какъ для правительства, такъ и для народа“. Въ этихъ цѣляхъ Ланской предлагалъ предписать депутатамъ давать отзыва „не о коренныхъ началахъ, которыя признаны неизмѣнными, не о развитіи ихъ, которое принадлежитъ правительству, а единственно только о примѣненіи проектированныхъ об-

щихъ правилъ къ особеннымъ условіямъ каждой мѣстности". Государь вернулъ эту записку съ надписью: „Нахожу этотъ взглядъ правильнымъ и согласнымъ съ моими собственными убѣжденіями". Согласно указанной такимъ образомъ волѣ государя, была утверждена инструкція для членовъ, избранныхъ губернскими комитетами. По этой инструкціи депутаты могли давать только „мѣстныя свѣдѣнія и объясненія". Депутаты были оскорблены; они хотѣли подать адресъ государю, но адресъ былъ отклоненъ, и государь подтвердилъ свою волю о порядкѣ дѣятельности депутатовъ въ комиссіяхъ при личномъ пріемѣ депутатовъ, 4 сентября.

10 сентября депутаты начали изученіе трехъ томовъ „Трудовъ комиссій", но 12-го циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ сообщилъ имъ, что одинъ изъ нихъ, племянникъ министра, уже подалъ свое мнѣніе и получилъ благодарность за скорое исполненіе своихъ обязанностей. Депутаты поняли, что отъ нихъ ждутъ лишь формальности и быстроты въ исполненіи ея. Тогда убѣжденные, что ихъ мнѣнія не будутъ приняты комиссіями въ расчетъ, депутаты сдѣлали еще разъ попытку добиться болѣе прямого участія дворянства въ реформѣ, съ какой цѣлью группами ихъ были поданы государю адресы, но и здѣсь они потерпѣли неудачу, а на нѣкоторыхъ даже обрушилась административная кара. Послѣ этого депутаты разъѣхались изъ Петербурга, унося съ собою недовольство противъ правящихъ сферъ. Между тѣмъ, депутатамъ предстояло дать отчетъ ближайшимъ дворянскимъ собраніямъ (губернскіе комитеты были тогда уже закрыты). Желая предотвратить оппозицію дворянства, въ ноябрѣ 1859 года министръ внутреннихъ дѣлъ разослалъ циркуляръ, которымъ запрещалось дворянству имѣть сужденіе на собраніяхъ по предметамъ, касающимся до крестьянскаго быта.

Редакціонныя коммиссіи вынесли на себѣ всю работу по подготовкѣ крестьянской реформы: онѣ составили и разработали систематически всѣ документы, оставшіеся отъ прежнихъ комиссій по крестьянскому

дѣлу, изучили обширную литературу предмета, ознакомились съ многочисленными современными какъ печатными, такъ и рукописными записками объ освобожденіи крестьянъ, а равно съ обширной иностранной и русской литературой предмета. На основаніи всего изученнаго громаднаго матеріала, комиссіи, подробно обсуждая вопросъ за вопросомъ, составили свои проекты положеній о крестьянахъ, примѣнительно къ особенностямъ различныхъ мѣстностей Россіи, положеній о выкупѣ, о дворовыхъ и проч. Весь поистинѣ колоссальный трудъ комиссій могъ быть совершенъ въ краткій срокъ ихъ существованія (отъ 4 марта 1859 г. до 10 октября 1860 г.), исключительно благодаря неутомимымъ трудамъ и тому преданному усердію, какое большинствомъ членовъ комиссіи было внесено въ это дѣло.

Первый предсѣдатель редакціонныхъ комиссій, Я. И. Ростовцевъ своимъ сильнымъ авторитетомъ и полнымъ довѣріемъ къ нему государя поддерживалъ избранныхъ имъ сотрудниковъ и ихъ работу. Но чрезмѣрный трудъ надломилъ его здоровье; уже совсѣмъ больной и на постели онъ весь отдавался работамъ комиссій, несмотря на запрещеніе врачей утомлять себя. Даже засѣданія происходили у ложа больного. Послѣднимъ его трудомъ была записка о ходѣ и исходѣ осуществленія реформы. Подписать ее онъ уже не могъ. 6 февраля 1860 года онъ умеръ, но, теряя уже сознаніе, говорилъ онъ съ государемъ, внушая ему вѣру въ удачу реформы. Его преждевременная смерть была общественнымъ бѣдствіемъ, грозила бѣдой тому дѣлу, за которое онъ, положилъ жизнь свою. Предсѣдателемъ редакціонныхъ комиссій по смерти Ростовцева былъ назначенъ министръ юстиціи гр. В. Н. Панинъ, человѣкъ во многихъ отношеніяхъ замѣчательный, но врагъ освобожденія. Александръ II требовалъ отъ Панина, чтобы онъ велъ все дѣло въ прежнемъ направленіи, но это требованіе могло быть исполняемо внѣшнимъ образомъ, и Панинъ оказалъ бы очень вредное вліяніе на окончательный результатъ работъ, если бы сплоченное и убѣ-

жденное большинство редакціонныхъ комиссій не встрѣтило дружнымъ отпоромъ его стремленій. Въ этомъ была новая немалая заслуга комиссій.

Въ мартѣ 1860 года, по завершеніи разсмотрѣнія и разработки всѣхъ губернскихъ проектовъ, были вновь созваны губернскіе депутаты. Отъ 27 апрѣля и до 8 мая шли съ ними переговоры, и снова многое въ окончательной обработкѣ проектовъ Положенія было передѣлано. Хотя графъ Панинъ и тормозилъ значительно дѣло, все-таки ему пришлось подъ конецъ подчиниться волѣ государя, который его торопилъ, и 10 октября редакціонныя комиссіи закончили свои занятія и были закрыты, исполнивъ возложенную на нихъ задачу съ небольшимъ въ полтора года. За это время комиссіи успѣли закончить всѣ свои работы; не разсмотрѣннымъ остался докладъ финансоваго отдѣленія о выкупѣ, переданный прямо на разсмотрѣніе главнаго комитета. Труды комиссій были въ тотъ же день, 10 октября, внесены на разсмотрѣніе главнаго комитета по крестьянскому дѣлу. По случаю тяжкой болѣзни кн. Орлова, въ главномъ комитетѣ предсѣдательствовалъ великій князь Константинъ Николаевичъ, которому здѣсь и затѣмъ въ государственномъ совѣтѣ крестьянское дѣло обязано горячей поддержкой проекта редакціонныхъ комиссій и проведеніемъ съ гораздо меньшими измѣненіями по существу, чѣмъ это можно было разсчитывать.

Главный комитетъ обсуждалъ представленные проекты въ 45 засѣданіяхъ. Кромѣ великаго князя, за проекты комиссій стояли только Ланской, гр. Блудовъ и Чевкинъ, но остальные шесть членовъ не сходились во многомъ между собою, такъ что часто мнѣніе четырехъ защитниковъ проекта составляло относительное большинство. При этомъ вовсе не подвергались обсужденію соображенія депутатовъ, а разрѣшались только основные вопросы, и принимался проектъ Положеній статья за статьей. Какъ извѣстно, проектъ комиссіи объ условіяхъ и способѣ надѣленія крестьянъ землею, при ихъ освобожденіи, не могъ быть проведенъ въ законо-

дательномъ порядкѣ полностью, и сторонникамъ реформы, въ цѣляхъ спасенія всего дѣла, пришлось въ главномъ комитетѣ, при обсужденіи этого вопроса, значительно понизить размѣръ надѣла въ неодинаковой мѣрѣ для отдѣльныхъ мѣстностей, и всего болѣе для среднечерноземной полосы. Послѣднее засѣданіе главнаго комитета происходило 14 января 1861 года. Послѣ этого дѣло перешло въ государственный совѣтъ, который приступилъ къ разсмотрѣнію его 28 января 1861 года. Засѣданіе открылось обширной рѣчью государя, изложившаго весь ходъ дѣла; здѣсь онъ заявилъ, что каждый воленъ при обсужденіи вопроса свободно высказывать свое мнѣніе, но предписалъ, чтобы дѣло было закончено государственнымъ совѣтомъ въ первую половину февраля, разъяснивъ, что, при измѣненіи частностей, основныя положенія должны оставаться безъ измѣненій. Основаніемъ всего дѣла должно быть улучшеніе быта крестьянъ, но улучшеніе не на словахъ, не на бумагѣ, а на самомъ дѣлѣ.

Всѣхъ засѣданій государственнаго совѣта по крестьянскому дѣлу было четырнадцать, и дѣло было окончено 17 февраля. Пренія были горячія, даже бурныя. Предсѣдательствующій гр. Блудовъ не умѣлъ поддерживать порядокъ засѣданій. Но, соблюдая непремѣнную волю государя, съ обсужденіемъ проекта Положеній торопились. На каждое засѣданіе былъ назначенъ урокъ, не покончивъ съ которымъ, не прекращали засѣданія. Большинство въ государственномъ совѣтѣ оказывалось противъ предложеній главнаго комитета, основанныхъ на заключеніяхъ редакціонной комиссіи; но за проектъ былъ Константинъ Николаевичъ, и государь, которому представлялся отдѣльно журналъ каждаго совѣщанія, соглашался обыкновенно съ мнѣніемъ меньшинства членовъ. Однако, согласно мнѣнію подавляющаго большинства, государь счелъ необходимымъ согласиться на пониженіе еще разъ нормы высшаго и низшаго поземельнаго надѣла крестьянамъ для очень многихъ мѣстностей. Мало того, государь согласился и съ мнѣніемъ большинства

въ пользу принятія въ законѣ правила о допустимости дарового или нищенскаго надѣла. Это правило о сиротскомъ, нищенскомъ или Гагаринскомъ (по фамиліи изобрѣтателя) надѣлѣ было помѣщено въ ст. 123 мѣстн. положен. Велик. и въ ст. 116 мѣстн. положен. Малорос. Уступая такимъ образомъ незначительную часть надѣльной земли ($^1/_4$ часть нормальнаго надѣла для данной мѣстности) крестьянамъ безъ всякихъ дальнѣйшихъ за нее платежей, помѣщикъ тѣмъ самымъ выкупалъ себѣ право вѣчнаго пользованія остальной частью земли, которую ему пришлось бы отдать крестьянамъ при нормальномъ надѣлѣ. Первыя десять лѣтъ послѣ обнародованія положенія, согласно утвержденному государственнымъ совѣтомъ правилу, перешедшему и въ текстъ Положеній 19-го февраля, крестьяне, по добровольному соглашенію съ помѣщикомъ, могли отказаться отъ пользованія землею до $^1/_3$ высшаго или указнаго надѣла, а по прошествіи десяти лѣтъ, при извѣстныхъ условіяхъ, получали право и навсегда отказываться отъ пользованія отведенной землею.

По окончаніи работъ въ государственномъ совѣтѣ, всѣ Положенія о крестьянахъ были утверждены Александромъ II 19-го февраля, и тогда же былъ имъ подписанъ Высочайшій манифестъ, возвѣщающій объ отмѣнѣ рабства въ Россіи, составленный Н. А. Милютинымъ и Ю. Ф. Самаринымъ, но измѣненный митрополитомъ Филаретомъ; 2 марта онъ былъ прочтенъ въ сенатѣ и *5 марта обнародованъ*.

Начала положенія 19 февраля были распространены въ 1863 году на удѣльныхъ и въ 1866 г. на бывшихъ государственныхъ или казенныхъ крестьянъ. Первоначально въ отношеніи поземельнаго устройства были предположены для тѣхъ и другихъ очень большія урѣзки существовавшихъ ранѣе надѣловъ; однако и здѣсь до извѣстной степени борьба крѣпостниковъ противъ реформы не удалась, и въ концѣ концовъ рѣшено было для государственныхъ и для удѣльныхъ крестьянъ и послѣ освобожденія сохранить приблизительно ихъ

прежніе надѣлы, но съ такимъ расчетомъ чтобы они въ общемъ не превышали установленную норму (15 десятинъ во многоземельныхъ и 8 десятинъ въ малоземельныхъ губерніяхъ); на лишнюю же противъ этихъ величинъ землю правительство рѣшило въ теченіи 3 лѣтъ переселять соотвѣтствующее число новоселовъ.

Дальнѣйшее развитіе крестьянскаго правопорядка до 17 октября 1905 г.

Слѣдуетъ согласиться, что цѣль составителей Положенія 19 февраля 1861 года, состоявшая „въ дѣйствительномъ освобожденіи крестьянскаго сословія отъ крѣпостной зависимости и въ дѣйствительномъ дарованіи ему гражданскихъ правъ“, осталась незавершенной во многомъ.

Освободивъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, новые законы 19-го февраля оставили ихъ однако въ зависимости отъ власти міра и отъ опеки чиновниковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ не произошло и уравненія крестьянъ въ правахъ съ лицами другихъ сословій, особенно съ дворянами. Дѣло въ томъ, что и послѣ 19 февраля 1861 года крестьяне оставлены были, по отношенію къ правительству, въ *податномъ* состояніи и тѣмъ самымъ продолжали, въ значительной степени, оставаться не вполнѣ свободными. Подать собиралась съ лица, съ Ивана, Сидора, Степана, не зависимо отъ того, какое и сколько имущества имѣлъ каждый, казна (какъ было еще на Москвѣ въ старину) заботилась о томъ, чтобы обложенныя податью лица не уклонялись отъ ея отбыванія. А потому выходъ крестьянъ изъ податного состоянія былъ очень затрудненъ.

Кромѣ того, исправный взносъ податей обезпечивался теперь круговой порукой, при которой чѣмъ болѣе было членовъ въ обществѣ, тѣмъ скорѣй казна могла получить свои недоимки. Этотъ же податной окладъ существенно стѣснялъ свободное передвиженіе крестьянъ, которые, во первыхъ, безъ паспорта не могли никуда уѣхать, а паспорта выдавались съ согласія старшихъ домохозяевъ и только тѣмъ, за которыми не со-

стояло недоимокъ. Но главное здѣсь, что самое бытіе въ податномъ состояніи уже рѣзко отдѣляло крестьянъ отъ дворянъ и разночинцевъ и умаляло ихъ гражданскія права сравнительно съ другими сословіями; почему на крестьянъ и послѣ ихъ освобожденія, большинство въ обществѣ, да и они сами на себя, продолжали смотрѣть, какъ на низшій классъ лицъ.

Обособленность крестьянъ отъ другихъ классовъ еще болѣе усиливало и то обстоятельство, что крестьянамъ было предоставлено совершенно отдѣльно отъ другихъ сословій вести свои общественныя дѣла на сходахъ и черезъ своихъ выборныхъ властей, а равно разбирать свои споры и тяжбы въ своихъ же волостныхъ судахъ, руководствуясь при этомъ не общими для русскихъ гражданъ законами, а мѣстными обычаями, гдѣ какіе существуютъ.

Другая задача, которую хотѣли выполнить составители крестьянскихъ положеній, а именно отвести крестьянамъ при освобожденіи *достаточные надѣлы* и предоставить ихъ имъ въ собственность,—тоже не была выполнена. Какъ уже мы говорили, въ основаніе опредѣленія размѣра надѣловъ было положено существовавшее при крѣпостномъ правѣ пользованіе; однако этотъ размѣръ надѣла постепенно понижался во время работъ редакціонныхъ комиссій и главнаго комитета по крестьянскому дѣлу, да кромѣ того принято было правило о четвертномъ надѣлѣ. При такихъ условіяхъ оказалось, что послѣ освобожденія у крестьянъ осталось въ ихъ пользованіи даже менѣе земли, чѣмъ они въ общемъ имѣли ея во времена крѣпостного права.

При надѣленіи крестьянъ землею общераспространеннымъ явленіемъ было предоставленіе крестьянамъ худшихъ по качеству земель, нарѣзываніе ихъ въ разныхъ мѣстахъ и длинными узкими полосами, иногда безъ всякаго прогона для скота. Въ общемъ статистическія свѣдѣнія показываютъ, что по Положеніямъ 19-го февраля только 32,6 проц., т. е. около трети помѣщичьихъ крестьянъ, получили земельные надѣлы доста-

точные для безбѣднаго существованія; остальные же получили надѣлы, или мало обезпечивающіе ихъ существованіе, или даже вовсе не обезпечивающіе.

Вмѣстѣ съ тѣмъ и надѣльная земля (за исключеніемъ дарственныхъ четвертныхъ надѣловъ) не была прямо передана крестьянамъ въ собственность, а только предоставлена имъ въ пользованіе съ обязанностью платить за это помѣщикамъ. Выкупать же землю крестьяне могли, безъ согласія помѣщика, пока не всю, а лишь одни усадебные участки. Впрочемъ, и при выкупѣ земли положеніе крестьянъ становилось мѣстами не лучше, въ виду излишне высокой оцѣнки надѣльной земли для выкупа, куда скрыто внесено было вознагражденіе помѣщикамъ не только за землю, но и за утрачиваемый ими при освобожденіи даровой трудъ крѣпостныхъ.

Если принять затѣмъ во вниманіе, что на помѣщичьихъ крестьянахъ, кромѣ уплаты оброка или выкупныхъ платежей лежала еще обязанность вносить въ казну денежныя подати разнаго наименованія и отбывать различныя земскія натуральныя повинности, да кромѣ того тратиться еще и на мірскіе сборы, то, очевидно, денежныя дѣла освобожденныхъ крестьянъ должны были обстоять очень плохо.

Кромѣ того не мало оказалось крѣпостныхъ, которые или совершенно не получили никакого надѣла, или надѣлъ этотъ достался имъ ничтожнаго размѣра. Прежде всего, *дворовые люди* (дворня помѣщиковъ) надѣловъ при освобожденіи вовсе не получили, разъ и отъ барина своего земли ранѣе не имѣли. Затѣмъ крестьяне *мелкопомѣстныхъ имѣній* (ихъ въ 1860 г. числилось 325,627 ревизскихъ душъ, въ томъ числѣ 137,244 вовсе безземельныхъ) не могли требовать отъ своихъ бывшихъ помѣщиковъ надѣла, если его ранѣе не имѣли, и во всякомъ случаѣ не могли расчитывать на прирѣзку земли къ тѣмъ участкамъ, какіе кому въ свое время были предоставлены господами въ пользованіе. Мелкопомѣстнымъ признавался помѣщикъ, за которымъ до 1861 года (по X ревизіи) числилось крѣпостныхъ менѣе 21 души

мужскаго пола и который притомъ владѣлъ удобной землею въ количествѣ менѣе 75 десятинъ (въ нечерноземной и степной полосахъ великорос. губ.) или 60 душевыхъ надѣловъ высшаго или указнаго надѣла (въ черноземной полосѣ и въ губ. малорос.).

Такимъ образомъ можно сказать, что Положеніе 19 февраля 1861 года было только *первымъ шагомъ* въ дѣлѣ разрѣшенія у насъ крестьянскаго вопроса, надъ которымъ позднѣе пришлось трудиться не мало, да и на будущее время, какъ увидимъ, осталось работы еще непочатый край.

Между тѣмъ, какъ ни странно это, долгое время и начальство, и общество смотрѣли на крестьянское дѣло у насъ послѣ 19 февраля 1861 года, какъ на такое, которое уже окончательно рѣшено и выяснено. По крайней мѣрѣ до восьмидесятыхъ годовъ все движеніе законодательства о крестьянахъ заключалось не въ разработкѣ основныхъ началъ реформы 1861 года, а въ простомъ лишь распространеніи на всѣ разряды крестьянскаго населенія правилъ положенія 19 февраля 1861 г. о временно-обязанныхъ крестьянахъ.

Обособивъ этимъ крестьянъ отъ другихъ сословій въ порядкѣ землевладѣнія и по ихъ общественному положенію (податной классъ), правительство въ указанный промежутокъ времени продолжало это обособленіе также и въ области управленія, примѣнивъ для всѣхъ разрядовъ сельскаго населенія временныя правила, изданныя для бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ. И государственные крестьяне, и башкиры, и нѣмцы колонисты и т. д. получили одинаковое съ бывшими помѣщичьими крестьянами устройство (сельскія общества, волости, суды и т. д.). При этомъ всѣ эти многочисленные разряды сельскаго населенія подчинены были вѣдѣнію мировыхъ посредниковъ, самое учрежденіе которыхъ предназначалось почти исключительно для разбора дѣлъ между помѣщиками и крестьянами.

Скоро однако правительству этихъ мѣръ показалось мало въ его стремленіи обособить крестьянство

отъ другихъ сословій, съ одной стороны, и усилить надъ нимъ чиновничью опеку, съ другой стороны. Для почина въ этомъ отношеніи введенъ былъ, по настоянію графа Толстого, 18 марта 1886 года, законъ о мѣрахъ къ ограниченію семейныхъ раздѣловъ крестьянъ-общинниковъ. Мѣра эта направлена была къ установленію всевозможныхъ препятствій противъ распаденія большихъ крестьянскихъ семействъ. Новымъ закономъ возможность раздѣла семьи поставлена была въ зависимость отъ согласія на то старшаго домохозяина и схода. Въ законѣ этомъ явно видно желаніе правительства разсматривать крестьянъ, словно какихъ-то малолѣтнихъ, которые безъ попеченія начальства и вообще „старшихъ“ будто-бы не умѣютъ сами устроить по—хорошему свои семейныя отношенія.

Слѣдуетъ замѣтить, что вообще къ срединѣ восьмидесятыхъ годовъ наши высшіе чиновники, съ графомъ Толстымъ и Пазухинымъ во главѣ, стремились по возможности ограничивать гражданскія права крестьянъ. Въ то же время эти наши сановники усердно, гдѣ только могли, старались объ усиленіи значенія дворянства на счетъ крестьянъ. Въ цѣляхъ этихъ ими былъ проведенъ, 12 іюня 1886 года, новый законъ о наймѣ на сельскія работы. По этому закону сельско-хозяйственные рабочіе на весь срокъ найма ставились почти въ полную зависимость отъ помѣщиковъ, а если до срока уходили, то за это отвѣчали въ уголовномъ порядкѣ.

Но болѣе всего проявилось стремленіе снова усилить значеніе дворянъ передъ крестьянами въ изданномъ, вопреки волѣ большинства членовъ государственнаго совѣта, 12 іюля 1889 года положеніи о земскихъ начальникахъ, съ дополнительными къ нему узаконеніями, касательно преобразованія крестьянскихъ суда и управленія.

Надъ крестьянами по новому закону былъ поставленъ (словно какъ надъ несовершеннолѣтними) особый попечитель—изъ дворянъ, называвшійся земскимъ начальникомъ. Начальникъ этотъ долженъ надзирать за

всѣми установленіями крестьянскаго управленія, за волостными и сельскими сходами, старостами, волостными судами и т. д. Онъ же вмѣшивается во всѣ вопросы крестьянской жизни, имѣя право и возможность требовать отъ крестьянъ, чтобы они жили и хозяйствовали не по своей волѣ и охотѣ, но какъ того желаетъ и что приказываетъ земскій начальникъ. Словомъ, по мысли гр. Толстого, хотѣли земскихъ начальниковъ сдѣлать какъ бы новыми помѣщиками надъ крестьянами, только безъ права собирать съ нихъ оброкъ и деньги въ свою пользу. Если цѣликомъ въ жизни не удалось привести этихъ намѣреній, то не по буквѣ закона, а исключительно потому, что очень уже новыя правила не подходили ко всему строю нашей и общей, и чисто крестьянской жизни.

Заботясь такимъ образомъ по преимуществу объ усиленіи власти дворянъ, объ укрѣпленіи обособленности крестьянъ отъ другихъ сословій и установленіи надъ ними чиновничьей опеки, законодатели наши плохо слѣдили за главнымъ—за улучшеніемъ имущественнаго положенія крестьянъ.

Между тѣмъ недостаточность надѣловъ и непомѣрно высокія повинности, наложенныя на крестьянъ, являлись причинами все большаго разоренія крестьянства и послѣ его освобожденія.

Освободивъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, Положенія 19 февраля лишили ихъ въ то же время возможности получать себѣ деньгами и имуществомъ поддержку отъ господъ или отъ казны въ случаяхъ наступленія разныхъ бѣдъ и случайностей, разстроившихъ хозяйство. Бывало, у помѣщичьихъ или государственныхъ крестьянъ случатся болѣзни, моръ скота, пожаръ, неурожаи или еще какая бѣда, помѣщикъ или казна всегда помогутъ пострадавшимъ, сберегая этимъ себѣ въ нихъ хорошую статью дохода для будущаго. Со времени же паденія крѣпостного права крестьяне были оставлены совершенно безъ охраны ихъ благосостоянія. Благодаря этому и привычкѣ ранѣе жить за спиной

помѣщиковъ или казны, они въ первое время своей свободы растерялись, не сумѣли справиться со своимъ хозяйствомъ, и не имѣя, въ большинствѣ своемъ, запаса денегъ „про черный день“, сдались при первомъ же постигшемъ ихъ неурожаѣ или другой бѣдѣ по хозяйству. Кулаки, кабатчики и другіе деревенскіе пауки—міроѣды быстро приспособились къ крестьянству, и такъ умѣло его обработали, что скоро отъ прожитка, если какой въ которой семьѣ ранѣе имѣлся, осталось одно только пріятное воспоминаніе. Вся же забота казны о крестьянахъ долгое время послѣ освобожденія ограничивалась однимъ—возможно исправнѣе выбить съ крестьянъ недоимки—и только; при такомъ же порядкѣ, особенно еще когда всюду примѣнялась круговая порука, крестьянство быстро пошло по пути полнаго разоренія.

Только въ началѣ 80-хъ годовъ правительство спохватилось и стало придумывать разныя мѣры къ поднятію прожиточности среди крестьянства. Въ общемъ впрочемъ всѣ мѣры эти, если и помогли бѣдѣ, то очень немного.

Первой мѣрой въ этомъ направленіи было изданіе закона 28 декабря 1881 года объ обязательномъ выкупѣ. Закономъ этимъ прекращались обязательныя отношенія между крестьянами и помѣщиками въ имѣніяхъ, гдѣ еще не состоялось между ними до той поры добровольныхъ соглашеній о выкупѣ. На основаніи обязательно составляемыхъ при этомъ выкупныхъ актовъ неопредѣленныя отношенія крестьянъ къ своимъ надѣламъ превратились въ ихъ право собственности на послѣдніе. Вмѣстѣ съ этимъ, для облегченія крестьянамъ, перешедшимъ на выкупъ, уплаты выкупныхъ платежей, эти платежи были понижены. Въ то же время бывшіе государственные крестьяне были переведены съ оброчной подати на выкупные платежи, а государственный поземельный сборъ былъ съ 1 января 1884 года повышенъ (съ 7660300 р. на 11738700 руб.). Въ конечномъ итогѣ мѣрами этими окладные сборы съ крестьянъ были понижены на 40—45 милліоновъ рублей.

Несравненно болѣе важное значеніе для крестьянъ имѣлъ законъ 28 мая 1885 года, которымъ отмѣнена была подушная подать съ крестьянъ. Эта мѣра уничтожила старую сословную обособленность крестьянъ, сложившуюся вѣками на податной почвѣ Съ этого времени стало неизбѣжно необходимымъ для законодателя, чтобы быть послѣдовательнымъ въ своихъ дѣйствіяхъ, признать необходимость полнаго сліянія крестьянъ съ остальными сословіями въ строѣ государственной жизни. Всѣ особенности и отличія, которыя въ законахъ связывались ранѣе съ принадлежностью крестьянъ къ податному сословію, т. е. къ сословію, подлежавшему личному обложенію, естественно отпадали съ отмѣной подушной подати—этимъ пережиткомъ московскаго крѣпостнаго строя государства.

Къ сожалѣнію, эта простая мысль долго еще не была въ достаточной степени ясно усвоена правительствомъ; благодаря чему, напр. въ области крестьянскаго землепользованія, рядомъ и одновременно съ мѣрами къ поднятію крестьянскаго хозяйства создавались правила, въ цѣляхъ *обособленія* крестьянъ отъ другихъ классовъ общества.

Прежде всего въ этомъ отношеніи правительство многочисленными законоположеніями примѣнило къ различнымъ разрядамъ сельскихъ обывателей (бывшимъ государственнымъ крестьянамъ, фабричнымъ горнозаводскимъ людямъ, башкирамъ и т. д.) правила, изложенныя въ Положеніяхъ 1861 года. При этомъ вездѣ, въ результатѣ многочисленныхъ правительственныхъ мѣръ, касавшихся земельнаго устройства разнообразныхъ разрядовъ сельскаго населенія, образовалась громадная площадь такъ называется „надѣльныхъ“ земель, владѣніе и пользованіе которыми были установлены на особенныхъ началахъ, имѣющихъ очень мало общаго съ обыкновенными условіями земледѣлія лицъ не крестьянскаго сословія. Изъ соображеній правительства о земельныхъ распорядкахъ крестьянъ стало постепенно ускользать понятіе мелкой земельной собственности,

которое имѣлось въ виду редакціонными комиссіями въ качествѣ конечной формы земельнаго устройства крестьянъ. Понятіе это, съ неуловимой постепенностью, смѣнялось новымъ, чуждымъ ему понятіемъ спеціально крестьянскаго надѣльнаго землепользованія.

Признавъ, въ началѣ 80-хъ годовъ недостатокъ земельнаго обезпеченія крестьянъ полученными надѣлами, правительство предприняло цѣлый рядъ мѣръ для увеличенія площади крестьянскаго землепользованія. Законами 22 мая 1881 года и 5 іюня 1900 года предоставлены были крестьянамъ и крестьянскимъ обществамъ нѣкоторыя льготы по арендованію казенныхъ земель. Въ тѣхъ же цѣляхъ 18-го мая 1882 г. состоялось учрежденіе крестьянскаго поземельнаго банка, при помощи котораго началось освобожденіе крестьянъ отъ земельной тѣсноты путемъ доставленія имъ при содѣйствіи банка и его посредничествѣ участковъ благопріобрѣтенной земли.

Особенное вниманіе, въ смыслѣ способа увеличенія крестьянскаго землевладѣнія, обращено было въ это время и на переселенія. Въ этихъ цѣляхъ изданъ былъ цѣлый рядъ законоположеній, начиная съ 1 іюня 1882 г. 13 іюня 1899 г., 23 мая 1895 г., 4 іюня 1898 г., 31 мая 1899 г., 5 іюня 1900 г. и 6 іюня 1904 г.

По правиламъ этимъ переселенцамъ предоставляются въ опредѣленныхъ мѣстахъ надѣлы земли и лѣса, которые отводятся по сельскимъ обществамъ и селеніямъ, въ общемъ не болѣе 15 десятинъ на каждую мужскую наличную душу. Надѣлы эти предоставляются однако не въ собственность переселенцамъ, а лишь въ наслѣдственное пользованіе, безъ права выкупа. Вмѣстѣ съ тѣмъ по закону 2 іюня 1889 г. и къ переселенцамъ насажены были крестьянскіе начальники, которые отличаются отъ земскихъ начальниковъ только тѣмъ, что имъ предоставлено не въ такомъ, какъ послѣднимъ, объемѣ разбирательство крестьянскихъ тяжбъ и исковъ. Въ остальномъ крестьянскіе начальники имѣютъ тѣ же,

какъ и земскіе начальники, права опеки и попечительства надъ переселенцами.

Такимъ образомъ и „на новыхъ мѣстахъ“ заботы правительства о земельномъ обезпеченіи крестьянъ приняли своеобразную окраску надзора за жизнью новоселовъ.

Переселенецъ, уходя съ родины, встрѣчаетъ теперь и на новомъ мѣстѣ водворенія въ общемъ прежнія надѣльныя условія; только онъ мѣняетъ при этомъ одинъ надѣлъ на другой, болѣе просторный. И на новомъ мѣстѣ въ своей общественной жизни, въ судѣ и въ управленіи, встрѣчается онъ съ прежней „попечительной рукой начальства“, въ лицѣ крестьянскихъ начальниковъ, которые, какъ на родинѣ земскіе начальники, вмѣшиваются въ его не только общественную, но и частную жизнь, нормируя ее по своему личному усмотрѣнію.

Та же забота объ упорядоченіи крестьянскаго землепользованія и огражденіи крестьянъ отъ малоземелья вызвала къ жизни законы 1893 года. Изъ нихъ законъ 8 іюня 1893 г. о земельныхъ передѣлахъ явился рѣзкимъ примѣромъ „попечительнаго руководства“ начальства крестьянами въ ихъ землепользованіи. Здѣсь были опредѣлены порядокъ и условія передѣловъ общинной надѣльной (полевой) земли, причемъ въ то же время самые передѣлы были поставлены подъ контроль земскихъ начальниковъ и назначенъ наименьшій (12 лѣтъ) срокъ, на который могутъ быть производимы передѣлы. Вмѣстѣ съ тѣмъ законъ этотъ ограничиваетъ право сельскихъ сходовъ на отобраніе надѣловъ изъ общинной земли у отдѣльныхъ домохозяевъ, въ промежутокъ времени между передѣлами, немногими точно перечисленными въ самомъ законѣ случаями.

Болѣе сложнымъ по характеру и цѣлямъ изданія является другой законъ—14 декабря 1893 года. Законъ этотъ, опредѣливъ точнѣе исключительное право самой общины, а не отдѣльныхъ общинниковъ, распоряжаться своимъ надѣломъ, совершенно устранилъ пріобрѣтеніе

надѣльной земли лицами, не приписанными къ обществу, т. е. не принадлежащими къ крестьянскому сословію, и въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ подчинилъ совершеніе залога или продажи надѣльной земли согласію схода и утвержденію подлежащихъ властей. Равнымъ образомъ и крестьянамъ-подворникамъ законъ этотъ дозволилъ отчуждать ихъ надѣльные участки только лицамъ, приписаннымъ или приписывающимся къ сельскимъ обществамъ.

Соображенія, по которымъ было установлено такое ограниченіе свободы отчужденія для крестьянъ, сводились составителями закона 1893 г. главнымъ образомъ къ тому, что надѣльныя земли не могутъ быть приравниваемы къ обыкновенной *частной* земельной собственности и служить предметомъ свободнаго оборота. Напротивъ, будучи отведены крестьянамъ *для обезпеченія ихъ быта*, онѣ имѣютъ государственное значеніе и потому должны подлежать ограниченіямъ. Эти ограниченія должны обезпечивать какъ сохраненіе надѣльныхъ земель за крестьянами, такъ равно и достиженіе ими той цѣли, ради которой послѣдовало, цѣною крупныхъ жертвъ со стороны государства и общества, надѣленіе крестьянъ землею при освобожденіи.

Однако всѣ указанныя мѣры мало помогали поправкѣ крестьянскаго благосостоянія, которое гдѣ и было еще ранѣе, теперь продолжало съ ужасною быстротою таять. На крестьянахъ все болѣе накоплялись недоимки, особенно по выкупнымъ платежамъ. Согласно закону 7 февраля 1894 г. министру финансовъ, по соглашенію съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, было предоставлено разрѣшать разсрочку недоимокъ путемъ установленія ихъ уплатъ ежегодными опредѣленными взносами. Закономъ 13 мая 1896 г. было предоставлено тѣмъ же министрамъ, по взаимному соглашенію, въ цѣляхъ пониженія текущихъ окладовъ выкупныхъ платежей, разрѣшать, по ходатайству сельскихъ обществъ и подворныхъ владѣльцевъ, пересрочку на болѣе продолжительные періоды непогашенныхъ еще частей вы-

купного долга, т. е., другими словами,—уменьшить оклады выкупныхъ платежей, при одновременномъ удлиненіи выкупныхъ періодовъ.

Законы эти не помогли, и недоимки продолжали накопляться. Закономъ 31 мая 1899 года установлены были новыя болѣе льготныя правила пересрочки выкупного долга, именно путемъ пересрочки, за проценты, только части непогашеннаго долга, съ безпроцентной отсрочкой остальной ея части. Вскорѣ, въ видахъ того же облегченія крестьянъ-плательщиковъ, закономъ 12 марта 1903 г. отмѣнена была круговая порука, это печальное наслѣдство крестьянъ еще изъ московскаго царства. На слѣдующій годъ, 11 августа 1904 г., наконецъ, былъ отмѣненъ другой не только печальный, но и позорный пережитокъ „добраго стараго времени“, именно тѣлесное наказаніе розгами, до той поры примѣнявшееся волостными судами между прочимъ и противъ недоимщиковъ.

Цѣль крестьянской реформы составители положеній 19 февраля 1861 года полагали „въ дѣйствительномъ освобожденіи крестьянскаго сословія отъ крѣпостной зависимости и въ дѣйствительномъ дарованіи ему гражданскихъ правъ“. Для достиженія этого имъ представлялось недостаточнымъ обезпечить за крестьяниномъ одну личную свободу съ землею. Реформа была намѣчена несравненно большаго размѣра. Въ основаніе ея продположено было поставить „гласность, учрежденіе самостоятельнаго, независимаго, общаго для всѣхъ сословій суда, отвѣтственность должностныхъ лицъ передъ судомъ, строгое разграниченіе властей судебной, административной, полицейской и самоуправленіе общества“. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи составители Положеній 19 февраля особенно настаивали на томъ, чтобы мѣстное управленіе было „общее, выборное для всѣхъ сословій и отвѣтственное только передъ судомъ и обществомъ, а утвержденіе въ должностяхъ должно зависѣть исключительно отъ правильности избранія, а не отъ произвола властей“.

Враждебное отношеніе большинства нашихъ крупныхъ чиновниковъ и во время созданія Положеній 19 февраля, и позднѣе все время, вплоть до 17 октября 1905 года, свело почти—что на нѣтъ всѣ эти благіе порывы сторонниковъ крестьянскаго освобожденія.

Правда, издано было много, очень много разныхъ законовъ касательно крестьянъ и ихъ быта, но, какъ мы выше указывали, ими нисколько не улучшено было положеніе крестьянъ ни въ отношеніи уравненія правъ ихъ съ лицами другихъ сословій, ни въ отношеніи поднятія ихъ имущественнаго благосостоянія.

Вплоть до послѣдняго времени по смыслу дѣйствовавшихъ, да и до сихъ поръ въ большей части свое еще не отмѣненныхъ законовъ, крестьяне по прежнему, какъ и послѣ 19 февраля 1861 года, продолжаютъ оставаться неполноправнымъ и обособленнымъ отъ другихъ классовъ общества сословіемъ. Они имѣютъ свой особый судъ, отдѣльное управленіе и постоянно состоятъ подъ опекой особыхъ именно съ этою цѣлью созданныхъ чиновниковъ—земскихъ начальниковъ.

Мало того, посаженные подъ опеку этихъ малоопытныхъ и плохо образованныхъ чиновниковъ, крестьяне наши до сихъ поръ живутъ, въ отличіе отъ другихъ гражданъ Россіи, такъ сказать, внѣ законовъ гражданскихъ, что еще болѣе отдѣляетъ ихъ отъ остальныхъ классовъ нашего общества, и бѣдѣ этой до сихъ поръ нельзя помочь.

Дѣло въ томъ, что наши гражданскіе законы, помѣщенные въ т. X ч. I свода законовъ, созданы были въ самомъ расцвѣтѣ крѣпостного права, когда крестьянинъ не считался человѣкомъ, а скорѣе приравнивался къ вещи, которую можно было купить, продать, мѣнять, даже уничтожать, по прихоти господина. Весь внутренній укладъ крестьянской жизни, всѣ внутреннія отношенія въ этой средѣ, ея нравы и обычаи оставались совершенно забытыми закономъ, который считалъ излишнимъ заниматься жизнью „подлаго“ народа. Мало того, благодаря т. X, ч. I свода законовъ, въ крѣпо-

стное время все населеніе Россіи рѣзко дѣлилось на двѣ группы: на лицъ, жившихъ „внѣ закона"—крестьянство, и на тѣ классы остального населенія—дворянъ, и „разночинцевъ", бытовыя отношенія которыхъ подчинялись дѣйствію существующихъ законовъ гражданскихъ.

Именно этимъ полнымъ несоотвѣтствіемъ правилъ т. X, ч. I св. закон. условіямъ крестьянской жизни и слѣдуетъ объяснить, почему, приступая къ освобожденію крестьянъ, составители Положеній 19 февраля 1861 года, озабоченные благоустройствомъ новыхъ гражданъ Россійской имперіи, не рѣшились распространить на нихъ въ области ихъ взаимныхъ отношеній, дѣйствіе статей т. X, ч. I св. закон. Какъ мы указывали выше, составители Положеній желали объединить всѣхъ гражданъ подъ дѣйствіемъ однихъ общихъ гражданскихъ законовъ; но они сами сознавали, что законы эти (дѣйствующіе у насъ и до сихъ поръ), были слишкомъ далеки и чужды крестьянской жизни. Потому-то составители Положеній 19-го февраля 1861 года и сочли за лучшее предоставить крестьянамъ руководиться существующими у нихъ въ данной мѣстности обычаями, чѣмъ навязывать неподходящія къ крестьянскому быту правила т. X, ч I свода законовъ. Тѣ же причины и до сихъ поръ дѣлаютъ невозможнымъ и во всякомъ случаѣ нежелательнымъ такое примѣненіе ихъ среди крестьянъ.

Печальное положеніе обособленности крестьянъ добавляетъ теперь еще и спеціально крестьянскій волостной судъ. По правиламъ 1889 года судъ этотъ созданъ на началахъ полнаго смѣшенія власти судебной и полицейской. Онъ скорѣе всего похожъ теперь на чиновничью канцелярію, состоя въ полной зависимости отъ произвола земскаго начальника. Въ конечномъ выводѣ, въ настоящее время эти суды волостные послѣ 1889 года влачатъ самое жалкое существованіе, не помогая крестьянамъ искать правду, а скорѣе запутывая ихъ и поселяя полное недовѣріе къ правосудію.

Наконецъ, по прежнему не хватаетъ крестьянамъ и свободы передвиженія. Выходъ крестьянъ изъ общест-

ва, какъ при общинномъ, такъ и при подворномъ землепользованіи, обставленъ въ законѣ цѣлымъ рядомъ стѣснительныхъ условій, массой разныхъ канцелярскихъ ухищреній, которыя совершенно безполезны и вызываютъ только непроизводительную затрату денегъ и времени на выправку разныхъ документовъ и открываютъ широкую возможность для злоупотребленій и вымогательствъ со стороны сельскихъ сходовъ и должностныхъ лицъ крестьянскаго самоуправленія.

При этомъ, если бы крестьянинъ пріобрѣлъ имущество, или завелъ постоянный промыселъ въ другомъ мѣстѣ, который требовалъ бы постояннаго въ немъ пребыванія, все таки не этотъ центръ его экономическихъ и жизненныхъ интересовъ будетъ мѣстомъ его жительства, какъ это установлено для лицъ другихъ сословій (ст. 2 Пол. вид. на жит.), а именно отдаленное и чуждое ему мѣсто приписки. Крестьянинъ можетъ родиться и жить всю жизнь внѣ этого мѣста приписки, и все-таки въ постоянномъ мѣстѣ его занятій и жизни онъ будетъ считаться находящимся „въ отлучкѣ по паспорту“.

Не лучше обстоитъ дѣло и въ отношеніи переселеній. На мѣстахъ выселенія и водворенія забота о переселенцахъ возложена, главнымъ образомъ, на канцеляріи чиновниковъ, вѣдающихъ крестьянъ. И безъ того уже обремененные массой работы, чиновники эти край не тяготятся чуждымъ ихъ бумажной дѣятельности переселенческимъ дѣломъ, требующимъ къ тому же особенныхъ свѣдѣній и знаній. Поэтому, они заботятся не о дѣлѣ, а объ одномъ письмоводствѣ по переселенческому вопросу. Они прямо враждебно иной разъ встрѣчаютъ крестьянъ, желающихъ переселиться, видя въ ходатайствѣ ихъ одно нагроможденіе на себя массы лишняго и постылаго дѣла. Теперь, обыкновенно, простое разрѣшеніе на переселеніе получается послѣ соблюденія безконечныхъ формальностей и канцелярской волокиты, продолжающейся иной разъ не годъ, не два, а даже больше. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ настоящее время, собственно говоря, переселеіе является доступ-

нымъ только зажиточнымъ домохозяевамъ; имущественную поддержку правительство мало кому оказываетъ. А издержки по переселенію все же такъ велики, особенно, если присчитать сюда расходы по обзаведенію на новыхъ мѣстахъ, что маломочному крестьянину нечего и думать улучшить свое положеніе путемъ переселенія.

Еще болѣе печально выглядитъ теперь хозяйственное положеніе крестьянъ. Можно прямо сказать, что оставленные правительствомъ послѣ 1861 года безъ всякой экономической поддержки, крестьяне дошли теперь до крайней степени нищеты. Статистическія изслѣдованія, произведенныя извѣстнымъ знатокомъ этого дѣла Ѳ. А. Щербиной, показываютъ прямо невѣроятно низкій уровень прожиточности нашего сельскаго населенія и тотъ ничтожный размѣръ потребностей, при которомъ крестьянинъ считаетъ сноснымъ свое существованіе. Оказывается, что эти потребности въ общемъ удовлетворяются затратой на одну душу сельскаго населенія въ сутки... пятнадцати копѣекъ. „Этими 15 копѣйками измѣряются всѣ потребности крестьянина—личныя, семейныя, государственныя, т. е. расходы и на хлѣбъ, и на приварокъ, и на продукты животноводства или огородничества, и на будничныя одежды, и на предметы щегольства, моды и домашней обстановки, и на жилища, и на строенія, и на содержаніе скота, и на удовольствія, и на умственныя потребности“.

Однако, за послѣднее время сельскій обыватель обнищалъ настолько, что, за отсутствіемъ возможности получать откуда-либо себѣ достаточно средствъ, не въ состояніи уже, въ большинствѣ случаевъ, покрыть и эти свои минимальные расходы.

Важнѣйшимъ источникомъ крестьянскаго дохода и теперь по прежнему служитъ земля; но крайней мѣрѣ опытъ ряда лѣтъ показалъ тщету усилій перестроить крестьянскій хозяйственный бытъ путемъ промышленнаго развитія страны. Между тѣмъ, именно въ области землевладѣнія дѣло стоитъ теперь болѣе чѣмъ неблагополучно.

Мы говорили выше, что помѣщичьи крестьяне и при освобожденіи получили въ надѣлъ сравнительно ограниченное количество земли, которой уже тогда въ среднемъ приходилось на наличную мужскую душу около $3^1/_2$ десятинъ. Принимая же въ соображеніе приростъ населенія, увеличившагося за время до 1897 г. (считая отъ послѣдней ревизіи 1851 г.) на $93^0/_0$, можно легко вычислить, что число душъ мужскаго пола у бывшихъ крѣпостныхъ крестьянъ должно теперь достигать 20 милліоновъ. Если на это число раздѣлить отведенное въ надѣлъ бывшимъ крѣпостнымъ количество земли (37,1 милліон. десятинъ), то окажется, что въ настоящее время средній душевой надѣлъ у бывшихъ крѣпостныхъ понизился уже до 1,8 десятины. При такомъ малоземельѣ теперь крестьяне въ большинствѣ случаевъ (до $74^0/_0$ всѣхъ ихъ) собираютъ со своихъ надѣловъ хлѣба менѣе 22 пудовъ на душу, т. е. менѣе того количества, которое требуется для прокормленія себя, семьи и необходимой въ хозяйствѣ скотины.

Болѣе благопріятнымъ образомъ было проведено поземельное устройство бывшихъ государственныхъ и удѣльныхъ крестьянъ, (въ общемъ болѣе $10^1/_2$ милліоновъ ревизскихъ душъ). Въ среднемъ первые при освобожденіи получили около 6,7 десятины, а удѣльные крестьяне—не менѣе 5 десятинъ на душу. Однако и здѣсь естественный приростъ населенія повліялъ крайне неблагопріятно на землевладѣніе. Согласно матерьяламъ комиссіи 16 ноября 1901 года по изслѣдованію вопроса о движеніи съ 1861 по 1900 г. благосостоянія сельскаго населенія средне-земледѣльческихъ губерній сравнительно съ другими мѣстностями Европейской Россіи,— средній размѣръ надѣла на одну душу мужского пола крестьянъ всѣхъ разрядовъ, т. е. бывшихъ помѣщичьихъ, удѣльныхъ, государственныхъ и т. д., представлялъ въ 1900 году до 2,6 десятины. При этомъ менѣе всего земли на душу (отъ 1,4 десят. до 1,7 десят.) приходилось въ Юго-Западномъ краѣ и малороссійскихъ

губерніяхъ, болѣе всего (отъ 4,8 до 4,6 десят.) въ восточномъ, сѣверномъ и сѣверо-восточномъ раіонахъ.

Въ общемъ можно сказать, что теперь у большинства сельскихъ обывателей малоземелье, въ связи къ тому же съ черезполосицей, дошло до такого предѣла, когда уже самый переходъ отъ трехполья къ высшей, болѣе интенсивной культурѣ представляется затруднительнымъ безъ извѣстнаго предварительнаго увеличенія земельныхъ надѣловъ до такого размѣра, который представлялся бы наиболѣе соотвѣтствующимъ рабочимъ силамъ крестьянской семьи и давалъ бы возможность вести раціональное сельское хозяйство.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, крестьяне и до сихъ поръ продолжаютъ оставаться главной доходной статьей для казны. Дѣло въ томъ, что у насъ правительство большинство доходовъ своихъ получаетъ путемъ обложенія разными налогами недвижимыхъ имуществъ. Въ тоже время, земскія повинности также лежатъ почти исключительно на землѣ; наконецъ, всѣ частныя мірскія повинности—сельскія и волостныя, представляющія въ общемъ очень высокій налогъ, во многихъ мѣстахъ значительно превышающій сборы въ земства, падаютъ на землю. Вслѣдствіе этого, тяжесть обложенія крестьянской земли достигаетъ очень крупныхъ размѣровъ и составляетъ одну изъ главнѣйшихъ причинъ, препятствующихъ развитію и процвѣтанію крестьянскаго хозяйства, доходъ съ котораго почти цѣликомъ собирается теперь въ казну, а на рукахъ у крестьянъ остаются лишь скудные остатки, рѣдко достаточные для удовлетворенія ихъ основныхъ потребностей. Достаточно сказать, что 30, 50, мѣстами даже до 125 $^0/_0$ чистаго дохода съ надѣльной земли поступаетъ съ крестьянъ въ казну... Таковъ вышелъ конечный результатъ желанія Я. И. Ростовцева, чтобы земельный надѣлъ былъ предоставленъ освобожденному отъ крѣпостной зависимости народу „для обезпеченія его быта и исполненія обязанностей его передъ правительствомъ“....

Если добавить сюда состояніе почти полной безграмотности нашего крестьянства, продолжающей свое существованіе, благодаря отсутствію достаточнаго количества школъ и плохому состоянію тѣхъ, какія существуютъ,—то неудивительно, что, наконецъ, и наше бюрократическое правительство, увидѣло, что для благосостоянія крестьянъ слишкомъ мало одного „попечительнаго надзора“ и выколачиванія податей, что крестьянинъ дошелъ до крайней степени одичанія и, обнищанія—и спохватилось. Послѣ долгихъ колебаній и размышленій, рѣшено было созвать особыя совѣщанія изъ свѣдующихъ лицъ (тоже почти исключительно чиновниковъ) для разрѣшенія крестьянскаго вопроса.

Начиная съ знаменитой въ своемъ родѣ Кахановской комиссіи (1880—85 г.г.), такихъ совѣщаній созывалось до послѣдняго времени не менѣе десяти по самымъ разнообразнымъ вопросамъ крестьянскаго быта. Укажемъ здѣсь лишь на нѣкоторыя, имѣвшія болѣе существенное значеніе, хотя бы въ смыслѣ выясненія тѣхъ или другихъ сторонъ крестьянскаго вопроса.

Въ 1894 г. рѣшено было мин. внутр. дѣлъ приступить къ пересмотру узаконеній о крестьянахъ, съ тѣмъ, чтобы „трудъ сей обнималъ всѣ стороны сельскаго быта и коснулся наиболѣе существенныхъ и жизненныхъ интересовъ многомилліоннаго крестьянскаго населенія“. Въ цѣляхъ упорядоченія подготовительныхъ работъ было рѣшено создать особыя губернскія совѣщанія, въ составъ которыхъ вошли, по преимуществу, мѣстныя административныя должностныя лица. На обсужденіе этихъ совѣщаній, въ іюнѣ 1894 года, разослана была особая программа вопросовъ по пересмотру крестьянскаго законодательства (всего 66 вопросовъ). Всѣ они не затрагивали коренныхъ основаній крестьянскаго устройства, но относились лишь къ разнымъ довольно мелкимъ усовершенствованіямъ существующаго порядка, при неизмѣнномъ сохраненіи его главныхъ основаній. А именно, на разсмотрѣніе совѣщаній предложены были вопросы: о размѣрахъ сельскаго общества и

волостей, о составѣ волостныхъ, сельскихъ и селенныхъ сходовъ, объ условіяхъ службы волостныхъ и сельскихъ должностныхъ лицъ, о порядкѣ пріема въ сельскія общества и волости, а также объ увольненіи изъ нихъ, о передѣлахъ мірской земли и другихъ условіяхъ землепользованія, семейныхъ раздѣлахъ, о нотаріальной части въ селеніяхъ и т. п.

Губернскія совѣщанія, поставленныя въ такіе тѣсные предѣлы, дали очень много техническихъ отвѣтовъ и отзывовъ и очень мало затронули коренные вопросы крестьянскаго экономическаго и правового порядка.

На основаніи трудовъ этихъ губернскихъ совѣщаній составленъ былъ, къ началу 1904 года, проэктъ новаго положенія о крестьянскомъ состояніи, которому едва ли когда удастся получить силу закона: на столько проектъ этотъ проникнутъ прежнимъ духомъ сословной обособленности крестьянъ, административной опекой и полнымъ пренебреженіемъ къ дѣйствительно вопіюще-печальнымъ сторонамъ крестьянскаго быта.

23 января 1902 года, учреждено было новое совѣщаніе о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности. И здѣсь, въ цѣляхъ болѣе подробнаго изученія предмета, созданы были по губерніямъ особые комитеты, въ предметъ занятій которыхъ входило, между прочимъ, обсужденіе положенія и потребностей крестьянскаго хозяйства. Изслѣдуя этотъ вопросъ, комитеты убѣдились, что все хозяйство крестьянъ поставлено въ невозможныя условія, почему прежде всего стали изучать нужды крестьянскаго хозяйства. Мѣстные комитеты о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности пришли къ убѣжденію что для возможности поднять имущественное благосостояніе крестьянства необходимо прежде всего освободить его отъ связывающихъ его чиновничьихъ путъ и, вообще, отъ того приниженнаго и полу—безправнаго общественнаго положенія, въ которомъ оно нынѣ находится, уравнять его въ правахъ съ другими сословіями и создать ему дѣйствительное самоуправленіе всесословнаго типа.

Рядомъ съ указаніями на такія перемѣны въ общественномъ положеніи крестьянъ, въ смыслѣ полнаго уравненія его въ правахъ и обязанностяхъ съ другими сословіями, мѣстные комитеты намѣтили цѣлый рядъ новыхъ мѣръ и въ области чисто хозяйственнаго и семейнаго быта крестьянъ, улучшенія дорогъ, земледѣлія, промышленности, созданія дешеваго и скораго кредита и т. д.

Вмѣстѣ съ тѣмъ продолжало въ 1904 г. работу объ улучшеніи крестьянскаго благосостоянія и особое совѣщаніе, надъ предсѣдательствомъ С. Ю. Витте. Однако, оно должно было, подъ давленіемъ дворцовой партіи, враждебно настроенной противъ реформъ, на половинѣ прервать свою дѣятельность и прекратить свое существованіе. Вмѣстѣ съ нею, однако, не прекратило своего бытія освободительное движеніе всего мыслящаго русскаго общества. Могучимъ потокомъ поднялось оно и сломило, наконецъ, нашъ старый чиновничій строй правленія, которымъ отстраненъ былъ царь отъ непосредственной близости къ своему народу Манифестами 6 августа и 17 октября 1905 года создано было это общеніе царя съ народомъ.

Этими двумя актами, громадное значеніе которыхъ можно приравнять только къ манифесту 19 февраля 1861 года, наконецъ-то освобождена была Россія отъ крѣпостного ига надъ всѣмъ обществомъ неограниченной и полноправной власти чиновниковъ и направлена на путь закономѣрнаго своего развитія, взамѣнъ того полицейскаго указного произвола, подъ гнетомъ котораго она до тѣхъ поръ изнывала, живя не по закону, а по произволу и усмотрѣнію начальства.

Манифестомъ 17 октября даны были всѣмъ классамъ общества „незыблимыя основы гражданской свободы на началахъ дѣйствительной неприкосновенности личности, свободы совѣсти, слова, собраній и союзовъ“....

Близко теперь время, когда и крестьянство наше, уравненное въ правахъ съ другими классами общества, при посредствѣ свободно избранныхъ представителей

своихъ въ Государственной Думѣ будетъ имѣть не только право но и обязанность, обсуждать новые законы, изготовленные министрами, а равно само вносить на обсужденіе предположенія новыхъ законодательныхъ правилъ.

II.

Что необходимо сдѣлать для улучшенія крестьянскаго быта?

Крестьянская жизнь теперь неизбѣжно должна пойти новыми путями. Можно смѣло сказать, что съ 17 октября 1905 года необходимо будетъ Государственной Думѣ обратить самое серьезное вниманіе на выработку и изданіе новыхъ законовъ, которыми могло бы руководствоваться все наше сельское населеніе въ области, какъ своихъ общественныхъ отношеній, такъ равно въ своемъ хозяйствѣ и даже въ болѣе мелкихъ сторонахъ и вопросахъ жизни. Теперь трудно себѣ и представить, насколько сложна и всеобъемлюща должна быть въ этой области дѣятельность законодателя. Трудно даже просто перечислить всѣ неизбѣжно предстоящія здѣсь реформы.

Конечно, и мы не можемъ, въ сравнительно небольшомъ очеркѣ, указать все, что нужно немедленно преобразовать законодательнымъ путемъ въ области крестьянскаго правопорядка; однако попытаемся, хотя въ общихъ чертахъ, указать на болѣе всего необходимыя и неотлагательныя преобразованія, безъ осуществленія которыхъ крестьяне и позднѣе останутся обособленнымъ сословіемъ отъ другихъ русскихъ гражданъ, и по прежнему будутъ въ вѣчномъ нищенскомъ полуголодномъ состояніи.

Реформы въ цѣляхъ уравненія правъ крестьянъ съ другими гражданами Россіи.

Отмѣна крестьянской обособленности и административной опеки.

Положеніе о крестьянахъ 19 февраля 1861 года, привсемъ огромномъ значеніи своемъ, было издано какъ временное, съ цѣлью, главнымъ образомъ, установленія порядка въ переходную эпоху, при наличности временно обязанныхъ отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ. Въ близкомъ тогда будущемъ предполагалось урегулировать правоотношенія милліоновъ освобожденныхъ опредѣленными нормами въ духѣ великаго акта 19 февраля, провозгласившаго свободу для крѣпостныхъ и равенство всѣхъ передъ закономъ. Но предположенія эти не сбылись. Какъ мы говорили уже выше (стр. 49 слѣд.) подъ давленіемъ ставшихъ у власти крѣпостниковъ въ душѣ, правительство и не подумало развивать и прививать населенію освободительныя начала реформы 19 февраля 1861 года и постепенно устранять остатки ограничительныхъ для крестьянъ постановленій. Взамѣнъ того оно мало по малу отдѣлило крестьянъ высокою стѣною отъ всѣхъ другихъ сословій, создало для нихъ рядъ ограничительныхъ нормъ и окружило ихъ опекою цѣлой сѣти выборнаго и назначаемаго начальства. Постепенно выборные элементы перестали служить органами крестьянскаго самоуправленія и сдѣлались также начальствомъ. Въ лицѣ десятскихъ, сотскихъ, старостъ, урядниковъ, писарей, старшинъ, становыхъ приставовъ, земскихъ начальниковъ и исправниковъ крестьянинъ видитъ теперь передъ собою рядъ властей, предъявляющихъ къ нему многочисленныя требованія. Законы и обычаи, которыми нормируется вся его жизнь, до такой степени многочисленны, сложны и часто не ясны, что разобраться въ нихъ онъ совершенно не въ состояніи. Защиты отъ возможнаго въ отдѣльныхъ случаяхъ произвола ждать неоткуда. Обособленное законодатель-

ство, множество начальствъ—своихъ и назначенныхъ, которыя далеко не всегда опекаютъ его въ предѣлахъ, указанныхъ закономъ, все это создаетъ обстановку, дѣйствующую на правовое міросозерцаніе народа совершенно деморализующимъ образомъ, принижаетъ въ немъ чувство личности, подавляетъ инициативу и самодѣятельность.

Главнымъ основаніемъ созданія института земскихъ начальниковъ было желаніе вызвать къ жизни близкую къ народу твердую правительственную власть, которая соединяла бы въ себѣ попечительство надъ сельскими обывателями съ обязанностями по охраненію благочинія, общественнаго порядка, безопасности и правъ частныхъ лицъ въ сельскихъ мѣстностяхъ. Для достиженія сказанныхъ цѣлей земскимъ начальникамъ 61-й статьею положенія 12 іюля 1889 года было представлено налагать на лицъ, подвѣдомственныхъ крестьянскому управленію, безъ всякаго формальнаго производства и безъ права обжалованія, взысканія за неисполненіе законныхъ распоряженій или требованій земскаго начальника, а статьями 30-й и 31-й того же положенія дано право разсматривать всѣ приговоры волостныхъ и сельскихъ сходовъ, и тѣ изъ нихъ, которые земскими начальниками будутъ признаны несогласными съ законами, клонящимися къ явному ущербу сельскихъ обществъ или нарушающими права отдѣльныхъ членовъ, представлять въ уѣздные съѣзды для отмѣны.

Положеніе 12 іюня 1889 года, будучи актомъ полнаго недовѣрія къ самоуправленію крестьянъ, и было понято большинствомъ земскихъ начальниковъ, какъ призывъ къ всесторонней опекѣ надъ самоуправленіемъ. Въ результатѣ въ настоящее время ни одинъ сколько-нибудь важный приговоръ схода не получаетъ своей силы, пока онъ не разсмотрѣнъ земскимъ начальникомъ. Въ то же время между земскими начальниками широко распространился обычай присутствовать на сходахъ. Этимъ всякій, даже самый отдаленный, признакъ самоуправленія былъ уничтоженъ. Какой же можетъ быть

сельскій или волостной сходъ съ задачами самоуправленія, когда за спиной этого схода, а часто и на самомъ сходѣ, стоитъ лицо, обладающее неограниченной властью и надъ членами схода и надъ должностными лицами?

Предсѣдателемъ схода и иниціаторомъ его созыва является сельскій староста, лицо выбранное сельскимъ сходомъ. Если припомнить, что этотъ староста утверждается земскимъ начальникомъ дискреціонно и можетъ подвергаться со стороны послѣдняго за маловажные служебные проступки административнымъ взысканіямъ, безъ формальнаго производства, въ видѣ штрафа до 5 руб. или ареста до 7 дней, а самъ, въ свою очередь, можетъ каждаго изъ членовъ схода тѣмъ же порядкомъ оштрафовать до 1 руб. или арестовать до 2 дней, то ненормальность такого предсѣдателя становится внѣ всякаго сомнѣненія. Во что бы, напримѣръ, обратились земскія собранія, если бы предсѣдателямъ ихъ было предоставлено право штрафовать или сажать подъ арестъ гласныхъ?...

При такомъ положеніи дѣла, самодѣятельности и почину крестьянина негдѣ проявится: даже въ распоряженіи своими мірскими дѣлами, въ распоряженіи денежными суммами, въ распоряженіи личнымъ имуществомъ, въ пользованіи своей надѣльной землею, въ семейномъ быту, наконецъ, крестьяне связаны по рукамъ и ногамъ административной опекой; даже о нравственности крестьянина призваны заботиться должностныя лица. Говоря иначе, крестьянинъ не можетъ двинуться безъ разрѣшенія и указаній административной опеки. При такихъ условіяхъ нельзя и думать о свободномъ развитіи крестьянской личности, а вмѣстѣ съ тѣмъ и о подъемѣ хозяйственной дѣятельности крестьянина. Самодѣятельность, починъ, широкій кругозоръ, смѣлая иниціатива и увѣренность въ своихъ силахъ—всѣ эти условія, столь необходимыя для развитія хозяйственной дѣятельности, не могутъ имѣть мѣста при современномъ положеніи вещей, благодаря чему, деревня стоитъ на пути положительнаго обнищанія и разоренія.

Признакомъ невозможности современныхъ условій крестьянской жизни подъ вѣчнымъ давленіемъ на нее „попечительной руки“ начальства служитъ уже то печальное явленіе, что теперь лучшія силы деревни, какія есть, бѣгутъ изъ нея въ другія сословія, или сторонятся отъ дѣятельнаго участія въ общественной жизни, уклоняются отъ общественныхъ должностей, избѣгаютъ суда, остерегаются высказываться публично и всегда готовы на всякія уступки, лишь бы не прійти въ столкновеніе какъ съ начальствомъ, такъ и съ односельцами.

Въ одномъ изъ докладовъ административнаго отдѣленія редакціонныхъ комиссіи по реформѣ 1861 года мы находимъ мѣсто, удивительно удачно отвѣчающее на вопросы о мѣрахъ къ упорядоченію современнаго неустройства нашего крестьянскаго быта:

„Большинство членовъ перваго приглашенія“ говорится здѣсь—„подвергая подробному разсмотрѣнію недостатки настоящей системы администраціи, находитъ, что они заключаются въ мелочной правительственной опекѣ надъ всею жизнью народа, въ соединеніи всего управленія въ рукахъ одной безотвѣтственной исполнительной власти и въ совершенномъ отсутствіи самостоятельной судебной власти. По симъ кореннымъ недостаткамъ вся администрація наша представляетъ цѣлую систему злоупотребленій, которыя могутъ быть устранены только радикальной реформой управленія. Въ основаніе сей реформы должны быть, по мнѣнію всѣхъ членовъ губернскихъ комитетовъ, постановлены: гласность, учрежденіе самостоятельнаго, независимаго, общаго для всѣхъ сословій суда, отвѣтственность должностныхъ лицъ передъ судомъ, строгое разграниченіе властей судебной, административной и полицейской и самоуправленіе общества... На сихъ главныхъ началахъ должно быть немедленно организовано новое управленіе; иначе Россію ожидаетъ полный произволъ чиновниковъ, ведущій къ волненіямъ и безпорядкамъ“.

Событія послѣднихъ 45 лѣтъ подтвердили вѣрность этихъ замѣчаній редакціонныхъ комиссій. Дѣйствительно до тѣхъ поръ, пока правительство будетъ смотрѣть на крестьянское населеніе исключительно какъ на податную и рабочую силу, недостижимо духовное и экономическое развитіе народной массы. Прежде всего должно отрѣшиться отъ взгляда на крестьянство, какъ на низшее сословіе. Передъ закономъ должны быть всѣ равны; всѣ русскіе граждане должны пользоваться одинаковыми личными правами, обезпеченными правильной формой суда, свободнаго отъ воздѣйствія административной власти; всѣ должны быть равно ограждены отъ давленія администраціи въ своихъ хозяйственныхъ и общественныхъ распорядкахъ. Только съ поднятіемъ личности крестьянина и освобожденіемъ его отъ административной опеки можетъ послѣдовать развитіе самодѣятельности и чувства гражданственности въ крестьянской средѣ,— этихъ необходимыхъ условій успѣха въ государственной и экономической жизни народа вообще.

Реорганизація крестьянскаго управленія.

Въ настоящее время волостныя и сельскія учрежденія носятъ двойственный характеръ: они въ одно и тоже время сословныя крестьянскія, и вмѣстѣ съ тѣмъ административныя—правительственныя и земскія, обслуживающія къ тому же цѣлый рядъ лицъ и не крестьянскаго званія.

Сельскія общества нынѣ уже не представляютъ той однообразной картины, какая была ранѣе при освобожденіи крестьянъ. Теперь появился многочисленный классъ сельскихъ обывателей, не имѣющихъ связи съ крестьянами въ отношеніи землепользованія. Въ то же время этотъ классъ, весьма разнородный по составу, пришелъ въ такое тѣсное соприкосновеніе съ жизнью крестьянъ, что считать его совершенно оторваннымъ отъ деревни и не принимать въ соображеніе его нуждъ не представляется болѣе возможнымъ.

Можно прямо сказать, что теперь, кромѣ области землевладѣнія и землепользованія и связанныхъ съ нею отношеній, по всѣмъ остальнымъ вопросамъ совмѣстной жизни нѣтъ уже какихъ-либо исключительно крестьянскихъ интересовъ. Не только вопросы о церкви, школѣ, призрѣніи, продовольствіи, но и дѣла по пріему и увольненію членовъ общества, учетъ должностныхъ лицъ, раскладка повинностей, принесеніе жалобъ и ходатайствъ по общественнымъ нуждамъ—все это одинаково относится ко всѣмъ жителямъ сельскихъ обществъ и волостей, независимо отъ того, владѣютъ они, или нѣтъ, земельнымъ надѣломъ. Наконецъ, и крестьянскія волостныя учрежденія на дѣлѣ уже давно обслуживаютъ интересы лицъ всѣхъ сословій, проживающихъ въ предѣлахъ волости. Болѣе всего они теперь обременены исполненіемъ общеадминистративныхъ и казенныхъ обязанностей: веденіе общей статистики, съ доставленіемъ свѣдѣній статистическаго характера по требованіямъ разныхъ лицъ и учрежденій, завѣдываніе разнообразными дѣлами, касающимися воинской повинности, строительной, медицинской помощи, участіе во взиманіи податей, паспортныя дѣла, нотаріальныя дѣла, связанныя съ веденіемъ посемейныхъ списковъ—таковы главнѣйшіе предметы вѣдомствъ волостныхъ правленій въ наше время

Подобное смѣшеніе частныхъ сословныхъ и общихъ мѣстныхъ, правительственныхъ и земскихъ функцій въ однихъ и тѣхъ же крестьянскихъ учрежденіяхъ производитъ невѣроятную путаницу и сумбуръ въ области волостного и сельскаго быта, и не можетъ быть никакимъ образомъ долѣе терпимо въ обновленной манифестомъ 17 октября 1905 г. Россіи.

Обращаясь къ вопросу о томъ, на какихъ началахъ слѣдовало бы организовать учрежденія для завѣдыванія мѣстнымъ управленіемъ, слѣдуетъ отмѣтить, что основнымъ принципомъ этихъ учрежденій должна быть ихъ всесословность, или вѣрнѣе безсословность. Затѣмъ необходимо раздѣленіе задачъ чисто административныхъ и государственныхъ отъ задачъ мѣстныхъ

хозяйственныхъ. Полиція безопасности, податное дѣло, раскладка и взиманіе налоговъ, воинская и военно-конская повинность должна находиться въ рукахъ правительственныхъ и административныхъ органовъ, разумѣется, уже не выборныхъ крестьянскихъ чиновъ, но лицъ, назначаемыхъ отъ правительства.

Рядомъ съ этимъ въ сельскихъ обществахъ несомнѣнно существуютъ особые крестьянскіе интересы, касающіеся главнымъ образомъ области крестьянскаго землевладѣнія и землепользованія. Вѣдомство этихъ дѣлъ должно предоставить по прежнему *селенному* сходу лицъ, связанныхъ общностью землепользованія, какъ учрежденію, дѣйствующему и въ настоящее время въ этой области вполнѣ успѣшно. Необходимо только облегчить и даже совершенно отмѣнить вмѣшательство правительственныхъ органовъ въ поземельно-распорядительную дѣятельность сельскихъ обществъ.

Отмѣтимъ здѣсь, что понимать область вопросовъ о крестьянскомъ землевладѣніи и землепользованіи слѣдуетъ возможно обширнѣе, относя сюда не только вопросы о передѣлахъ мірской земли, скидкѣ и накидкѣ тяголъ, о выморочныхъ участкахъ и т. п., но и всѣ вообще другія отношенія, вытекающія изъ общности землевладѣнія какъ, напр., о водопоѣ, о выгонѣ, объ общественномъ быкѣ и т. д. Затѣмъ, къ вѣдомству селенныхъ сходовъ должны отойти какъ вопросы, имѣющіе частно-правовой характеръ, такъ и нѣкоторыя функціи публично правовыя. Такъ, напр., раскладка податей и повинностей, по тѣсной связи съ землепользованіемъ, должна быть и впредь исполняема крестьянскими земельными общинами и союзами подворныхъ владѣльцевъ, то-же имѣющихъ, какъ извѣстно, цѣлый рядъ общихъ интересовъ въ области землевладѣнія и землепользованія.

Затѣмъ каждое селеніе въ составѣ, положимъ, не менѣе 20 дворовъ, должно, въ административно-хозяйственномъ отношеніи, представлять безсословное сельское общество, образованное на началахъ общественнаго единенія городского типа, т. е. образовать въ составѣ

своемъ органѣ, охраняющій интересы населенія не извѣстной территоріи съ нѣсколькими находящимися на ней селеніями, но каждаго отдѣльнаго селенія. Въ основаніи такой реформы лежитъ то соображеніе, что мельчайшая всесословная организація призвана вѣдать интересы, вытекающіе изъ общности общежитія; эти-же интересы всегда имѣются на лицо у обывателей одного и того же селенія и могутъ отсутствовать у обывателей нѣсколькихъ поселковъ, хотя и близко другъ отъ друга лежащихъ. Поэтому, объединяя въ сельское общество населеніе извѣстной территоріи, независимо отъ того, совмѣстно ли оно живетъ, или въ разныхъ мѣстахъ, можно легко впасть въ ошибку и предположить общіе интересы тамъ, гдѣ ихъ вовсе нѣтъ.

Всесословная организація необходима для селеній всякаго рода. Она нужна и для тѣхъ поселковъ, гдѣ наряду съ кореннымъ крестьянскимъ населеніемъ проживаетъ значительное число обывателей иныхъ сословій: съ одной стороны, освобожденіе ихъ отъ сельскихъ сборовъ, необходимыхъ въ интересахъ общежитія, теперь для нихъ совершенно несправедливая льгота; съ другой стороны, такое же неосновательное ограниченіе ихъ правъ теперь состоитъ въ лишеніи возможности участвовать въ поселковомъ управленіи и въ разрѣшеніи вопросовъ, въ которыхъ они часто заинтересованы болѣе самихъ крестьянъ. Всесословная организація, по типу простѣйшаго городского управленія, желательна и для селеній съ исключительно крестьянскимъ составомъ жителей. Дѣло въ томъ, какъ уже показалъ печальный опытъ настоящаго времени, что вопросы общественнаго благоустройства не могутъ безъ ущерба для дѣла вѣдаться тѣми же многолюдными собраніями домохозяевъ, которые рѣшаютъ вопросы о землевладѣніи: земельныя дѣла такъ глубоко затрагиваютъ интересы всѣхъ членовъ общества, что рѣшеніе ихъ должно быть предоставлено всѣмъ домохозяевамъ; вопросы же благоустройства, болѣе сложные и менѣе непосредственно касающіеся ин-

тересовъ всѣхъ и каждаго, не могутъ быть съ успѣхомъ рѣшаемы толпой и требуютъ выборной организаціи.

Въ поселкахъ менѣе 20 дворовъ, благодаря малочисленности жителей, вопросъ о самоуправленіи упрощается; здѣсь нѣтъ надобности создавать выборное управленіе. При немноголюдныхъ сельскихъ сходахъ, этимъ послѣднимъ съ успѣхомъ можно поручить вѣдомство всѣхъ хозяйственныхъ и земельныхъ дѣлъ поселка.

Наконецъ, что касается до крестьянскаго волостного управленія, и оно нуждается въ коренномъ преобразованіи, въ смыслѣ обособленія здѣсь дѣлъ государственно-административнаго характера и передачи ихъ спеціально назначаемымъ отъ правительства крестьянскимъ чиновникамъ. Для управленія же хозяйственнаго, то есть для завѣдыванія на мѣстѣ всѣми обще-волостными хозяйственными потребностями, должна быть установлена новая безсословная организація, объединяющая всѣхъ жителей волости и состоящая въ непосредственной связи съ уѣзднымъ земствомъ, какъ естественное и необходимое распространеніе земской организаціи на волость. Органами такой мелкой земской единицы могли-бы быть преобразованные (на общихъ земскихъ началахъ) волостные сходы и волостныя правленія, участіе въ которыхъ принадлежало бы представителямъ какъ отъ крестьянъ, такъ и отъ другихъ сельскихъ обывателей данной волости.

Предметы вѣдомства такихъ волостныхъ земствъ могли бы быть слѣдующіе:

1. Назначеніе, раскладка и расходованіе волостныхъ сборовъ для удовлетворенія волостныхъ потребностей; завѣдываніе учрежденіями волостного мелкаго кредита.

2. По народному продовольствію: проведеніе всѣхъ мѣръ къ обезпеченію продовольствія и обсѣмененія, устройство и завѣдываніе запасными магазинами и хлѣбными складами, собираніе свѣдѣній объ урожаѣ и о нуждающихся, распредѣленіе страховыхъ суммъ и по-

собій, завѣдываніе общественными работами, устройство столовыхъ, чайныхъ и питейныхъ пунктовъ для пришлыхъ рабочихъ и т. д.

3. Принятіе мѣръ къ поднятію сельскаго хозяйства: мѣры направленныя къ улучшенію культуры (поправка живого и мертваго инвентаря, выписка сѣмянъ, устройство складовъ нужнѣйшихъ сельско-хозяйствен. орудій и. т. п.), борьба съ заразными и болѣзнями на хлѣбахъ и животныхъ, борьба съ вредными насѣкомыми и т. д.

4. По народному образованію: устройство и содержаніе начальныхъ и низшихъ школъ общеобразовательныхъ и спеціальнаго характера (ремесленныя, сельскохозяйственныя и т. д.), учебныхъ мастерскихъ, принятіе мѣръ къ развитію внѣшкольнаго образованія (читальни, чтенія и т. д.).

5. По общественному призрѣнію: устройство богадѣленъ, пріютовъ яслей, попеченіе о слабоумныхъ и безумныхъ и т. д.

6. По дорожному дѣлу: устройство и содержаніе въ исправности проселочныхъ дорогъ, мостовъ, перевозовъ и т. д.

7. По развитію торговли и промышленности: содѣйствіе къ открытію рынковъ, ярмарокъ, базаровъ, станцій желѣзныхъ дорогъ, пристаней, почтово-телеграфныхъ конторъ, справочныхъ конторъ труда, помощи кустарной промышленности.

8. Предупрежденіе пожаровъ: содержаніе пожарнаго обоза, водоснабженіе, распространеніе дешевыхъ огнеупорныхъ крышъ и зданій, выработка мѣръ предупрежденія пожаровъ.

9. Охраненіе народнаго здравія: устройство новыхъ земскихъ (въ дополненіе къ общеуѣзднымъ) пріемныхъ покоевъ, фельдшерскихъ и акушерскихъ пунктовъ, принятіе санитарныхъ мѣръ, содержаніе въ чистотѣ прудовъ и рѣчекъ, привитіе оспы, изоляція заразныхъ больныхъ, дезинфекція помѣщеній и т. д.

10. Ходатайства передъ правительствомъ и земскими учрежденіями о мѣстныхъ волостныхъ пользахъ и нуждахъ.

Образованная на этихъ основаніяхъ волость будетъ состоять изъ крестьянъ, помѣщиковъ, арендаторовъ, владѣльцевъ промышленныхъ заведеній, купцовъ и вообще всѣхъ людей, живущихъ въ волости и платящихъ налоги. Образовать волость лишь на основаніи земельной собственности непрактично. Самая богатая часть населенія, а именно, купцы, промышленники и т. п. осталась бы тогда внѣ волости и не платила бы въ ея пользу налоговъ, такъ что послѣдніе пришлось бы въ такомъ случаѣ взимать всецѣло и исключительно съ сравнительно болѣе бѣднаго земледѣльческаго и землевладѣльческаго класса населенія. Кромѣ того, волость, какъ наименьшая самоуправляющаяся земская единица, должна служить зеркаломъ, отражающимъ самую полную ея жизнь, безъ всякихъ искусственныхъ изъятій и исключеній.

Реформа законодательства о крестьянахъ не измѣнитъ къ лучшему неблагопріятнаго соотношенія силъ въ крестьянской средѣ, пока крестьянство будетъ отдѣляться стѣною отъ другихъ сословій; облегчить ему выходъ изъ нынѣшнихъ бѣдъ можетъ только привлеченіе къ участію въ сельскомъ управленіи болѣе культурныхъ слоевъ деревенскаго населенія. Многаго мы, конечно, не достигнемъ на первыхъ порахъ, за недостаткомъ силъ и скудости средствъ; но во всякомъ случаѣ, съ введеніемъ всесословной волости, всѣ живыя силы деревни будутъ привлечены къ общей работѣ, и общественному дѣлу будетъ обезпеченъ успѣхъ, безъ всякаго сравненія, большій, чѣмъ нынѣ. И народное продовольствіе, и народное здравіе, и народное просвѣщеніе, и пути сообщенія, и охраненіе имуществъ, личности и жизни могутъ отъ этого только выиграть. Выиграетъ порядокъ и спокойствіе, благочиніе и благоустройство. Въ волостномъ судѣ, реорганизованномъ на всесословномъ началѣ, можетъ водвориться больше правосудія

съ соблюденіемъ формъ судопроизводства и безъ нарушенія мѣстныхъ обычаевъ. Тогда и благосостояніе деревни, пришедшее въ упадокъ, скорѣе можетъ подняться. Для новыхъ начинаній въ дѣлѣ общественнаго кредита, страхованія, сельско-хозяйственныхъ союзовъ и всякихъ улучшеній въ сельскомъ хозяйствѣ всесословная волость впервые с здастъ сколько-нибудь благопріятную почву.

Только при созданіи волостного земства и земскія учрежденія получать подъ собою ту почву, которой имъ теперь не достаетъ и которая дѣлаетъ то, что нынѣ уѣздныя земства какъ-бы висятъ въ воздухѣ. Эта оторванность и отсутствіе у земствъ фундамента, упроченнаго въ землѣ, вызываетъ то, что земства вынуждены теперь обращаться къ лицамъ постороннимъ, т. е. усиливать въ своемъ составѣ бюрократическій кадръ, тотъ такъ называемый третій элементъ, который является неизбѣжнымъ слѣдствіемъ оторванности земствъ отъ земли, ибо земство не имѣетъ на мѣстахъ собственныхъ своихъ органовъ, которые состояли-бы не изъ посторонникъ элементовъ, но изъ лицъ, принадлежащихъ къ самой деревнѣ. Поэтому введеніе мелкой единицы не только удовлетворило бы интересы мѣстной жизни, но и придало бы самимъ земскимъ учрежденіямъ большую прочность и устойчивость, чѣмъ какая существуетъ въ настоящее время. Созданіе такихъ земскихъ единицъ послужило бы прочнымъ основаніемъ для плодотворной работы общественныхъ земскихъ учрежденій; оно ввело бы населеніе въ земство, а, съ другой стороны, дало бы деревнѣ интеллигентныхъ работниковъ, освѣжило бы ту атмосферу, въ которой живетъ и работаетъ болѣе $^2/_3$ населенія Россіи. Эта же реформа одухотворитъ земскую дѣятельность, поможетъ земству при посредствѣ своихъ мелкихъ органовъ выяснять мѣстныя нужды и проводить въ жизнь выработанныя мѣропріятія. Залогъ успѣха сельско-хозяйственной дѣятельности при этихъ условіяхъ будетъ вытекать изъ факта активнаго участія населенія какъ въ выясненіи своихъ нуждъ, такъ и въ

изысканіи способовъ для ихъ удовлетворенія. Только когда не будетъ той оторванности населенія отъ земства, которая наблюдается теперь, когда крестьянинъ такъ далекъ отъ участія въ послѣднемъ и такъ мало интересуется его дѣятельностью—только тогда земскія учрежденія въ полной мѣрѣ выкажутъ свою жизнеспособность.

Реформа волостнаго суда.

И спеціально въ отношеніи *реформы волостного суда* необходима въ будущемъ замѣна его общими органами судопроизводства. По крайней мѣрѣ и обширная наша литература по крестьянскому вопросу, и свѣдующія лица съ удивительнымъ единодушіемъ указываютъ на полную непригодность существующаго порядка вещей въ этомъ отношеніи, и всѣ требуютъ реформы крестьянскаго суда. Чтобы не слишкомъ распространяться по этому теперь общеизвѣстному вопросу, укажемъ здѣсь вкратцѣ на тѣ существенные недостатки, которыми отличается современный крестьянскій судъ.

Главнѣйшимъ недостаткомъ является крайняя неудовлетворительность его личнаго состава. Судьями выбираются лица еле грамотныя, не всегда даже умѣющія подписать свое имя, не то, что разобраться въ сложныхъ часто отношеніяхъ тяжущихся сторонъ. Затѣмъ, что касается основного требованія, безъ котораго не можетъ существовать судъ *правый*—его независимости отъ начальства, то въ этомъ отношеніи волостной судъ представляетъ теперь нѣчто совершенно невозможное. Прежде всего, безспорно, онъ вполнѣ зависитъ отъ произвола и усмотрѣнія земскаго начальника, который по закону 1889 года является „ближайшимъ начальствомъ надъ волостнымъ судомъ“—положеніе съ научной точки зрѣнія рѣшительно недопустимое, ибо понятія—„начальство“ и „судъ“—несовмѣстимы: гдѣ есть судъ, тамъ нѣтъ начальства надъ нимъ, и наоборотъ. Мало того, волостной судъ зависитъ отъ волостного старшины, даже въ

тѣхъ случаяхъ, когда послѣдній и не является одновременно предсѣдателемъ суда. Наконецъ, фактически волостной судъ зависитъ сплошь и рядомъ отъ волостного писаря; этотъ послѣдній, хотя и самъ часто малограмотный человѣкъ, является на дѣлѣ не рѣдко единственнымъ въ судѣ лицомъ, могущимъ разобраться въ спорныхъ отношеніяхъ сторонъ и примѣнить къ нимъ писанный законъ, напр. т. X ч. 1 св. законовъ, на непремѣнной практикѣ которого въ крестьянскихъ судахъ, подъ давленіемъ „высшаго начальства“, всюду начали, съ 1889 г., настаивать земскіе начальники.

Благодаря такому безотрадному положенію сельскихъ судей, и здѣсь, какъ теперь всюду по отношеніи къ крестьянскимъ выборнымъ должностямъ, наблюдается повсемѣстно то печальное явленіе, что *лучшіе* крестьяне старательно избѣгаютъ возможности быть избранными въ эту должность; а попадаютъ въ судьи по большой части люди „со всячинкой“, подъ часъ склонные въ разборѣ дѣла и покривить душой изъ—за личныхъ выгодъ. Въ результатѣ постоянно слышатся теперь повсемѣстно основательные упреки волостнымъ судамъ въ подкупѣ, воздѣйствіи вина и мѣстныхъ сильныхъ вліяній на рѣшенія этихъ судовъ. Между тѣмъ отсутствіе надлежащей поддержки со стороны хорошей юстиціи, какъ извѣстно, крайне вредно вліяетъ на нравственный уровень мѣстнаго крестьянскаго общества, и во всякомъ случаѣ не можетъ вести къ развитію и укрѣпленію добросовѣсности, честности, сознанію своего правоваго и нравственнаго долга, какъ отца семьи, члена общества, контрагента и проч. Можно прямо сказать, что это этическое значеніе современнаго крестьянскаго безправія и произвола играетъ такую же серьезную роль въ дѣлѣ экономической печальной дѣйствительности, какъ и непосредственное отрицательное вліяніе необезпеченности правъ на хозяйственную дѣятельность.

Упорядоченіе крестьянскаго суда возможно лишь путемъ устраненія правовой обособленности крестьянъ и созданія для всѣхъ сельскихъ обывателей, не только

крестьянъ, низшаго суда, выборнаго, всесословнаго и входящаго въ составъ общаго судебнаго управленія, внѣ какой-либо зависимости отъ административной власти, близкаго и доступнаго населенію. Всесословная организація низшаго суда привлечетъ въ его составъ болѣе образованную часть мѣстнаго населенія—вопросъ очень важный, въ виду главнымъ образомъ ничтожнаго теперь числа образованныхъ лицъ среди крестьянъ.

Въ этомъ отношеніи вопросъ объ упорядоченіи крестьянскаго суда тѣсно связанъ съ необходимостью поднятія уровня образованія въ народѣ.

Въ настоящее время, согласно дѣйствующимъ законоположеніямъ, полученіе лицомъ крестьянскаго званія не только высшаго, но и средняго образованія неизбѣжно влечетъ для него выходъ изъ крестьянства. Мало того, по ст. 507 законовъ о состояніяхъ, тѣ же послѣдствія влечетъ за собою полученіе крестьяниномъ даже такого образованія, которое настоятельно необходимо для сельскаго хозяина. Такъ крестьяне, „виновные“ въ успѣшномъ окончаніи курса въ школахъ садоводства, въ земледѣльческихъ или промышленныхъ училищахъ, присуждаются къ лишенію крестьянскихъ правъ и обращаются въ личныхъ почетныхъ гражданъ....

Существованіе въ настоящее время, очевидно, лишь по недоразумѣнію такого наказанія крестьянъ, и при томъ наиболѣе выдающихся и способныхъ, успѣвшихъ и сумѣвшихъ, не смотря на тяжелыя условія своей жизни, выбиться изъ тьмы къ свѣту,—является крайне вреднымъ. Скорѣйшая отмѣна его въ особенности необходима въ цѣляхъ улучшенія личнаго состава преобразуемаго крестьянскаго суда. Здѣсь такіе образованные крестьяне—судьи, безспорно, оказались бы лучшими проводниками идей права и правды въ близкомъ имъ обществѣ.

Слѣдуетъ замѣтить, что, собственно говоря, на дѣлѣ и теперь волостной судъ не имѣетъ узко-сословнаго характера. Онъ нынѣ вѣдаетъ почти всю совокупность спорныхъ имущественныхъ интересовъ громаднаго боль-

шинства сельскихъ обывателей. Ему въ деревнѣ подчинены, наравнѣ съ крестьянами,—мѣщане, посадскіе, ремесленники и цеховые, въ томъ числѣ и лица, торгующія по промысловымъ свидѣтельствамъ, безъ выборки купеческихъ сословныхъ свидѣтельствъ; такимъ образомъ допущеніе всѣхъ вообще сельскихъ обывателей къ участію въ избраніи волостныхъ судей изъ своей среды было бы естественнымъ развитіемъ фактически существующаго порядка вещей.

Замѣтимъ здѣсь кстати, что и составители Положеній 19 февраля 1861 года не придавали проэктированному ими волостному суду значенія постояннаго судебнаго по дѣламъ только крестьянъ учрежденія, а имѣли въ виду устроить этотъ судъ лишь временно, впредь до преобразованія судебной части въ сельскихъ мѣстностяхъ вообще, для лицъ всѣхъ сословій съ тѣмъ, чтобы при соображеніи разрабатывавшейся въ то время судебной реформы съ указанными выше положеніями, предложить для крестьянскихъ собственно дѣлъ разразрѣшаемыхъ на основаніи обычнаго права—учрежденіе суда изъ выборныхъ отъ крестьянъ.

Многими высказываются опасенія что учрежденіе всесословнаго низшаго суда потребуетъ значительныхъ расходовъ въ виду неизбѣжности крупнаго повышенія окладовъ жалованія судьямъ новаго типа. Въ этомъ отношеніи прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что еслибы даже всесословная организація низшаго суда и легла тяжелымъ бременемъ на казну и на земскія средства, то передъ этимъ расходомъ нельзя останавливаться, имѣя въ виду, что правосудіе является одной изъ важнѣйшихъ потребностей населенія, такъ много дающаго на общегосударственныя нужды. Притомъ, съ финансовой точки зрѣнія, возможно лучшая организація волостного суда принесетъ прямую выгоду, въ виду того печальнаго опыта, насколько вредно въ настоящее время плохой судъ отражается на имущественномъ благосостояніи всѣхъ сельскихъ обывателей, далеко имъ не защищенныхъ теперь отъ нападеній всякаго рода хищниковъ.

Впрочемъ едва-ли и необходимы будутъ при такой реформѣ особыя тяготы для казны, въ виду того обстоятельства, что съ учрежденіемъ низшихъ всесословныхъ волостныхъ судовъ неизбѣжно будетъ связанъ общій пересмотръ положеній и правилъ 1889 года и если не полная отмѣна земскихъ начальниковъ, то, во всякомъ случаѣ, коренное преобразованіе этого института и значительное сокращеніе числа этихъ чиновниковъ, весьма дорого стоящихъ Россіи, и въ общемъ скорѣе вредныхъ, не только безполезныхъ.

Многолѣтній опытъ показалъ у насъ необходимость отдѣленія суда отъ администраціи и предоставленія большей самостоятельности волостному суду, который только тогда и можетъ пользоваться уваженіемъ и довѣріемъ народа, когда сама власть обезпечитъ за выборными изъ лицъ сельскаго общества судьями опредѣленную область правъ и сама станетъ съ уваженіемъ относиться къ ихъ дѣятельности, а не создастъ изъ него, какъ теперь, толпы холоповъ, слѣпо послушныхъ „мановенію перста“ земскаго начальника. Чѣмъ больше будетъ у власти уваженія къ волостному всесословному суду, чѣмъ болѣе дано будетъ гарантій свободѣ дѣятельности послѣдняго, тѣмъ скорѣе окажется на лицо подборъ судей, достойныхъ занять эту отвѣтственную должность и охранять личную и имущественную неприкосновенность нашего народа.

По вопросу о замѣнѣ волостныхъ судовъ *единоличными* судьями возникаютъ нѣкоторыя сомнѣнія съ точки зрѣнія практической осуществимости такой реформы. Прежде всего, какимъ способомъ можетъ быть назначаемъ такой судья?—какъ коронный, т.е. по назначенію отъ правительства, или по выборомъ отъ всесословной волости? Коронный замѣститель волостнаго суда нежелателенъ по многимъ соображеніямъ чисто практическаго характера. Дѣло въ томъ, что условія жизни въ деревнѣ представаляются весьма непривлекательными для лицъ, не принадлежащихъ въ данной мѣстности. Ни общества, ни внѣшнихъ удобствъ при-

шлый человѣкъ въ деревнѣ не найдетъ. Отсюда является непроизвольный страхъ передъ деревней. Ни въ глухой городъ, ни въ село, а тѣмъ болѣе въ деревню люди интеллигентные не идутъ, а если идутъ, то весьма неохотно. Интересы деревенской жизни не могутъ ихъ удовлетворить. Наряду съ этимъ, и судебная дѣятельность въ селѣ, когда всецѣло приходится погружаться въ мелкія мѣстныя дрязги и ссоры, тоже едвали въ силахъ заинтересовать и увлечь пріѣзжаго судью-интеллигента. Уже это одно даетъ основанія сильно опасаться, что въ составъ такихъ коронныхъ судей, за отсутствіемъ желающихъ, попадетъ худшій элементъ: или начинающіе, несвѣдующіе юристы, которые будутъ употреблять всѣ усилія, чтобы сократить свой срокъ службы въ деревнѣ и какъ можно скорѣе перейти въ болѣе культурное мѣсто, хотя бы въ какой-нибудь уѣздный городъ, или же лица съ „подмоченной“ репутаціей, которымъ нѣтъ хода на лучшія должности, вынужденныя волей-неволей уйти въ глушь, въ деревню, чтобы иначе совсѣмъ не потерять мѣсто и тѣмъ самымъ не лишиться куска хлѣба. При такихъ условіяхъ, когда судья будетъ тяготиться своей должностью, вѣчно стремясь „въ туманну даль“, совершенно не зная и не желая знать мѣстной крестьянской жизни, ея особенностей и запросовъ, судъ едва-ли будетъ удовлетворять своей задачѣ, и легко можетъ тогда создаться такое положеніе, что крестьянинъ пожалѣетъ о старомъ волостномъ судѣ, подъ часъ и плохомъ и неправомъ, но близкомъ ему по духу и по общности міровозрѣнія и житейскихъ понятій самихъ судей.

Что касается до устройства единоличнаго суда на выборныхъ началахъ, то, въ принципѣ, противъ него можетъ быть мало возраженій. Мировой судъ, страдая нѣкоторыми недостатками, сохранилъ по себѣ добрую память. Главное возраженіе здѣсь то, что и сторонники такого выборнаго института *все же признаютъ необходимымъ установить коллегіальность и въ немъ*, посредствомъ избранія дополнительныхъ къ судьѣ ассистентовъ изъ

мѣстныхъ крестьянъ для разбора цѣлаго ряда дѣлъ, гдѣ судьѣ необходимо знать мѣстныя условія и запросы жизни, а равно обычаи, напр., по земельнымъ, межевымъ спорамъ, по дѣламъ семейнымъ и наслѣдственнымъ и т. д. Кромѣ того, съ практической точки зрѣнія, возникаетъ вопросъ, найдется-ли на мѣстахъ достаточный контингентъ лицъ, способныхъ нести обязанности судей: у такихъ судей и труда будетъ масса, и отвѣтственность велика на столько, что не всякій добросовѣстный волостной житель рискнетъ взять на себя подобное бремя, тѣмъ болѣе требующее *серьезной* юридической подготовки. Затѣмъ, число такихъ судей, естественно должно minimum въ четверо превышать нынѣшнее число земскихъ начальниковъ. Послѣднихъ же числится въ настоящее время въ 47 губерніяхъ Европ. Россіи 2.650 человѣкъ. Такимъ образомъ самое меньшее для Россіи выборныхъ волостныхъ (мировыхъ) судей потребуется около 10.600 человѣкъ. Спрашивается, можно-ли теперь, при слабомъ общемъ уровнѣ образованія крестьянства, расчитывать найти такое количество дѣйствительно пригодныхъ лицъ, которыя не дискредитируютъ на первыхъ же порахъ своей должности и званія неумѣніемъ и неспособностью своею вести то дѣло, за которое взялись.

Обычай въ крестьянскомъ быту.

При существующемъ порядкѣ вещей у насъ крестьяне, въ частныхъ своихъ правоотношеніяхъ, должны руководствоваться своими обычаями. Въ этомъ отношеніи ст. 25 Времен. Правилъ о волостныхъ судахъ гласитъ: „Волостной судъ рѣшаетъ дѣла по совѣсти, на основаніи имѣющихся въ дѣлѣ доказательствъ. При разрѣшеніи жалобъ и споровъ между крестьянами, въ особенности же дѣлъ о раздѣлѣ крестьянскаго наслѣдства, судъ руководствуется мѣстными обычаями.“

Это правило дѣйствующаго законодательства подверглось горячимъ нападкамъ въ литературѣ; особенно

же враждебное отношеніе къ нему видимъ мы въ трудахъ мѣстныхъ комитетовъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности.

Подавляющее большинство этихъ комитетовъ положительнымъ образомъ признаетъ кореннымъ недостаткомъ судебной защиты крестьянскихъ интересовъ именно обычное право и настаиваетъ на введеніи правилъ т. X ч. 1 св. законовъ для руководства крестьянамъ въ ихъ внутреннихъ распорядкахъ. Высказывая это, большинство комитетовъ утверждаетъ, что въ крестьянской средѣ не существуетъ какихъ либо твердыхъ, освященныхъ долгимъ временемъ обычаевъ. Обычное право, говорятъ они, есть совокупность нормъ, выражающихъ юридическое убѣжденіе народа. Это убѣжденіе слагается, конечно, въ долгій промежутокъ времени и слагается совершенно свободно; оно есть слѣдствіе долгой свободной жизни народа. У нашего народа, угнетаемаго крѣпостнымъ правомъ, произволомъ помѣщика, не могло сложиться такихъ убѣжденій; то, что годилось, такъ сказать, для обихода, не есть юридическій обычай, обязательная правовая норма. Когда производилось обслѣдованіе волостныхъ судовъ (въ 70-хъ годахъ), то крестьяне въ разныхъ мѣстахъ прямо заявили слѣдующее: „обычаи не существуютъ; ихъ перезабыли“, „коренного обычая своего у насъ нѣтъ и судьи такихъ обычаевъ не знаютъ у насъ“, „при рѣшеніи дѣлъ волостные судьи не руководствуются мѣстными обычаями, потому что у всякой бабы свой обычай“. Сами волостные суды заявляли, что они руководствуются при разборѣ дѣлъ собственнымъ благоусмотрѣніемъ, не считая для себя обязательнымъ соображаться съ обычаями. Вмѣстѣ съ тѣмъ и въ волостныхъ судахъ примѣняется не обычай и не законъ, а сколки съ законовъ и распоряженій въ толкованіи волостныхъ писарей. Эти послѣдніе, въ качествѣ дѣлопроизводителей, являются юрисконсультами волостныхъ судовъ, и ихъ „заключенія“ по рѣшаемымъ въ этихъ судахъ дѣламъ пользуются, конечно, гораздо большимъ значеніемъ, чѣмъ

настоящія заключенія лицъ прокурорскаго надзора по гражданскимъ дѣламъ, какъ въ съѣздѣ, такъ и въ окружныхъ судахъ. Организація процесса способна у насъ подорвать въ населеніи всякое чувство законности. Непорядки въ волостныхъ судахъ стали весьма обыденнымъ явленіемъ, и породили въ населеніи убѣжденіе, что за взятку можно добится всего.

И такъ, если вѣрить этимъ утвержденіямъ комитетовъ, крестьяне наши, въ области ихъ частныхъ отношеній, живутъ не только внѣ закона, но и внѣ обычнаго права, всецѣло обреченные на жизнь безправную. Это, понятно, поражаетъ съ перваго раза всѣхъ насъ, привыкшихъ думать, что безъ *правопорядка* не существуетъ общества. А между тѣмъ говорятъ намъ, сами крестьяне, даже волостные суды, отрицаютъ и существованіе, и примѣненіе въ ихъ быту обычаевъ.— Возраженіе весьма важное, но основанное, думается намъ, на печальномъ недоразумѣніи. Баринъ и мужикъ не поняли другъ друга.

„Господское“ право гласитъ—„обычная норма, обычное правило права есть норма права со своеобразнымъ основаніемъ обязательности, съ особымъ характеромъ и источникамъ авторитетности: извѣстное правило поведенія признается обязательною нормою права потому, что оно соблюдалось раньше, что такъ поступали отцы и дѣды, что такой установился, завелся порядокъ“. Нормы эти приводятся часто въ видѣ простыхъ интутивныхъ нормъ, по выраженію проф. Л. І. Петражицкаго, т. е. не выводя даже своего авторитета изъ какихъ-либо внѣшнихъ правоустановительныхъ фактовъ (обычное соблюденіе отъ дѣда ко внуку, велѣніе), а просто въ силу внутренняго убѣжденія, которое властно и авторитетно для насъ же самихъ опредѣляетъ наше поведеніе.

Такъ учитъ понимать обычай наука. Между тѣмъ среди крестьянъ сѣвера Россіи и отчасти центра еще до сихъ поръ подъ „обвычаемъ“ понимается совсѣмъ иное, именно—эгоистическое поведеніе лица, идущее

въ разрѣзъ съ заведеннымъ на то порядкомъ въ данномъ обществѣ. Потому-то у собирателей обычаевъ и крестьянъ и выходитъ на этой почвѣ забавное непониманіе другъ друга. Этимъ, думается намъ, до извѣстной степени и объясняются отвѣты волостныхъ судовъ, что никакихъ *обвычаевъ* у нихъ нѣтъ (въ смыслѣ уклоненія отъ существующаго тамъ у крестьянъ міросозерцанія), что обычаями они не руководствуются, потому что у всякой бабы свой обычай: „извѣстно баба человѣкъ карахтерный—все противъ мужика норовитъ“ Интереснѣе всего то обстоятельство, что „комиссія по изслѣдованію волостныхъ судовъ“ сенатора Любощинскаго, несмотря на такія категорическія заявленія самихъ крестьянъ, могла собрать цѣнный матеріалъ по обычному праву, на основаніи котораго проф. Пахману удалось выработать цѣлый рядъ *общихъ* положеній обычнаго права для центра Россіи. Если вспомнимъ мы, далѣе, цѣлый рядъ трудовъ Якушкина, Ефименко, Гольмстена и другихъ по обработкѣ мѣстныхъ обычаевъ, если, наконецъ, обратимъ вниманіе на обширную литературу по этому вопросу, особенно на труды мѣстныхъ изслѣдователей, то думается намъ, утвержденіе мѣстныхъ комитетовъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности, что у крестьянъ обычаевъ нѣтъ,—представится всякому непредубѣжденному человѣку совершенно неосновательнымъ.

Конечно, иной вопросъ о томъ, достаточно-ли этихъ обычаевъ для нормировки ими одними крестьянской жизни.

Отвѣтъ долженъ быть безусловно отрицательный. Пока наше крестьянство, въ первое время послѣ освобожденія отъ крѣпостной зависимости, находилось въ первобытномъ, такъ сказать, состояніи, для него еще было пригодно руководствоваться въ своемъ частномъ быту тѣмъ заведеннымъ порядкомъ, которымъ жили ихъ отцы и дѣды. „Устои“ крестьянской жизни были тогда еще тверды и незыблимы; „большакъ“ руководилъ семьей, міръ слушался стариковъ, хозяй-

ство велось исконнымъ полупатріархальнымъ порядкомъ; экономическій оборотъ былъ слабо развитъ.

Теперь не то; вся жизнь крестьянства такъ скоро идетъ по пути прогресса, что обычаи далеко не всегда успѣваютъ сложиться въ достаточно опредѣленныя формы для успѣшной регламентаціи существующихъ и вновь возникающихъ видовъ и типовъ юридическихъ отношеній. Благодаря этому, теперь у крестьянъ часто замѣняетъ мѣсто интуитивнаго разрѣшенія спорныхъ вопросовъ „по справедливости“, „по божески“ произволъ болѣе сильныхъ надъ слабыми. Мало того, такъ какъ обычаи крестьянскіе нигдѣ не записаны и неизвѣстны лицамъ, надзирающимъ за крестьянскимъ управленіемъ, то произволъ судей, особенно теперь, послѣ реформы 1889 года, совершенно исказившей крестьянское самоуправленіе, легко становится на мѣсто обычая. Частыя за послѣднее время злоупотребленія волостныхъ судовъ въ этомъ отношеніи подрываютъ въ крестьянствѣ довѣріе къ суду и праву. Отсюда затемнѣніе и искаженіе правосознанія, сохраненіе и развитіе котораго безусловно необходимо для правильнаго теченія народной жизни, неувѣренность въ своемъ правѣ и неуваженіе къ правамъ другихъ и къ суду. Отсюда же и въ обществѣ возникло убѣжденіе о вредѣ регламентаціи крестьянскихъ правоотношеній обычаями, о желательности замѣны послѣднихъ точными положеніями писаннаго права.

Такой взглядъ на вредъ обычаевъ представляется намъ совершенно неосновательнымъ. Разъ обычаи существуютъ, они, какъ таковые, соблюдаются самими крестьянами; нарушаютъ ихъ за послѣднее время къ сожалѣнію, часто сами крестьянскія власти, особенно земскіе начальники, и, въ значительномъ большинствѣ случаевъ подъ давленіемъ ихъ, волостные суда.

Возстающіе противъ примѣненія обычнаго права въ крестьянскомъ быту, собственно говоря, направляютъ свои возраженія не противъ обычаевъ, а противъ *недостатка въ обычаяхъ*, которыми можно было-бы съ

успѣхомъ нормировать вновь возникающіе среди крестьянства правоотношенія, и противъ являющихся отсюда судебныхъ неурядицъ, а главнымъ образомъ противъ невозможнаго устройства крестьянскихъ суда и расправы.

Дѣйствительно, жизнь не ждетъ, а обычаи, по природѣ своей, не могутъ быстро возникать на ряду съ новыми правоотношеніями, нуждающимися въ упорядоченіи, но изъ этого одного еще не слѣдуетъ никоимъ образомъ выводить, будто бы обычное право окончательно непригодно для данной области юридическаго быта, какъ не захватывающее подъ власть свою всѣ новые случаи юридической жизни. Разъ обычаевъ не хватаетъ, ихъ нужно *дополнить* нормами положительнаго права, созданными однако *по общему духу* уже существующихъ обычаевъ, а не въ разрѣзъ съ ними.

Въ нормальномъ, здоровомъ, такъ сказать, развитіи положительнаго права замѣчалось и замѣчается у всѣхъ народовъ то общее явленіе, что законъ, на первыхъ порахъ своего развитія, только тогда съ успѣхомъ получаетъ права гражданства, когда онъ издается не въ отмѣну уже существующихъ положеній обычнаго права, но въ пополненіе ихъ, нормируя новыя отношенія по общему духу обычнаго правопорядка. Только тѣмъ, что обычное право не было забыто, а напротивъ, подверглось тщательному и всестороннему изученію, и новыя нормы были созданы редакторами согласно общему духу этихъ обычаевъ, только этимъ и объясняется колосальный успѣхъ французскаго гражданскаго кодекса и его распространеніе въ качествѣ законодательнаго сборника даже въ другихъ государствахъ Европы.

Между тѣмъ, дѣйствующіе у насъ въ настоящее время законы гражданскіе (т. X ч. 1 св. законовъ) не имѣютъ въ себѣ ничего общаго съ народными обычаями и вообще съ народной жизнью. Причины такого несоотвѣтствія нормъ т. X ч. 1 св. закон. жизни народа объясняются историческимъ путемъ. Дѣятельность

государства въ Московскій періодъ русской исторіи отличалась характеромъ исключительно полицейско-финансовымъ; только тѣ вопросы русской жизни находили разрѣшеніе въ законодательствѣ того времени, которые касались исключительно *государственныхъ* интересовъ. Поэтому тогда и обращалось вниманіе только на служилое сословіе, которое несло государеву службу и въ рукахъ котораго сосредоточивались помѣстья и вотчины. Для государства былъ непосредственный интересъ опредѣлить, такъ или иначе, порядокъ и способъ владѣнія этими землями, переходъ ихъ отъ одного лица къ другому и т. п. вопросы, близко затрагивающіе интересы государства. Указы такого содержанія и дали Сперанскому основной матерьялъ, изъ котораго онъ составлялъ статьи законовъ гражданскихъ, добавляя сюда сверхъ того заимствованія изъ французскаго гражданскаго кодекса.

Составленная такимъ образомъ часть 1-я т. X св. законовъ не только совершенно непригодна для крестьянъ, но и для остальныхъ классовъ общества теперь уже мало примѣнима. Достаточно вспомнить, что наши гражданскіе законы были созданы въ самый расцвѣтъ крѣпостнаго права, когда крестьянинъ не почитался за человѣка, а скорѣе приравнивался къ вещи, которую можно было купить, продать, мѣнять, даже уничтожать по прихоти господина. Весь внутренній укладъ крестьянской жизни, всѣ внутреннія отношенія въ этой средѣ, ея нравы, обычаи оставались совершенно забытыми закономъ, который считалъ излишнимъ заниматься жизнью „подлаго“ народа. Мало того, именно благодаря т. X ч. 1 св. закон., въ крѣпостное время все населеніе Россіи рѣзко дѣлилось на двѣ группы: на лицъ, жившихъ „внѣ -закона“—крестьянъ, и на тѣ классы остального населенія—дворянъ и разночинцевъ, бытовыя отношенія которыхъ подчинялись дѣйствію существующихъ законовъ гражданскихъ.

Именно этимъ полнымъ несоотвѣтствіемъ нормъ т. X ч. 1. условіямъ крестьянской жизни и слѣдуетъ

объяснить, почему, приступая къ освобожденію крестьянъ, редакторы положеній 19 февраля 1861 г., озабоченные благоустройствомъ новыхъ гражданъ Россійской имперіи, не рѣшились распространить на нихъ, въ области ихъ взаимныхъ отношеній, дѣйствіе статей т. X ч. 1. Какъ мы указали выше, редакторы, въ принципѣ, желали объединить всѣхъ гражданъ подъ дѣйствіемъ однихъ общихъ законовъ гражданскихъ; но оказалось, что дѣйствовавшіе тогда и дѣйствующіе до сихъ поръ законы эти были слишкомъ далеки и чужды крестьянской жизни; потому-то редакторы и сочли за благо лучше предоставить крестьянамъ руководиться существующими у нихъ въ данной мѣстности обычаями, чѣмъ навязывать нормы, имъ непригодныя. Мало того, въ настоящее время и наукой, и оффиціально признана уже полная непригодность нормъ т. X ч. 1. св. закон. не только для крестьянъ, но даже для другихъ классовъ населенія, и постановлено выработать новое общее гражданское уложеніе. По авторитетному заявленію редакторовъ проэкта нашего гражданскаго уложенія, „наши гражданскіе законы *устарѣли* и, вслѣдствіе того, стали *несправедливыми*; будучи построены на разнородныхъ началахъ, они полны *противорѣчій*; въ нихъ отсутствуютъ правила по многимъ весьма важнымъ вопросамъ, а такая *недостаточность* закона тѣмъ болѣе ощутительна, что въ немъ почти нѣтъ *общихъ положеній;* притомъ наши законы страдаютъ *отсутствіемъ правильной системы*: постановленія, относящіяся до одного и того же юридическаго института, помѣщены въ разныхъ мѣстахъ т. X ч. 1. а иногда даже въ разныхъ томахъ свода; наконецъ, *редакція* законовъ *неудовлетворительна* и *юридическая терминологія не выдержана*, такъ что нерѣдко мысль закона находится въ полномъ разладѣ съ внѣшнимъ его выраженіемъ“ (всюду курсивъ подлинника). При такомъ положеніи вещей было бы болѣе чѣмъ странно настаивать на подчиненіи крестьянъ въ ихъ частныхъ отношеніяхъ нормамъ именно этого т. X ч. 1. св. законовъ. Думается намъ, было бы лучше,

взамѣнъ этого, „пока что“, т. е. до новаго гражданскаго уложенія, оставить народъ жить по обычаямъ и лишь упорядочить обычное его право, изучать его и научно разрабатывать, чтобы *позднѣе*, на основаніи нормъ этого разработаннаго *народнаго* права, приступить къ изданію законовъ гражданскихъ.

Всесословная организація волостнаго суда привлечетъ въ его составъ болѣе культурную часть населенія. Допустивъ примѣнимость обычнаго права въ частныхъ отношеніяхъ крестьянъ между собою, нельзя не признать, что добросовѣстное изслѣдованіе и примѣненіе обычая можетъ быть лучше обезпечено при образованномъ и независимомъ судѣ. Судъ такой лучше сможетъ оцѣнить и примѣнить нормы обычнаго права на данный отдѣльный случай и устранить тотъ произволъ, который нерѣдко подъ давленіемъ писарей и даже земскихъ начальниковъ допускается въ существующихъ крестьянскихъ судахъ, подъ предлогомъ примѣненія „мѣстныхъ обычаевъ“. Наконецъ, оцѣнка послѣднихъ можетъ быть еще болѣе обезпечена требованіемъ, чтобы не менѣе извѣстнаго числа судей было изъ среды крестьянъ—знатоковъ мѣстныхъ условій жизни и быта.

Свобода передвиженія.

Обращаясь къ законодательству, опредѣляющему объемъ правъ личныхъ и по состоянію сельскихъ обывателей, необходимо, прежде всего, указать на существующія серьезныя стѣсненія крестьянъ въ свободѣ передвиженія и труда. Стѣсненія эти являются, главнымъ образомъ, послѣдствіемъ нелѣпой и давно утратившей всякій практическій смыслъ паспортной нашей системы, а равно стараго стремленія казны удерживать крестьянина на его надѣлѣ, въ цѣляхъ возможности успѣшнѣе и скорѣе взыскивать съ него подати и повинности. Не говоря уже о давно сознанной всѣми необходимости полной отмѣны паспортной системы и признанія не только за крестьянами, но и за всѣми гражданами во-

обще полной свободы передвиженія, было бы крайне желательно измѣнить кореннымъ образомъ условія выхода и пріема крестьянъ въ сельскія общества.

Вопросъ о порядкѣ и условіяхъ выхода лицъ сельскаго состоянія изъ тѣхъ обществъ, къ которымъ они приписаны, изложенъ въ крестьянскихъ положеніяхъ туманно и сбивчиво. Въ этомъ отношеніи можно лишь установить, что для такого увольненія требуется слѣдующее: именно, при общинномъ землепользованіи, чтобы крестьянинъ, формально отказавшись навсегда отъ участія въ пользованіи надѣломъ, сдалъ его обществу. Принимая однако въ соображеніе, что участки даются въ пользованіе семьямъ домохозяевъ, слѣдуетъ думать, что означенное правило примѣнимо лишь къ случаямъ выхода изъ общины домохозяина со всей его семьей.

Вторымъ условіемъ выхода является, чтобы на семействѣ выселяющагося не было казенныхъ, земскихъ или мірскихъ недоимокъ, безспорныхъ частныхъ взысканій и обязательствъ, предъявленныхъ волостному правленію. Въ третьихъ, необходимо, чтобы увольняемый не состоялъ подъ судомъ и слѣдствіемъ; въ виду этого лица, находящіяся въ заключеніи, которыя по освобожденіи должны быть отданы подъ надзоръ общества, не могутъ перечисляться въ другое общество, такъ какъ иначе являлась бы возможность избѣжать послѣдствій судебнаго приговора. Наконецъ, нужно еще, чтобы желающій получить увольненіе, представилъ пріемный приговоръ отъ общества, куда переходитъ. Полевой надѣлъ крестьянина, выходящаго изъ общества, а равно усадебная земля, поступаютъ въ распоряженіе общины. Однако выселяющійся имѣетъ право снести или продать на свозъ свои усадебныя строенія въ теченіе шестимѣсячнаго срока, или уступить ихъ тому члену общины, которому переданъ будетъ освободившійся участокъ.

Позднѣе впрочемъ эти суровыя правила были до нѣкоторой степени смягчены закономъ 6 іюля 1904 г. въ отношеніи переселенцевъ. Закономъ этимъ установлено, что полевые участки надѣльной земли въ селеніяхъ

съ общиннымъ землевладѣніемъ, оставляемые крестьянскими семьями, переселяющимися въ полномъ составѣ, передаются обществу. Послѣднее выдаетъ выселяющимся домохозяевамъ вознагражденіе, размѣръ котораго опредѣляется по добровольному соглашенію. Если такого соглашенія не наступитъ, участокъ переселяющагося можетъ быть имъ переданъ, на срокъ до ближайшаго передѣла, однообщественнику за условленное вознагражденіе, съ возложеніемъ на лицо, принимающее этотъ участокъ, всѣхъ лежащихъ на послѣднемъ обязательствъ и платежей.

При подворномъ землепользованіи, каждый домохозяинъ можетъ безпрепятственно выйти изъ общества во всякое время, причемъ надѣльная земля продолжаетъ оставаться въ его распоряженіи.

Несравненно менѣе формальностей установлено въ законѣ на случай выхода изъ общества отдѣльныхъ членовъ семьи—недомохозяевъ. Въ отношеніи ихъ требуется лишь, чтобы родители увольняемаго *неотдѣленнаго* члена семьи, были согласны на увольненіе и чтобы остающіяся въ семействѣ увольняемаго малолѣтнія и неспособныя къ работѣ лица были обезпечены въ содержаніи. Относительно крестьянъ—подворниковъ законъ прямо постановляетъ, что они могутъ требовать увольненія изъ общества, если на это изъявитъ свое согласіе старшій домохозяинъ. Крестьянки (незамужнія или вдовы), если онѣ не имѣютъ участія въ надѣлѣ, могутъ выходить изъ общества, не испрашивая его согласія, по свидѣтельствамъ волостнаго старшины въ томъ, что онѣ получили на выходъ изъ общества согласіе своихъ родителей, или что родителей ихъ въ живыхъ уже нѣтъ и что сами онѣ не состоятъ подъ судомъ или слѣдствіемъ.

Выходящій изъ общества крестьянинъ долженъ получить увольнительное свидѣтельство отъ волостного старшины, который обязанъ ему выдать таковое, если соблюдены всѣ условія. Получивъ такое свидѣтельство, уволенный долженъ приписаться къ тому сельскому

или городскому обществу, отъ котораго онъ получилъ пріемный приговоръ, и представить въ казенную палату просьбу о припискѣ, но не позднѣе, какъ въ шестимѣсячный срокъ со дня полученія увольнительнаго свидѣтельства. Это послѣднее, по истеченіи шести мѣсяцевъ со дня полученія его, теряетъ свою силу. Поэтому крестьянинъ, пропустившій этотъ срокъ на перечисленіе, остается членомъ того общества, изъ котораго онъ хотѣлъ уволиться.

При самомъ поверхностномъ разсмотрѣніи всей указанной выше массы разныхъ канцелярскихъ ухищреній и волокиты, которыми наше дѣйствующее законодательство обставляетъ возможность выхода изъ крестьянства, становится „до отвращенія“ очевиднымъ, какъ настоятельно необходима въ этой области немедленная реформа. Послѣдняя должна имѣть своей задачей, съ одной стороны, упрощеніе формальностей и условій выхода изъ крестьянства, а съ другой,—большее охраненіе интересовъ выходящихъ, особенно въ отношеніи уступаемыхъ ими надѣловъ.

Существующія ограниченія къ выходу изъ деревни совершенно не соотвѣтствуютъ современной экономической жизни народа; они вызываютъ только непроизводительную затрату времени и денегъ на выправку разныхъ документовъ и открываютъ широкую возможность для злоупотребленій и вымогательствъ со стороны сельскихъ сходовъ и должностныхъ лицъ крестьянскаго самоуправленія. Особенно безполезнымъ представляется здѣсь требованіе пріемныхъ приговоровъ. Если уходящій изъ деревни крестьянинъ избираетъ мѣстомъ постояннаго жительства другое общество или городское поселеніе,—не все-ли это равно для общества, изъ котораго онъ выбываетъ и съ которымъ прерываютъ всякую связь; все здѣсь должно сводиться къ вопросу регистраціи; а послѣдняя и для крестьянъ должна быть поставлена на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и для остальныхъ русскихъ гражданъ.

Что касается случаевъ выхода крестьянъ—общинниковъ, то здѣсь, конечно, говорить о предоставленіи имъ права *продавать* свои надѣлы нельзя, такъ какъ земельные участки эти являются собственностью самой общины, какъ юридическаго лица. Общинники же имѣютъ только право пользованія надѣльной землею, въ силу, такъ сказать, своего *права членства*, т. е. состоянія домохозяевами данной общины. Это право членства доставляетъ лицу цѣлый рядъ матеріальныхъ выгодъ въ отношеніи пользованія имуществомъ общины; такъ, напримѣръ: 1) каждый общинникъ—домохозяинъ имѣетъ долю участія во временномъ (до передѣла) пользованіи частью полевого надѣла и угодій бщины; 2) право наслѣдственнаго пользованія усадьбами, близкое по природѣ своей къ правамъ чиншевика и т. д. Очевидно, выходя изъ общины, крестьянинъ лишается выгодъ, связанныхъ съ его правомъ членства. За нихъ, по всей справедливости, община должна его вознаградить, поскольку она сама имѣетъ теперь извѣстный плюсъ отъ полученія возможности инымъ способомъ использовать на себя участки общинной земли, состоявшіе ранѣе въ исключительномъ пользованіи выходящаго.

Въ силу этихъ соображеній было бы желательно распространить указанныя выше правила новаго закона 6 іюня 1904 года на всѣ случаи выхода изъ общины ея отдѣльныхъ членовъ, предоставляя равнымъ образомъ послѣднимъ право *возмездно уступать* односельцамъ свои усадебные участки.

Стоимость права членства, въ переводѣ его на деньги можно было бы опредѣлить путемъ капитализаціи изъ 5% средняго чистаго дохода съ полевого надѣла выходящихъ за одинъ годъ (съ оставленіемъ за послѣдними права распоряженія ихъ усадебными недвижимостями).

Въ „Матеріалахъ Высочайше утвержденной 16-го ноября 1901 года комиссіи по изслѣдованію вопроса о движеніи съ 1861 по 1900 г.г. благосостоянія сельскаго населенія среднеземледѣльческихъ губерній, сравни-

тельно съ другими мѣстностями Европейской Россіи", имѣются указанія для ряда губерній относительно средняго размѣра надѣла на одну душу мужского пола (по даннымъ за 1900 годъ) и чистаго дохода на одну десятину надѣла въ годъ. Ими мы здѣсь, до извѣстной степени, и воспользуемся въ видѣ примѣра, добавивъ лишь разсчетъ вознагражденія за одну десятину, по предложенному нами выше проекту:

ГУБЕРНІИ	Надѣлъ на 1 мужск. душу въ десятинахъ	Средній чистый доходъ съ десятины въ 1 годъ	Размѣръ выкупа «права членства» за одну десятину надѣла
Среднія черноземныя губ.:			
Тульская	1,6	4 р. 82 к.	96 руб.
Рязанская	1,7	4 » 02 »	80 »
Курская	1,7	5 » 91 »	118 »
Орловская	1,8	5 » 98 »	120 »
Тамбовская	2	5 » 88 »	118 »
Воронежская	2,4	5 » 06 »	101 »
Губ. Малороссійскія:			
Полтавская	1,5	5 р. 25 к.	105 руб.
Черниговская	2	4 » 01 »	80 »
Губ. Приволжскія и Восточн.:			
Саратовская	2,6	4 р. 82 к.	96 руб.
Уфимская	4,4	2 » 99 »	60 »
Самарская	4,5	2 » 02 »	40 »
Вятская	4,6	1 » 77 »	35 »
Губ. среднія нечерноземныя и сѣверныя:			
Калужская	2,1	3 р. 26 к.	65 руб.
Московская	2,5	5 » 29 »	106 »
Владимірская	2,6	2 » 46 »	49 »
Тверская	2,6	3 » 19 »	64 »
Ярославская	2,6	4 » 49 »	90 »
С.-Петербургская	4,3	5 » 08 »	102 »
Губ. южная:			
Херсонская	2,2	5 р. 35 к.	107 руб.

Во всякомъ случаѣ слѣдовало бы установить закономъ такіе „денежные выдѣлы“ общинниковъ изъ общины. Конечно, въ помощь общинѣ здѣсь нуженъ кредитъ со стороны государства; но думается намъ, подобный кредитъ прямо практически необходимъ, давая общинѣ возможность удерживать въ своемъ распоряженіи большее количество свободной земли въ цѣляхъ борьбы съ малоземельемъ.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда община по тѣмъ или инымъ соображеніямъ не пожелала бы выплачивать выходящей изъ ея состава семьѣ вознагражденіе на указанныхъ выше основаніяхъ, она всегда можетъ отказаться сдѣлать это, *выдѣливъ выселяющимся ихъ надѣлъ въ подворное пользованіе*, и предоставивъ такимъ образомъ послѣднимъ свободное распоряженіе ихъ землею.

Съ вопросомъ о свободѣ передвиженія и выхода изъ крестьянства стоитъ въ тѣсной связи часто возникающій въ литературѣ предмета вопросъ о *реформѣ крестьянской семьи и семейныхъ раздѣловъ*.

Въ настоящее время, какъ извѣстно, существуетъ два типа крестьянскихъ семействъ—сложныя нераздѣлившіяся семьи и семьи малыя. Подъ малой семьей понимается обычная и въ нашемъ быту семья, состоящая изъ родителей и изъ несовершеннолѣтнихъ, неженатыхъ и вообще нестдѣленныхъ дѣтей. Сложныя семьи представляютъ собою рѣдко встрѣчающійся въ нашемъ образованномъ обществѣ союзъ родственниковъ, подъ главенствомъ старшаго въ родѣ—„большака“, союзъ, въ которомъ, кромѣ дѣтей, неспособныхъ по своему возрасту или физическимъ особенностямъ къ самостоятельному хозяйству, живутъ совмѣстно, нерѣдко подъ одной кровлей, взрослые сыновья, внуки, племянники, а равно жены сыновей, дочери, внучки, пріемные зятья—„влазни“. Нерѣдко въ составъ семьи такой входятъ еще пріемыши и внѣбрачныя дѣти членовъ семьи.

Существеннымъ отличительнымъ признакомъ народной семьи того и другого типа является то об-

стоятельство, что въ ней уживаются рядомъ, вліяя на личныя и имущественныя отношенія породнившихся лицъ, два основныхъ начала, именно, начала родства и личнаго труда. Личный трудъ всѣхъ имѣетъ здѣсь очень важное значеніе: въ то время, какъ во всѣхъ другихъ классахъ общества семья держится производительнымъ трудомъ одного лица, большею частью отца семьи, здѣсь каждый членъ семьи обязанъ трудиться для пользы всей семьи, какъ одного экономическаго цѣлаго. Въ семьѣ крестьянской каждый, трудясь, долженъ дѣйствовать въ интересахъ всѣхъ. Здѣсь для каждаго является необходимость соразмѣрять и принаровлять свою дѣятельность къ дѣятельности всѣхъ, быть въ извѣстное время непремѣнно тамъ-то, а не въ другомъ мѣстѣ по личному желанію, дѣлать то, что указано и т. д.

Совмѣстный трудъ всѣхъ членовъ семьи направляется на созданіе, увеличеніе и поддержаніе общаго семейнаго имущества. Въ составъ послѣдняго входитъ не только надѣльная земля и усадебная осѣдлость, но, равнымъ образомъ, и то движимое имущество, которое составляетъ принадлежность крестьянскаго хозяйства, его живой и мертвый инвентарь, какъ то: хозяйственныя постройки, скотъ, земледѣльческія орудія, запасы зерна и т. п.

Въ настоящее время, благодаря постоянной практикѣ государственнаго совѣта и сената, установилось признаніе этого общесемейнаго имущества собственностью семьи, какъ одного цѣлаго. Потому и семейные раздѣлы не влекутъ за собою въ сложныхъ семьяхъ выдѣленія долей изъ семейнаго имущества отдѣльнымъ членамъ семьи, но являются простымъ раздробленіемъ послѣдней на нѣсколько новыхъ, между которыми, а не между членами одной и той-же семьи, происходитъ самый раздѣлъ семейнаго имущества.

Во главѣ семьи, въ интересахъ порядка управленія и завѣдыванія семейнымъ имуществомъ, стоитъ старшій домохозяинъ. Такимъ хозяиномъ въ сложной семьѣ бываетъ далеко не всегда старшій по лѣтамъ, а иногда

даже младшій, но болѣе способный къ управленію имуществомъ и веденію общесемейныхъ дѣлъ. Лишь по общему правилу „большакомъ“ бываетъ отецъ или дѣдъ. Точно также одна изъ женщинъ назначается главой для завѣдыванія женскимъ хозяйствомъ. Она называется старшей, или хозяйкой; ею обыкновенно бываетъ свекровь—жена „хозяина“, а послѣ ея смерти—старшая изъ невѣстокъ.

Домохозяинъ, будучи лишь представителемъ двора, какъ распорядитель хозяйства, можетъ установить тотъ или иной способъ веденія послѣдняго, не нуждаясь въ согласіи семьи; можетъ, наконецъ, пользоваться кредитомъ для поддержанія хозяйства двора.

Въ прежнее время у крестьянъ всѣ деньги, заработанныя членами большой семьи, передавались старшему домохозяину, распоряжавшемуся самовластно всѣмъ семейнымъ имуществомъ. Обычай этотъ, съ измѣненіемъ экономическихъ условій крестьянскаго быта, съ явившеюся необходимостью покупать на деньги предметы, производившіеся прежде самой семьею, съ развитіемъ отхожихъ промысловъ, вызванныхъ малоземельемъ,—сталъ въ разрѣзъ съ экономическими интересами отдѣльныхъ членовъ семьи. Съ одной стороны, участіе ихъ въ содержаніи семей сдѣлалось неравномѣрнымъ, благодаря различію величины заработковъ каждаго изъ нихъ; съ другой стороны, значительно виднѣе стала и та неравномѣрность, съ которой пользуются семейнымъ имуществомъ отдѣльныя группы сложной (большой) семьи. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ даже образовался обычай, ограничивающій власть старшаго домохозяина. По обычаю этому, послѣдній можетъ требовать отъ члена семьи только такую часть денегъ, получаемыхъ послѣднимъ на отхожемъ промыслѣ, въ какую обошелся семьѣ наемъ, вмѣсто него, другого работника, или какую членъ семьи могъ бы заработать, оставаясь дома (напр., поступивъ самъ работникомъ къ сосѣднему землевладѣльцу и т. п.). За послѣднее время и сенатъ категорически высказывается въ пользу до-

пустимости одновременнаго существованія общесемейнаго имущества и частнаго имущества отдѣльныхъ членовъ семьи, признавая настолько полную экономическую обособленность одного отъ другого, что не допускаетъ отвѣтственности семейнымъ имуществомъ по частнымъ долгамъ отдѣльныхъ членовъ семьи, явившимся послѣдствіемъ проявленія ими особой хозяйственно-экономической жизни, центръ которой *не занимаетъ* вся семья, ея общіе интересы.

Согласно ст. 34 общ. положен. о кр., каждый крестьянинъ можетъ пріобрѣтать въ личную собственность недвижимыя и движимыя имущества, а также отчуждать ихъ, отдавать въ залогъ и вообще распоряжаться ими, съ соблюденіемъ общихъ узаконеній, установленныхъ на этотъ предметъ для сельскихъ обывателей. Сюда принадлежатъ: капиталы, сданные на храненіе въ банки, какъ личное достояніе отдѣльнаго члена, приданое снохи, добытый на сторонѣ въ отхожихъ промыслахъ заработокъ, словомъ, всякаго рода имущество, заработанное внѣ семьи личнымъ трудомъ крестьянина. Сюда же, наконецъ, относятся и недвижимости, пріобрѣтаемыя на личныя средства отдѣльныхъ крестьянъ, какъ въ городахъ, такъ и въ селеніяхъ (такъ назыв. „прикупки“).

Сложныя крестьянскія семьи находятся въ настоящее время въ состояніи крайне-неустойчиваго равновѣсія. Малѣйшее нарушеніе правъ отдѣльнаго члена влечетъ за собою его выходъ, или даже раздѣлъ всей большой семьи на малыя, естественныя семьи. Въ тоже время необходимость ограничивать свои потребности, при уменьшившемся нынѣ количествѣ средствъ и при равномъ, или даже большемъ, чѣмъ было нужно ранѣе, количествѣ труда, не говоря уже о постоянномъ нравственномъ гнетѣ со стороны старшаго домохозяина, —все это неизбѣжно влечетъ большія семьи къ раздѣлу. Заботясь о „собинѣ“, каждый членъ начинаетъ слѣдить весьма тщательно за тѣмъ, чтобы ни одному изъ нихъ не досталось въ семьѣ больше, чѣмъ другому, и

чтобы каждый въ равной мѣрѣ трудился на всѣхъ. Это ревнивое выслѣживаніе вызываетъ безконечные споры и ссоры, особенно среди женщинъ. Бабы въ сложной семьѣ постоянно вмѣстѣ; на нихъ лежитъ такой трудъ, который всего болѣе даетъ поводовъ къ столкновеніямъ, а вѣчная зависимость отъ „хозяйки“ и „большухи“ возбуждаетъ среди нихъ стремленіе къ обособленію въ самостоятельныя семьи: „хоть щей горшокъ, да самъ большой...“

Ссоры и недоразумѣнія между членами семьи, неравномѣрность труда, неравномѣрность распредѣленія общихъ благъ на потребности каждаго члена семьи, безпечность одного и разгулъ другихъ, наконецъ, желаніе каждаго жить самостоятельно и ослабленіе авторитета старшаго домохозяина,—таковы главныя причины, въ силу которыхъ крестьяне стремятся къ раздѣламъ. Крестьянинъ самъ лучше другихъ понимаетъ свои выгоды и знаетъ хорошо, что многорабочая семья значительно легче достигаетъ благосостоянія, чѣмъ малорабочая. Но онъ въ то же время знаетъ, что это положеніе справедливо не безусловно, а только тогда, когда многорабочая семья живетъ дружно, подчиняясь авторитету старшаго домохозяина, который преслѣдуетъ только общіе интересы семьи и справедливо относится ко всѣмъ ея членамъ. Напротивъ, гдѣ нѣтъ внутренняго согласія въ семьѣ и сознанія общей пользы, тамъ скоро общая семейная жизнь становится невозможной, начинается борьба личныхъ интересовъ, ссоры, дрязги. Возбуждаемыя, въ большинствѣ случаевъ, между женщинами, ссоры эти переходятъ къ мужьямъ, и, наконецъ, дѣлаютъ совмѣстную жизнь положительно невыносимой, такъ что семейный раздѣлъ представляется единственнымъ средствомъ для возстановленія мира и спокойствія.

Впрочемъ, нельзя утверждать, что семейные раздѣлы ведутъ непремѣнно крестьянскія хозяйства къ упадку. Бываетъ, что именно общность семьи ведетъ ее къ разоренію, и только раздѣлъ спасаетъ ее отъ

нищеты и ставитъ на твердую почву. Таковъ, напр., случай, когда одинъ изъ членовъ семьи въ послѣднюю ничего не вноситъ, не работаетъ и не хочетъ работать, все проматываетъ, что ему подвернется подъ руку, зная, что, будучи захребетникомъ, не пропадетъ за спинами своихъ односемейцевъ. При такихъ условіяхъ, естественно, и другіе члены того же семейства теряютъ значительную часть своего рвенія къ хозяйству. Между тѣмъ, разъ такая семья дѣлится, лѣнивому приходится лишиться надежды жить чужими трудами. Онъ волей—неволей принимается за хозяйство, и очень часто, подъ давленіемъ нужды, перерождается и становится сноснымъ хозяиномъ. Да и вообще, въ неладной семьѣ каждая часть ея ставитъ свои интересы выше общесемейныхъ, а потому, не желая отдавать свой трудъ на общую пользу семьи, работаетъ крайне плохо, и, преслѣдуя только личныя выгоды, тащитъ себѣ, что только возможно изъ общаго достоянія.

Между тѣмъ, дѣйствующія у насъ съ 18 марта 1886 года правила о порядкѣ разрѣшенія семейныхъ раздѣловъ у крестьянъ—общинниковъ, направлены исключительно къ тому, чтобы всякими правдами и неправдами поддерживать сложныя семьи и препятствовать всѣми доступными разнымъ канцеляріямъ мѣрами совершенію семейныхъ раздѣловъ.

Согласно этому закону, семейство, желающее раздѣлиться на нѣсколько самостоятельныхъ хозяйствъ, обязано заявить о томъ сельскому сходу. По такому его заявленію, сходъ прежде всего удостовѣряется въ томъ, совершается-ли предполагаемый раздѣлъ съ согласія родителя или старшаго члена семьи, и при отсутствіи такого согласія, приступаетъ къ обсужденію заявленія о раздѣлѣ только тогда, когда поводомъ къ нему служатъ расточительность и безнравственное поведеніе домохозяина. При разсмотрѣніи дѣла, сходъ обсуждаетъ: 1) существуетъ-ли *основательный* поводъ къ раздѣлу семьи; 2) способны ли лица, желающія отдѣлиться, вести

самостоятельно новое хозяйство; 3) достаточны-ли принадлежащіе имъ усадебные участки для устройства на нихъ усадебъ, съ соблюденіемъ требованій строительнаго устава, а въ случаѣ неимѣнія такихъ участковъ, представляется ли возможнымъ отвести ихъ изъ мірской земли, усадебной или полевой, и 4) будетъ-ли, въ случаѣ допущенія раздѣла, обезпечено исправное поступленіе числящихся на семьѣ недоимокъ и текущихъ окладныхъ сборовъ и повинностей. Если предполагаемый раздѣлъ не удовлетворяетъ этимъ условіямъ, сходъ имѣетъ право не давать на него согласія.

Разрѣшая раздѣлъ, сходъ: 1) распредѣляетъ между членами дѣлящейся семьи ея полевой надѣлъ и утверждаетъ, по надлежащемъ исправленіи, заявленныя ему предположенія о томъ, что именно должна получить каждая дѣлящаяся сторона изъ принадлежащихъ семьѣ усадебнаго участка, строеній и инвентаря; 2) производитъ раскладку, между вновь образующимися хозяйствами, лежащихъ на семьѣ окладныхъ сборовъ и другихъ взысканій, а также числящихся на нихъ недоимокъ, и 3) въ случаѣ недостаточности принадлежащаго дѣлящейся семьѣ усадебнаго участка для возведенія необходимыхъ для жизни и хозяйства построекъ, отводитъ такой участокъ изъ свободныхъ мірскихъ земель. Семейство, раздѣлившееся самовольно, безъ разрѣшенія схода, почитается, въ отношеніи къ отбыванію повинностей и къ уплатѣ окладныхъ сборовъ и другихъ взысканій, за одну семью, всѣ члены которой несутъ общую отвѣтственность за неисправное выполненіе этихъ обязанностей.

Содержаніе приведеннаго закона 18 марта 1886 года представляется совершенно не отвѣчающимъ дѣйствительнымъ запросамъ крестьянской жизни.

Прежде всего, безполезнымъ, мало того, прямо вреднымъ является стремленіе законодателя удержать крестьянъ въ сожитіи сложными семьями и отъ самовольныхъ раздѣловъ послѣднихъ. Разъ членъ семьи вышелъ изъ послѣдней, или выгнанъ изъ нея, спрашивается, какой смыслъ законодателю стараться вернуть

его обратно, или, тѣмъ болѣе, удержать его вновь въ той же семьѣ? Принудительныя или карательныя мѣры могутъ только ожесточить, или еще болѣе озлобить ту или другую сторону, довести ихъ даже до преступленія.

Въ настоящее время имѣется среди крестьянскихъ обществъ не мало семействъ, раздѣлившихся болѣе 10 лѣтъ тому назадъ. Семьи такія, безъ утвержденія ихъ раздѣла формальнымъ образомъ, находятся въ самомъ неопредѣленномъ и шаткомъ положеніи даже передъ судомъ по искамъ имущественнымъ между собою, не имѣя права быть истцами или отвѣтчиками, такъ какъ все имущество ихъ въ совокупности признается имуществомъ *одной* нераздѣленной семьи. Разрѣшеніе участи ихъ, равно какъ коренное измѣненіе правилъ 18 марта 1889 г. въ законодательномъ порядкѣ, должны быть произведены въ возможно скорѣйшемъ времени.

Обусловливая раздѣлъ семьи согласіемъ старшаго домохозяина, законъ 18 марта 1886 г. предполагаетъ, что старшій домохозяинъ-человѣкъ безупречный, преслѣдующій только интересы всей семьи. Жизнь давно уже слишкомъ даже наглядно показала совершенно обратное. Особенно несправедливымъ является это требованіе закона въ тѣхъ случаяхъ, когда, послѣ смерти главы семейства—отца, старшимъ домохозяиномъ въ сложной семьѣ остается дядя или старшій братъ. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ, дѣло идетъ при этомъ такъ, что домохозяинъ (не отецъ) всѣми правдами и неправдами старается извлечь какъ можно болѣе выгодъ въ свою личную пользу, или же въ пользу своихъ собственныхъ нисходящихъ (кровной семьи), посредствомъ всяческихъ злоупотребленій, путемъ присвоенія себѣ львиной доли въ доходахъ и т. д. Младшіе члены семьи—племянники, братья, вдовы умершихъ братьевъ и т. д.—видятъ злоупотребленія, но не могутъ ничего сдѣлать, такъ какъ у нихъ нѣтъ законныхъ средствъ бороться со старшимъ домохозяиномъ и требовать отъ него отчета. Хуже всего то, что по закону они не могутъ даже требовать раздѣла, чтобы

спасти свои наслѣдственныя доли отъ расхищенія: для этого нѣтъ въ законѣ формальныхъ основаній. Легко видѣть, каково и нравственное, и имущественное состояніе такихъ семействъ, и насколько такая система стѣсненія семейныхъ раздѣловъ можетъ вредить экономическому благосостоянію крестьянъ.

Текстъ существующихъ крестьянскихъ законовъ предусматриваетъ только такого рода раздѣлы, когда обѣ дѣлящіяся стороны образуютъ особыя хозяйства, получая въ самостоятельное пользованіе усадьбы и надѣльную разнаго рода землю. Въ жизни, однако, не рѣдки случаи, когда изъ семьи выдѣляются одинъ или нѣсколько членовъ, на новыя усадьбы, продолжая пользоваться земельнымъ надѣломъ въ поляхъ и угодьяхъ сообща, по прежнему. Такъ какъ подобныя сдѣлки не могутъ быть оформлены приговоромъ суда, то онѣ не являются, съ точки зрѣнія дѣйствующаго законодательства, ни уволненіемъ изъ общества, ни формальнымъ отказомъ отъ надѣла, или отъ права наслѣдованія въ семейномъ усадебномъ участкѣ. Все это порождаетъ большія недоразумѣнія въ практикѣ волостныхъ судовъ и сходовъ, особенно, когда возникаетъ вопросъ о надѣленіи землею такого выселившагося съ общей усадьбы члена семьи, или, когда лицо такое требуетъ себѣ выдѣла наслѣдственной доли.

Запрещать такого рода *выдѣлъ* изъ семьи было бы въ высшей степени нецѣлесообразнымъ. Нерѣдко подобнымъ выдѣломъ сами крестьяне предотвращаютъ семейные раздѣлы, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда становится невозможнымъ совмѣстное сожительство всѣхъ подъ одной кровлей вслѣдствіе неуживчивости характеровъ односемейцевъ, ревности и т. д.; тогда какъ полевое хозяйство тѣ же лица оказываются въ состояніи вести дружно и мирно.

Такимъ образомъ задачей будущаго законодателя должно явиться не стремленіе ограничивать семейные раздѣлы, т. е. безплодная борьба противъ укоренив-

шагося народнаго обычая, вызваннаго внутренними условіями крестьянскаго семейнаго быта, а забота о возможно лучшемъ упорядоченіи семейныхъ раздѣловъ.

Намъ думается, съ этою цѣлью было бы полезно установить *два вида* раздѣловъ, а именно: а) *полный раздѣлъ семьи*, и б) *выдѣлъ* одного или нѣсколькихъ членовъ изъ семьи только для отдѣльнаго жительства и для веденія своего отдѣльнаго домашняго хозяйства, но съ общимъ земельнымъ надѣломъ. Выдѣлившіяся такимъ образомъ лица еще не считаются самостоятельнымъ крестьянскимъ дворомъ и не получаютъ права голоса на сходѣ, но должны числиться по спискамъ въ прежней семьѣ, съ общей съ нею отвѣтственностью по платежамъ окладныхъ сборовъ и отправленію повинностей.

Дозволеніе на такого рода выдѣлы, равно какъ и самое совершеніе раздѣла имущества, должны быть здѣсь и при подворномъ, и при общинномъ землепользованіи предоставлены вѣдомству реформированнаго волостного суда. Лишь въ томъ случаѣ, когда размѣры усадебнаго участка не даютъ возможности поселиться на немъ двумъ семьямъ обособленно и является наобходимость, при общинномъ владѣніи, надѣленія новой „одворицы“ выдѣляющимся членамъ семьи, разрѣшеніе этого вопроса должно быть предоставлено вѣдомству схода, и притомъ не исключительно сельскаго схода, но именно лишь схода домохозяевъ, связанныхъ общностью надѣла съ дѣлящеюся семьей, т. е. *селеннаго* схода общины.

Такой выдѣлившійся членъ семьи, ведя по дому особое сомостоятельное хозяйство, долженъ пользоваться полевымъ надѣломъ и угодьями сообща, нераздѣльно съ семействомъ, изъ котораго выдѣлился, и уплачивать также извѣстную часть, по опредѣленію волостного суда при выдѣлѣ, изъ числа казенныхъ, земскихъ и мірскихъ сборовъ, слѣдующихъ со всей сложной семьи.

Что касается случаевъ полнаго *раздѣла* семьи, то слѣдовало бы измѣнить условія допустимости семейныхъ

раздѣловъ въ томъ смыслѣ, что при жизни отца—домохозяина, безъ согласія послѣдняго, никто изъ членовъ его семейства (изъ нисходящихъ) не можетъ возбуждать ходатайства о семейномъ раздѣлѣ (но *выдѣла* требовать *могутъ*), кромѣ тѣхъ случаевъ, когда поводомъ для раздѣла являются расточительность, пьянство или безнравственность домохозяина, либо семейные раздоры, дѣлающіе невыносимымъ совмѣстное жительство и препятствующіе успѣшному веденію хозяйства. Въ остальныхъ же случаяхъ, когда старшимъ домохозяиномъ является не отецъ семьи, а другой старшій родственникъ, должно предоставить,—при общинномъ землепользованіи—селенному сходу, а при подворномъ—волостному суду—право разрѣшать раздѣлы и при несогласіи на это старшаго домохозяина. При этомъ и выдѣленные уже члены семьи могутъ просить окончательнаго раздѣла. Самое же фактическое производство раздѣла должно быть, во всякомъ случаѣ, предоставлено вѣдомству волостного суда.

На практикѣ, наконецъ, очень часты случаи выдѣла домохозяиномъ младшаго члена семьи (напримѣръ, снохи—вдовы или сына и брата—неземледѣльца), съ выдачей имъ лишь движимости, или денежнаго пособія безъ предоставленія права пользоваться усадьбой или надѣломъ. Сдѣлки такія не подходятъ подъ понятіе семейнаго раздѣла; послѣднимъ, собственно говоря, является всякій имущественный выдѣлъ изъ состава общаго крестьянскаго двора, сопряженный съ образованіемъ новаго двора и самостоятельнаго хозяйства на особомъ надѣлѣ общинной земли. Поэтому, такой выдѣлъ одного движимаго имущества не является семейнымъ раздѣломъ въ техническомъ смыслѣ слова.

Слѣдуетъ замѣтить, что вопросъ о семейномъ крестьянскомъ владѣніи встрѣчаетъ крайне враждебный пріемъ въ нашей спеціальной литературѣ. Между прочимъ, прямымъ врагомъ этого ученія выступилъ и графъ С. Ю. Витте въ своей извѣстной запискѣ по крестьянскому дѣлу (1904 г.).—„По моему мнѣнію“, заявляетъ

здѣсь С. Ю. Витте,—„принадлежность права на началѣ личномъ является условіемъ, безъ котораго не мыслимо развитіе экономическаго благосостоянія нашего крестьянства, ибо поступательное движеніе матерьяльной культуры основано на личной предпріимчивости, личной трудоспособности, личномъ умѣніи и личномъ расчетѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ, индивидуальное начало вноситъ чрезвычайную ясность и опредѣленность въ частно правовыя отношенія. Сущность же семейнаго владѣнія заключается *въ отрицаніи имущественныхъ правъ отдѣльныхъ лицъ и въ принудительномъ удержаніи ихъ* въ составѣ двора, какъ семейно-трудового союза. Подобнаго рода правовая конструкція могла бы быть допустима въ условіяхъ примитивнаго экономическаго строя, но въ настоящее время она является серьезнѣйшимъ стѣсненіемъ для хозяйственной самодѣятельности и предпріимчивости и приноситъ только вредъ, о чемъ весьма доказательно свидѣтельствуютъ мѣстные комитеты (о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности“).

Къ сожалѣнію, изъ записки г. Витте не видно, кого онъ желаетъ признавать, „на личномъ началѣ“ субъектомъ права по такъ называемому семейному имуществу—домохозяина ли семьи, или кого иного? можно лишь предполагать, что г. Витте, слѣдуя мнѣнію большинства комитетовъ, желаетъ признавать субъектомъ такого права именно домохозяина.

Съ такимъ взглядомъ, однако, едва-ли можно соглашаться въ интересахъ самого крестьянства.

Прежде всего, должно помнить, что г. Витте, какъ и комитеты, совершенно резонно не настаиваетъ *на уничтоженіи* сложныхъ семействъ, а лишь стремится къ отмѣнѣ существующихъ нынѣ мѣръ *принудительнаго удержанія* крестьянъ въ сложныхъ семьяхъ, что далеко не одно и тоже. Можно съ увѣренностью сказать, что и послѣ проведенія такой реформы останется еще масса сложныхъ семействъ и не мало ихъ возникнетъ вновь.

Усиленіе же значенія и произвола старшаго домохозяина въ сложныхъ семьяхъ съ признаніемъ его собственникомъ и неограниченнымъ владыкой всего семейнаго имущества—безспорно является, правда нежелательнымъ для г. Витте, но и неизбѣжнымъ послѣдствіемъ предположенной имъ реформы, особенно вредныя послѣдствія которой для остальныхъ односемейцевъ будутъ при подворномъ землепользованіи.

Не говоря уже о случаяхъ мотовства и пьянства домохозяина, предоставленіе ему права свободнаго распоряженія подворнымъ участкомъ, было бы крайне опасно, особенно когда во главѣ семьи стоитъ не родитель, а братъ, дядя, вотчимъ, или иной родственникъ, или когда старшій домохозяинъ (и въ простой семьѣ) живетъ постоянно на сторонѣ: служитъ въ городѣ, работаетъ на фабрикѣ и т. п., словомъ,—когда онъ фактически порвалъ связь съ сельскимъ хозяйствомъ. Въ такихъ случаяхъ, которые далеко не рѣдки въ крестьянскомъ быту, имѣется полное основаніе опасаться, что домохозяинъ воспользуется правомъ распоряженія подворнымъ участкомъ въ ущербъ общимъ интересамъ семьи, въ эгоистическихъ цѣляхъ, направленныхъ къ его личной пользѣ, или къ обогащенію членовъ его кровной семьи, въ ущербъ прочимъ членамъ сложной семьи.

Если семья „объединена дружнымъ, искренне-родственнымъ чувствомъ“, она—и сложная, и простая—будетъ успѣшно и согласно вести свое хозяйство при всякомъ правовомъ режимѣ. Правила эти становятся въ семьѣ необходимы лишь тогда, когда о такихъ чувствахъ забыли; ну, а въ случаяхъ подобнаго „забвенія“ будетъ очень и очень скверно односемейцамъ, если домохозяинъ —негодяй начнетъ разстраивать хозяйство, какъ безконтрольный собственникъ. При такихъ условіяхъ индивидуальное начало, дѣйствительно „внесетъ ясность въ частно правовыя отношенія“ между членами семьи: когда домохозяинъ пуститъ семью свою по міру, отношенія по имуществу между ними, конечно, идеально упростятся, но только въ совершенно неожиданномъ для г. Витте смыслѣ.

Заявленіе же г. Витте, что „сущность семейнаго владѣнія заключается въ отрицаніи имущественныхъ правъ отдѣльныхъ лицъ и въ принудительномъ удержаніи ихъ въ составѣ двора, какъ семейно-трудоваго союза“—является уже прямо ошибочнымъ.

Цѣлью установленія правъ на недвижимость и хозяйственный инвентарь за семьями, а не за домохозяевами, является проходящее красной нитью въ исторіи всего крестьянскаго поземельнаго устройства стремленіе законодателя обезпечить за большимъ количествомъ крестьянъ прочность владѣнія и пользованія землею, какъ лучшей мѣры обезпеченія ихъ быта, а равно ихъ исправности по исполненію повинностей государству. Въ то же время однако, какъ мы говорили выше, законъ и практика сената признаютъ и охраняютъ, рядомъ съ такимъ обще-семейнымъ имуществомъ, *личное* имущество отдѣльныхъ членовъ семьи, создавая, тѣмъ самымъ, „ту правовую обстановку, которая даетъ необходимый просторъ для самодѣятельности и обезпечиваетъ результаты труда точными правовыми границами“; мѣнять послѣднія—добавимъ отъ себя—не желательно, разъ онѣ уже проведены въ крестьянскую жизнь многолѣтней практикой и съ успѣхомъ примѣняются тамъ, гдѣ „примѣнители“ сами не стараются ихъ исказить и запутать.

Свобода землепользованія.

Въ предѣлахъ Европейской Россіи имѣются *три* основныя формы крестьянскаго землепользованія, именно 1) *подворное землепользованіе*, 2) *общинное* и 3) *личное*.

I. *Подворное землепользованіе*. Оно встрѣчается преимущественно въ западныхъ губерніяхъ Европейской Россіи. При немъ вся земля, поступившая въ надѣлъ крестьянскому обществу при освобожденіи отъ крѣпостной зависимости, является раздробленной на участ и, состоящіе въ собственности отдѣльныхъ крестьянскихъ семействъ. Крестьянскому же обществу при этомъ при-

надлежитъ лишь право распоряженія выморочными подворными участками и усадебными землями общаго пользованія (таковы, напр., площади, улицы, выгоны, озера и т. п.). Завѣдываніе каждымъ подворнымъ участкомъ принадлежитъ старшему домохозяину отдѣльной семьи, какъ необходимому представителю послѣдней. Вмѣстѣ съ тѣмъ, по дѣйствующей практикѣ, подворные участки и необходимый въ сельскомъ хозяйствѣ инвентарь, признаваемые семейной собственностью, не подлежатъ завѣщательнымъ распоряженіямъ домохозяина, и смерть его не открываетъ наслѣдства, пока имѣется на лицо кто-либо изъ членовъ двора: происходитъ только смѣна домохозяина. На томъ же основаніи имущество двора не продается въ удовлетвореніе личныхъ долговъ домохозяина или отдѣльныхъ членовъ его семьи.

Вообще, въ Европейской Россіи (исключая Польшу и Кавказъ) подворное крестьянское владѣніе надѣльною землею занимаетъ площадь не менѣе 22 милліоновъ десятинъ. Въ этотъ счетъ подворныхъ надѣловъ входятъ, равнымъ образомъ, земельные участки, выдѣленные изъ общинной земли въ подворную собственность отдѣльнымъ семействамъ бывшихъ крестьянъ—общинниковъ, на основаніи ст. 165 полож. о выкупѣ, т. е. до времени изданія закона 14 декабря 1893 года.

По даннымъ, собраннымъ министерствомъ внутрен. дѣлъ по 46 губерніямъ (443 уѣздамъ), установлено, что къ 1891 году было выкуплено изъ состава общинной надѣльной земли 181.897 душевыхъ надѣловъ пространствомъ 887.771 десятинъ. Изъ нихъ продано членамъ *своего общества* 3.206 надѣловъ, пространствомъ 12.441 десятинъ, не крестьянамъ—1.931 надѣлъ, пространствомъ 16.322 десят., и, кромѣ того, продано по рѣшенію судебныхъ мѣстъ 9.934 десятинъ.

Такимъ образомъ, изъ всего количества общинной надѣльной земли, выкупленной до срока, $^2/_3$ этихъ выдѣленныхъ въ подворную собственность участковъ перешло къ постороннимъ лицамъ, и лишь сравнительно ничтожное количество—12.441 десят. удержалось въ

рукахъ бывшихъ крестьянъ—общинниковъ на началахъ подворнаго землевладѣнія.

Въ виду этихъ крайне важныхъ фактическихъ данныхъ намъ представляются совершенно неосновательными появившіяся въ печати нашей указанія на широкую мобилизацію крестьянскихъ земель и на существовавшее до 1893 г. у общинниковъ стремленіе выдѣляться изъ общины и получать свои надѣлы на подворномъ правѣ.

Въ цѣляхъ сбереженія надѣльной земли за возможно большимъ числомъ крестьянскихъ семействъ, законодатель рѣшилъ установить *предѣльные размѣры* подворныхъ участковъ, обладаніе которыми было бы допустимо каждому крестьянскому двору въ отдѣльности.

Въ этомъ отношеніи ст. 88 мѣстнаго положенія для губерній Юго-западнаго края (ст. 102, IV, по издан. 1902 г.) постановляетъ, что „одинъ домохозяинъ въ предѣлахъ одного сельскаго общества не можетъ содержать болѣе двухъ усадебъ, или двухъ пѣшихъ участковъ изъ коренного надѣла, съ принадлежащими къ нимъ усадьбами“; при этомъ размѣръ пѣшаго участка опредѣленъ, смотря по мѣстности, отъ $4^1/_2$ до $9^1/_2$ десятинъ.

Затѣмъ, по ст. 84 мѣстн. положен. сѣверо-западн. края (IV, ст. 150, по изд. 1902 г.) „не дозволяется одному крестьянину содержать болѣе трехъ участковъ въ предѣлахъ одного сельскаго общества“. Впрочемъ, при этомъ не установлено закономъ никакого нормальнаго размѣра подворныхъ участковъ. Въ дѣйствительности размѣръ этотъ въ различныхъ мѣстностяхъ не одинаковъ, доходя до 40 и даже до 50 десятинъ, напр., въ Минской губерніи, гдѣ земли малоцѣнны, лѣсисты и болотисты, а равно въ Ковенской губ., гдѣ получило особенное развитіе хуторское хозяйство.

Наконецъ, согласно ст. 83 мѣстнаго положенія Закавказскаго края (IV, 298, по изд. 1902 г.), „не дозволяется одному крестьянину содержать въ предѣлахъ одного сельскаго общества, изъ крестьянскаго надѣла болѣе того количества земли, которое будетъ равняться тремъ

высшимъ мѣстнымъ размѣрамъ надѣльныхъ полевыхъ участковъ", т. е. болѣе $13^1/_2$—30 десятинъ, смотря по мѣстности и качеству полей (поливныя или неполивныя).

Говоря вообще, стремленіе установить законодательнымъ путемъ нормировку предѣльнаго количества надѣльной земли на каждый крестьянскій дворъ основывается, главнымъ образомъ, на слѣдующихъ соображеніяхъ: 1) на необходимости и желательности, въ цѣляхъ предупрежденія увеличенія сельскаго пролетаріата, обезпечить надѣломъ возможно большее число крестьянскихъ семействъ, и 2) на желаніи бороться противъ скупщиковъ и спекулянтовъ, обезземеливающихъ крестьянъ—подворниковъ (Сравн. журналъ соединен. департ. Государственнаго Совѣта 1903 года, № 77, стран. 28 и 29).

Намъ думается однако, что эти соображенія далеко не оправдываютъ необходимости въ такой рѣшительной мѣрѣ, какою является установленіе максимальныхъ подворныхъ участковъ. Прежде всего, необходимо помнить въ этомъ отношеніи, что подворное землепользованіе не имѣетъ, да и не можетъ имѣть, своею задачей установленіе владѣнія землею по возможности равномѣрными надѣльными участками на каждую семью. Такая задача достижима лишь при общинномъ землепользованіи, когда весь надѣлъ является собственностью самой общины, какъ юридическаго лица, которая можетъ, путемъ передѣловъ, предоставлять семьямъ однообщинниковъ на равныхъ основаніяхъ пользованіе землею. Вмѣстѣ съ тѣмъ, опредѣленіе высшей предѣльной нормы подворнаго участка является нежелательнымъ тормазомъ для устройства хуторного хозяйства, возможнаго при трехпольѣ лишь при большой величинѣ участка (десятинъ 30—60), тѣмъ домохозяевамъ, которые дѣйствительно крѣпки къ землѣ, которые именно изъ нея извлекаютъ себѣ средства къ жизни.

Многолѣтній опытъ, подтверждаемый и научными изслѣдованіями, показываетъ, что основная задача подворнаго землепользованія заключается далеко не въ

стремленіи дробить участки между членами семьи, при раздѣлахъ послѣдней, но именно въ возможномъ объединеніи къ одному мѣсту крупныхъ участковъ. Для каждой данной мѣстности у насъ, смотря по условіямъ климата и почвы и по степени развитія культуры, существуетъ извѣстный, наиболѣе выгодный размѣръ земледѣльческаго хозяйства. Какъ скоро хозяйство мельчаетъ, опускаясь ниже этой нормальной единицы, оно становится все невыгоднѣе, потому что расходы на содержаніе усадьбы и инвентарь, да и самый трудъ хозяина уже не окупаются въ достаточной степени. Необходимо считаться здѣсь съ однимъ неизбѣжнымъ фактомъ, именно, что наше хозяйство, особенно крестьянское еще надолго осуждено на извѣстную экстенсивность: кромѣ неумѣнія, на сѣверо-западѣ,—благодаря короткому лѣту и малому плодородію почвы, а дальше, на югъ, на черноземѣ—вслѣдствіе чрезмѣрной распространенности пашни на счетъ другихъ угодій. Даже въ западномъ краѣ, гдѣ хозяйство всего болѣе подвинулось впередъ, и въ трехъ прибалтійскихъ губерніяхъ оно, благодаря климату, не можетъ перейти за извѣстную степень интенсивности, очень далекой отъ западной Европы. Въ виду этого, наша мелкая хозяйственная единица, въ большинствѣ случаевъ, не можетъ безъ вреда для земледѣлія суживаться далѣе извѣстнаго предѣла и опускаться до размѣра мелкихъ крестьянскихъ хозяйствъ Франціи или южной и западной Германіи; иначе, послѣдствіемъ является полное разореніе и обнищаніе мелкопомѣстныхъ крестьянъ — подворниковъ, кормящихся исключительно съ земли.

Интереснымъ подтвержденіемъ сказаннаго является судьба нашихъ нѣмецкихъ колонистовъ, владѣющихъ землею, какъ извѣстно, подворно.

Манифестомъ 1763 года было установлено, что на землѣ, отводимой колонистамъ, каждой семьѣ нарѣзывается въ нераздѣльное потомственное владѣніе участокъ земли, называвшійся дворомъ—хозяйствомъ, размѣромъ въ 60—64 десятинъ. Участки такіе, составляя семей-

ную, не личную, собственность, не подвергались раздѣлу послѣ смерти домохозяина. Наслѣдство должно было переходить къ одному сыну, большей частью къ младшему (минорать). Какъ извѣстно, правило о такомъ порядкѣ наслѣдованія было проведено не во всѣхъ колоніяхъ, и теперь мы замѣчаемъ, что, гдѣ минoратное начало не примѣнялось (напримѣръ, въ колоніяхъ Бѣловѣжскихъ), тамъ, благодаря раздѣламъ, многіе подворные участки сильно измельчали, и владѣльцы ихъ пришли въ крайнюю бѣдность, причемъ, въ этихъ поселеніяхъ появляется то-же имущественное неравенство, которое замѣтно и у нашихъ крестьянъ-подворниковъ. Напротивъ, имущественное благосостояніе колонистовъ наблюдается именно тамъ, гдѣ, какъ напримѣръ, въ Петербургскихъ и Новороссійскихъ колоніяхъ, имѣются крупные подворные участки, искусственнымъ образомъ поддерживаемые строго проведеннымъ здѣсь началомъ единонаслѣдія.

Мы признаемъ безусловно вреднымъ для нашего подворнаго крестьянства допустить въ будущемъ законодательствѣ такое начало единонаслѣдія, не только по причинѣ его полнаго противорѣчія народнымъ обычаямъ, но и потому, что здѣсь является прямое выбрасываніе въ ряды пролетаріата всѣхъ остальныхъ членовъ размножающейся семьи. Но въ тоже время, во всякомъ случаѣ, нежелательно устанавливать и предѣльный размѣръ подворныхъ участковъ.

Представимъ себѣ такой вполнѣ возможный и далеко не исключительный случай: въ обществѣ половина семействъ переселилась или вымерла; участки ихъ перешли дареніемъ, купчей или по наслѣдству въ семьи оставшихся подворниковъ, но въ нѣкоторыхъ семьяхъ превысили законную норму. Спрашивается, что же тогда дѣлать съ излишкомъ; отдать его въ казну? т. е. создать, другими словами, черезполосицу и тѣмъ еще болѣе запутать отношенія крестьянъ—подворниковъ къ казнѣ; оставить въ распоряженіи сельскаго общества, съ запрещеніемъ частнаго пользованія ими, т. е. созда-

вать искусственное засореніе черезполосныхъ земель и предметъ вѣчныхъ захватовъ и хищнической эксплуатаціи? Призывать на эти земли посельщиковъ извнѣ?... Должно помнить однако, что крестьянская семья, дворъ—величина крайне неопредѣленная. Надѣлъ въ 30 десятинъ на отца и трехъ взрослыхъ сыновей достаточенъ при трехполномъ хозяйствѣ для безбѣднаго существованія. Но прошло 20 лѣтъ; семья разрослась и раздѣлилась во второмъ поколѣніи на 5—6 семействъ,—и здѣсь о прежнемъ достаткѣ не можетъ быть и рѣчи. Между тѣмъ, „лишняя“ земля, отнятая 20 лѣтъ тому назадъ въ казну, именно и послужила бы теперь въ пользу той же семьѣ. Наконецъ, и созданіе изъ такихъ излишковъ „запасныхъ“ земель при обществахъ для надѣленія изъ нихъ безземельныхъ или малоземельныхъ подворниковъ явилось бы, подобно отнятію ихъ въ казну, вопіюще несправедливымъ (при существующемъ соціальномъ строѣ) началомъ запрещенія крестьянамъ пріобрѣтать право собственности на недвижимости болѣе опредѣленнаго размѣра, т. е. попыткой запретить имъ богатѣть выше опредѣленной нормы,—попыткой, тѣмъ болѣе неудачной и нежелательной, что рядомъ съ такимъ запрещеніемъ крестьянину—подворнику остается полная возможность пріобрѣтать себѣ „прикупки“ и въ городахъ, и въ селеніяхъ въ неограниченномъ размѣрѣ, разъ только эти недвижимости не входятъ въ составъ надѣльныхъ земель

Въ то же время, установленіе максимальныхъ подворныхъ участковъ оказывается безполезной мѣрой противъ скупщиковъ и спекулянтовъ: они и при существованіи нормировки всегда сумѣютъ обойти законъ, скупая, напримѣръ, участки односеленцевъ на чужое имя, или снимая ихъ въ долгосрочную аренду. Мало того, такая мѣра именно и способствуетъ лишь развитію спекуляціи и вредно отражается, въ смыслѣ пониженія цѣнъ, при продажахъ подворныхъ участковъ, совершаемыхъ, напримѣръ, при переселеніи на казенныя земли, ограничивая еще болѣе кругъ лицъ, могу-

щихъ пріобрѣсти себѣ надѣлы выходящихъ изъ общества подворниковъ.

Рядомъ съ попыткой законодателя установить предѣльный максимальный размѣръ надѣльной земли на каждую семью при подворномъ землевладѣніи, мы находимъ въ крестьянскихъ положеніяхъ рядъ правилъ, установленныхъ въ цѣляхъ устраненія излишней дробности земельныхъ участковъ.

Такъ, ст. 167 пол. о вык. (ст. 117, II, по изд. 1902 г.) совершенно запрещаетъ дробленіе подворныхъ участковъ при переходѣ по наслѣдству, отчужденіи, или инымъ какимъ бы то ни было образомъ, допуская его лишь въ отношеніи *обширныхъ* участковъ, и то съ особаго каждый разъ разрѣшенія губернскаго присутствія.

По ст. 96 мѣстн. полож. Малорос. (ст. 69, IV по изд. 1902 г.) „при переходѣ семейныхъ участковъ по наслѣдству, какъ усадьбы, такъ и полевые участки могутъ быть раздѣляемы на части, но съ тѣмъ, чтобы каждая часть полевого участка была не менѣе половины установленнаго для той мѣстности высшаго размѣра пѣшаго участка“, т. е. не менѣе 2—$3^1/_2$ десятинъ, смотря по мѣстности.

То же правило повторяется, равнымъ образомъ, въ мѣстныхъ положеніяхъ западнаго края, Бессарабіи, Закавказья и Привислинскаго края, гдѣ лишь минимальный размѣръ подворнаго участка опредѣляется для каждой мѣстности различно.

Словомъ, можно сказать, что дѣйствующее крестьянское право прямо и рѣшительно запрещаетъ чрезмѣрное дробленіе подворныхъ надѣловъ.

Но именно здѣсь и наблюдаемъ мы полный разладъ жизни съ установленными закономъ правилами права. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ, по заявленію свѣдущихъ людей со всѣхъ концовъ Россіи, оказывается, что ограничительныя постановленія закона относительно дробленія надѣльныхъ земель не соблюдаются. Въ видѣ лишь исключенія, указываютъ на

Прибалтійскій край, гдѣ хуторная система крестьянскаго землевладѣнія, связанная съ нахожденіемъ всей земли каждаго двора въ одномъ отрубѣ, сама по себѣ устраняетъ возможность чрезмѣрнаго измельчанія участковъ, и, во вторыхъ, на Привислинскія губерніи, гдѣ, въ виду распространеннаго у польскихъ крестьянъ обычая *выплатъ* при раздѣлахъ наслѣдства, правила закона о минимальныхъ участкахъ не остаются мертвой буквой. Въ остальныхъ же мѣстностяхъ съ подворнымъ владѣніемъ, по единодушному замѣчанію мѣстныхъ комитетовъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности, правила этихъ законовъ совершенно не соблюдаются на практикѣ.

Разсматривая вопросъ о „распыленіи“ подворныхъ участковъ съ точки зрѣнія желательной его постановки въ законодательствѣ, намъ приходится признать крайнюю затруднительность установленія въ этомъ отношеніи какихъ либо законоположеній касательно опредѣленія предѣла дробленія. Какъ государство можетъ опредѣлить, сколько нужно земли для прокормленія крестьянина? Величина эта представляется весьма измѣнчивой и зависитъ отъ множества условій. Положимъ, въ настоящее время, при трехпольѣ, крестьянинъ можетъ пропитываться на $2^1/_2$ десятинахъ земли; но въ другихъ странахъ мы знаемъ примѣры, гдѣ въ настоящее время, при лучшей обработкѣ земли, для пропитанія людей требуется несравненно меньшее количество. Даже въ Россіи можно, напримѣръ, указать на жителей нѣкоторыхъ областей Кавказа, которые кормятся сами и питаютъ свои семейства каждый на нѣсколькихъ квадратныхъ саженяхъ земли, разводя здѣсь фруктовыя деревья. Какъ можетъ государство рѣшиться сказать, каковъ именно долженъ быть предѣлъ дробленія. Если въ данный моментъ, при существующемъ укладѣ быта, этотъ размѣръ будетъ правильнымъ, то стоитъ измѣниться лишь тѣмъ или другимъ условіямъ жизни (положимъ, напримѣръ, образовался вблизи городской поселокъ, создалась дачная жизнь, возникла фабрика, вве-

дено, наконецъ, интенсивное хозяйство)—и существующая нормировка окажется вопіюще высокой. При такомъ положеніи дѣла, едва-ли возможно совѣтывать государству опредѣлять заранѣе въ законѣ минимальные размѣры надѣла. Самымъ правильнымъ путемъ борьбы съ распыленіемъ земли было бы для законодателя, отказавшись отъ опредѣленія совершенно произвольныхъ наименьшихъ размѣровъ минимальнаго надѣла и предоставивъ, по примѣру быв. Царства Польскаго, ближайшему наслѣднику надѣла право преимущественнаго выкупа у другихъ сонаслѣдниковъ ихъ долей въ наслѣдствѣ, обратить особенное вниманіе на распространеніе среди подворниковъ хуторской системы хозяйства. Съ распространеніемъ такого хозяйства, связаннаго съ отводомъ каждому владѣльцу всей усадебной и полевой земли въ одномъ отрубѣ, сама собою исчезнетъ возможность чрезмѣрнаго дробленія: хуторское хозяйство и отрубные участки не совмѣстимы съ слишкомъ мелкимъ размѣромъ земельнаго владѣнія. Поэтому члены семьи, не желающіе оставаться въ общемъ пользованіи хуторскими надѣлами, будучи лишены возможности, безъ полнаго крушенія всего хозяйства, получить причитающіяся имъ части земли въ натурѣ, окажутся силою обстоятельствъ вынужденными довольствоваться денежными выплатами и устраиваться на сторонѣ. Для поддержанія матеріальнаго благосостоянія, какъ ихъ, такъ и остающихся на хуторѣ владѣльцевъ, неизбѣжно придется казнѣ придти на помощь имъ, путемъ, напр. устройства на льготныхъ условіяхъ кредита для выплатъ выдѣляющимся, облегченія послѣднимъ покупки земель и т. п.

Равнымъ образомъ, настоятельно нуждается въ реформѣ вопросъ *объ условіяхъ отчужденія подворныхъ участковъ*.

Теперь вопросъ этотъ разрѣшается правилами закона 14 декабря 1893 года, согласно которому участки надѣльной земли, пріобрѣтенные отдѣльными крестьянами или состоящіе въ подворно-наслѣдственномъ ихъ

пользованіи, могутъ быть отчуждаемы посредствомъ даренія или продажи только лицамъ, приписаннымъ или приписывающимся къ сельскимъ обществамъ, т. е. лишь крестьянамъ.

Въ настоящее время, когда громаднымъ большинствомъ знатоковъ крестьянскаго быта признана настоятельно необходимою коренная реформа крестьянскаго быта, въ смыслѣ установленія, взамѣнъ узко-сословныхъ крестьянскихъ учрежденій, новыхъ мелкихъ общественныхъ безсословныхъ организацій и всесословныхъ волостей на началахъ самоуправленія, неизбѣжно кореннымъ образомъ должно измѣниться самое понятіе о лицахъ сельскаго состоянія. Послѣ проведенія указанной земской реформы, подъ послѣдними станутъ разумѣть не исключительно лицъ крестьянскаго сословія, но всѣхъ вообще обывателей, безъ различія званія и состоянія, которые окажутся имѣющими мѣсто жительства своего въ извѣстномъ сельскомъ обществѣ. И, во всякомъ случаѣ, распространеніе права покупки участковъ надѣльной земли подворниковъ *на всѣхъ жителей данной всесословной волости* было бы наилучшимъ логическимъ и практическимъ послѣдствіемъ уравненія въ правахъ крестьянъ съ другими гражданами Россійской Имперіи.

Съ развитіемъ обрабатывающей промышленности и съ ростомъ городовъ, многія отрасли неземледѣльческаго труда даютъ выгодный и постоянный заработокъ сельскому населенію, отдаляя его отъ земледѣлія и отъ деревенской осѣдлости. Къ этому присоединяются улучшеніе путей сообщенія, колонизація свободныхъ земель и многія другія условія современной экономической жизни, дѣлающія, весьма часто, невыгоднымъ и безцѣльнымъ сохраненіе подворникамъ за собою земельнаго надѣла. Разъ тотъ или другой крестьянинъ рѣшилъ прекратить связь съ землею, тормозить ему ликвидацію своего подворнаго надѣла тѣмъ или инымъ способомъ является для законодателя крайне неблагодарнымъ занятіемъ: нельзя палкой загонять на землю того, кто не желаетъ вести сельского хозяйства, а стремится до-

бывать себѣ средства инымъ путемъ. Напротивъ, въ такихъ случаяхъ законъ долженъ идти на помощь тѣмъ изъ остающихся сельскихъ обывателей (новаго типа), которые чувствуютъ призваніе къ земельному труду, промышляютъ земледѣліемъ, и содѣйствовать имъ экономически оказаніемъ денежной казенной помощи на пріобрѣтеніе ими продаваемаго выходящимъ изъ общества его подворнаго участка.

Нѣкоторыя охранительныя мѣры, въ дѣлѣ отчужденія подворныхъ участковъ, слѣдовало бы законодателю принять въ интересахъ семейства самаго продавца, въ смыслѣ ограниченія, до извѣстной степени, права старшаго домохозяина на продажу надѣльной земли.

Не говоря уже о случаяхъ мотовства и пьянства домохозяина, предоставленіе ему права свободнаго отчужденія подворнаго участка было бы, какъ уже мы сказали выше (стр. 112), крайне опасно, когда во главѣ двора стоитъ не родитель семьи, а братъ, дядя, вотчимъ, когда у отца имѣются дѣти отъ второго брака, когда домохозяинъ живетъ на сторонѣ и фактически порвалъ связь со своимъ дворомъ и хозяйствомъ и т. д. Въ этихъ случаяхъ, которые далеко не рѣдки въ крестьянскомъ быту, есть полное основаніе опасаться, что домохозяинъ воспользуется правомъ отчужденія подворнаго участка въ нарушеніе общихъ интересовъ двора, въ узко-личныхъ цѣляхъ, на свою пользу, или ради обогащенія его нисходящихъ, въ ущербъ прочихъ членовъ двора.

Ограниченіе правъ домохозяина необходимо въ этомъ отношеніи еще и потому, что при подворномъ землевладѣніи сельское общество совершенно не заботится о поддержаніи благосостоянія отдѣльныхъ семействъ и огражденіи ихъ отъ произвола и злоупотребленій домохозяина. Поэтому, безусловно необходимо было бы, въ цѣляхъ упроченія быта нашего земледѣльческаго класса населенія, поставить отчужденіе подворнаго участка въ зависимость отъ согласія взрослыхъ членовъ двора, въ томъ числѣ и женщинъ.

Недопущеніе послѣднихъ къ распоряженію подворными участками было бы крайне несправедливо, такъ какъ женщины, оставшіяся въ дворѣ, а не перешедшія въ другую семью (вдовы, старыя дѣвы), не менѣе мужчинъ заинтересованы въ цѣлости семейнаго достоянія, ради пріобрѣтенія и сохраненія котораго онѣ всю жизнь трудились наравнѣ съ мужской половиной семьи. Въ крестьянскомъ быту женщина, по смерти мужа, становится очень часто во главѣ семьи и руководитъ всѣмъ хозяйствомъ, участвуя, въ качествѣ домохозяина, и въ совѣщаніяхъ сельскаго схода; мало того, и при жизни мужа жена-домохозяйка замѣняетъ его (когда, напр., мужъ въ отѣздѣ, на отхожихъ промыслахъ) въ семьѣ и въ обществѣ. Почему же, спрашивается, устранять женщинъ отъ участія въ такихъ распоряженіяхъ подворнымъ участкомъ, отъ которыхъ зависитъ вся судьба ихъ самихъ и дѣтей?

Выработанный редакціонной комиссіей по составленію новаго гражданскаго уложенія проэктъ вотчиннаго устава не предусматриваетъ *порядка укрѣпленія правъ на крестьянскую надѣльную землю*, въ случаѣ перехода ея къ новымъ хозяевамъ, хотя бы и изъ класса сельскихъ обывателей; между тѣмъ до настоящаго времени вопросъ этотъ представлялъ собою наиболѣе запутанную страницу въ области крестьянскаго землепользованія.

Правда, 26 мая 1881 года состоялось изданіе закона, дозволившаго совершать въ волостныхъ правленіяхъ акты о переходахъ недвижимой собственности, цѣной не свыше 300 руб., между крестьянами, а также отъ лицъ другихъ сословій къ крестьянамъ. Законъ этотъ однако былъ отмѣненъ указомъ 25-го января 1883 года, въ виду невозможности возложить такую отвѣтственную и очень важную дѣятельность на малограмотныхъ и несвѣдующихъ въ законахъ волостныхъ старшинъ и писарей и въ виду полной вѣроятности учиненія массы злоупотребленій въ этой области. Такимъ образомъ, и до настоящаго времени въ законѣ нѣтъ сколько-нибудь опредѣленныхъ правилъ о томъ, какимъ порядкомъ слѣ-

дуетъ отчуждать подворные участки. Между тѣмъ, едва-ли кто станетъ сомнѣваться, что пока не рѣшенъ у насъ надлежащимъ образомъ вопросъ о порядкѣ совершенія актовъ на надѣльныя земли, права крестьянъ будутъ оставаться шаткими и неустойчивыми и поземельныя ихъ отношенія запутанными.

Такъ, при подворномъ владѣніи, законъ и толкованія сената, признавая за отдѣльными домохозяевами право распоряженія надѣлами, требуютъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы передача правъ собственности происходила обычнымъ крѣпостнымъ порядкомъ, какой установленъ для перехода недвижимостей закономъ для всѣхъ другихъ классовъ населенія.

Между тѣмъ на практикѣ такой порядокъ укрѣпленія правъ на подворную крестьянскую землю, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, оказывается совершенно непримѣнимымъ. Главной причиной является здѣсь неопредѣленность правъ крестьянъ— подворниковъ на ихъ землю.

Дѣло въ томъ, что, при освобожденіи крестьянъ, акты земельнаго устройства послѣднихъ (уставныя грамоты, владѣнныя записи, люстраціонные акты и данныя) составлялись, въ видѣ общаго правила, и при подворномъ землевладѣніи на каждое сельское *общество особо*; причемъ, лишь *въ видѣ дополненія*, къ актамъ земельнаго устройства, при надѣленіи крестьянъ землею на подворномъ правѣ, добавлялись составлявшіеся на мѣстѣ, *именные списки* крестьянъ—домохозяевъ. Списки эти велись далеко не всюду исправно, а мѣстами и совершенно не были составлены. Благодаря этому обстоятельству, въ настоящее время у большинства подворниковъ не имѣется никакихъ формальныхъ доказательствъ о переходѣ къ нимъ правъ собственности на надѣльную землю отъ лицъ, записанныхъ такъ или иначе въ актахъ земельнаго устройства. Мало того, вопреки прямому постановленію закона о нераздробляемости подворныхъ участковъ до погашенія по нимъ выкупной ссуды, на самомъ дѣлѣ участки эти, за нич-

тожными исключеніями, начиная со дня эмансипаціи, постоянно дробились и переходили изъ рукъ въ руки разныхъ владѣльцевъ. При подобныхъ условіяхъ нотаріусы не въ правѣ совершать крѣпостные акты, и конечно, отказываютъ въ нихъ крестьянамъ.

Но жизнь требуетъ своего; разъ законовъ нѣтъ, практика крестьянская все же выработала рядъ своеобразныхъ способовъ укрѣпленія и перехода недвижимостей, которые худо-ли, хорошо-ли, но практикуются въ настоящее время въ крестьянскомъ обиходѣ.

Согласно заявленіямъ мѣстныхъ комитетовъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности, за послѣдніе годы наибольшее распространеніе среди крестьянъ получило отчужденіе подворныхъ участковъ по такъ называемымъ домашнимъ роспискамъ; причемъ, росписки эти нерѣдко свидѣтельствуются въ волостномъ правленіи и даже пишутся на актовой бумагѣ.

Понятно, сдѣлки такія по закону (ст. 1471 т. X ч. 1 св. законовъ) никакой силы не имѣютъ, и все здѣсь основывается лишь на взаимномъ довѣріи контрагентовъ къ порядочности другъ друга. Въ жизни, однако, увы, довѣріе часто нарушается; бываетъ, что продавецъ, спустя нѣсколько лѣтъ, предъявляетъ къ покупщику искъ о правѣ собственности на проданную землю, доказывая свое, напр., давностное владѣніе послѣдней, и съ успѣхомъ отнимаетъ проданное къ себѣ обратно.

Въ цѣляхъ возможно лучше гарантировать покупателя отъ такихъ „сюрпризовъ“, крестьяне додумались до установленія обезпеченія противъ обратнаго требованія продавцомъ земли путемъ взятія покупщикомъ съ продавца векселей на двойную сумму сравнительно съ продажной цѣной земли, т. е., напр., покупщикъ уплатитъ за землю 1000 руб., а возьметъ съ продавца вексель въ 2000 руб. Однако и эта мѣра не практична: разъ продавецъ пожелаетъ оттягать землю обратно, онъ все равно этого добьется, а выдавъ „бронзовыхъ“ векселей близкимъ друзьямъ и родственникамъ, сумѣетъ и по встрѣчному иску покупщика уплатить ему лишь

по пятачку за рубль. Въ то же время такіе двойные векселя въ рукахъ недобросовѣстнаго покупщика могутъ разорить продавца, разъ они будутъ предъявлены ко взысканію.

Словомъ, полная необезпеченность такого владѣнія, отсутствіе увѣренности въ своихъ правахъ, невозможность при подобныхъ условіяхъ продать надѣлъ за дѣйствительную стоимость, (кому же надо за свои деньги на много лѣтъ рисковать возможностью утратить покупку?)—все это такіе факторы, которые гибельно вліяютъ на благосостояніе нашего крестьянства.

Спрашивается, что же слѣдуетъ сдѣлать для упорядоченія этого крупнаго нестроенія въ крестьянской жизни?

Очень много; но, прежде всего, слѣдуетъ начинать съ полной реформы государственнаго строя на началахъ манифеста 17 октября 1905 г., съ обязательнымъ проведеніемъ при этомъ всесословной волости и организаціи въ послѣдней выборнаго управленія изъ представителей реформированнаго всесословнаго сельскаго состоянія. Печальный опытъ закона 26 Мая 1881 года съ достаточной очевидностью показалъ, что нѣтъ никакой возможности „вливать новое вино“ въ старые, истрепавшіеся и прогнившіе мѣхи современной крестьянской административной организаціи.

Намъ думается, возложеніе на реформированныя, всесословныя волостныя правленія нотаріальныхъ функцій едва-ли можетъ вызвать много споровъ и возраженій. При несравненно повышенномъ качественномъ уровнѣ должностныхъ лицъ всесословнаго правленія—а онъ, уровень этотъ, несомнѣнно повысится при реформѣ—неизбѣжно должны отпасть всѣ основанія, по которымъ пришлось отмѣнить теперь, при существующемъ порядкѣ вещей, законъ 26 мая 1881 года. Мы увѣрены, что, послѣ созданія всесословной волости, малограмотность и невѣжество волостныхъ старшинъ, недостаточное знакомство съ законами, низкій нравственный и умственный уровень волостныхъ писарей и

связанное съ тѣмъ отсутствіе какихъ-либо гарантій въ правильности совершаемыхъ и свидѣтельствуемыхъ ими актовъ,—все это отойдетъ въ область скверныхъ преданій о печальномъ былomъ, слава Богу, пережитомъ, и замѣнится новымъ порядкомъ веденія дѣлъ, обычнымъ въ каждомъ благоустроенномъ государствѣ.

Если же наша государственная машина будетъ правильно налажена въ области сельско-обывательскихъ отношеній, тогда уже не представится достаточныхъ основаній противиться введенію въ волостяхъ вновь въ дѣйствіе закона 26 мая 1881 года.

Создавая, такимъ образомъ, нотаріальную систему, болѣе близкую къ народу, чѣмъ это имѣетъ мѣсто теперь, законодатель окажется обязаннымъ, вмѣстѣ съ проведеніемъ ея близости, создать большую ея доступность и простоту. Извѣстно, что, въ этомъ послѣднемъ отношеніи, существующій нынѣ по нотаріальному положенію порядокъ укрѣпленія правъ представляется крайне неудобнымъ и обременительнымъ для населенія, какъ высотой крѣпостныхъ пошлинъ, такъ равно своей централизаціей, повышающей издержки по совершенію актовъ до того, что онѣ по сдѣлкамъ на имущества, незначительныя по цѣнности, почти равняются ихъ стоимости, и, наконецъ, волокитой, благодаря которой, вся процедура составленія и утвержденія актовъ у обоихъ нотаріусовъ длится иной разъ около полугода, требуя неоднократной явки контрагентовъ и массы самыхъ непроизводительныхъ и неожиданныхъ расходовъ.

Насколько велики расходы, сопряженные съ совершеніемъ крѣпостныхъ актовъ, можно видѣть изъ такого примѣра, приведеннаго Курскимъ комитетомъ, о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности. При покупкѣ (безъ содѣйствія крестьянскаго банка) одной десятины земли за 150 рублей приходится крестьянину израсходовать:

1) на актовую бумагу . . . . . — р. 80 коп.
2) крѣпостныхъ пошлинъ. . . . . 6 „ — „

3) актовыхъ, публикаціонныхъ и канцелярскихъ у старшаго нотаріуса	7	р.	—	коп.
4) марка на выписку изъ владѣнной записи	—	„	60	„
5) засвидѣтельствованіе этой выписки	—	„	25	„
6) совершеніе у младшаго нотаріуса	5	„	—	„
7) довѣренность по утвержденію купчей крѣпости у старшаго нотаріуса	2	„	—	„
8) свидѣтели	1	„	—	„
9) выпись изъ актовой книги . . .	1	„	—	„
10) марка на прошеніе старшему нотаріусу	—	„	60	„
11) марка на удостовѣреніе изъ волостного правленія	—	„	60	„
12) повѣренному за утвержденіе купчей	10	„	—	„
Всего . .	34	р.	85	коп.,

т. е., другими словами, расходы здѣсь равняются 23,3% покупной суммы.

При покупкѣ же меньшаго участка, напр., въ $^1/_4$ десятины, а такія покупки чаще всего и встрѣчаются, расходы по пріобрѣтенію земли дѣлаются уже совершенно непосильными.

При стоимости $^1/_4$ десятины въ 40—45 рублей, на сдѣлку приходится израсходовать:

1) на актовую бумагу	—	р.	40	коп.
2) крѣпостныхъ пошлинъ	1	„	60	„
3) актовыхъ, публикаціонныхъ и канцелярскихъ у старшаго нотаріуса	7	„	20	„
4) марка на выпись изъ владѣнной записи	—	„	60	„
5) засвидѣтельствованіе этой записи	—	„	25	„

6) совершеніе у младшаго нотаріуса	2	р. —	коп.
7) довѣренность повѣренному по утвержденію купчей	2	„ —	„
8) выпись изъ актовой книги . .	—	„ 10	„
9) свидѣтели	1	„ —	„
10) марка на прошеніе старшему нотаріусу	—	„ 60	„
11) марка на удостовѣреніе изъ волостного правленія	—	„ 60	„
12) повѣренному за утвержденіе купчей	6	„ —	„
Всего . .	22	р. 35	коп.,

что составляетъ отъ 49,4% до 55,8% съ покупной суммы.

Сюда же должно присоединить еще другія неудобства, спеціально затрагивающія интересы сельскихъ обывателей, какъ-то: незнаніе нотаріусами условій сельскаго быта, недостаточное знакомство ихъ съ особыми узаконеніями о крестьянахъ и вытекающія отсюда постоянныя нарушенія этихъ узаконеній совершеніемъ нотаріальныхъ сдѣлокъ, такъ сказать, келейно, внѣ контроля односельчанъ и волостного начальства, трудность регистраціи такихъ сдѣлокъ для послѣднихъ и т. д.

Все это, думается намъ, въ достаточной степени указываетъ на нежелательность и въ будущемъ подчинять сдѣлки о надѣльныхъ земляхъ общему нотаріальному порядку.

II. Общинное землепользованіе. Преобладающимъ и господствующимъ въ Россіи видомъ землепользованія является общинное на началахъ котораго крестьяне владѣютъ только въ 46 губерніяхъ (согласно обслѣдованію министерства внутреннихъ дѣлъ) не менѣе, чѣмъ 73 милліонами десятинъ земли.

Общинное землепользованіе есть та форма имущественныхъ отношеній, когда крестьянская община, какъ юридическое лицо, владѣя земельнымъ надѣломъ, предоставляетъ его во временное пользованіе по частямъ

семьямъ своихъ членовъ. Какъ говоритъ сенатъ въ одномъ своемъ рѣшеніи, при общинномъ пользованіи физическое лицо не можетъ указать ни на одну количественную часть имущества, которое оно имѣло бы въ своей исключительной власти; самое число членовъ, участвующихъ во владѣніи, не есть нѣчто постоянное, неизмѣнное, но измѣняется безпрерывно извнутри и извнѣ, наростаетъ и уменьшается, и каждому члену общины принадлежитъ только право владѣнія; но и послѣднее принадлежитъ ему въ тѣхъ предѣлахъ, которые установлены обществомъ, міромъ.

Такимъ образомъ, общинное землепользованіе предполагаетъ, что право на землю надѣла принадлежитъ самой общинѣ, какъ хозяйственной единицѣ, какъ самостоятельному, т. е. отдѣльному отъ общинниковъ субъекту права.

При этомъ, собственно говоря, даже безразлично, на какомъ именно правѣ принадлежитъ земля надѣла общинѣ—на правѣ-ли собственности или по иному основанію. Для понятія общиннаго владѣнія вовсе не существенно, чтобы община была собственницей предоставленнаго въ ея распоряженіе земельнаго надѣла. И въ настоящее время среди земельныхъ надѣловъ общинъ мы найдемъ не мало такихъ, на которые право собственности удержано правительствомъ (казной) за собою. Таковы, напримѣръ, случаи установленія общиннаго владѣнія на казенныхъ земляхъ, отведенныхъ переселенцамъ въ арендное пользованіе на сроки отъ 6 до 12 лѣтъ, или же въ безсрочное пользованіе, равно на земляхъ, арендуемыхъ переселенцами у удѣльнаго вѣдомства, наконецъ, на надѣльныхъ земляхъ сибирскихъ крестьянъ и инородцевъ.

Представительнымъ и распорядительнымъ органомъ общины, какъ юридическаго лица, по дѣламъ хозяйственнымъ является селенный сходъ, въ составъ котораго входятъ всѣ старшіе домохозяева семействъ данной общины, получившей особый земельный надѣлъ. Такой селенный сходъ можетъ лишь (но не обязательно),

смотря по мѣстности, совпадать, по составу его участниковъ, со сходомъ сельскимъ, какъ представительнымъ органомъ сельскаго общества по дѣламъ преимущественно административнымъ; но совпаденіе такое въ настоящее время представляетъ собою чисто случайное явленіе, не болѣе.

Община, пріобрѣтая ранѣе по уставнымъ грамотамъ въ постоянное пользованіе и нынѣ по владѣннымъ записямъ и выкупнымъ договорамъ себѣ въ собственность весь земельный надѣлъ, опредѣляемый для каждой мѣстности Положеніями 1861 года особо, въ извѣстномъ размѣрѣ пахотной, усадебной земли и угодій, имѣетъ право разверстки, по своему усмотрѣнію, этой земли для пользованія между семьями домохозяевъ—общинниковъ. При этомъ, община, ея представительный органъ—селенный сходъ, смотря по свойствамъ, качествамъ и природѣ надѣльной земли, часть ея оставляетъ обыкновенно на общее пользованіе всѣмъ нераздѣльно (напримѣръ, площади, выгоны, рѣки, озера, иногда лѣса и т. п.), другую часть надѣла предоставляетъ по участкамъ въ наслѣдственное пользованіе семьямъ домохозяевъ, подъ условіемъ непремѣннаго состоянія членовъ семьи въ составѣ даннаго крестьянскаго общества (усадебныя земли частнаго пользованія), и, наконецъ, наибольшую часть надѣла (землю полевую и покосы) распредѣляетъ между семьями общинниковъ, въ извѣстныхъ доляхъ, для обработки и извлеченія дохода ихъ владѣльцами.

По правиламъ крестьянскихъ Положеній (ст. 110 мѣстн. положен. губ. Великорос. IV, 15, по издан. 1902 года) усадебная земля остается въ потомственномъ пользованіи проживающаго во дворѣ семейства и переходитъ къ наслѣдникамъ согласно мѣстнымъ обычаямъ.

Основной мыслью закона здѣсь было, очевидно, чтобы крестьянскія семьи не оставались безъ усадьбы; въ виду чего за ними и признано наслѣдственное право пользованія усадьбой. Между тѣмъ, мѣстами какъ среди самого крестьянства, такъ и среди администраціи, уста-

новилось воззрѣніе на усадебную землю, какъ на личную собственность домохозяина. Домохозяева мѣняются усадьбами другъ съ другомъ и даже продаютъ ихъ. Нерѣдко при этомъ въ рукахъ богатаго крестьянина скапливается двѣ и болѣе сосѣднихъ усадьбы; тогда какъ у отдѣльныхъ общинниковъ усадебъ не остается, и сами они странствуютъ по заработкамъ, удерживая однако за собою полевой надѣлъ, который сдаютъ въ аренду. Впослѣдствіи, когда продавшіе или промѣнявшіе свои усадьбы умираютъ, ихъ наслѣдники начинаютъ иски противъ пріобрѣтателей ихъ родительскихъ усадебъ. Иски эти, нерѣдко выигрываются, и лица, владѣвшія усадьбами рядъ лѣтъ, оказываются вынужденными ихъ очистить и передать законнымъ наслѣдникамъ. Сами, проигравшіе дѣло, нерѣдко остаются при этомъ безъ усадебъ, и въ свою очередь предъявляютъ иски къ владѣльцамъ ихъ родительскихъ усадебъ и т. д. Такимъ образомъ, среди крестьянъ существовали и существуютъ безконечныя тяжбы изъ—за усадебъ, которыя ведутся съ тѣмъ большей страстностью, что среди сельскаго населенія именно усадебная земля цѣнится выше всего. Не мало нестроенія прибавляетъ еще и то обстоятельство, что домохозяева—общинники нерѣдко по духовнымъ завѣщаніямъ отказываютъ свои усадьбы лицамъ, не приписаннымъ къ общинѣ и не числящимся членами общаго съ завѣщателемъ семейства. Суды и теперь часто утверждаютъ такого рода завѣщанія, и тогда получается совсѣмъ уже невозможное явленіе: общинной землею (усадьбой) начинаетъ пользоваться и распоряжаться лицо, по смыслу дѣйствующихъ законоположеній на то правъ не имѣющее.

Разсматривая настоящій вопросъ съ точки зрѣнія желательной постановки его въ будущемъ законодательствѣ, слѣдуетъ установить въ законѣ ясное ограниченіе права наслѣдованія усадебныхъ участковъ кругомъ лицъ, приписанныхъ къ данной общинѣ. При этомъ, слѣдовало бы, при наличности нѣсколькихъ сонаслѣд-

никовъ, признать исключительное право пользованія усадьбами лишь за тѣми изъ наслѣдниковъ, которые входятъ въ составъ данной общины, а за сторонними сонаслѣдниками—одно лишь право требовать отъ первыхъ *выплаты*, по оцѣнкѣ, имъ ихъ наслѣдственной доли.

Въ близкой связи съ разсмотрѣннымъ вопросомъ находится другой, именно—о *предѣльномъ дробленіи усадебныхъ участковъ*. Такое дробленіе является, прежде всего и по преимуществу, послѣдствіемъ прироста населенія и семейныхъ раздѣловъ.

По дѣйствующему праву, ширина усадебныхъ мѣстъ частнаго пользованія установлена въ размѣрѣ не менѣе 10 саженъ длины по улицѣ. Изъ нихъ 6 саженъ отводится для проулковъ между сосѣдними строеніями; остается для дома и другихъ строеній 4 сажени (ст. 440 т. XII св. закон. уст. строительн.). Слѣдовательно, на участкахъ меньшей ширины не можетъ быть дозволено селиться и строить дома и другія зданія. Но эти законы не лишаютъ крестьянъ права дробить землю, лежащую въ глубинѣ усадьбы: огороды, сады и конопляники. Въ договорахъ о раздѣлахъ, въ рѣшеніяхъ волостныхъ судовъ часто встрѣчаются мелкія дробленія усадебной земли параллельно улицѣ. Но и сверхъ того, во многихъ селеніяхъ существуютъ по прежнимъ раздѣламъ усадьбы въ 6 и даже въ 4 сажени шириною по улицѣ, на которыхъ самовольно возведены строенія и возводятся новыя. Изъ нихъ послѣднія присуждаются обыкновенно къ сносу, и владѣльцы такихъ домовъ и обрывковъ усадебъ положительно бѣдствуютъ: новыхъ строеній имъ разрѣшить нельзя, но и жить имъ въ то же время негдѣ. Только изъ за этого одного многіе изъ такихъ малоусадебныхъ хозяевъ ушли цѣлыми семьями изъ селеній на заработки, или переселились.

И земства, и администрація принимали разныя мѣры къ уничтоженію малоземельныхъ усадебъ; но всѣ мѣры оказались несостоятельными.

Сенатъ далъ указаніе, что для распланированія селеній, въ случаяхъ передвиженія усадебныхъ мѣстъ и ихъ увеличенія, необходимъ *единогласный* приговоръ съѣзда; однако, тѣ изъ маломѣрныхъ усадебъ, на уступку которыхъ или на обмѣнъ ихъ владѣльцы не согласятся, не могутъ быть отбираемы. Мѣста эти запрещается застраивать, но владѣльцы могутъ ихъ употреблять для иного назначенія (рѣшен. общаго собран. 1, 2 и кассаціон. департ. сената 1885 г. № 26).

Практическое осуществленіе означеннаго опредѣленія едва ли возможно. Очень трудно достигнуть въ такихъ приговорахъ единогласія. Колодезь на старой усадьбѣ, разведенный садъ, пчельникъ, нежеланіе покидать насиженный уголъ и проч. могутъ послужить причиной этому. Если-же оставлять за владѣльцами ихъ прежнія усадьбы, на которыхъ, по маломѣрности ихъ, нельзя строиться, то придется растянуть или расширить усадебныя земли на счетъ пашни почти вдвое, что принесетъ общинѣ слишкомъ крупные убытки,—или ради сохраненія пашни вынуждать крестьянъ къ выселенію на новыя мѣста. Вмѣстѣ съ тѣмъ, оставляемыя свободными мѣста изъ подъ бывшихъ построекъ будутъ, по большой части, пустовать безъ всякой пользы. Кромѣ того, мѣра, предписанная сенатомъ, не соотвѣтствуетъ основной мысли ст. 110 мѣстн. полож. Великоросс., установляющей лишь право домохозяина требовать для своей семьи отъ общины усадьбы для проживанія. Разъ община, при передѣлѣ усадебъ, предоставляетъ домохозяину годный для этой цѣли участокъ,—ея обязанность по ст. 110 прекращается, и домохозяинъ, переселившійся на новую усадьбу, долженъ выдать, взамѣнъ того, свою прежнюю одворицу.

Въ цѣляхъ правильнаго распланированія селеній и установленія полномѣрныхъ усадебныхъ участковъ для семействъ всѣхъ домохозяевъ—общинниковъ, желательно признать, въ законодательномъ порядкѣ, за общиной право передѣла усадебныхъ участковъ съ согласія на то большинства двухъ третей домохозяевъ.

Составленный сходомъ общины проэктъ передѣла долженъ быть утверждаемъ строительнымъ отдѣленіемъ губернскаго правленія на существующихъ основаніяхъ. Для тѣхъ случаевъ, когда отдѣльные домохозяева, при переселеніи на новыя усадьбы, должны лишиться находящихся у нихъ колодцевъ, садовъ, запрудъ и т. д. слѣдовало бы установить за эти потери вознагражденіе прежнему владѣльцу отъ новаго пользователя. Если же эти угодья отходятъ на улицу или проходы, тогда за нихъ должна вознаградить община или земство, разъ такого рода распланировка произошла по настоянію послѣдняго. Вообще же, для предотвращенія такихъ денежныхъ расчетовъ, а равно въ видахъ спокойнаго владѣнія заведенными въ усадьбахъ хозяйственными улучшеніями и приспособленіями, желательно узаконить, чтобы при составленіи проэктовъ распланированія селеній измѣненіе границъ усадебныхъ участковъ допускалось лишь въ случаяхъ исключительныхъ, или при разселенію общинниковъ на хутора или выселки.

Что касается *полевой земли*, то участки ея сдаются общиной своимъ членамъ, подъ условіемъ исправной уплаты части окладныхъ сборовъ казны съ общины, разложенныхъ послѣдней на семьи домохозяевъ за пользованіе мірской землей, пропорціонально количеству и доходности послѣдней, какая и поскольку дана на семью въ пользованіе. Въ составъ этихъ окладныхъ сборовъ входятъ повинности: казенныя, земскія и мірскія.

Земля полевая, отводимая общиной семьямъ своихъ домохозяевъ, не безусловно остается за ними, но можетъ и даже должна иной разъ мѣняться по мѣсту и объему. При общинномъ землепользованіи каждый домохозяинъ, какъ представитель самостоятельной крестьянской семьи, имѣетъ право на пользованіе извѣстнымъ участкомъ общинной земли; причемъ, община не можетъ обезземеливать тѣ свои семьи, которымъ она сама уже предоставила право участія въ пользованіи земельными надѣлами. (Рѣшен. 2 департ. сен. 1888 г. № 2667). Въ то же время самое количество семействъ въ общинѣ

мѣняется; возможны какъ принятіе въ общину новыхъ семействъ, такъ и выходъ ихъ изъ общины. Еще болѣе крупныя измѣненія въ наличномъ составѣ и хозяйствѣ общины происходятъ вслѣдствіе смертности и рожденія, отказа нѣкоторыхъ семействъ отъ надѣла и т. п. Осюда, въ интересахъ уравненія земельныхъ тяготъ, равно какъ и доходовъ съ земли, допустимы, по волѣ самой общины, большинствомъ голосовъ ея членовъ ($^2/_3$), періодическіе передѣлы надѣловъ частнаго пользованія между наличными семьями домохозяевъ.

Такіе общіе передѣлы (теперь совершаемые сравнительно рѣдко) являются не единственнымъ средствомъ періодическаго уравненія полевой земли между семьями домохозяевъ. Раздѣлы и присоединенія однѣхъ полосъ къ другимъ, производятся также по поводу частныхъ случаевъ; напр., сынъ не могъ жить съ отцомъ, или братья не ужились вмѣстѣ въ одной сложной семьѣ, —и община часто дѣлитъ по этому поводу между ними семейные надѣлы, присоединяя иной разъ къ долямъ ихъ изъ семейнаго надѣла еще участокъ изъ свободной мірской земли, гдѣ таковая имѣется (частные передѣлы).

Способы, по которымъ, при общихъ передѣлахъ, происходитъ надѣленіе участками общинной земли семей общиниковъ, различны, смотря по мѣстности. Главнѣйшими изъ такихъ основаній являются: число наличныхъ душъ мужскаго пола въ семьѣ, разверстка по тяглямъ и т. д.

Въ общемъ, тамъ, гдѣ доходъ съ надѣла едва покрываетъ повинности, наложенныя общиной на семьи, пропорціонально количеству надѣльной земли, предоставленной въ отдѣльное пользованіе каждой, уравненіе надѣловъ этихъ представляется необходимымъ въ интересахъ общины, которой иначе, при нарушеніи надлежащаго соотвѣтствія между размѣрами владѣнія отдѣльныхъ семействъ и ихъ рабочей и платежной силой, грозила бы опасность накопленія недоимокъ. Со стороны домохозяевъ, отъ которыхъ отрѣзывается часть земли, подобный уравнительный передѣлъ не вызываетъ

особыхъ возраженій, такъ какъ, лишаясь части своего надѣла, домохозяева эти, или точнѣе ихъ семьи, освобождаются соразмѣрно отъ обременительныхъ для нихъ повинностей. Вотъ почему передѣлы встрѣчаются особенно часто тамъ, гдѣ доходность земли не велика; особенно, если надѣлъ съ трудомъ окупаетъ, или совершенно не окупаетъ издержекъ по его обработкѣ. Злоупотребленія передѣлами, въ смыслѣ слишкомъ частаго повторенія ихъ, наблюдаются почти исключительно въ тѣхъ общинахъ, гдѣ окладные сборы ложатся непосильнымъ гнетомъ на общинника, лишая его подъ часъ всего того дохода, какой онъ самъ выпашетъ и выстрадаетъ съ надѣла. Но въ этомъ уже виновата казна, опредѣлившая непосильный размѣръ окладныхъ сборовъ съ общины. Община здѣсь лишь вынуждена была озаботиться о возможно равномѣрномъ распредѣленіи окладныхъ сборовъ между семьями общинниковъ, именно, пропорціонально размѣру и доходности съ надѣла у каждой.

Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ надѣлъ приноситъ общинникамъ болѣе приличный доходъ, гдѣ къ тому же земля менѣе обременена окладными сборами и повинностями, тамъ общіе земельные передѣлы встрѣчаютъ дружное противодѣйствіе со стороны всѣхъ домохозяевъ, которымъ они грозятъ уменьшеніемъ размѣра ихъ владѣній. Что касается общины, то, въ послѣднемъ случаѣ, она сама по себѣ мало заинтересована въ производствѣ уравнительнаго передѣла въ виду того, главнымъ образомъ, обстоятельства, что она, даже въ случаяхъ неисправности отдѣльныхъ семействъ общинниковъ, не рискуетъ, въ виду доходности участковъ недоимщиковъ, накопленіемъ на такихъ участкахъ недоимокъ.

Въ результатѣ получается, что тамъ, гдѣ отношеніе повинностей къ доходности надѣла сложилось благопріятно для крестьянъ, общіе передѣлы производятся крайне рѣдко; есть даже мѣстности, въ которыхъ со времени освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости не было такихъ передѣловъ.

Земельный надѣлъ полученъ крестьянами при общинномъ владѣніи не вездѣ на совершенно одинаковыхъ условіяхъ. Въ большинствѣ мѣстностей, при выдачѣ владѣнныхъ записей и другихъ актовъ укрѣпленія правъ на землю, извѣстные участки предоставлялись каждому селенію въ отдѣльности. Таково общее правило, изъ котораго, однако, было установлено повсюду не мало исключеній. Нерѣдко, при надѣленіи землею, послѣдняя предоставлялась въ общинное пользованіе нѣсколькимъ селеніямъ, а иногда (и часто) даже нѣсколькимъ сельскимъ обществамъ, въ общихъ межахъ. Этимъ создавалась, въ силу общаго земельнаго надѣла, искусственнымъ образомъ крупная земельная община изъ нѣсколькихъ селеній, у которыхъ и поля, и лѣса, и иныя угодья юридически были общими. Бывали, наконецъ, случаи, когда нѣсколько самостоятельныхъ общинъ получали въ общее нераздѣльное пользованіе отдѣльныя мірскія статьи и угодья, напр., мельницы, покосы, озера, лѣсные участки и т. д.

Распоряженіе землями надѣловъ, передѣлъ ихъ, раскладка повинностей и окладныхъ сборовъ въ такихъ *сложныхъ общинахъ*, передача освободившихся, за смертью домохозяевъ, надѣловъ земли другимъ общественникамъ, а также опредѣленіе границъ владѣній,—словомъ, всѣ дѣла внутренняго распорядка вѣдаются сходомъ всей большой общины.

Такъ стоитъ здѣсь дѣло de jure. De facto же, съ момента выдачи такимъ крупнымъ искусственно созданнымъ закономъ и администраціей общинамъ земельныхъ надѣловъ, нигдѣ не было совершаемо (за крайне рѣдкими исключеніями) общаго передѣла земли, въ видахъ уравнительнаго распредѣленія участковъ между отдѣльными селеніями, и каждое селеніе такихъ общинъ владѣло и владѣетъ землею, въ дѣйствительности, отдѣльно отъ прочихъ селеній общины, иногда въ опредѣленныхъ границахъ между собою, а иногда и безъ всякихъ границъ, возбуждая постоянные споры о таковыхъ.

Въ общемъ пользованіи всей сложной общины такого вида остаются при этомъ не пахотныя и усадебныя земли, а только сѣнокосы, лѣса, выгоны и иныя угодья. Въ этихъ общихъ угодьяхъ хозяйство ведется самое хищническое; кто сильнѣе и кто больше захватитъ,—тотъ и правъ. Особенно печально отражается такой порядокъ пользованія на лѣсахъ. Здѣсь каждый общинникъ старается только объ одномъ—захватить поскорѣе въ свои руки, что можетъ: если онъ опоздаетъ, достанется другимъ. Въ такихъ лѣсныхъ дачахъ хозяйничаютъ или, правильнѣе сказать, безобразничаютъ, главнымъ образомъ, или ближайшія къ лѣснымъ надѣламъ селенія или болѣе богатыя, болѣе самостоятельныя, въ прямой ущербъ селеніямъ дальнимъ и бѣднымъ, въ которыхъ не наберется столько рабочихъ рукъ и лошадей, какъ у первыхъ. Не говоря уже о неизбѣжномъ и окончательномъ истребленіи лѣса при такомъ веденіи хозяйства, подобный порядокъ порождаетъ между обществами постоянныя недоразумѣнія и тяжбы. Рознь, ссоры и даже побоища являются повсемѣстными послѣдствіями такого искусственнымъ образомъ созданнаго землевладѣнія большими общинами.

Помимо того обстоятельства, что неопредѣленность границъ земельныхъ угодій влечетъ за собою хищническое пользованіе послѣдними и порождаетъ ежегодно между совладѣльцами массу ссоръ и жестокихъ дракъ, прекращаемыхъ мѣстной администраціей лишь съ большимъ трудомъ, постоянно возбуждаемые при этомъ иски о захватѣ и о правѣ на владѣніе обходятся крестьянамъ очень дорого; часто расходы крестьянъ на веденіе такихъ дѣлъ приходится считать десятками тысячъ рублей.

Въ виду такихъ печальныхъ явленій, представляется очевидной въ настоящее время необходимость стремиться къ полному раздѣленію, въ поземельномъ отношеніи, такихъ искусственно созданныхъ сложныхъ общинъ на селенныя общины, т. е. на общины нормальнаго типа.

Законъ 24-го апрѣля 1887 года, изданный въ дополненіе къ правиламъ ст. 51 и 54 общ. пол. о кр. (I, 62, 64 по издан. 1902 г.) хотя и допускаетъ раздѣленіе крупныхъ сложныхъ общинъ на меньшія самостоятельныя единицы, но обставляетъ самое исполненіе раздѣла такими формальностями, выполненіе которыхъ фактически невозможно въ громадномъ большинствѣ случаевъ; почему и законъ самый остается мертвою буквою. Дѣло въ томъ, что по закону такой раздѣлъ признается дозволеннымъ въ томъ лишь случаѣ, когда на него согласится большинство $^2/_3$ домохозяевъ изъ каждаго селенія въ отдѣльности. Какъ показалъ опытъ, получить такое соглашеніе представляется невозможнымъ: всегда найдется хоть одно селеніе въ сложной общинѣ, довольное существующимъ порядкомъ вещей, которое и затормозитъ раздѣлъ.

Сенатъ (рѣш. 2 департ. 1888 г. 12-го декабря, № 7198) разъяснилъ, что въ случаѣ, если не состоится соглашеніе селенныхъ обществъ о раздѣлѣ земли, несмотря на убѣжденія ближайшей административной власти (нынѣ земскіе начальники), тогда сельское общество, настаивающее на раздѣлѣ, получаетъ отъ земскаго начальника актъ о произведенной имъ попыткѣ къ примиренію. Съ актомъ этимъ общество должно обратиться въ окружный судъ, предъявивъ ему исковое прошеніе о раздѣлѣ земли. Тогда споръ разбирается по общимъ правиламъ судебно-межевого порядка и влечетъ за собою, слѣдовательно, громадные расходы для крестьянъ, продолжаясь къ тому же безконечно.

Во избѣжаніе еще большихъ затрудненій отъ неурядицъ при поземельномъ владѣніи сложными общинами и въ цѣляхъ скорѣйшаго уничтоженія этихъ, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, изобрѣтеній досужихъ администраторовъ, созданныхъ ими въ кабинетной тиши, слѣдовало бы упростить и приблизить къ крестьянскому быту порядокъ раздѣла такихъ соединеній (съ точки зрѣнія на нихъ, какъ на общую собственность нѣсколькихъ селенныхъ общинъ) между естественно

организованными, созданными самой жизнью народной селенными общинами, вошедшими (или чаще искусственно введенными) въ составъ сложной общины (ср. рѣш. сен. 2-го дек. 1897 г., № 21).

Въ цѣляхъ этихъ нѣтъ другого исхода, кромѣ изданія новаго закона (въ отмѣну примѣч. 7 къ ст. 54 общ. Положен. о кр. I, 52—55 по прод. 1902 г.), о необходимости обязательнаго для сложныхъ общинъ выдѣленія тѣхъ селенныхъ общинъ, которыя, по вошедшему въ законную силу приговору своего селеннаго схода, постановленному большинствомъ $^2/_3$ домохозяевъ, будутъ требовать выдѣла. При этомъ выдѣляемымъ должно отводить полностью и къ одному мѣсту все то количество земли, которое, по принятой въ сложной общинѣ развертцѣ, будетъ причитаться изъ общаго надѣла.

Не лучше обстоитъ дѣло съ пользованіемъ общими угодіями, предоставленными по актамъ укрѣпленія правъ въ нераздѣльное пользованіе нѣсколькимъ общинамъ. Здѣсь главныя затрудненія происходятъ отъ неудачной регламентаціи закономъ самаго порядка и способа пользованія и распоряженія такими общими угодіями.

По обычаю, во многихъ мѣстностяхъ крестьяне признавали органомъ, завѣдующимъ и распоряжающимся общею собственностью, одинъ соединенный сходъ изъ домохозяевъ всѣхъ общинъ, которымъ въ нераздѣльное пользованіе предоставлено угодье.

Сенатъ, однако (рѣш. 2-го декобря 1885 г., № 1441), разъяснилъ, что „сдача въ аренду оброчной статьи, составляющей собственность нѣсколькихъ обществъ, можетъ производиться лишь съ согласія всѣхъ сельскихъ обществъ, выраженнаго въ формѣ законно составленнаго *каждымъ изъ нихъ* приговора, а не по приговору соединеннаго схода разныхъ сельскихъ обществъ, какового закономъ не установлено“.

Примѣненіе указаннаго постановленія сената оказывается на практикѣ положительно невозможнымъ, осо-

бенно въ тѣхъ случаяхъ, когда извѣстная оброчная статья составляетъ собственность значительнаго числа обществъ, не двухъ-трехъ, а десятка и даже болѣе. Въ подобныхъ случаяхъ, напр., при сдачѣ въ аренду общаго покоса или рыбной ловли въ общемъ озерѣ, арендаторъ долженъ будетъ хлопотать о составленіи приговоровъ въ каждомъ обществѣ особо. Не говоря уже о крайней утомительности такой процедуры, арендующему придется потратить на это дѣло много времени; какъ извѣстно, трудно, почти невозможно, при всемъ желаніи, собрать въ одинъ день даже три схода, написать три приговора. Въ то же время достаточно несогласія одной общины-совладѣлицы, чтобы всѣ хлопоты эти пошли прахомъ, и стало невозможнымъ взять въ аренду общее угодіе.

Между тѣмъ, возможность существованія соединенныхъ сходовъ нѣсколькихъ селеній и обществъ (хотя это сенатъ, какъ мы видѣли, отрицаетъ) признается въ другихъ случаяхъ самими же крестьянскими Положеніями. Именно, во 2 пунктѣ ст. 30 „правилъ о составленіи и выдачѣ владѣнныхъ записей“ (приложен. къ ст. 17 полож. госуд. кр.) сказано, что „споры по землевладѣнію между цѣлыми селеніями, у коихъ не было форменныхъ документовъ, разрѣшались (до выдачи владѣнныхъ записей) сельскимъ сходомъ (слѣдовательно, *однимъ*), составленнымъ изъ домохозяевъ *всѣхъ селеній*, участвовавшихъ въ пользованіи сими землями“.

Такъ правило это и исполнялось въ свое время на практикѣ. Хотя селенія были и разныхъ сельскихъ обществъ, всетаки изъ нихъ составлялся одинъ *соединенный* сходъ, на которомъ, если домохозяева были по приговору согласны, то прекращался и споръ; если же такого соглашенія не наступало, то и споръ рѣшался уже крестьянскими учрежденіями.

Почему сенатъ воспротивился признанію возможности распространенія примѣненія соединеннаго схода и на указанные выше случаи, понять трудно. Между тѣмъ, еслибы при реформѣ крестьянскаго строя въ

законѣ было помѣщено прямое разрѣшеніе составлять соединенные сходы по дѣламъ хозяйственнымъ, касающимся нѣсколькихъ селеній и обществъ, а еще лучше—сходы *выборныхъ* отъ отдѣльныхъ селенныхъ общинъ, и постановлять на этотъ предметъ одинъ приговоръ, то въ жизни, при исполненіи этого правила, не встрѣтилось бы никакихъ затрудненій; напротивъ, крестьянское хозяйство освободилось бы отъ одной изъ тѣхъ лишнихъ обузъ, которыя наложены на него излишнимъ формализмомъ и административной опекой.

Довольно спорнымъ въ жизни является вопросъ объ *отношеніи общины къ отдѣльнымъ семьямъ* ея членовъ, въ пользованіи которыхъ находятся надѣлы изъ общинной земли.

Являясь собственницей надѣльной земли и отвѣчая въ исправномъ платежѣ за нее окладныхъ сборовъ, община несомнѣнно должна быть признана имѣющей право принимать мѣры къ сохраненію ея производительности. Въ силу этого, общинѣ принадлежитъ право наблюдать за надлежащимъ, соотвѣтствующимъ ея интересамъ, пользованіемъ отдѣльными семьями домохозяевъ отведенными имъ участками мірской земли, за хозяйственною цѣлостью послѣднихъ. Самостоятельность отдѣльныхъ крестьянскихъ семействъ въ этомъ отношеніи, какъ справедливо замѣтилъ Сенатъ (рѣшен. 2 департ. 10 сент. 1891 и № 4791), можетъ быть допущена лишь настолько, насколько она не противорѣчитъ интересамъ всей общины. Если же какой-либо домохозяинъ употребляетъ участокъ мірской земли подъ такіе посѣвы, которые истощаютъ почву, или бросаетъ его и даетъ зарости бурьяномъ и кустарникомъ, то община имѣетъ полное право воспретить ему такое пользованіе участкомъ мірской земли. Право это должно быть представлено общинѣ еще и потому, что при передѣлахъ истощенный или вообще испорченный участокъ земли, можетъ достаться другой семьѣ однообщинниковъ,

которая вслѣдствіе этого окажется несостоятельною по взносу причитающихся на ея долю повинностей.

Тѣмъ болѣе недопустимо, чтобы крестьянскія семейства, совершенно отсутствуя изъ общины и не имѣя въ ней осѣдлости, оставляли отведенную имъ общинную землю безъ обработки, впустѣ лежащей. Дѣло въ томъ, что соединяющая членовъ общины связь не является исключительно формальной, установленной на буквѣ закона; напротивъ, она основана на дѣйствительной общности землевладѣнія и хозяйственныхъ интересовъ односельцевъ, и какъ скоро такая общность отсутствуетъ, прекращается и принадлежность обособившихся отъ общины семействъ къ послѣдней. Такія семейства должны, по всей справедливости, считаться лишенными права на участіе въ пользованіи землею до тѣхъ поръ, пока снова не возвратятся въ общину на жительство.

Въ этомъ смыслѣ высказался и Сенатъ (рѣшен. 2 департ. 1885 г. № 3900, 1887 г. № 3696), по разъясненію котораго сельское общество въ правѣ не надѣлять полевою землею тѣхъ своихъ членовъ, которые, отсутствуя изъ общины, не имѣютъ осѣдлости въ послѣдней и не ведутъ въ ней хозяйства; причемъ правило это остается въ силѣ до тѣхъ поръ, пока такія, фактически выбывшія семьи, не вернутся, въ полномъ своемъ составѣ, или въ части, и не будутъ снова проживать въ общинѣ, обзаведясь деревенскимъ хозяйствомъ. Такое лишеніе крестьянской семьи права на участіе въ пользованіи землею должно быть обусловлено фактическимъ выходомъ изъ общины всего крестьянскаго семейства. Если же отсутствуютъ лишь отдѣльные члены семьи, хотя бы и самъ домохозяинъ, но на мѣстѣ остаются другіе представители ея, продолжая исправно вести сельское хозяйство, то такая семья безусловно должна сохранять свое право пользованія надѣльной землею. Лишать въ такихъ случаяхъ семью части слѣдующаго ей надѣла было бы несправедливо и прямо нецѣлесообразно; тѣмъ болѣе, что сторонніе за-

работки членовъ семьи на отхожихъ промыслахъ являются во многихъ мѣстностяхъ положительно важнѣйшимъ подспорьемъ для хозяйства крестьянъ, спасающимъ ихъ отъ нуждъ и недоимокъ. Поэтому, въ интересахъ самой общины, въ данномъ отношеніи является необходимымъ не тормозить отхожіе промыслы, а, напротивъ, поощрять такіе заработки, не отрывающіе крестьянскую семью отъ земли, но лишь доставляющіе ей возможность увеличить свои доходы и исправно уплачивать повинности.

Бываетъ, хотя правда рѣдко, что цѣлая община сама не обрабатываетъ свой надѣлъ, а сдаетъ его въ аренду. Въ такихъ случаяхъ присутствіе или отсутствіе отдѣльныхъ семействъ не имѣетъ особаго значенія, такъ какъ здѣсь всѣ общинники грѣшатъ въ одномъ и томъ же отношеніи: всѣ нарушили связь свою съ землею; почему за всѣми членами общины, какъ проживающими въ ней, такъ равно и отсутствующими, должны быть признаны въ этомъ случаѣ одинаковыя права на участіе въ распредѣленіи получаемой за общинную землю наемной платы (сравн. рѣшен. 2 департ. Сен. 1889 г. № 3548).

Какъ связь крестьянской семьи съ общиной прерывается фактическимъ выходомъ ея изъ общины, такъ съ возвращеніемъ отсутствовавшей ранѣе семьи на жительство въ общину обратно связь эта сама собою возстановляется, конечно, при условіи, что такое семейство не было установленнымъ порядкомъ уволено изъ общества и не переставало формально числиться въ составѣ общины.

Лишеніе семьи общинника надѣла, повторяемъ, является тѣсно и неразрывно связаннымъ съ фактомъ выбытія всей данной семьи изъ общины. Разъ эта фактическая сторона отношеній семьи къ общинѣ измѣнилась, разъ семья вновь поселилась въ общинѣ, тѣмъ самымъ, она продолжаетъ имѣть право на пользованіе свободнымъ участкомъ изъ общинной земли.

Начиная со времени эмансипаціи, въ нашей литературѣ поднимаются голоса, обвиняющіе крестьянскую общину во всѣхъ бѣдахъ и нестроеніяхъ, которыми такъ обильна жизнь нашего крестьянства. Не говоря уже о томъ, какъ утверждаютъ между прочимъ противники общины, что община, благодаря малоземелью, не даетъ возможности крестьянамъ кормиться исключительно съ земли и вытягиваетъ разными сборами съ крестьянъ всѣ соки, не доставляя почти-что ничего взамѣнъ,—она прикрѣпляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ общинника къ землѣ, лишая его возможности освободиться отъ надѣла. Въ тоже время община мѣшаетъ индивидамъ улучшать земельную обработку и вводить интенсивную культуру, стѣсняя личность и подчиняя постоянно и повсюду ея волю волѣ всѣхъ, волѣ мира. Міръ, община стали, будто бы, другими словами, на мѣсто прежняго помѣщика и прикрѣпили къ себѣ лично и имущественно общинниковъ и ихъ семьи. Сторонники такого возрѣнія видятъ единственное спасеніе отъ указанныхъ бѣдствій въ возможно скорѣйшемъ уничтоженіи общины законодательнымъ путемъ и введеніи повсемѣстно подворнаго владѣнія землею.

Замѣтимъ прежде всего, что въ этихъ упрекахъ общинѣ многое должно быть отнесено по адресу такихъ крестьянскихъ нестроеній, которыя наблюдаются въ равной мѣрѣ и при подворномъ и при общинномъ землепользованіяхъ, таковы именно: излишняя административная опека, крестьянское малоземелье, ограниченія свободы передвиженія вообще, некультурность крестьянства, его экономически безпризорное состояніе, господство всякого рода произвола, невозможная организація волостныхъ судовъ и другія, указанныя уже нами выше бѣды, лишь съ устраненіемъ которыхъ, дѣйствительно, „осѣнитъ себя крестнымъ знаменіемъ русскій народъ“ и, свободный лично, приступитъ, на началахъ манифеста 17 октября 1905 года, къ осуществленію культурныхъ и экономическихъ задачъ своей жизни.

Пользуясь *чужою* землею—общины, какъ юридическаго лица, общинникъ, очевидно, и не можетъ предполагать, что онъ самъ является собственникомъ своего надѣла; да этого никто изъ крестьянъ и не думаетъ. Надѣльная земля находится лишь въ пользованіи у отдѣльныхъ семействъ по частямъ, и въ пользованіи временномъ, обусловленномъ исправнымъ внесеніемъ пользователями наложенныхъ на нихъ сборовъ въ общину и состояніемъ своимъ въ послѣдней. Вся же надѣльная земля передана правительствомъ въ собственность общинѣ, какъ юридическому лицу.

Въ виду этого представляется совершенно непонятнымъ, какимъ образомъ можно настаивать на возстановленіи ст. 165 Полож. о выкупѣ, т. е. о предоставленіи каждому общиннику права требовать себѣ выдѣла въ частную собственность участка изъ общинной земли? Прежде всего, такое право явилось бы узаконеннымъ случаемъ самовольнаго присвоенія чужой собственности, и настаивать на проведеніи этого правила въ законодательномъ порядкѣ было бы равносильно требованію дать законодательную санкцію и одобрить случаи расхищенія чужого имущества. Правда, такая ошибка, съ точки зрѣнія законодательной политики, была допущена редакторами ст. 165 Полож. о выкупѣ; но она, ошибка эта, можетъ быть объяснена тѣмъ, что редакторы смѣшали здѣсь понятія объ общинѣ, какъ юридическомъ лицѣ, т. е. самостоятельномъ субъектѣ права, имѣющемъ *личное* свое имущество, особое отъ имущества лицъ, въ составъ самой общины входящихъ,—съ *случаемъ общей собственности*, что, какъ извѣстно теперь всякому образованному человѣку, не только юристу,—понятія совершенно различныя.

Разъ общинникъ хочетъ имѣть землю у себя, въ личной собственности, никто не мѣшаетъ ему пріобрѣтать „прикупки“. Законъ отмѣной статьи 165 положенія о выкупѣ только защищаетъ общинныя земли отъ возможности присвоенія ихъ общинниками въ свою частную собственность, подобно тому,

какъ охраняется собственность за юридическими лицами вообще противъ покушеній на нее со стороны отдѣльныхъ лицъ, напримѣръ, хотя бы собственность акціонернаго товарищества отъ захватовъ ея акціонерами, или банковская наличность—отъ расхищенія ея банковскими дѣльцами. Наконецъ, если общинники не желаютъ жить общиной,—воля ихъ, высказанная большинствомъ $^2/_3$ голосовъ, является закономъ; тогда община уничтожается, ея имущество дробится по частямъ и распредѣляется въ подворную собственность между семьями бывшихъ общинниковъ. То же самое мы видимъ при юридическихъ лицахъ одинаковаго, какъ и община, основнаго типа—корпорацій. Такъ, напр., при прекращеніи акціонерной компаніи по волѣ на то, высказанной большинствомъ голосовъ акціонеровъ, (если иного уставомъ особо не выговорено), ея имущество дробится и дѣлится между акціонерами. *Раньше* такого прекращенія акціонернаго товарищества никто, однако, не въ правѣ требовать себѣ въ собственность доли изъ имущества этого юридическаго лица.

Если мы вспомнимъ, какой обширный кругъ дѣлъ разрѣшается на сходахъ большинствомъ $^2/_3$ голосовъ, не вызывая противъ себя никакихъ нареканій въ особенныхъ стѣсненіяхъ, въ излишнемъ формализмѣ, и, съ другой стороны, если обратимъ вниманіе и на право старшихъ домохозяевъ замѣщать себя на сходахъ другими членами той же самой семьи, или довѣрять свой голосъ сосѣду,—тогда, очевидно, необоснованнымъ является упрекъ, будто бы фактически невозможно даже собрать на сходъ такое большинство голосовъ. Если до сихъ поръ крестьяне очень рѣдко пользовались указаннымъ способомъ уничтоженія общины, то это происходило не отъ *фактической* неосуществимости условія о большинствѣ $^2/_3$ голосовъ, а потому, что общинники *не хотятъ* ломать общину, находя это для себя, по тѣмъ или инымъ соображеніямъ, невыгоднымъ.

Сравнительно недавно, въ оффиціальномъ сообщеніи по поводу манифеста 3 ноября 1905 г., отмѣнившаго,

съ 1907 г., выкупные платежи, было указано, что „помимо сохраненія въ рукахъ крестьянскаго населенія указанной суммы (около 135 мил. руб. выкупа), съ отмѣной выкупныхъ платежей, крестьяне дѣлаются полными собственниками своихъ надѣловъ, и, такимъ образомъ, отпадаютъ всѣ ограниченія, установленныя „Положеніемъ о выкупѣ".

Читая это „сообщеніе", невольно приходится удивляться, съ какой легкостью правительство рѣшилось дать такое толкованіе манифеста 3 ноября 1905 года. По смыслу этого „сообщенія" выходитъ, что манифестомъ отмѣняются не только выкупные платежи, но равно и замѣнившій собою ст. 165 пол. о выкупѣ извѣстный законъ 14 декабря 1893 года—о неотчуждаемости крестьянскихъ надѣльныхъ земель въ чужія руки, установленный въ цѣляхъ предупрежденія возникновенія среди крестьянъ безземельнаго пролетаріата.

Въ виду спеціальнаго характера задачъ и цѣли, преслѣдуемыхъ закономъ 14-го декабря 1893 года, не имѣющихъ непосредственной и тѣсной связи съ цѣлями и задачами, вызвавшими изданіе „Положенія о выкупѣ", нѣтъ никакой возможности считать манифестъ 3-го ноября 1905 года отмѣнившимъ этотъ законъ на ряду съ другими ограниченіями, установленными „Положеніемъ о выкупѣ" въ иныхъ цѣляхъ—чисто фискальныхъ, именно, чтобы обезпечить казнѣ успѣшное поступленіе выкупныхъ платежей съ крестьянъ.

Измѣненіе или полная отмѣна *закона* 14-го декабря не можетъ быть совершена какимъ-либо „официальнымъ *сообщеніемъ*", т. е. актомъ административной власти, во всякомъ случаѣ не имѣющимъ силы равной съ закономъ, нормальнымъ порядкомъ установленнымъ. Послѣдній можетъ быть отмѣненъ *только изданіемъ новаго закона* спеціальнаго о томъ содержанія.

Разсматривая законъ 14-го декабря 1893 года, съ точки зрѣнія существующаго теперь у насъ положенія вещей, мы признаемъ, до извѣстной степени, его цѣлесообразность, поскольку имъ ограничивается кругъ по-

купателей крестьянской надѣльной земли лицами сельскаго состоянія, такъ какъ это отвѣчаетъ основной идеѣ реформы 19-го февраля 1861 года. Но что касается разсмотрѣнія вопроса de lege ferenda, то мы, во всякомъ случаѣ, увѣрены, что толкованіе закона 14-го декабря 1893 года въ смыслѣ распространенія права покупки участковъ надѣльной земли на всѣхъ *членовъ* будущей *всесословной волости*, было бы неизбѣжнымъ и естественнымъ послѣдствіемъ уравненія въ правахъ крестьянъ съ другими гражданами Россіи. Что же касается крестьянъ—*общинниковъ*, то здѣсь, конечно, говорить о предоставленіи имъ права каждому отчуждать свои надѣлы нельзя, такъ какъ земельные участки эти являются собственностью самой общины, какъ юридическаго лица, которое одно только можетъ, по своему усмотрѣнію, распорядиться надѣломъ.

Во всякомъ случаѣ, повторяемъ, законъ 14-го декабря 1893 года, при измѣнившихся нынѣ условіяхъ крестьянскаго быта, особенно, если будетъ введена всесословная мелкая сельская единица, нуждается въ коренной своей переработкѣ, соотвѣтственно новымъ запросамъ крестьянской жизни. Однако, признавать, какъ можно было бы, благодаря неясному въ этомъ отношеніи смыслу новаго „офиціальнаго сообщенія“ по поводу манифеста 3-го ноября 1905 года, что законъ этотъ нынѣ отмѣненъ, не представляется достаточныхъ основаній. Мало того, разъ политика правительства должна быть направлена теперь къ заботамъ объ улучшеніи положенія нашего крестьянства, то полная отмѣна теперь, въ наше хаотическое время, закона 14-го декабря, именно и созданнаго въ цѣляхъ наилучшаго обезпеченія благосостоянія крестьянъ путемъ охраны за ними ихъ надѣловъ, явилась бы прямо противорѣчащей основнымъ цѣлямъ и задачамъ „новаго курса“ правительства въ области крестьянскаго вопроса.

Слѣдуетъ замѣтить, что попытки отмѣнить законодательнымъ порядкомъ общинную форму крестьянскаго

землевладѣнія легко могутъ привесть къ гибельнымъ послѣдствіямъ.

Не соединеніе буквъ, типографской краски и бумаги дѣлаетъ законы; ихъ создаютъ потребности жизни народа. Если законъ не явится результатомъ желанія большинства того общества, которымъ ему предстоитъ управлять, онъ или останется мертвой буквой, или навязанный искусственной политической системой потребуетъ для своего осуществленія вмѣшательства вооруженной силы.

Политика правительства въ отношеніи общиннаго землевладѣнія должна быть поставлена на точныхъ и опредѣленныхъ началахъ, а именно: не разрушая насильственно общину, не задерживать искусственными мѣрами ея распаденія, памятуя, однако, что надѣльная земля представляется собственностью общины, какъ юридическаго лица; причемъ, общинники на свои надѣлы права собственности не имѣютъ. Совершенно справедливо замѣчаетъ въ этомъ отношеніи С. Ю. Витте въ протоколахъ засѣданія Особаго Совѣщанія о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности по крестьянскому дѣлу, отъ 22-го января 1905 года;—„Если бы намъ предстояло устраивать бытъ новой, не населенной еще страны, если бы не существовала тысячелѣтняя исторія Россіи и стоялъ вопросъ такой: что лучше—общинное или подворное владѣніе?—тогда, вѣроятно, мы очень скоро столковались бы. Я убѣжденъ, что громадное большинство высказалось бы противъ общины; опытъ всѣхъ народовъ, сама жизнь показываетъ, что отдѣльная у каждаго собственность обезпечиваетъ лучше, вызываетъ наиболѣе заботливое къ ней отношеніе и ведетъ къ экономическому прогресу“.

„Но положеніе наше иное: община, какъ форма народнаго общежитія, существуетъ. Безполезно вести академическіе споры о томъ, какъ устроить Россію, имѣющую сложившійся вѣками строй. Огромное большинство русскаго населенія живетъ на началахъ общиннаго быта. Поэтому то, я думаю, никто и не выска-

зывается противъ общины, никто не полагаетъ, что общину можно уничтожить какими-либо законами. Существованіе общины есть фактъ; факта этого измѣнить нельзя и надо съ нимъ считаться".

Дѣйствительно, давно уже пора бросить эти праздныя разсужденія, гдѣ лучше живется нашему крестьянину—при подворномъ или при общинномъ землевладѣніи. Теперь эта тема стала похожей на знаменитую щедринскую тему, „о солнечномъ и лунномъ затмѣніяхъ и о преимуществахъ перваго предъ послѣднимъ". Народу въ настоящее время живется плохо и въ томъ, и въ другомъ случаѣ, и чтобы помочь бѣдѣ, нужно не уничтожать общину, а заняться болѣе важнымъ и полезнымъ дѣломъ: теперь не только крестьянамъ—всѣмъ намъ нужно твердое проведеніе въ жизнь началъ манифеста 17 октября 1905 года. Только послѣ проведенія ихъ можно будетъ заняться съ успѣхомъ поднятіемъ умственнаго и экономическаго уровня нашего крестьянства и научить его цѣнить землю и умѣть извлекать изъ нея путемъ веденія раціональнаго хозяйства наибольшій доходъ тѣми средствами и при томъ строѣ и порядкѣ землевладѣнія и землепользованія, какой, смотря по мѣстности, сами крестьяне сочтутъ для себя наилучшимъ.

Тѣмъ болѣе непонятной и даже прямо преступной противъ началъ, возвѣщенныхъ манифестомъ 17 октября представляется (если вѣрить слухамъ) спѣшная разработка въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ проэкта *закона объ отмѣнѣ общиннаго землевладѣнія*, съ расчетомъ провести его непремѣнно ранѣе, чѣмъ соберется Государственная Дума.

По этому закону предполагается полная отмѣна общиннаго землевладѣнія. Каждый крестьянинъ, пользующійся въ настоящее время надѣломъ, признается безусловнымъ собственникомъ его. Онъ можетъ свободно распоряжаться имъ: закладывать, продавать, сдавать въ аренду и т. д. Сила этого закона имѣетъ быть распространена и на тѣ мѣстности, гдѣ существуютъ пере-

дѣлы. Участокъ, полученный по послѣднему передѣлу, становится неотъемлемой собственностью получившаго. Покупщики крестьянскихъ надѣловъ могутъ пользоваться содѣйствіемъ крестьянскаго банка, равно получать изъ него ссуды подъ залогъ купленныхъ ими участковъ.

Ни одинъ провокаторъ не сумѣлъ бы изобрѣсти болѣе тонкаго и злого способа возбудить волненія и недовольство среди крестьянъ противъ правительства, чѣмъ редакторы этого законопроэкта. Прежде всего, проведеніе признанія начала собственности на надѣльную землю сообразно съ фактическимъ владѣніемъ каждаго общинника неизбѣжно породитъ крупную неравномѣрность правъ: одни получатъ много земли, другіе мало, особенно, гдѣ давно не было общихъ передѣловъ. До сихъ поръ такая неравномѣрность владѣнія, чисто случайная, терпѣлась общинниками въ надеждѣ на будущій передѣлъ, когда послѣдовало бы уравненіе надѣловъ. Теперь же, съ отнятіемъ этой надежды, у крестьянъ неизбѣжно возникнетъ недовольство противъ правительства, снова ставшаго на стезю „попечительныхъ заботъ“ печальной памяти Толстовской политики и вмѣшивающагося въ тѣ области хозяйственнаго землепользованія, которыя всецѣло должны быть оставлены вѣдѣнію самого крестьянства. Это возбужденіе крестьянъ противъ правительства еще болѣе усилится, когда они увидятъ, что превращеніемъ владѣнія общиннымъ надѣломъ въ право собственности правительство, вмѣсто борьбы съ черезполосицей—этой язвой сельскаго хозяйства, искуственно вводитъ ее крестьянамъ; при томъ, въ такомъ размѣрѣ, когда при господствующей системѣ раздачи общиной общинникамъ участковъ мельчайшаго дробленія во всѣхъ трехъ поляхъ (полосы, коны, шматки и т. д.) теперь, послѣ отмѣны передѣловъ и признанія этихъ земельныхъ клочковъ собственностью ихъ владѣльцевъ, благодаря черезполосицѣ, придется бросить и самое землепользованіе, за невозможностью пробираться на свои участки, не нарушая правъ собственности сосѣдей.

III. Прикупки. Третьей формой крестьянскаго землевладѣнія являются случаи *личнаго землевладѣнія* благопріобрѣтенной крестьянами внѣнадѣльной землею, пріобрѣтаемою отъ сторонних лицъ.

Такіе внѣнадѣльные участки („прикупки"), пріобрѣтаемые по правиламъ общихъ гражданскихъ законовъ (т. X ч. 1 Свод. закон.), составляютъ или частную собственность ихъ владѣльцевъ, или, при пріобрѣтеніи ихъ товариществомъ (артелью) крестьянъ, являются общей собственностью товарищей. Наконецъ „прикупки" совершаются и на имя отдѣльныхъ крестьянскихъ общинъ. Пріобрѣтеніе прикупокъ совершается самими крестьянами непосредственно на ихъ личныя средства, но чаще всего при помощи особыхъ кредитныхъ учрежденій, оказывающихъ при этомъ, крестьянамъ помощь ссудами. Въ числѣ такихъ кредитныхъ учрежденій на первомъ планѣ стоитъ крестьянскій банкъ, а мѣстами еще спеціальныя кредитныя организаціи.

Такъ, между прочимъ, въ цѣляхъ этихъ имѣются въ Ярославской и Полтавской губерніяхъ спеціальные земскіе капиталы. Капиталъ ярославскаго земства, размѣромъ въ 50000 р., служащій для выдачи ссудъ сельскимъ обществамъ на пріобрѣтеніе земель отъ частныхъ владѣльцевъ, въ размѣрѣ 90% покупной стоимости, срокомъ на 10 лѣтъ изъ 6%, успѣлъ съ 1881 г. по 1902 г. обернуться $3^1/_2$ раза, при чемъ, благодаря ему, крестьянами пріобрѣтено (согласно заявленію Ярославскаго комитета о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности) 12,760 десятинъ.

Согласно изданному въ 1893 г. положенію объ „Александровскомъ капиталѣ", образованномъ полтавскимъ земствомъ, право на помощь для пріобрѣтенія земли признается за: 1) владѣющими однѣми усадьбами, 2) за получившими даровые четвертные надѣлы и 3) за получившими надѣлы, не достигающіе размѣра высшихъ. Полтавское губернское земство пріобрѣтаетъ на свое имя земли или по вольной цѣнѣ, или съ публичнаго торга и сдаетъ эти земли въ арендное пользова-

ніе крестьянамъ, земельное владѣніе которыхъ не превышаетъ 6 десятинъ на хозяйство, а затѣмъ, передаетъ имъ эту землю въ собственность, когда они внесутъ въ земскую управу по частямъ или единовременно разницу между покупною цѣною за землю и размѣромъ ссуды, опредѣляемой крестьянскимъ поземельнымъ банкомъ. При такой системѣ оказываемой помощи покупатели освобождаются отъ единовременной уплаты „верховъ“, а потому, при трудолюбіи и бережливости, могутъ пріобрѣсти землю самыя бѣдныя группы населенія. За пользованіе ссудами изъ „Александровскаго капитала“ крестьяне уплачиваютъ въ видѣ арендной платы 4% росту и 1% на образованіе запаснаго капитала, предназначеннаго для покрытія срочныхъ платежей тѣхъ изъ заемщиковъ, которые, вслѣдствіе перенесенныхъ ими тяжкихъ бѣдствій, не могутъ выполнить своихъ обязательствъ. Другая особенность въ положеніи объ Александровскомъ капиталѣ состоитъ въ томъ, что при неуплатѣ недоимокъ устраняется только недоимщикъ, а не всѣ покупщики земельнаго участка; поэтому имѣющій возможность и желающій платить можетъ это исполнить, не опасаясь, что его деньги пропадутъ при продажѣ земли за недоимки другихъ товарищей по покупкѣ, какъ это бываетъ при покупкахъ черезъ посредство крестьянскаго банка.

Земскія попытки организаціи поземельнаго кредита для крестьянъ не успѣли получить сколько-нибудь широкаго развитія. Полагая, что при существованіи государственнаго учрежденія, созданнаго спеціально съ цѣлью содѣйствія земельнымъ пріобрѣтеніямъ крестьянъ (крестьянскій банкъ), матеріальное участіе земства въ этомъ дѣлѣ представляется излишнимъ, большинство земскихъ собраній рѣшило, въ срединѣ восьмидесятыхъ годовъ, прекратить выдачу ссудъ изъ своихъ капиталовъ, которые къ тому же были незначительны. Лишь въ немногихъ губерніяхъ операція эта продолжалась, нерѣдко съ перерывами, и послѣ учрежденія крестьянскаго банка. Однако и при такихъ обстоятельствахъ

мѣстами дѣятельность земствъ дала крупные результаты. Такъ, въ Московской губерніи до 1896 г. 21 сельское общество при содѣйствіи земства пріобрѣло 2.500 десятинъ. Въ Тверской губерніи крестьяне купили, при содѣйствіи земства, 33.000 десят.

Согласно даннымъ о ростѣ крестьянскаго землевладѣнія, приведеннымъ въ изданномъ въ 1904 г. XI-мъ выпускѣ „Матеріаловъ по статистикѣ движенія землевладѣнія въ Россіи“ (стр. 36 слѣд.), мы видимъ, что за 35 лѣтъ (отъ 1863 по 1897 г.г.) по губерніямъ Европейской Россіи было пріобрѣтено сельскими обывателями слѣдующее количество прикупокъ:

Куплено земли (въ тысячахъ десятинъ):

Г о д ы:	1863—1872 г.г.	1873—1882 г.г.	1883—1892 г.г.	1892—1897 г.г.
Крестьянами единолично.	1.659,9	3.371,8	3.897,0	1.998,1
Крестьянскими товариществами	648,4	1.903,6	3.399,4	1.827,1
Общинами	125,8	288,8	1.058,6	328,9

Всего 20.507,400 десятинъ; въ томъ числѣ пріобрѣтено прикупокъ:

Отдѣльными хозяевами . .	10.926,800	десятинъ
Товариществами	7.778,500	»
Крестьянскими общинами . .	1.802,100	»

Сумма эта впрочемъ указываетъ лишь валовое, такъ сказать, количество прикупокъ, пріобрѣтенныхъ (въ томъ числѣ и при содѣйствіи крестьянскаго банка) сельскими обывателями до 1898 г. Если же мы перейдемъ къ количеству земли, оставшемуся въ рукахъ крестьянъ, то результаты оказываются нѣсколько иные, благодаря тому обстоятельству, что не всѣ прикупки остались за крестьянами и не мало земли перешло отъ нихъ, по тѣмъ или инымъ причинамъ, къ лицамъ другихъ сословій. Въ „Матеріалахъ по статистикѣ движенія землевладѣнія въ Россіи“, вып. XI, стр. 43, указывается, что изъ купленной земли осталось въ рукахъ крестьянъ (тысячъ десятинъ):

Періоды:	Отдѣльныхъ хозяевъ	Товариществъ.	Обществъ.	Итого.
1863—1872 г.г.	855,2	589,9	103,6	1.548,7
1873—1882 »	1.432,7	1.709,1	238,7	3.380,5

Періоды:	Отдѣльныхъ хозяевъ	Товариществъ.	Обществъ.	Итого.
1883—1892 »	1.643,8	2.984,1	914,4	5.542,3
1893—1897 »	681,5	1.510,7	260,4	2.452,6
Всего за 35 лѣтъ	4.613,2	6.794,8	1.517,1	12.923,1

Приведенныя нами цыфры прикупокъ далеко не соотвѣтствуютъ дѣйствительному положенію вещей въ настоящее время и безспорно должны быть значительно увеличены. По крайней мѣрѣ, судя по отчету крестьянскаго банка, за время отъ 1-го января 1898 года и по 1-е января 1903 года, вновь было пріобрѣтено сельскими обывателями при содѣйствіи банка 4.003,499 десятинъ прикупокъ, т. е. болѣе милліона десятинъ ежегодно. Въ виду этого, думается намъ, ближе къ истинѣ будетъ опредѣлить для Европейской Россіи общее число прикупокъ въ 1905 году количествомъ не менѣе 19—20 милліоновъ десятинъ, при общемъ счетѣ всей надѣльной земли (въ 46 губерніяхъ) въ 96 милліоновъ десятинъ. Косвеннымъ подтвержденіемъ этому является, между прочимъ, и то обстоятельство, что по даннымъ мѣстной земской статистики въ нѣкоторыхъ губерніяхъ размѣръ прикупокъ равняется почти половинѣ надѣловъ, а по уѣздамъ мѣстами даже одинаково съ послѣдними. Такъ, напр., согласно статистическимъ даннымъ ярославскаго земства къ 1903 году всего „прикупокъ“ у крестьянъ ярославской губерніи числилось 628,206 десятинъ, а надѣльной земли 1.414,335 десятинъ. По отдѣльнымъ уѣздамъ здѣсь количество надѣльной земли и „прикупокъ“ распредѣлялось (въ десятинахъ) слѣдующимъ образомъ:

У ѣ з д ы:	Надѣльной земли.	Прикупокъ.
Ярославскій	162,682	54,594
Даниловскій	104,843	30,244
Любимскій	84,378	97,701
Мологскій	161,887	78,283
Мышкинскій	128,959	50,268
Пошехонскій	196,045	153,240
Романово-Борисоглѣбскій . .	113,906	46,039
Ростовскій	196,853	39,660
Рыбинскій	108,319	26,819

Уѣзды:	Надѣльной земли.	Прикупокъ.
Угличскій	156,463	54,358
Въ губерніи	1.414,335	628,206

Въ „Матеріалахъ по статистикѣ движенія населенія въ Россіи“, т. XI изд. 1904 г., имѣются достаточныя данныя для характеристики *единоличныхъ* крестьянскихъ прикупокъ, такъ какъ вопросъ этотъ разработанъ здѣсь подробно и тщательно для каждой изъ 47 губерній Европейской Россіи за 35 лѣтъ (1863—1897 г.г.).

Какъ видно изъ приведенныхъ въ этомъ сборникѣ данныхъ, группы, на которыя раздробились сдѣланныя крестьянами единоличныя прикупки, являются довольно характерными: наиболѣе мелкія прикупки (до 5 десятинъ) въ среднемъ даютъ на сдѣлку отъ 2 до 2,5 десятины—количество, недостаточное для прокормленія даже небольшой крестьянской семьи въ любомъ изъ раіоновъ Россіи; вторая группа прикупокъ (отъ 5 до 25 десят.) въ среднемъ даетъ около 11—11$^1/_2$ десятинъ на дворъ—количество, приблизительно соотвѣтствующее размѣрамъ крестьянскаго надѣла, на которомъ возможно уже веденіе трехпольнаго хозяйства. Далѣе, идутъ двѣ группы, которыя, съ точки зрѣнія крестьянскаго хозяйства, нужно назвать крупными: 1) прикупки отъ 25 до 100 десятинъ, дающія въ среднемъ на дворъ немного менѣе 50 десятинъ, 2) прикупки свыше 100 десятинъ, дающія въ среднемъ на покупателя отъ 250 до 350 десятинъ, выходятъ, вообще говоря, изъ рамокъ крестьянскаго хозяйства: это средней величины владѣльческія хозяйства.

Самое распредѣленіе единоличныхъ прикупокъ по главнымъ изъ указанныхъ выше группъ является слѣдующимъ. Изъ *100 десятинъ земли*, купленной крестьянами единолично, приходится на прикупки:

Періоды:	Мелкія	Средняя	Крупныя	Самыя крупныя
1863—1872 г.г.	1,9	16	28,1	54
1873—1882 »	2,3	13,9	21,8	62

Періоды:	Мелкія	Среднія	Крупныя	Самыя крупныя.
1883—1892 »	3,1	15,2	21,6	60,1
1893—1897 »	3,1	14,8	22,1	60
Итого за 35 лѣтъ ..	2,7	14,8	22,6	59,9
		17,5		82,5

Такимъ образомъ, въ среднемъ за 35 лѣтъ на мелкія и среднія прикупки приходится лишь немного болѣе $^1/_6$ (17,5%) всей площади крестьянскихъ единоличныхъ прикупокъ, а на крупныя—около $^5/_6$ (82,5%). Другими словами, поскольку мы имѣемъ дѣло съ единоличными покупками крестьянъ, мы должны признать, что въ нихъ мы имѣемъ ростъ землевладѣнія не рядового, а зажиточнаго крестьянства.

Участки, пріобрѣтенные отдѣльными лицами, составляютъ частную собственность послѣднихъ и, какъ таковые, должны быть разсматриваемы, въ принципѣ, совершенно особо и самостоятельно, безъ какой-либо связи съ надѣльною землею, находящейся въ пользованіи у того же лица. Хозяинъ такой прикупки вполнѣ независимъ въ своемъ правѣ распоряженія послѣдней; онъ можетъ продавать, закладывать, сдавать въ аренду прикупки, во всемъ слѣдуя правиламъ законовъ гражданскихъ. Правила крестьянскихъ положеній, которыми опредѣляется порядокъ владѣнія, пользованія и распоряженія крестьянскими *надѣльными* землями, къ прикупкамъ никакого отношенія не имѣютъ (сравн. ст. 21, 33 общ. полож. о кр., I, ст. 1, 9,—по изд. 1902 года).

Чаще всего (особенно въ практикѣ крестьянскаго банка) прикупки пріобрѣтаются артелью, *товариществами домохозяевъ*, объединяющихся съ этою цѣлью. Распространеніе товарищескихъ покупокъ (болѣе 65% всего числа) объясняется, съ одной стороны, большею дешевизною ихъ сравнительно съ одиночными покупками, а съ другой—предпочтительностью для землевладѣльца единовременной продажи цѣлаго имѣнія, или крупнаго участка вообще. При этомъ очень часто бываетъ, что самыя товарищества состав-

ляются фиктивно изъ 3—4 состоятельныхъ домохозяевъ и группы малоземельныхъ крестьянъ, приглашаемыхъ за угощеніе или за плату въ составъ товарищества для счета. Причина организаціи такихъ фиктивныхъ товариществъ лежитъ въ установленіи подушной или подворной максимальной нормы размѣра покупокъ, допускаемыхъ при помощи крестьянскаго банка. По ст. 54 устава послѣдняго, „наибольшее количество земли, которое можетъ быть пріобрѣтено при содѣйствіи банка крестьянами въ личную собственность, а также на каждую душу мужскаго пола или на каждаго домохозяина въ составѣ покупающаго землю сельскаго общества, отдѣльнаго поселенія или товарищества, опредѣляется для каждой мѣстности Министромъ Финансовъ по соглашенію съ Министрами Внутреннихъ Дѣлъ и Земледѣлія“ [1]). Для единоличныхъ покупокъ эти нормы представляютъ окончательный предѣлъ. Для товарищескихъ же покупокъ онѣ опредѣляютъ лишь общее количество земли, которое можетъ купить данное товарищество, но не распредѣленіе его между отдѣльными лицами.

Благодаря такому серьезному пропуску въ уставѣ банка по вопросу объ упорядоченіи земельной нормировки между товарищами, уже первоначальное распредѣленіе земли не всегда можетъ подлежать контролю банка, а тѣмъ менѣе дальнѣйшая мобилизація товарищескихъ участковъ, напр., въ случаѣ несостоятельности одного изъ товарищей, выхода его изъ товарищества и т. п. Такимъ образомъ, въ фиктивныхъ товариществахъ, благодаря невозможности, при дѣйствующемъ уставѣ, фактическаго контроля надъ распредѣленіемъ земли между товарищами, подставныя лица выходятъ

[1]) Ст. 38 полож. о кр. банкѣ, Св. зак. т. XI, ч. 2, уст. кредит. изд. 1893 года, гласитъ: «Размѣръ ссуды не долженъ ни въ одной мѣстности превышать: при общинномъ пользованіи—125 р. на каждую наличную въ сельскомъ обществѣ, отдѣльномъ поселеніи или товариществѣ крестьянъ душу мужского пола, а при подворномъ владѣніи—500 р. на каждаго домохозяина».

изъ товарищества добровольно, и хозяевами всей прикупки остаются организовавшіе товарищество богачи. Самая покупка земель послѣдними въ крупныхъ размѣрахъ предпринимается обыкновенно въ цѣляхъ сдачи ея по участкамъ въ аренду другимъ крестьянамъ за очень высокую плату или для перепродажи имъ мелкими участками съ крупнымъ барышомъ.

Товарищескія прикупки, составляя общее достояніе купившихъ, нормируются законами о правѣ общей собственности, на основаніи которыхъ, какъ извѣстно, каждому сохозяину предоставлено право требовать выдѣла своей доли изъ общей собственности. При этомъ однако, если такой выдѣлъ окажется невозможнымъ, остальные соучастники въ правѣ, взамѣнъ выдѣла, вознаграждать выдѣляющагося деньгами по соглашенію или по соотвѣтствующей оцѣнкѣ (сравн. ст. 548, 550, 555 т. X ч. I (Св. зак.).

Спеціально относительно товарищескихъ прикупокъ нѣтъ законовъ въ крестьянскихъ положеніяхъ [1]). Только въ уставѣ крестьянскаго банка имѣются правила о товариществахъ, пріобрѣтающихъ земли при содѣйствіи этого кредитнаго учрежденія (приложен. къ ст. 45 (прим.) устава крестьян. банка); правила эти подробно разъяснены утвержденной министромъ финансовъ 21 апрѣля 1899 года инструкціей о порядкѣ примѣненія ихъ.

Согласно означеннымъ правоположеніямъ крестьянскія товарищества по прикупкамъ вѣдаютъ свои дѣла на сходѣ товарищей, подъ предсѣдательствомъ особаго выборнаго, при чемъ, для рѣшенія вопросовъ, касающихся измѣненій въ порядкѣ пользованія и распоряженія купленною при содѣйствіи банка землею, а также въ вопросахъ относительно измѣненія личнаго состава товарищества, требуется согласіе не менѣе половины общаго числа товарищей. Если же такого большинства не состоялось, тогда по тѣмъ же вопросамъ долженъ

[1]) Касательно ст. 36 общ. пол. I, (ст. 12, по изд. 1902 г.) будетъ сказано ниже.

быть созванъ новый сходъ, который уже постановляетъ рѣшеніе простымъ большинствомъ голосовъ товарищей, въ немъ участвующихъ. Въ то же время товарищества могутъ принимать въ свой составъ *новыхъ членовъ*, разрѣшать отдѣльнымъ членамъ передачу ихъ долей, цѣликомъ или по частямъ, другимъ товарищамъ, а равно выдѣлять въ личное владѣніе отдѣльныхъ товарищей ихъ доли pro diviso. Въ случаѣ смерти одного изъ товарищей безъ наслѣдниковъ (выморочность) или его отказа отъ участія въ товариществѣ, участокъ его поступаетъ въ пользу товарищества. Отказавшимися отъ участія въ товариществѣ признаются, независимо отъ лицъ, прямо заявившихъ о своемъ отказѣ, также тѣ товарищи, на которыхъ накопятся недоимки банку по выданной на покупку земли ссудѣ до суммы платежей, причитающихся съ ихъ долей за шесть полугодій. Слѣдить за исправнымъ взносомъ платежей банку со стороны каждаго товарища обязано само товарищество. Оно имѣетъ право, при неисправности своихъ членовъ, обращать взысканіе на посѣвы неплательщиковъ, на другую ихъ движимость и на постройки, возведенныя на землѣ товарищества, а равно отбирать отъ неплательщиковъ временно, не свыше однако двухъ лѣтъ, участки товарищеской земли, обращая доходъ отъ этихъ участковъ на пополненіе срочныхъ платежей. При накопленіи же на отдѣльныхъ неисправныхъ плательщикахъ недоимки до суммы платежей, причитающихся съ ихъ долей за шесть полугодій, участки такихъ товарищей могутъ быть отобраны окончательно. Избраніе того или другого способа взысканія зависитъ отъ товарищескаго схода, но продажа строеній производится лишь съ разрѣшенія мѣстнаго отдѣленія крестьянскаго банка. Приговоры о производствѣ взысканій съ неплательщиковъ приводятся въ исполненіе „выборнымъ“ въ томъ же порядкѣ, какъ и мірскіе приговоры сельскихъ обществъ.

При общинномъ владѣніи землею, передѣлы и измѣненія товарищескихъ долей, не опредѣленныхъ для

каждаго товарища въ крѣпостномъ актѣ на купленную землю, зависитъ отъ схода товарищей. При владѣніи же подворномъ и когда товарищескія доли опредѣлены въ купчей крѣпости или въ иномъ документѣ, передача такихъ земельныхъ долей или частей ихъ однимъ товарищемъ другому совершается не иначе, какъ по взаимному соглашенію сторонъ, утвержденному приговоромъ товарищескаго схода и съ согласія крестьянскаго банка. Отдѣльные члены товарищества подчиняются въ отношеніи порядка наслѣдованія, выдѣла и т. п. дѣйствію общихъ узаконеній, установленныхъ для сельскихъ обывателей. При этомъ вступленіе наслѣдниковъ въ пользованіе землею, оставшейся послѣ умершихъ, удостовѣряется товарищескимъ приговоромъ какъ и всякое вообще измѣненіе въ личномъ составѣ товарищества. Вся дѣятельность товариществъ и ихъ должностныхъ лицъ совершается подъ контролемъ учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ въ предѣлахъ, установленныхъ положеніями о сельскомъ состояніи для сельскихъ обществъ и должностныхъ лицъ общественнаго крестьянскаго управленія.

Слѣдуетъ замѣтить впрочемъ, что приведенныя выше правила *внутренняго* распорядка въ товариществахъ по прикупкамъ, пріобрѣтеннымъ при содѣйствіи крестьянскаго банка, на практикѣ примѣнялись и примѣняются крайне рѣдко. По крайней мѣрѣ, изъ „Отчетовъ“ о дѣятельности крестьянскаго банка можно свободно сдѣлать то заключеніе, что при покупкѣ земель крестьянами товарищеская форма существуетъ лишь при оформленіи покупки и, затѣмъ, для регулированія платежныхъ и иныхъ отношеній къ банку, владѣніе же и пользованіе землею происходитъ индивидуально.

Къ тому же выводу пришелъ еще ранѣе сенаторъ П. П. Семеновъ, завѣдывавшій разработкой данныхъ обслѣдованія земельной собственности 1877 года. („Статистика поземельной собственности“, выпускъ I, предисловіе, стр. 4). Онъ безусловно считаетъ каждаго изъ товарищей за отдѣльнаго владѣльца. Что касается, го-

воритъ онъ, „участниковъ тѣхъ товариществъ, которыя образуютъ крестьяне для покупки земли въ частную собственность“, то, „участники эти принимались, каждый, за отдѣльнаго владѣльца“;...„какъ указываютъ мѣстныя наблюденія, крестьяне по совершеніи покупки земель въ складчину, немедля дѣлятъ ихъ на паи, считаемые ими за личную собственность каждаго участника товарищества, хотя и пользуются ими иногда на общинныхъ началахъ“.

Пріобрѣтаются такія покупки въ разныхъ мѣстахъ, очень часто въ значительномъ разстояніи отъ мѣста жительства пріобрѣтателей.

Относительно такихъ прикупокъ, сдѣланныхъ товариществами домохозяевъ или отдѣльными лицами, остается не рѣшеннымъ съ достаточной опредѣленностью вопросъ: *подлежатъ ли всѣ такія прикупки обложенію мірскимъ сборомъ наравнѣ съ землями крестьянскаго надѣла?* Какъ извѣстно, къ мірскимъ повинностямъ относятся по закону (ст. 177 общ. полож. о кр., I, 359 по изд. 1902 г.) тѣ повинности, которыя отправляются каждымъ обществомъ, волостнымъ или сельскимъ, для удовлетворенія внутреннихъ его потребностей. Таковы: содержаніе общественныхъ управленій, расходы по оспопрививанію и по принятію мѣръ противъ заразныхъ болѣзней вообще, содержаніе въ исправности проселочныхъ дорогъ, прудовъ, канавъ и межевыхъ знаковъ, призрѣніе престарѣлыхъ, дряхлыхъ и увѣчныхъ членовъ общества, содержаніе карауловъ въ селеніяхъ и проч. (см. ст. 179 общ. полож., I, 361 по прод. 1902 г.). Повинности эти отправляются волостнымъ или сельскимъ обществомъ, при чемъ раскладка производится волостнымъ или сельскимъ сходомъ по принадлежности, а самое основаніе для раскладки мірскихъ повинностей предоставляется всецѣло сходу, разверстывающему эти повинности,—съ условіемъ лишь, чтобы эта разверстка производилась уравнительно, согласно принятому сходомъ основанію. Такимъ образомъ, если за основаніе разверстки мірскихъ повинностей при-

нимается пространство владѣемой каждой крестьянской семьею земли, или доходность послѣдней, то въ уплатѣ повинностей этихъ должны участвовать всѣ члены даннаго общества, владѣющіе земельными участками въ предѣлахъ волости. При этомъ, нѣтъ никакого основанія различать, владѣютъ ли они землею, пріобрѣтенною съ содѣйствіемъ или безъ содѣйствія правительства. Такое различіе въ принадлежности пріобрѣтенныхъ крестьянами земель къ разряду бывшихъ надѣльныхъ или внѣнадѣльныхъ (прикупокъ) не можетъ имѣть значенія потому, что Положенія 19-го февраля 1861 года не устанавливаютъ въ отношеніи земель, перешедшихъ въ полную собственность крестьянъ, никакого различія въ правѣ владѣнія и распоряженія и въ способѣ обложенія ихъ мірскими, государственными и земскими сборами, смотря по первоначальной принадлежности этихъ земель къ тому или иному разряду, подобно тому, какъ, напр., въ губерніяхъ Прибалтійскихъ установлено различіе между крестьянскими податными и мызными неподатными землями.

Такимъ образомъ, дѣйствующій законъ, предоставляя производить раскладку мірскихъ сборовъ и повинностей сельскимъ и волостнымъ сходамъ, не ставитъ эту раскладку въ зависимость отъ того, какими землями—надѣльными или внѣнадѣльными—владѣютъ облагаемые крестьяне; слѣдовательно, принимаются въ соображеніе одинаково и прикупки, но тѣ лишь, которыя пріобрѣтены лицами, приписанными къ данной волости или обществу и которыя находятся въ предѣлахъ этой волости.

Между тѣмъ, какъ уже было замѣчено выше, крестьяне, пріобрѣтая прикупки, далеко не ограничиваются предѣлами своей волости; напротивъ, именно здѣсь эти границы не соблюдаются, и нерѣдко прикупки пріобрѣтаются не только въ другой волости, но даже и въ иномъ уѣздѣ и губерніи. Спрашивается, могутъ ли быть принимаемы въ соображеніе при разверсткѣ мірскихъ сборовъ, когда за основаніе разверстки принято простран-

ство владѣемой крестьянами земли, или ея доходность такія прикупки, которыя находятся внѣ предѣловъ волости?

Законъ не даетъ здѣсь отвѣта; но вопросъ этотъ подвергался обсужденію сената и рѣшенъ въ отрицательномъ смыслѣ. Какъ замѣтилъ сенатъ, понятіе о волости и сельскомъ обществѣ неразрывно связано съ извѣстнымъ землевладѣніемъ, на которое только и можетъ распространяться власть и вліяніе сельскаго или волостного схода и общественнаго управленія. Въ виду этого и при раскладкѣ мірскихъ повинностей за единицу обложенія можетъ быть принимаема только та крестьянская надѣльная земля, которая, по опредѣленію ст. 40 и 42 общ. пол. о кр., составляетъ территорію даннаго общества, или участки земли, которые приравнены особыми узаконеніями къ крестьянскимъ надѣламъ. Къ числу такихъ внѣнадѣльныхъ земель, входящихъ въ составъ волости, должны быть отнесены: 1) всѣ тѣ земли, которыя пріобрѣтаются крестьянскими обществами съ цѣлью увеличенія ихъ первоначальнаго надѣла; 2) земли, пріобрѣтаемыя товариществами при посредствѣ крестьянскаго банка, которыя (ср. ст. 40 прим. 2 общ. пол. о кр. I, 48 прим. по прод. 1902 г.) образуютъ территорію новыхъ крестьянскихъ обществъ или входятъ въ составъ уже существующихъ; 3) всѣ тѣ участки, о которыхъ упоминаетъ ст. 143 и п. 8 приложенія къ ст. 147 общ. полож., и пріобрѣтеніе которыхъ даетъ крестьянину возможность приписаться, по своему желанію, къ сельскому обществу, а приписаннымъ къ волости предоставляетъ право участія въ волостныхъ сходахъ наравнѣ съ крестьянами, принадлежащими къ сельскимъ обществамъ. Этимъ и ограничиваются указанные закономъ случаи, когда прикупки входятъ въ составъ территоріи волости и, слѣдовательно, могутъ подлежать обложенію на мірскія нужды этой волости, наравнѣ съ надѣльными землями (ср. рѣшенія второго департамента правительствующаго сената 1896 г. №№ 1154, 1766 и др.).

Въ то же время, изъ точнаго смысла текста законовъ крестьянскихъ, а равно изъ сенатскихъ указовъ, можно сдѣлать тотъ выводъ, что крестьянскія прикупки, пріобрѣтенныя внѣ волости, равнымъ образомъ не подлежатъ обложенію на мірскіе сборы и на нужды той волости или общества, въ территоріи которыхъ онѣ расположены.

Согласно точному смыслу ст. 177, 178, 181 и 182 общ. пол. (I, 359, 360, 363, 364 по изд. 1902 г.) мірскія повинности отправляются каждымъ волостнымъ и сельскимъ обществомъ по раскладкамъ, производимымъ „міромъ". Такимъ образомъ, обложенію мірскимъ сборомъ подлежатъ только крестьяне, принадлежащіе къ составу даннаго сельскаго или волостного общества (ср. ст. 143, 144 общ. полож. I, 221, 222 по изд. 1902 г.). При этомъ содержаніе Положеній 1861 года не даетъ повода къ заключенію о томъ, чтобы волостные сходы имѣли право облагать мірскими сборами всѣхъ проживающихъ въ раіонѣ волости лицъ податныхъ сословій, подчиненныхъ, согласно ст. 62 и 82 общ. полож. о кр., вѣдѣнію волостного управленія, не исключая и крестьянъ, владѣющихъ въ предѣлахъ волости пріобрѣтенными ими прикупками и остающихся приписанными къ другимъ волостямъ.

Исключеніемъ изъ этого общаго правила представляется только случай, предусмотрѣнный высочайше утвержденнымъ 16 января 1869 года положеніемъ бывшаго главнаго комитета объ устройствѣ сельскаго состоянія, которымъ указано, что обложенію, наравнѣ съ членами общества, подлежатъ лица всѣхъ податныхъ состояній, числящіяся въ другихъ волостяхъ и въ мѣщанскихъ обществахъ городовъ, но владѣющія бывшими надѣльными землями, выкупленными (до закона 1893 года) по ст. 165 пол о выкупѣ.

Такое ненормальное льготное положеніе хозяевъ, прикупки которыхъ находятся внѣ предѣловъ ихъ волости или общества, объясняется давно устарѣвшей узко-

сословной, неумѣло къ тому же созданной, организаціей нашего крестьянства.

Въ сельскихъ обществахъ, несомнѣнно, имѣются особые крестьянскіе интересы, но они заключены въ предѣлы земельныхъ отношеній, въ особенности тамъ, гдѣ существуетъ община. Во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ въ селѣ нѣтъ мѣста какимъ-либо чисто крестьянскимъ интересамъ. Не только интересы школы, церкви, призрѣнія, продовольствія, сужденіе о нуждахъ и пользахъ села, но и дѣла по пріему и увольненію членовъ общества (не общины), учетъ дожностныхъ лицъ, раскладка повинности, принесеніе жалобъ и ходатайствъ по общественнымъ нуждамъ и т. п.—все эти одинаково относится ко всѣмъ жителямъ села, независимо отъ ихъ сословія и состоянія. Давно уже настоятельно необходимымъ является созданіе у насъ безсословной волости, которая объединила бы и вѣдала интересы всѣхъ ея жителей безъ различія сословій и занятій. Всѣ жители волости, безъ исключенія, должны нести повинности на ея содержаніе и хозяйственно-административныя нужды; всѣмъ имъ должно быть предоставлено представительство въ волостномъ самоуправленіи, соразмѣрно съ повинностями, которыя они несутъ.

Если при такой реформѣ иной разъ окажется, что крестьянинъ-владѣлецъ прикупки получитъ возможность принимать участіе въ общественныхъ дѣлахъ нѣсколькихъ волостей, никакой бѣды въ этомъ нѣтъ. Правительство въ настоящее время стремится „привести законы о крестьянахъ въ объединеніе съ общимъ законодательствомъ имперіи, облегчивъ задачу прочнаго обезпеченія пользованія лицами этого сословія признаннымъ за ними Царемъ-Освободителемъ положеніемъ „полноправныхъ свободныхъ сельскихъ обывателей“. Разъ эта задача сознательно намѣчена правительствомъ, тогда не только не представляется удивительнымъ, но, напротивъ, даже является прямо необходимымъ подобное расширеніе представительныхъ правъ нашего крестьянства по мѣсту нахожденія недвижимаго имущества каждаго. Въ

городскихъ и земскихъ учрежденіяхъ такое право давно уже признано и нашимъ законодательствомъ, такъ что его распространеніе на сельскія представительныя учрежденія явилось бы лишь простымъ логическимъ послѣдствіемъ принципа ихъ всесословности.

Наконецъ, и *сельская община*, какъ юридическое лицо, можетъ пріобрѣтать себѣ, помимо надѣла, въ собственность новые земельные участки, на основаніи общихъ гражданскихъ законовъ. Въ ст. 34 общ. полож. о кр. (I, 10 по изд. 1902 г.) сказано: „Сельское общество можетъ также, на основаніи общихъ законовъ, пріобрѣтать въ собственность движимыя и недвижимыя имущества. Землями, пріобрѣтенными въ собственность независимо отъ своего надѣла, общество можетъ распоряжаться по своему усмотрѣнію, раздѣлять ихъ между домохозяевами и предоставлять каждому участокъ въ частную собственность, или оставлять сіи земли въ общемъ владѣніи всѣхъ домохозяевъ“.

Въ общихъ чертахъ довольно правильно охарактеризовалъ сенатъ, въ рѣшеніи гражданскаго кассаціоннаго департамента 1879 г. № 343, природу и свойства правъ общины на прикупки. На основаніи 34 ст. общ. пол. о кр.,—сказано въ этомъ рѣшеніи,—общество можетъ распоряжаться землею по своему усмотрѣнію, можетъ предоставить каждому домохозяину участокъ въ частную собственность или оставлять эти земли въ общемъ владѣніи всѣхъ домохозяевъ; здѣсь нѣтъ мѣста самостоятельному праву крестьянина на потомственное пользованіе; крестьянину принадлежитъ здѣсь право собственности на землю постольку, поскольку право собственности на таковую принадлежитъ сельскому обществу, пріобрѣвшему землю.

Дѣйствительно, въ жизни владѣніе такими „прикупками“, которыя являются подспорными въ крестьянскомъ хозяйствѣ угодьями, происходитъ обыкновенно на одинаковыхъ основаніяхъ съ надѣльными землями,

т. е., въ нашемъ случаѣ, по началамъ общиннаго землепользованія.

Къ сожалѣнію, ясное правило ст. 34 общ. полож. о кр. объ общинѣ, какъ субъектѣ правъ на прикупку, является въ значительной степени затемненнымъ постановленіемъ, изложеннымъ въ ст. 36 того же положенія (I, 12 по изд. 1902 г.) Эта послѣдняя статья гласитъ: „Каждый членъ сельскаго общества *можетъ требовать*, чтобы изъ состава земли, пріобрѣтенной въ общественную собственность, былъ ему выдѣленъ, въ частную собственность, участокъ, соразмѣрный съ долею его участія въ пріобрѣтеніи сей земли. Если такой выдѣлъ окажется неудобнымъ или невозможнымъ, то обществу предоставляется удовлетворить крестьянина, желающаго выдѣлиться, деньгами по взаимному соглашенію или по оцѣнкѣ".

Очевидно, въ этой 36-й ст. общ. полож. редакторы крестьянскихъ положеній совершенно ошибочно примѣнили къ случаямъ общинной собственности, гдѣ субъектомъ права является одна община, какъ юридическое лицо, правила, относящіяся къ случаямъ общей собственности, гдѣ субъектами являются всѣ собственники (condomini). Сопоставляя текстъ статьи 36-й съ приведеннымъ выше содержаніемъ ст. 34 общ. пол. о кр., мы должны будемъ сдѣлать невозможный юридически выводъ, а именно, что одновременно съ правомъ собственности общины, какъ юридическаго лица, на пріобрѣтенную ею прикупку (ст. 34), то же право собственности на послѣднюю pro indiviso принадлежитъ всѣмъ членамъ общины, каждому соотвѣтственно долѣ участія его въ пріобрѣтеніи этой земли (ст. 36). Можно дать одно лишь спасительное для смысла ст. 36 Общ. полож. толкованіе, а именно, что въ ней говорится о случаѣ *товарищеской* покупки всѣми домохозяевами даннаго общества (не общины).

Вообще, должно указать на полное почти игнорированіе въ нашемъ законодательствѣ юридическаго положенія собственниковъ прикупокъ, несмотря на громад-

ное значеніе послѣднихъ въ борьбѣ съ хроническою болѣзнью нашего крестьянства—малоземельемъ. Такъ, ни въ крестьянскихъ положеніяхъ, ни въ законахъ гражданскихъ (т. X ч. 1 св. зак.), нѣтъ указаній, напр., на существенные вопросы о томъ, кого считать субъектомъ правъ на прикупку, совершенную старшимъ домохозяиномъ—лично его или его семью, на общія средства которой обыкновенно прикупка пріобрѣтается; какой порядокъ пользованія прикупками общинъ или товариществъ общинниковъ-домохозяевъ въ случаяхъ нахожденія прикупокъ въ общихъ межахъ съ надѣломъ общины, или, когда прикупки такія пріобрѣтены въ другомъ мѣстѣ, даже въ другой волости; какъ регулировать вопросы о порядкѣ *выдѣла* товарища по прикупкѣ или раздѣла всего товарищества,—вопросы, возбуждающіе особенно много раздоровъ и тяжбъ въ настоящее время. Наконецъ, совершенно не нормированнымъ остается вопросъ о наслѣдственномъ переходѣ прикупокъ. Указывать на допустимость примѣненія по этимъ вопросамъ нормъ обычнаго права невозможно, уже въ силу того соображенія, что никакихъ обычаевъ въ этой области не могло выработаться. Въ виду этого, законодатель необходимо долженъ дать свои по крайней мѣрѣ руководящія начала, безъ которыхъ вопросы о способѣ и порядкѣ пріобрѣтенія, пользованія и распоряженія прикупками неизбѣжно обречены будутъ на вѣчное шатанье. Равнымъ образомъ, нельзя законодателю въ отношеніи прикупокъ ограничиваться простымъ заявленіемъ, что юридическая судьба этихъ „крестьянскихъ благопріобрѣтенныхъ имуществъ“ должна быть опредѣляема по общимъ положеніямъ законовъ гражданскихъ; опытъ жизни крестьянской уже указалъ, что, напр., по намѣченнымъ выше вопросамъ изъ области правъ пользованія прикупками нормъ т. X ч. 1 Св. зак. оказывается совершенно недостаточно, и изданіе спеціальныхъ ad hoc законоположеній настоятельно необходимо.

Что въ наше время по дѣйствующимъ законоположеніямъ, и крестьянскимъ, и общегражданскимъ, мы

не имѣемъ указаній на нормировку института крестьянскихъ прикупокъ,—въ этомъ еще нѣтъ ничего удивительнаго, въ виду полнаго шатанія и общаго неустройства всего юридическаго и экономическаго быта сельскихъ обывателей. Несравненно болѣе печальнымъ представляется то обстоятельство, что и редакторы проектовъ будущихъ законовъ гражданскихъ и разныхъ записокъ объ упорядоченіи быта крестьянъ съ трогательнымъ единодушіемъ совершенно забываютъ вопросъ о юридической нормировкѣ института крестьянскихъ прикупокъ. Такъ, о послѣднемъ ни слова не говорится въ этомъ отношеніи ни въ проектѣ гражданскаго уложенія, ни въ запискѣ по крестьянскому дѣлу, составленной С. Ю. Витте, ни въ трудахъ Комитета Министровъ. Между тѣмъ, такое пренебреженіе является для прикупокъ совершенно не основательнымъ, хотя бы уже въ виду того громаднаго значенія, какое онѣ имѣютъ у крестьянъ въ дѣлѣ борьбы съ малоземельемъ.

Многолѣтній опытъ уже показалъ, что пріобрѣтеніе крестьянами прикупокъ при помощи спеціально созданнаго для того кредитнаго учрежденія—крестьянскаго банка идетъ не такъ-то гладко, какъ это желательно, главнымъ образомъ, благодаря неудачной постановкѣ здѣсь дѣла.

Основной причиной, затрудняющей нынѣ малоземельнымъ крестьянамъ возможность пользоваться помощью крестьянскаго банка, по единогласному заявленію мѣстныхъ комитетовъ о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности, признается правило устава этого банка, согласно которому требуется съ заемщика доплата къ ссудѣ на покупку земли не менѣе 10% спеціальной банковой оцѣнки. Эта оцѣнка между тѣмъ обыкновенно бываетъ ниже продажной цѣны, такъ что доплата покупщиковъ почти всегда превышаетъ указанный процентъ, и на дѣлѣ имъ приходится при покупкѣ черезъ банкъ доплачивать на 100 рублей покупной стоимости земли въ среднемъ 15, 20 и даже 35 рублей. Судя по

отчетамъ крестьянскаго банка, изъ общей суммы почти въ 542 милліона рублей, которою опредѣляется стоимость пріобрѣтенной крестьянами земли со времени открытія дѣйствій банка по 1903 годъ, только 417 милліоновъ рублей были выданы въ ссуду банкомъ; остальная же сумма—почти 125 милліоновъ рублей—уплачена крестьянами изъ собственныхъ средствъ.

Такимъ образомъ, очевидно, что, благодаря требованію значительныхъ доплатъ, крестьянскій банкъ придаетъ дѣятельности своей одностороннее направленіе, кредитуя преимущественно болѣе состоятельную и многоземельную часть сельскаго населенія. За отсутствіемъ собственныхъ средствъ для покрытія требуемой банкомъ доплаты, даже средне-состоятельные крестьяне оказываются вынужденными или вовсе отказаться отъ покупки, или же добывать для нея деньги убыточными способами, а именно—либо продавать скотъ и часть инвентаря, ослабляя тѣмъ самымъ свою хозяйственную силу, либо совершать займы у частныхъ лицъ, обыкновенно у мѣстныхъ кулаковъ, на крайне обременительныхъ условіяхъ. Наконецъ, съ цѣлью скорѣйшаго извлеченія изъ купленной земли возможно большихъ денежныхъ средствъ для покрытія произведенныхъ доплатъ, крестьяне въ первое время послѣ пріобрѣтенія земли черезъ крестьянскій банкъ бываютъ принуждены дѣлать истощающіе землю каждогодные посѣвы, отступая даже отъ обычнаго трехполья. Въ то же время, по вѣрному указанію новгородскаго комитета, отсутствіе необходимаго оборотнаго капитала и неувѣренность въ возможности удержать купленный участокъ препятствуютъ перенесенію на прикупку сельскихъ крестьянскихъ усадебъ, вслѣдствіе чего хозяйство на этой землѣ связывается со всѣми потерями, обусловленными отдаленностью пахотныхъ земель отъ усадебъ, и поневолѣ должно вестись самымъ экстенсивнымъ способомъ, безъ удобренія и безъ надлежащаго ухода за посѣвами, уступая даже примитивному хозяйству крестьянъ на надѣльной землѣ. Такимъ образомъ, производимая крестьянами черезъ

крестьянскій банкъ покупка частновладѣльческихъ земель не только не вноситъ никакихъ улучшеній въ порядокъ землевладѣнія и землепользованія крестьянскаго населенія, но отражается неблагопріятно на общемъ уровнѣ и продуктивности крестьянскаго хозяйства. Доходность такихъ земель оказывается въ скоромъ времени слишкомъ низкой сравнительно съ платежами процентовъ. Въ результатѣ, менѣе состоятельные заемщики не всегда справляются съ банковскими платежами, послѣдствіемъ чего является утрата прикупокъ ихъ пріобрѣтателями, или благодаря обратному переходу такихъ земель къ банку, или переуступкѣ ихъ новымъ владѣльцамъ.

Въ виду того обстоятельства, что крестьянскій банкъ, какъ это видно изъ нѣкоторыхъ статей его устава, созданъ не съ коммерческими цѣлями, но для того, чтобы содѣйствовать расширенію крестьянскаго землевладѣнія, а равно для устройства быта крестьянъ вообще,—слѣдовало бы обратить серьезное вниманіе на болѣе успѣшное осуществленіе этихъ основныхъ задачъ банковской дѣятельности. Въ этихъ цѣляхъ прежде всего для будущаго законодательства необходимымъ является, въ видахъ облегченія помощи крестьянскаго банка малоземельнымъ сельскимъ обывателямъ, выдавать ссуды въ полной оцѣночной суммѣ, съ отмѣной приплатъ. Опытъ цѣлаго ряда земствъ (напр., ярославскаго, московскаго, полтавскаго, костромского, херсонскаго, вологодскаго и др.), уже практиковавшихъ подобныя операціи на свои капиталы, доказалъ на дѣлѣ возможность безубыточной для банка выдачи въ ссуду полной оцѣночной стоимости земли. Въ этомъ отношеніи значительно поправилъ дѣло указъ Сенату отъ 3 ноября 1903 года, согласно п. 2 котораго „Въ тѣхъ случаяхъ, когда для покупки земли въ порядкѣ п. 1 ст. 43 устава банка ссуды испрашиваются безземельными и малоземельными крестьянами, не имѣющими при томъ достаточно средствъ для внесенія въ докладъ къ выдаваемымъ въ размѣрѣ 90% спеціальной оцѣнки ссудамъ, выдавать,

съ особаго каждый разъ разрѣшенія министерства финансовъ и главноуправляющаго землеустройствомъ и земледѣліемъ ссуды въ полномъ размѣрѣ оцѣнки". Мѣра эта однако палліативнаго характера, нуждается въ дальнѣйшемъ развитіи на указанныхъ выше началахъ, и во всякомъ случаѣ въ отмѣнѣ тѣхъ формальностей и волокиты, (испрошеніе *„особаго каждый разъ разрѣшенія* министерства финансовъ и главноуправляющаго землеустройствомъ и земледѣліемъ"!....), съ какими теперь связана льгота выдачи ссудъ банкомъ полностью, безъ вычета 10% изъ стоимости по спеціальной оцѣнкѣ.

Другимъ крупнымъ недостаткомъ покупки земли черезъ крестьянскій банкъ является, по вѣрному указанію комитетовъ, широкое посредничество въ этомъ дѣлѣ аферистовъ и т. п. лицъ, занимающихся спекулятивною торговлею землею и значительно развившихъ свою дѣятельность за послѣдніе годы, благодаря усиленной мобилизаціи земельной собственности и подъему цѣнъ на земли.

Дѣло въ томъ, что излишняя формалистика и волокита, съ которой совершаются операціи продажи земли крестьянамъ при посредствѣ крестьянскаго банка, продолжаясь годами (1—2 года), заставляетъ владѣльцевъ съ большей охотой продавать свои земли перекупщикамъ, чѣмъ имѣть дѣло съ крестьянскимъ банкомъ. Перекупщики же, скупая имѣнія за низкую цѣну, стремятся, что называется, выжать изъ него всѣ соки въ свою пользу; они разоряютъ хозяйство, продаютъ весь инвентарь, вырубаютъ лѣсъ, а затѣмъ уже разоренное имѣніе перепродаютъ по частямъ крестьянамъ, по сильно повышеннымъ цѣнамъ, съ большимъ для себя барышомъ.

Поправить эту бѣду легко главнымъ образомъ упрощеніемъ банковскихъ операцій путемъ ихъ большей децентрализаціи и упрощеніемъ самого производства. Но еще большую пользу принесла бы здѣсь организація выдачи ссудъ крестьянамъ банкомъ по земской оцѣнкѣ и за поручительствомъ земства, особенно,

когда и самая скупка земель для перепродажи крестьянамъ производилась бы банкомъ черезъ посредство земскихъ управъ, которыя могли бы, совмѣстно съ новыми землеустроительными комисіями, производить осмотръ и оцѣнку имѣній и входить въ соглашеніе съ владѣльцами относительно условій продажи.

При такой постановкѣ дѣла, если бы посредничество между банкомъ и покупщиками было предоставлено земству, совмѣстно съ комиссіями, слѣдовало бы значительно упростить различныя формальности по выдачѣ ссудъ, ставящія нынѣ въ большое затрудненіе неграмотныхъ по преимуществу кліентовъ банка, и пользованіе услугами послѣдняго сдѣлалось бы болѣе доступнымъ и дешевымъ для населенія.

И вообще, если бы земствамъ, какъ они неоднократно о томъ ходатайствовали, была предоставлена и при комиссіяхъ болѣе активная роль въ дѣятельности крестьянскаго банка, эта послѣдняя несомнѣнно получила бы болѣе живой и полезный для крестьянства характеръ. Какъ извѣстно, на практикѣ въ настоящее время банкъ не заботится о розысканіи и пріобрѣтеніи *въ запасъ* удобныхъ для крестьянъ участковъ земли въ цѣляхъ позднѣйшей распродажи ихъ сельскимъ обывателямъ. Онъ покупаетъ теперь за счетъ своего капитала по преимуществу только тѣ земли, которыя ему предлагаютъ купить либо владѣльцы, либо крестьяне, разсчитывающіе пріобрѣсти впослѣдствіи эти земли. Никакой планомѣрности при этомъ не наблюдается. Канцелярщина въ настоящее время такъ глубоко проникла въ дѣла крестьянскаго банка, что трудно надѣяться на измѣненіе этого порядка, пока не передадутъ веденія операцій, до извѣстной степени, въ руки земства. Только при такой реформѣ можно будетъ разсчитывать, что банкъ, при помощи комиссій станетъ собирать свѣдѣнія о всѣхъ земельныхъ участкахъ, продающихся ихъ владѣльцами, подвергать осмотру и оцѣнкѣ наиболѣе пригодные для крестьянъ по своему мѣстоположенію и пріобрѣтать подходящіе участки въ собственность,

въ цѣляхъ позднѣйшей распродажи по частямъ тѣмъ изъ крестьянъ, которые пожелаютъ сдѣлать себѣ «прикупки»,—словомъ, дѣйствительно исправно и добросовѣстно станетъ выполнять основную задачу своей дѣятельности—идти на помощь сельскимъ обывателямъ въ борьбѣ противъ малоземелья.

Хозяйственныя реформы.

Крайне печальное состояніе крестьянскаго сельскаго хозяйства д. б. объяснено не общинной или другой какой формой землевладѣнія, а явленіями иного порядка. Это именно, кромѣ уже указанныхъ, еще: неудачная система податного обложенія, необезпеченность урожая, отсутствіе экономической поддержки крестьянъ въ ихъ сельскомъ хозяйствѣ и промышленности со стороны казны, малоземелье и, наконецъ, почти поголовное невѣжество крестьянъ по элементарнымъ вопросамъ жизни и ихъ хозяйства.

Къ разсмотрѣнію этихъ бѣдъ и средствъ ихъ исправить мы и перейдемъ теперь.

Окладные сборы.

Окладные сборы съ крестьянъ взыскиваются теперь въ трояхъ цѣляхъ, именно, для удовлетворенія потребностей общегосударственныхъ, земскихъ и, наконецъ, мѣстныхъ крестьянскихъ.

Казенные сборы при настоящей финансовой системѣ, почти вся тяжесть государственнаго бюджета путемъ прямыхъ или косвенныхъ налоговъ ложится на землю. Нашъ съ каждымъ годомъ увеличивающійся бюджетъ достигъ двухъ съ половиной милліардовъ рублей; тогда какъ производство цѣнностей какъ сельскимъ хозяйствомъ, такъ и промышленностью въ совокупности, по подсчету министерства финансовъ, достигаетъ 4.000.000.000 рублей. Если изъ этого количества исключить еще обложеніе на земскія и другія мѣстныя потребности (какъ то — дворянскія, мірскія), то останется очень незначительная сумма на удовлетвореніе насущныхъ потребностей населенія.

Вслѣдствіе воспрещенія земству закономъ 21 Ноября 1866 года, облагать наравнѣ съ прочими имуществами доходы отъ денежныхъ капиталовъ, торговли и промышленности, земскія повинности также лежатъ почти исключительно на землѣ. Наконецъ, всѣ частныя мірскія повинности—сельскія и волостныя,—представляющія въ общемъ очень высокій налогъ, во многихъ мѣстахъ значительно превышающій земскій, падаютъ исключительно на землю. Вслѣдствіе этого, тяжесть обложенія крестьянской земли достигаетъ очень крупныхъ размѣровъ и составляетъ одну изъ главнѣйшихъ причинъ, препятствующихъ развитію и процвѣтанію крестьянскаго хозяйства, доходъ съ котораго почти цѣликомъ собирается теперь въ казну, а на рукахъ у крестьянъ остаются лишь скудные остатки, едва достаточные для удовлетворенія его основныхъ потребностей.

Можно представить себѣ, какой вопль и негодованіе пошли бы у насъ повсемѣстно, если бы правительство наше провело законъ о взиманіи съ нефтепромышленниковъ, заводчиковъ, купцовъ, наконецъ, съ дворянъ—землевладѣльцевъ и т. д.—прямого налога въ размѣрѣ равномъ всей суммѣ чистаго дохода этихъ лицъ, или, во всякомъ случаѣ, не менѣе 50% послѣдняго. Съ какой яростью всѣ кричали бы тогда о подобномъ ужасномъ законѣ, неизбѣжно влекущемъ за собою разгромъ нашей торговли и промышленности, невозможномъ съ научной точки зрѣнія, безнравственномъ по соображеніямъ высшей справедливости...

Между тѣмъ, именно такой финансовый „режимъ“ примѣняется у насъ уже давно—десятки лѣтъ—по отношенію къ крестьянамъ. Просимъ читателя не думать, что мы здѣсь умышленно сгущаемъ краски: дѣйствительность теперь, пожалуй, представляется еще болѣе печальной. По крайней мѣрѣ, подтвержденіе сказанному мы имѣемъ въ свѣдѣніяхъ по этому вопросу, имѣющихся въ трудахъ мѣстныхъ комитетовъ о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности, изъ которыхъ

приведемъ здѣсь нѣкоторыя статистическія данныя „средняго“, такъ сказать, типа.

Такъ, въ Шенкурскомъ уѣздѣ, Архангельской губ., крестьяне платятъ податей и повинностей въ среднемъ около 3 руб. 56 коп. съ человѣка, а съ десятины 2 руб. 80 коп. Въ тоже время, десятина земли рѣдко даетъ дохода болѣе 7 рублей. Считая средній надѣлъ здѣсь въ $1^1/_2$ десятины на человѣка, мы видимъ, что крестьянинъ вынужденъ вносить въ казну почти половину своего дохода съ земли.

Въ Вятской губерніи издержки при сельскохозяйственномъ производствѣ составляютъ самое меньшее $71^0/_0$ валового дохода, окладные платежи $16{,}6^0/_0$, такъ что на свое содержаніе и содержаніе скота крестьянину остается всего $12{,}4^0/_0$ валоваго дохода или 1 рубль 24 коп. въ годъ съ десятины.

Въ Вологодской губерніи средній необходимый бюджетъ крестьянскаго семейства, владѣющаго двумя надѣлами земли изъ 9 десятинъ, изъ которыхъ пахотной земли 3 десятины, покосу около 3 десятинъ и выгона съ дровянымъ лѣсомъ 3 десятины, слѣдующій: валовой доходъ 98 р. 50 коп., валовой расходъ 166 руб. 25 коп., причемъ сюда входитъ 16 рублей 80 коп. прямыхъ налоговъ. Такимъ образомъ, хозяйство даетъ имъ дефицита 67 рублей 75 коп., каковой приходится покрывать постороннимъ заработкомъ.

Въ Костромской губ. средняя крестьянская семья, владѣющая 10 десятинами надѣла, тратитъ ежегодно на свои расходы 190 р. 50 коп., доходъ же ея составляетъ 122 рубля. Такимъ образомъ, чтобы нужды ея были удовлетворены въ самомъ необходимомъ, она должна приработать къ 122 р., получаемымъ отъ земледѣлія, еще по крайней мѣрѣ 70 руб., причемъ, въ упомянутые расходы не включены траты на водку, чай, сахаръ, табакъ.

По Опочецкому уѣзду, Псковской губ., на семью въ 7—8 душъ приходится земли около 11 десятинъ, представляющихъ валовой доходъ въ 142 р., а за вычетомъ 20 р. повинностей 122 р. въ годъ, или 10 руб. въ

мѣсяцъ, т. е. отъ 4 до 5 копѣекъ на человѣка въ день, и на эти деньги семья должна прокормиться, поддержать живой и мертвый инвентарь, ремонтировать постройки, одѣться и т. д., что, очевидно, не по средствамъ.

Въ Казанской губ. урожай средняго крестьянскаго двора выражается суммой въ 98 рублей, а прямые налоги 16 руб. 84 коп. На содержаніе двора, состоящаго, примѣрно, изъ шести ѣдоковъ, остается 81 р. 16 коп., или на каждаго ѣдока 13 р. 53 коп., т. е. 4 копѣйки въ сутки.

Въ Нижегородской губерніи средній крестьянскій дворъ изъ 54 душъ выручаетъ отъ своего хозяйства за вычетомъ продуктовъ, идущихъ на обсѣмененіе полей и на прокормленіе скота и уплату аренды за землю, въ переводѣ на деньги, около 99 р. въ годъ. Между тѣмъ, средняя крестьянская семья, безъ уплаты всякихъ повинностей и податей на свою личную жизнь не можетъ прожить, въ переводѣ на деньги, менѣе 159 рублей при самыхъ нищенскихъ нормахъ; такимъ образомъ, для того, чтобы существовать, обуваться и одѣваться, крестьянская семья должна добыть внѣземледѣльческими занятіями около 60 руб. въ годъ.

По другому разсчету, сумма всѣхъ налоговъ, прямыхъ и косвенныхъ (не считая страховыхъ сборовъ и натуральн., повинностей) составляетъ въ среднемъ на десятину не менѣе 10—11 рублей (3 р. 16 коп. прямые, 1 р., церковные и 6 руб. 24 коп., косвенные налоги и таможенные переплаты), поглощая болѣе половины чистаго дохода съ надѣла (по отдѣльнымъ уѣздамъ—до 86%); между тѣмъ какъ валовой доходъ съ крестьянской надѣльной пашни и надѣльнаго покоса опредѣляется въ 13 руб. 12 коп. За уплатой всѣхъ налоговъ, крестьянину за трудъ остается, такимъ образомъ, не болѣе 2—3 рублей съ десятины, т. е., если бы у крестьянина надѣльная земля являлась единственнымъ источникомъ для жизни, то онъ безусловно не могъ бы существовать при настоящемъ уровнѣ платежей.

Тоже самое видимъ мы и въ центральныхъ губерніяхъ. Такъ, въ Рязанской губ. крестьянскихъ прямыхъ повинностей ложится отъ 2 р. 75 коп. до 4 р. 10 коп. на десятину, въ среднемъ болѣе 3 рублей, не считая страховыхъ и продовольственныхъ. Въ частности, въ Рязан. губ. Егорьевскомъ уѣздѣ стоимость ежегоднаго средняго урожая хлѣбовъ, переведеннаго по среднимъ справочнымъ цѣнамъ на деньги, опредѣляется въ 1.400.000 руб., стоимость же расхода населенія на свое продовольствіе и на обсѣмененіе полей выражается въ размѣрѣ 2.100.000 рублей; обычнаго сбора хлѣбовъ никогда не хватаетъ на продовольствіе населенія и обсѣмененіе полей, и крестьянамъ Егорьевскаго уѣзда, не считая расхода на покупку корма для скота, приходится для удовлетворенія и той и другой потребности ежегодно расходовать изъ своихъ заработковъ немного менѣе 1.000.000 рублей. Кромѣ того, населеніе уплачиваетъ еще свыше 400 тысячъ разнаго рода окладныхъ сборовъ. Такимъ образомъ доходы крестьянъ Егорьевскаго уѣзда отъ земли не покрываютъ расходовъ населенія на продовольствіе, обсѣмененіе полей и уплату повинностей, и населеніе вынуждено изъ своихъ стороннихъ средствъ тратить на указанныя надобности свыше 1 милліона рублей. Въ общемъ, на средній крестьянскій дворъ *въ губерніи* приходится свыше 17 руб. косвенныхъ налоговъ, около 15 руб. выкупныхъ платежей и около 3 р. 50 коп. разныхъ мірскихъ повинностей.

По подсчетамъ, произведеннымъ въ Тверской губерніи, денежный доходъ крестьянской семьи составляетъ 145 руб. въ годъ, расходъ 183 р. 35 коп., слѣдовательно, бюджетъ деревни сводится съ дефицитомъ. Въ числѣ расходовъ 23 р. 5 коп. составляютъ прямые платежи. Изъ оставшихся 160 р. 28 коп., на которые семья покупаетъ все, начиная съ предметовъ продовольствія, около половины, именно 88 р. 63 коп., идетъ на пріобрѣтеніе предметовъ обрабатывающей промышленности. Если выдѣлить изъ этихъ послѣднихъ товары, подлежащіе

косвенному обложенію: желѣзо, чай, водку, сахаръ, керосинъ, спички, табакъ, то окажется, что на каждый дворъ приходится этихъ товаровъ на 42 р. 59 коп. Если подсчитать, сколько крестьянскій дворъ переплачиваетъ косвенныхъ налоговъ и какую часть своихъ денежныхъ рессурсовъ удѣляетъ на покровительствуемую отечественную промышленность, то окажется, что размѣры этихъ косвенныхъ налоговъ и этихъ приплатъ далеко превышаютъ всѣ прямыя подати и оклады, опредѣляемые въ 23 рубля. Въ частности, въ Весьегонскомъ уѣздѣ прямыхъ налоговъ приходится около 1 руб. 14 коп. на десятину надѣла (съ частно-владѣльческой всего 19 коп. на десятину), средняя чистая доходность одной десятины пашни выводится въ 2 р. 28 коп. Изъ общаго же числа надѣльной земли пашня составляетъ около половины, остальная же подъ выгонами и кустарниками, съ чистой доходностью отъ 48 до 87 коп. съ десятины. Такимъ образомъ, крестьянинъ, получая за всѣми расходами по 1 р. 37 коп. съ каждой десятины, всѣ ихъ цѣликомъ отдаетъ для уплаты лежащихъ на немъ налоговъ.

Въ Московской губерніи крестьянская семья, при среднемъ размѣрѣ душевого надѣла въ 3 десятины земли, получаетъ съ 9 десятинъ чистаго дохода не болѣе 45 рублей. Прямые налоги поглощаютъ 22 рубля 50 коп. или половину дохода, косвенные налоги, уплачиваемые семьею, опредѣляются въ суммѣ 44 р. 21 коп. такъ что въ общемъ уплачивается всего около 70 руб. различнаго рода податныхъ сборовъ, т. е. гораздо болѣе чистаго дохода съ земли. Въ Клинскомъ уѣздѣ, при средней доходности въ 1 р. 24 коп. съ десятины, обложеніе земли достигаетъ 2 руб. 5 коп., кромѣ мірскихъ сборовъ, составляющихъ въ среднемъ по губерніи около 60 коп. Здѣсь казна, такимъ образомъ, отбираетъ цѣликомъ отъ крестьянъ весь доходъ съ земли; мало того, еще требуетъ прибавки.

Въ Смоленской губ. общій размѣръ прямыхъ налоговъ, падающихъ на крестьянскій дворъ, выражался

въ 1899 г. въ суммѣ 12 р. 39 коп., изъ которыхъ двѣ трети—8 руб. 14 коп.—составляли выкупные платежи. Косвенные налоги опредѣлялись въ среднемъ въ 3 р. 36 к. на душу обоего пола; принимая средній семейный составъ двора въ 7 душъ, оказывается, что каждый крестьянскій дворъ уплатилъ въ 1899 г. въ среднемъ 23 рубля 52 коп. косвенныхъ налоговъ. Для уплаты всѣхъ этихъ платежей крестьянинъ вынужденъ отвлекаться отъ своего собственнаго хозяйства и отчуждать свою рабочую силу въ качествѣ сельскохозяйственнаго рабочаго, или заняться отхожимъ промысломъ.

Въ Орловской губерніи доходъ съ десятины составляетъ 7 р. 28 к., налоги же взимаются съ души—или что здѣсь почти тоже, съ десятины—6 р. 33 к. въ годъ, безъ страховыхъ расходовъ и сельскихъ; значитъ, на всѣ расходы крестьянину остается 95 коп. въ годъ. Въ Елецкомъ уѣздѣ, при той же доходности десятины въ 7 р. 28 к., подати и сборы падаютъ на нее въ размѣрѣ 6 р. 18 к.; такъ что на удовлетвореніе всѣхъ главныхъ потребностей крестьянина и его семьи остается 1 р. 10 к.; Очевидно, и здѣсь крестьянинъ можетъ поддерживать свое существованіе лишь сторонними заработками.

Въ Тульской губерніи, по Каширскому уѣзду, съ одной десятины надѣльной крестьянской земли причиталось всѣхъ платежей (въ 1901 году) 2 руб. 84 к. Въ тоже время окладныхъ сборовъ съ частновладѣльческой земли взыскивалось всего 45 к. съ десятины (съ дворянъ, считая и сословные сборы,—48 к.). Такимъ образомъ, крестьяне платили за свою надѣльную землю слишкомъ въ 6 разъ больше.

По Епифанскому уѣзду, Тульской губ., прямыхъ налоговъ землевладѣльцами (не крестьянами) уплачивается около 50 к. съ десятины. Крестьянамъ же этихъ налоговъ приходится платить 3 руб. 81 к. съ десятины надѣла; за вычетомъ же выкупныхъ платежей и продовольственныхъ сборовъ—1 руб. 58 коп. Изъ данныхъ статистическаго обслѣдованія видно, что средняя доходность одной десятины пашни въ уѣздѣ равняется

7 р. 45 к. А такъ какъ у крестьянъ, по тѣмъ же даннымъ, урожай ржи за 8 лѣтъ равенъ 53 пуд. съ десятины, а овса 50 пуд., противъ урожая въ 70 пуд. у частныхъ владѣльцевъ, то нужно считать среднюю доходность крестьянскихъ земель (кладя на деньги трудъ) не болѣе 4—5 р. Сопоставленіе этихъ цыфръ съ цыфрой 3 р. 81 к. прямыхъ налоговъ не нуждается въ комментаріяхъ.

Въ Курской губерніи бюджетъ крестьянскаго населенія за 1903 годъ, который по урожайности былъ изъ лучшихъ, представлялъ слѣдующія данныя: стоимость урожая съ крестьянскихъ надѣльныхъ земель оцѣнивалась въ 32 милл. руб.; за покрытіемъ личнаго продовольствія, обсѣмененія полей и корма скота, отъ стоимости урожая, собраннаго съ надѣльныхъ и арендованныхъ земель, осталось всего 3.832,438 р.; между тѣмъ, для покрытія прямыхъ налоговъ необходимо было 7.789,624 р., почему, 3.597,186 р. населеніе должно было пополнить изъ заработковъ и изъ того же источника оплатить косвенные налоги. Средняя чистая доходность десятины въ Курской губ. по оцѣночнымъ статистическимъ даннымъ равняется 5 р. Въ среднемъ, обложеніе на одну десятину составляетъ 3 р. Если принять во вниманіе, что платежъ 3 р. съ десятины падаетъ также и на десятину, находящуюся въ пару, т. е. не приносящую дохода, то станетъ ясно, что надѣльная земля несетъ здѣсь около 100% обложенія по отношеніи къ чистой доходности.

Въ Саратовской губерніи средній доходъ на дворъ составляетъ 114 р. 35 к., или 18 р. 15 к. на душу, средній же расходъ крестьянскаго двора на уплату прямыхъ и косвенныхъ налоговъ составляетъ 58 р. 21 к., а на одну душу 9 р. 24 к. Такимъ образомъ, за покрытіемъ налоговъ, на удовлетвореніе различнаго рода личныхъ и хозяйственныхъ потребностей изъ свободнаго остатка остается 56 р. 14 к. на дворъ или 8 р. 91 к. на душу. Изъ этой суммы крестьянинъ долженъ удовлетворить свои потребности въ одеждѣ и обуви,

произвести ремонтъ строеній, хозяйственныхъ принадлежностей, живого и мертваго инвентаря, уплачивать долги и проценты по нимъ и удовлетворить свои культурныя потребности.

Въ Кіевской губ. сумма прямыхъ налоговъ составляетъ на одну десятину пахотныхъ надѣльныхъ земель 2 руб. 64 коп.; изъ косвенныхъ налоговъ одинъ акцизъ на водку съ каждой пахотной десятины считается получаемымъ въ размѣрѣ 9 руб. 40 коп., а всего 12 руб. 4 коп. Если эти налоги сопоставить съ численностью населенія въ рабочемъ возрастѣ, то окажется, что каждый крестьянинъ для уплаты этихъ повинностей долженъ заработать до 30 руб. 60 коп. въ годъ. Такъ какъ количества надѣльной земли, которымъ владѣетъ крестьянское населеніе, едва достаточно для того, чтобы создать необходимое количество продуктовъ для продовольствія и дохода съ нея не хватаетъ на покрытіе такихъ налоговъ, то населенію приходится зарабатывать на сторонѣ.

Въ Полтавской губерніи прямые налоги падаютъ на одну десятину крестьянской земли въ размѣрѣ 1 руб. 43 коп., а одинъ питейный налогъ въ размѣрѣ 1 руб. 41 коп. Такимъ образомъ, каждая десятина крестьянской земли несетъ налога 2 руб. 84 коп., при чемъ, не приняты во вниманіе другіе косвенные налоги, кромѣ питейнаго. Расчетъ этотъ выведенъ для всей крестьянской земли, т. е. также и неудобной, не приносящей никакого дохода. Если же разложить упомянутую налоговую тяжесть только на землю, находящуюся подъ посѣвомъ, то получится цифра 3 руб. 83 коп., на каждую посѣвную десятину. Принимая во вниманіе, что средній валовой доходъ съ десятины крестьянской земли равняется 24 рублямъ, то окажется, что налогъ въ 3 руб. 84 коп. можетъ поглотить весь чистый доходъ крестьянина съ надѣла.

Думается намъ, приведенныя данныя касательно размѣра прямыхъ налоговъ съ крестьянъ по губерніямъ слишкомъ даже убѣдительно указываютъ на полную

практическую несостоятельность существующаго у насъ прямого обложенія съ крестьянъ.

По мысли великаго законодательнаго акта 19 февраля 1861 года земельный надѣлъ былъ предоставленъ освобожденному отъ крѣпостной зависимости народу „для обезпеченія его быта и исполненія обязанностей его передъ правительствомъ". Что-же мы видимъ на самомъ дѣлѣ?—Различныя податныя махинаціи, проведенныя министрами финансовъ, превратили крестьянъ въ батраковъ казны, обязанностью которыхъ является обрабатывать свою землю, самимъ болѣть тифомъ и пухнуть отъ голода, а весь доходъ съ земли сдавать въ казначейство...

Слѣдуетъ замѣтить впрочемъ, что всѣ эти данныя, заимствованныя нами изъ трудовъ мѣстныхъ комитетовъ о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности, въ громадномъ большинствѣ случаевъ даютъ лишь приблизительныя свѣдѣнія по интересующему насъ вопросу. Въ большинствѣ этихъ данныхъ при разсчетѣ, наприм., средняя доходность надѣльной земли вычислялась со *всего* количества десятинъ, безъ обращенія вниманія на то обстоятельство, что при трехпольѣ, одна треть земли остается безъ дохода, и, кромѣ того, всюду имѣется не мало въ надѣлахъ выгоновъ, кустарника и проч. угодій, дающихъ несравненно меньшій доходъ. Если принять въ соображеніе эти поправки, то во всякомъ случаѣ и на будующее время, послѣ отмѣны выкупныхъ платежей по манифесту 3 ноября 1905 года, приведенныя выше цифры все же останутся безъ большого измѣненія.

Налоговая тяжесть истощаетъ народное благосостояніе не только непосредственно, но и косвенно; сознаніе матерьяльной необезпеченности, увѣренность, что сколько ни работай, все уйдетъ на покрытіе текущихъ податей или всепоглощающей недоимки (достигшей, кстати сказать, для всей Россіи въ 1901 г. 122,5% оклада), деморализуютъ населеніе. Это сознаніе безплодности экономическихъ усилій влечетъ для крестьянъ

за собою крайнее ихъ ослабленіе, безпечную и безразсчетную растрату даже необходимаго для хозяйства минимума средствъ. Отсюда огромная и не уменьшающаяся цыфра питейнаго дохода, такъ гибельно отзывающагося на общемъ благосостояніи крестьянства.

Во всякомъ случаѣ, въ настоящее время настоятельно необходима реформа существующей системы разнообразныхъ прямыхъ налоговъ, какъ крайне обременительныхъ и не соотвѣтствующихъ платежнымъ силамъ земледѣльческаго населенія. При этомъ, общимъ правиломъ долженъ быть поставленъ единообразный принципъ при установленіи налоговъ, а именно: во 1-хъ, чтобы размѣръ налога находился въ полномъ соотвѣтствіи съ доходами, средствами и силами плательщиковъ, и, во вторыхъ, чтобы самая тягость налоговъ болѣе равномѣрно распредѣлялась во всѣхъ слояхъ населенія, т. е. пропорціонально имущественной достаточности.

Въ этихъ цѣляхъ, желательно уравненіе платежей по надѣльной землѣ съ платежами по землямъ лицъ, принадлежащихъ къ другимъ состояніямъ, и уравнительныхъ платежей по всѣмъ землямъ вообще со всѣми объектами налоговъ—фабриками, заводами и проч., что можетъ быть сдѣлано съ успѣхомъ лишь при введеніи *подоходнаго налога*. Реформа такая должна быть проведена какъ можно скорѣе, такъ какъ одному крестьянскому населенію уже не въ мочь нести на своихъ плечахъ нашъ государственный бюджетъ, какъ оно несло его до сихъ поръ. Наконецъ, при существующей системѣ налоговъ представляется совершенно невозможнымъ какое бы то ни было улучшеніе крестьянскаго хозяйства. Дайте крестьянину дополнительный надѣлъ, переселите его на новыя мѣста, предоставьте ему землю въ аренду, организуйте меліоративный кредитъ,—все равно: существующій финансовый „режимъ“, какъ помпа, выкачаетъ у мужика всѣ его доходы и попрежнему оставитъ его съ пустой сумой.

Земскіе сборы. Вопросъ объ упорядоченіи земскаго обложенія, по справедливому замѣчанію большинства мѣстныхъ комитетовъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности, представляетъ собою въ настоящее время одинъ изъ самыхъ наболѣвшихъ.

Дѣло въ томъ, что земскіе расходы обращаются, главнымъ образомъ, на удовлетвореніе самыхъ настоятельныхъ мѣстныхъ культурно-экономическихъ потребностей населенія. Народное образованіе, земская медицина и ветеринарія, борьба съ заразными болѣзнями, санитарная организація, дорожное дѣло, мѣропріятія экономическаго характера, какъ: организація мелкаго кредита, меліорація сельскаго хозяйства, страховое дѣло, агрономическая помощь населенію и т. д.—всѣ эти важнѣйшія потребности народнаго благосостоянія почти всецѣло ложатся на земскій бюджетъ. Правительство отъ себя расходуетъ на культурно-экономическія нужды мѣстнаго населенія очень немного. Такъ, напримѣръ, на народное образованіе оно тратитъ $^1/_2\%$ своего бюджета, т. е. 7 коп. на человѣка; на упорядоченіе земледѣлія располагаетъ $^1/_4\%$ государственнаго бюджета, т. е. $3^1/_2$ коп. на человѣка, а изъ нихъ собственно на нужды всего сельско-хозяйственнаго образованія тратится менѣе 1 к. на человѣка, при государственномъ доходѣ по 15 р. съ человѣка.

Съ своей стороны, собираютъ земства съ населенія сравнительно съ казною очень небольшую сумму. Въ то время какъ нашъ государственный бюджетъ достигъ по послѣдней росписи (на 1906 г.) громадной цыфры—двухъ съ половиной милліардовъ рублей, бюджетъ всѣхъ земствъ въ 34 земскихъ губерніяхъ сведенъ былъ на сумму менѣе даже 100 милліоновъ рублей, и это на расходы, имѣющіе, какъ мы указывали выше, наиболѣе производительный мѣстный характеръ. Достаточно напомнить въ этомъ отношеніи, что безъ расходованія земскихъ суммъ народъ нашъ въ массѣ своей продолжалъ бы оставаться въ поголовномъ невѣжествѣ, заразныя болѣзни царили бы повсемѣстно, унося сотни жиз-

ней, дороги оставались бы въ первобытномъ состояніи, никакія улучшенія въ крестьянскомъ хозяйствѣ не были бы возможны, скотъ погибалъ бы отъ эпизоотіи и т. д.

Не смотря однако на все это, и сейчасъ повсюду слышатся жалобы на тяжесть земскихъ налоговъ для ихъ плательщиковъ. И жалобы эти, до извѣстной степени, основательны, благодаря крайне неудачной постановкѣ у насъ земскаго обложенія.

Собственно говоря, земскій налогъ самъ по себѣ, по размѣрамъ своимъ, не долженъ былъ бы слишкомъ обременять населеніе; но дѣло въ томъ, что обыватель нашъ уже и безъ него задавленъ милліардами, собираемыми съ него въ казну путемъ и прямыхъ, и косвенныхъ налоговъ. Послѣ взысканія всей этой массы денегъ въ казну изъ кармана россійскаго гражданина послѣднему, конечно, очень чувствительно и тяжело еще платить извѣстныя суммы земству. Сбавьте тяжесть государственныхъ налоговъ, легче будетъ казаться и земскій налогъ; вѣдь не вина земства въ томъ, что наша финансовая политика рядъ послѣднихъ лѣтъ была направлена исключительно къ тому, чтобы брать съ населенія не только безусловно необходимыя средства для вокрытія текущихъ государственныхъ расходовъ, но и вообще что только возможно было взять съ народа путемъ налоговъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ тяжесть современнаго земскаго обложенія объясняется еще и неудачной и неравномѣрной раскладкой его среди населенія. Дѣло въ томъ, что главнымъ источникомъ обложенія является земля, недвижимость. Благодаря этому, земское обложеніе теперь почти всей своей тяжестью лежитъ на плечахъ сельскихъ хозяевъ, а среди нихъ, преимущественно, на крестьянахъ и безъ того обремененныхъ платежами и экономически обезсиленныхъ. Въ тоже время, фабрики и другія промышленныя и торговыя заведенія облагаются земскими налогами лишь въ качествѣ помѣщеній, приносящихъ доходъ, сообразно съ этимъ послѣднимъ. Самые же обороты предпріятій не подлежатъ обложе-

нію земскимъ сборомъ. Благодаря такой системѣ обложенія, торговыя и промышленныя предпріятія находятся у насъ, относительно взиманія съ нихъ земскихъ налоговъ, въ положеніи, такъ сказать, „захребетниковъ“ сельскихъ хозяевъ.

Интересныя свѣдѣнія въ этомъ отношеніи были приведены ярославскимъ губернскимъ комитетомъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности По даннымъ 1900 года торговля и промышленность въ Ярославской губерніи были обложены:

Государственнымъ сборомъ (промысловый налогъ, дополнит раскладочный съ капиталовъ, гильдейскій и т. п.) . . 659,221 руб.

Земскимъ сборомъ съ торговыхъ документовъ . . . . . 110,920 „

Земскимъ сборомъ съ промышленныхъ заведеній . . . . . 210,180 „

Обороты же всѣхъ торгово-промышленныхъ заведеній, по даннымъ казенной палаты, простирались до 114.202,100 р., съ чистой прибылью въ 8.352,537 руб. Слѣдовательно торговля и промышленность облагались 11,7% съ дохода. Между тѣмъ крестьянская надѣльная земля облагается въ размѣрѣ (считая съ выкупными платежами) около 50% съ чистой доходности.

Слѣдуетъ, наконецъ, указать и на то обстоятельство, что земство нынѣ является обязаннымъ тратить часть получаемыхъ имъ съ населенія средствъ на содержаніе правительственныхъ учрежденій, т. е. другими словами, дѣлиться съ казной своими и такъ уже сравнительно ничтожными средствами. Къ такимъ тратамъ на казенныя нужды слѣдуетъ отнести, напр., расходы земствъ по разъѣздамъ правительственныхъ чиновниковъ, на квартирную повинность (эти расходы въ 1900 году составили 6.840,000 р., или 7,7% всего земскаго бюджета), на содержаніе правительственныхъ учрежденій, на устройство почтовыхъ трактовъ, на содержаніе земской почты (обслуживающей, какъ извѣстно, и государственныя нужды), на расходы по содержанію аресту-

мыхъ и этапныхъ помѣщеній, вознагражденіе казначействъ, расходы по статистикѣ, содержаніе полиціи, расходы по найму помѣщеній для уѣзднаго съѣзда (повинность совершенно случайнаго характера, обязательная лишь для тѣхъ земствъ, у которыхъ оказались помѣщенія для названныхъ учрежденій въ моментъ введенія на мѣстахъ въ дѣйствіе положенія 12-го іюля 1889 г.), субсидированіе среднихъ учебныхъ заведеній и министерскихъ школъ и т. п.

Уже изъ сказаннаго ясно, на что должна быть направлена въ будущемъ реформа земскихъ сборовъ. Прежде всего здѣсь стоитъ такимъ образомъ на очереди измѣненіе существующей у насъ системы земскихъ сборовъ, въ смыслѣ болѣе равномѣрнаго обложенія ими плательщиковъ въ соотвѣтствіи съ ихъ имущественной состоятельностью. Особенно желательнымъ было бы здѣсь привлеченіе, по доходности предпріятій, торговыхъ и промышленныхъ заведеній, наравнѣ съ землею, къ болѣе широкому участію въ расходахъ по удовлетворенію мѣстныхъ нуждъ, напримѣръ, въ видѣ участія земствъ не только въ основномъ промысловомъ налогѣ, но и дополнительномъ, раскладочномъ и $^0/_0$-омъ сборахъ съ доходности. Такимъ образомъ была бы возможность, безъ ущерба для земскаго бюджета, облегчить тяжесть обложенія, теперь почти исключительно лежащую на крестьянствѣ.

Рядомъ съ этимъ, конечно, настоятельно необходимымъ является полное освобожденіе земствъ отъ расходовъ, имѣющихъ общегосударственный характеръ; мало того, благодаря высоко культурнымъ задачамъ земской дѣятельности, главнымъ образомъ, направленнымъ на повышеніе умственной и экономической жизни народа, въ тѣхъ случаяхъ и для тѣхъ земствъ, доходность которыхъ мала, а удовлетворять мѣстныхъ культурно-экономическихъ потребностей нужно много, было бы прямо необходимымъ правительству идти имъ на помощь и оказывать, смотря по надобности въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, субсидіи земствамъ на ту

отрасль ихъ дѣятельности, которая нуждается въ такомъ субсидированіи. Разрѣшеніе этихъ вопросовъ, равно какъ и размѣра субсидій, должно подлежать вѣдѣнію Государственной Думы; послѣдняя могла бы обсуждать эти дѣла при разсмотрѣніи государственнаго бюджета. Къ этому времени нуждающіяся въ субсидіи земства и могли бы подготовлять свои запросы и посылать ихъ въ Думу.

Кромѣ субсидій такого случайнаго, можно сказать, переходнаго характера, было бы крайне желательно, во избѣжаніе повышенія земскихъ сборовъ, снабженіе правительствомъ земствъ оборотнымъ капиталомъ на улучшеніе сельскаго хозяйства и сельской промышленности.

Дешевый, хорошоо организованный, всегда доступный кредитъ необходимъ земству для правильнаго веденія хозяйства, для производительныхъ затратъ и другихъ необходимыхъ потребностей, особенно въ настоящее время, когда для подъема крестьянскаго благосостоянія придется неизбѣжно открыть широкій кредитъ крестьянамъ въ цѣляхъ поддержанія и меліораціи ихъ хозяйствъ. Всѣ такіе расходы должны быть земствами погашены частями, въ теченіи болѣе или менѣе продолжительнаго времени, такъ какъ и населенію гораздо легче будетъ платить свои долги земству съ разсрочкой, въ видѣ опредѣленнаго процента на произведенную затрату, чѣмъ единовременными взносами или платежами по частямъ, но съ краткой разсрочкой.

Между тѣмъ въ настоящее время у насъ не имѣется правильно организованнаго для земствъ долгосрочнаго кредита. Единственнымъ источникомъ для кредита земству могъ бы служить государственный банкъ; тѣмъ болѣе, что, ему на основаніи ст. 138 устава, предоставляется открывать земствамъ и городамъ кредитъ для снабженія ихъ оборотными средствами. Теперь бы необходимо правительству, въ интересахъ сельскаго хозяйства, обратить серьезное вниманіе на открытіе и возможное расширеніе такихъ операцій, а не слѣдовать существующему порядку, когда въ цѣляхъ особаго по-

кровительства торговлѣ и промысламъ свободныя средства банка; обращются для доставленія кредита на удовлетвореніе торгово-промышленныхъ потребностей, а на всѣ ходатайства городовъ и земствъ объ открытіи имъ кредита, государственный банкъ отвѣчаетъ отказомъ. Поэтому, теперь единственно доступнымъ для земствъ является дорогой кредитъ у частныхъ лицъ, пользованіе которымъ въ тѣхъ широкихъ размѣрахъ, какіе потребуются для улучшенія крестьянскаго хозяйства, конечно, невозможно.

Мірскіе сборы. По закону мірскими сборами называются назначаемые съ крестьянскаго общества сборы для удовлетворенія ихъ внутреннихъ потребностей.

Въ этомъ отношеніи законъ (ст. 179 общ. положенія, I, ст. 361, по прод. 1902 г.) указываетъ слѣдующія потребности, необходимо подлежащія удовлетворенію изъ мірского налога:

1) содержаніе общественнаго управленія;

2) расходы по оспопрививанію и принятію мѣръ, предписываемыхъ врачебнымъ уставомъ, въ случаѣ появленія заразительныхъ болѣзней и скотскихъ паденій;

3) устройство и поддержаніе сельскихъ запасныхъ магазиновъ;

4) содержаніе въ исправности проселочныхъ дорогъ, межъ и межевыхъ знаковъ, проточныхъ водъ и канавъ на земляхъ, принадлежащихъ въ собственность мірскимъ обществамъ или состоящихъ въ ихъ постоянномъ пользованіи;

5) содержаніе карауловъ въ деревняхъ;

6) призрѣніе престарѣлыхъ, дряхлыхъ и увѣчныхъ членовъ общества, не могущихъ трудомъ пріобрѣтать пропитаніе, у которыхъ нѣтъ родственниковъ, или же у которыхъ родственники не въ состояніи ихъ содержать; призрѣніе круглыхъ сиротъ; сюда же отнесены расходы по народному образованію;

7) Принятіе мѣръ въ случаѣ пожаровъ, наводненій и т. п. общественныхъ бѣдствій.

Мірскіе сборы взыскиваются съ того волостного или сельскаго общества, на удовлетвореніе потребностей котораго они предназначены. Самый порядокъ распредѣленія мірскихъ сборовъ, а равно установленіе размѣра послѣднихъ производится волостными и сельскими сходами. При этомъ необходимо признать, что за послѣднее время сборы эти являются крайне обременительными для сельскаго населенія, и въ тоже время съ каждымъ годомъ все болѣе повышаются въ своемъ размѣрѣ, опредѣляясь и по волостямъ и селеніямъ въ весьма крупныхъ суммахъ, соотвѣтственно съ повышеніемъ необходимыхъ расходовъ, подлежащихъ уплатѣ изъ этого источника.

Согласно даннымъ центральнаго статистическаго комитета минист. внутрен. дѣлъ за 1901 годъ (Временникъ центральн. статистич. комитета № 38 изд. 1895 г.), общая сумма мірскихъ расходовъ по 46 губерніямъ Европейской Россіи (не включая Прибалтійскихъ губ., Ставропольской и обл. В.-Донскаго), какъ волостныхъ, такъ и сельскихъ обществъ составляла за 1891 годъ 42.595.893 руб., а безъ расходовъ сельскохозяйственныхъ 37.128.686 руб. Изъ нихъ на волостныя суммы падало 17.778.665 р. и на сельскія 19.350.021 р. Значеніе сказанныхъ цифръ наглядно обнаруживается сравненіемъ съ общей суммой казенныхъ и земскихъ окладныхъ сборовъ, причитающихся съ крестьянъ тѣхъже губерній, и составлявшихъ въ 1900 году 119.728.623 р. Изъ того же „Временика“ (приложеніе ст. X) видно, что въ среднемъ, причитается мірскихъ сборовъ на одинъ крестьянскій дворъ 4 р. 16 к., на 1 десятину крестьянской земли—35 коп., на ревизскую душу мужскаго пола—1 р. 99 к. и на одну наличную душу—1 руб. 35 коп.

Изъ числа *волостныхъ* расходовъ, по тѣмъ-же даннымъ центральн. статистич. комит., наиболѣе крупнымъ представляется расходъ на содержаніе волостныхъ стар-

шинъ—1.800.937 руб., что составитъ на каждаго старшину около 190 р. въ годъ, на содержаніе волостныхъ писарей—2.988.639 руб., или около 318 руб. на каждаго волостного писаря въ годъ. Затѣмъ, содержаніе помощниковъ волостныхъ писарей и канцелярскіе расходы волостныхъ правленій составляютъ 1.907.769 руб., содержаніе волостныхъ судей и предсѣдателей суда 965.303 рубля, содержаніе, постройка и ремонтъ зданій волостныхъ правленій 1 669.825 руб., содержаніе и постройка училищъ, больницъ и другихъ общественныхъ зданій—около 1.000.000 руб. Наконецъ, содержаніе разъѣздныхъ и почтовыхъ лошадей составляетъ расходъ въ 3.504.007 руб. Что касается расходовъ *сельскихъ*, то изъ нихъ наиболѣе крупными представляются—2.444.733 руб., на содержаніе 74.713 старостъ (что составляетъ около 33 руб. на каждаго старосту), на содержаніе сельскихъ писарей—1.480 701 руб , (т. е. около 42 руб., на каждаго писаря), на содержаніе сотскихъ и десятскихъ—1.056.255 руб., содержаніе сборщиковъ податей—374.943 руб., содержаніе врачебнаго и учебнаго персонала, училищъ, больницъ и другихъ общественныхъ зданій—2.953.941 руб., на удовлетвореніе духовныхъ потребностей (пособіе духовенству, содержаніе церквей и молитвенныхъ зданій)—3.265.040 р., на канцелярскіе расходы—307.269 руб., на содержаніе разъѣздныхъ и почтовыхъ лошадей—1.036.160 руб., путевые расходы должностныхъ лицъ и уполномоченныхъ обществъ—231.080 руб., расходы по призыву новобранцевъ—394 977 руб., призрѣніе сиротъ и убогихъ—143.156 руб., помощь пострадавшимъ отъ неурожаевъ—306.808 руб. и расходы на пожарную часть—960.454 р. Всего расходовъ на повинности обязательныя: волостныхъ—около 13.500.000 р. и сельскихъ—9.920.000 р., общая же сумма расходовъ на обязательныя повинности—около 23.420.000 рублей.

Изъ представленныхъ губернаторами по тѣмъ же 46 губерніямъ за 1900 годъ вѣдомостей о мірскихъ расходахъ на обязательныя и необязательныя повинности

сельскихъ и волостныхъ обществъ явствуетъ, что за 9 лѣтъ волостныя и сельскія мірскія повинности возросли съ 42.595.893 руб. до 51.145.694 руб., т. е. на $8^1/_2$ мил. руб., или почти на 1 милліонъ руб. въ годъ.

Въ видѣ примѣра, приведемъ здѣсь смѣты расходовъ волостныхъ и сельскихъ по Горбатовскому уѣзду Нижегородской губерніи, представляющихся средними для таковыхъ по центральнымъ губерніямъ Россіи.

Именно здѣсь *волостные* расходы въ 1901 году достигли слѣдующихъ размѣровъ:

1) Содержаніе личнаго состава волостной администраціи, суда и канцеляріи:

а) волостныхъ старшинъ и ихъ помощниковъ . . . . . 7.105 руб.

б) волостного суда . . . . . 4.681 „

в) писарямъ и помощникамъ ихъ. . . 10.814 „

г) канцелярскіе потребности, отопленіе и освѣщеніе волостныхъ правленій, наемъ сторожей, постройка и ремонтъ зданій. . . 10.729 „

2. Содержаніе волостной ямщины . . 3.140 „

3. Содержаніе волостныхъ пожарныхъ обозовъ . . . . . 898 „

4. Расходы по охраненію общественной безопасности:

а) отопленіе, освѣщеніе и ремонтъ арестантскихъ и содержаніе арестантовъ. . 465 руб.

б) квартиры урядниковъ и жандармовъ 1.020 „

5. Уплата общественныхъ долговъ . . 473 „

6. Расходы на новобранцевъ и квартиры для нихъ. . . . . 727 „

7. Разные и экстренные расходы. . . 4.943 „

Если вычесть послѣднюю группу неопредѣленнаго характера, то окажется, что лишь первая и третья группы расходовъ направлены на удовлетвореніе мѣстныхъ потребностей, остальныя же статьи расходовъ вызваны общегосударственными потребностями. Если къ тому же признать расходы на содержаніе личнаго состава волости, канцеляріи, ямщины и уплаты долговъ

лишь на $^1/_4$ мѣстными, то получится, что волостной бюджетъ распадается на слѣдующія двѣ неравныя категоріи расходовъ:

1) вызванныхъ мѣстными потребностями 14.915 р.

2) вызванныхъ государственными потребностями . . . . . 30.218 „

т. е. на общегосударственныя нужды уходитъ около $^2/_3$, а на долю мѣстныхъ остальныя $^1/_3$. Для всей Россіи это отношеніе еще болѣе неблагопріятно, равняясь $^1/_4$.

Сельскіе расходы въ Горбатовскомъ уѣздѣ дѣлятся на слѣдующія группы:

1) Жалованье сельскимъ старостамъ, сотскимъ, сборщикамъ, писарямъ . . . . . 23.607 р. 40 к.

2) Канцелярскіе и почтовые расходы. . . . . 1.780 „ 39 „

3) Содержаніе, страхованіе и ремонтъ общественныхъ зданій и жалованье сторожамъ . . . . . 7.170 „ 06 „

4) Сельская ямщина . . . . . 629 „ 70 „

5) Исправленіе мостовъ, дорогъ и перевозовъ . . . . . 8.103 „ 21 „

6) Содержаніе быковъ и пастуховъ 16.493 „ 82 „

7) Пожарная часть . . . . . 5.845 „ 81 „

8) Расходы по земледѣлію и садоводству . . . . . 1.421 „ 56 „

9) Благотворительные расходы:

а) пособіе церквамъ и причтамъ, жалованье сторожамъ, старостамъ и отопленіе церквей, принятіе чудотворныхъ иконъ и общественныя молебствія . . . . . 16.942 р. 10 к.

б) содержаніе школъ и училищъ, жалованье попечителю и сторожамъ 8.670 „ 32 „

в) отправка и леченіе больныхъ 2.443 „ 80 „

10) Содержаніе лѣсныхъ и ночныхъ сторожей . . . . . 9.465 „ 86 „

11) Наемъ въѣзжей квартиры . 266 „ 66 „

12) Наемъ квартиры для въѣзда общественниковъ въ городѣ . . . . . 133 „ 90 „

13) Расходъ на новобранцевъ, присяжныхъ, свидѣтелей и арестантовъ 2464 р. 20 к.

14) Постройка новыхъ зданій общественныхъ и школьныхъ . . . . 7.040 „ 80 „

15) Другіе расходы . . . . . 12.807 „ 73 „

Откинувъ послѣднюю группу смѣшаннаго характера, можно разбить всѣ расходы сельскихъ обществъ на три группы:

1) Расходы исключительно для государственныхъ потребностей, куда относятся: вторая группа, состоящая почти исключительно изъ расходовъ по податному счетоводству, а равно 11-я и 13-я группы;

2) Расходы смѣшаннаго характера; сюда относятся: первая группа, такъ какъ сельскій староста является низшимъ органомъ всѣхъ правительственныхъ вѣдомствъ, и 4-я группа;

3) Наконецъ, расходы мѣстнаго значенія, къ которымъ относятся всѣ остальныя группы, за исключеніемъ послѣдней. Относя первую нами установленную группу къ чисто государственнымъ расходамъ, третью къ мѣстнымъ, а вторую къ мѣстнымъ лишь на $^1/_4$, мы установимъ, въ количественномъ отношеніи, слѣдующія группы расходовъ:

1) чисто государственнаго характера 22.689 руб.

2) чисто мѣстнаго характера . . . 82.620 „

Такимъ образомъ статьи расхода на чисто государственныя нужды составляютъ $^1/_5$ часть бюджета сельскихъ обществъ, что является для послѣднихъ очень чувствительнымъ бременемъ По всей Россіи онѣ въ среднемъ составляютъ $^1/_2$ бюджета.

Крестьянская надѣльная земля и такъ обременена всякими платежами, поглощающими почти всю ея доходность. По разсчету московскаго комитета о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности, платежи, падающіе на крестьянскую землю поглощаютъ около $^5/_6$ дохода изъ общихъ для крестьянскаго населенія прямыхъ сборовъ, около 39—40 процентовъ идетъ на мѣстныя нужды, а 61—60 проц. на общегосударственныя. При

этомъ въ общемъ около 12% своего годового расхода крестьянинъ платитъ въ казну, въ видѣ косвенныхъ налоговъ.

Если бы по такому же разсчету повинности пришлось платить землевладѣльцамъ некрестьянамъ, результаты были бы поразительные; наприм., владѣльцу 600 десятинъ пришлось бы тогда вносить окладныхъ сборовъ не менѣе 1200 руб., т. е. другими словами, почти все, что получитъ съ земли, особенно при трехпольной системѣ хозяйства.... Но для крестьянскаго хозяйства уплата повинностей въ указанномъ размѣрѣ должна быть признана еще болѣе тяжелой, такъ какъ легче отдѣлить одинаково большой процентъ изъ большого дохода, чѣмъ изъ минимальнаго, и такъ едва обезпечивающаго удовлетвореніе самыхъ насущныхъ нуждъ.

Изъ сказаннаго очевидна настоятельная необходимость пересмотра существующихъ правилъ объ условіяхъ и размѣрѣ сбора какъ окладныхъ сборахъ съ крестьянъ вообще, а такъ и мірскихъ повинностей въ частности. Конечно, о полной отмѣнѣ послѣдняго налога не можетъ быть и рѣчи, отчасти вслѣдствіе общегосударственнаго значенія восполняемыхъ имъ нуждъ, отчасти въ виду прямыхъ выгодъ коллективнаго удовлетворенія хозяйственныхъ нуждъ даннаго общества. Единственной мѣрой, справедливой по существу дѣла, являлось бы распредѣленіе тяжести мірского обложенія между всѣми лицами, проживающими въ предѣлахъ данной волости или общества, или владѣющими тамъ недвижимымъ имуществомъ.

Теперь же мірскими сборами облагаются всѣ безъ исключенія лишь сельскіе обыватели, приписанные къ волостямъ, какъ владѣющіе надѣльной или внѣнадѣльной землею, такъ и безземельные. По смыслу дѣйствующаго законодательства, въ его сенатскихъ толкованіяхъ, уплатѣ этихъ сборовъ и отбыванію мірскихъ повинностей, кромѣ членовъ даннаго сельскаго общества, подлежатъ еще: 1) всѣ вышедшіе изъ общества крестьяне, которые, по приписке къ другому сословію, про-

должаютъ владѣть въ прежнемъ обществѣ пріобрѣтенными ими въ собственность землями своего надѣла, 2) мѣщане, проживающіе въ селеніяхъ на пріобрѣтенныхъ ими въ собственность надѣльныхъ земляхъ, 3) крестьяне, числящіеся въ другихъ волостяхъ, если они владѣютъ въ предѣлахъ данной волости пріобрѣтенными ими въ собственность бывшими надѣльными крестьянскими землями (рѣшен. 2 департам. сената 1895 года № 3686; 1892 г. №№ 2536, 6479 и др.).

Волостное правленіе давно уже перестало быть учрежденіемъ исключительно крестьянскимъ. Согласно положеніямъ 19 февраля 1861 года, волостной старшина долженъ быть и полицейскимъ агентомъ, и представителемъ общественныхъ крестьянскихъ интересовъ. Независимо отъ этого, и земство видитъ въ волостныхъ старшинахъ исполнителей своихъ постановленій, какъ посредниковъ между земскими учрежденіями и населеніемъ. Тоже самое приходится сказать и относительно другихъ должностныхъ лицъ волостного правленія. Волостное же правленіе, наблюдая за сборомъ повинностей и налоговъ, собирая статистическія свѣдѣнія, заботясь объ исправности дорогъ и мостовъ, принимая мѣры полицейскаго характера, распоряжаясь, наконецъ, исполненіемъ рѣшеній суда,—всюду дѣйствуетъ какъ органъ государственной власти, а не одного только крестьянства. Органомъ государственной власти, прямо или косвенно касающимся всего населенія, является и волостной судъ, такъ какъ помимо п. 3 ст. 15 времен. прав. вол. суд., допускающаго обращаться къ волостному суду и лицамъ другихъ сословій, обширность компетенціи этого суда уменьшаетъ число дѣлъ другихъ судебныхъ установленій. И теперь уже во многихъ мѣстностяхъ Россіи наибольшее количество дѣлъ, обременяющихъ производство волостныхъ судовъ, падаетъ на долю лицъ, вовсе не принадлежащихъ къ крестьянамъ.

Сельскіе старосты, сотскіе, десятскіе, вѣдая дѣла полицейскія, принимая мѣры къ охраненію порядка благочинія, безопастности, служатъ лицамъ не одного

крестьянскаго сословія и охраняютъ не одни крестьянскіе интересы; наконецъ, и въ волостномъ и сельскомъ правленіяхъ заинтересованы не одни только подвѣдомственныя имъ лица.

Изъ всего сказаннаго вытекаетъ, что не малая часть мірскихъ расходовъ идетъ на удовлетвореніе такихъ потребностей, которыя во всякомъ случаѣ не могутъ быть признаны спеціально или исключительно крестьянскими, особенно въ области суда или управленія. Въ виду этого было бы теперь вполнѣ цѣлесообразнымъ и отвѣчающимъ запросамъ времени немедленно же, и не дожидаясь введенія всесословной волости, привлечь къ участію въ расходахъ на содержаніе волостного суда, волостныхъ и сельскихъ должностныхъ лицъ, а равно на поддержаніе благоустройства и безопасности въ селеніяхъ, всѣхъ постоянно проживающихъ въ предѣлахъ волости землевладѣльцевъ, торговцевъ и промышленниковъ. Эти лица пользуются услугами крестьянскихъ учрежденій, притомъ часто даже въ большей степени, чѣмъ сами крестьяне, такъ какъ за отсутствіемъ у нихъ общественнаго устройства и управленія лица эти вынуждены со всѣми своими нуждами обращаться къ волостному старшинѣ или къ волостному суду.

Основаніемъ для раскладки мірскаго сбора среди членовъ одного общества не всегда служитъ, какъ можно было ожидать, уравнительное распредѣленіе этого сбора. Взамѣнъ этого нерѣдко берутъ здѣсь верхъ личные интересы большинства домохозяевъ, участвующихъ на сходѣ; въ виду чего и основанія раскладки сбора бываютъ различны. Сборами этими облагаются крестьяне то по числу надѣловъ и участковъ, то подесятинно; иногда, за единицу обложенія берется дворъ, иногда земля, иногда количество рабочаго скота и проч. Между тѣмъ нерѣдко такое распредѣленіе несправедливо и не соотвѣтствуетъ платежнымъ средствамъ отдѣльныхъ членовъ общества, и въ то же время является для другихъ лицъ слишкомъ льготнымъ. Такъ, напримѣръ, при подушномъ обложеніи душевые участ-

ки и надѣлы въ разныхъ селеніяхъ одного и того же общества далеко не представляются равномѣрными, какъ при общинномъ, такъ и при подворномъ землевладѣніи. Если при такомъ положеніи мірской сборъ распредѣляется по числу наличныхъ душъ рабочаго возраста въ каждой семьѣ, тогда, при одинаковомъ составѣ семей, на долю каждой придется уплачивать и одинаковое количество повинностей, хотя бы одна семья была безземельной или сидѣла на нищенскомъ надѣлѣ, а другая пользовалась землею въ размѣрѣ нѣсколькихъ десятковъ десятинъ.

При реформѣ окладныхъ сборовъ такой порядокъ обложенія не долженъ быть болѣе терпимъ, и во всякомъ случаѣ было бы самымъ справедливымъ и желательнымъ принять при обложеніи мірскими сборами, какъ и окладными вообще, начала подоходнаго налога, и взять за основаніе обложенія цѣнность главныхъ предметовъ, которыми опредѣляется благосостояніе крестьянъ-землевладѣльцевъ, и рабочей силы, которою обладаетъ семья сельскаго обывателя, равно какъ самый доходъ семьи. При такомъ основномъ положеніи, если и не будетъ достигнуто при раскладкѣ безусловной непогрѣшимости, пожалуй, и немыслимой на практикѣ, то все-таки явится возможность соблюсти такую относительную равномѣрность обложенія, при которой нарушеніе принципа справедливости составитъ рѣдкое и несущественное при этомъ явленіе.

Такимъ образомъ, слѣдовало бы принимать за основаніе обложенія: 1) количество десятинъ и доходность полевой земли и другихъ угодій, состоящихъ во владѣніи отдѣльной крестьянской семьи, какъ записанныхъ за ней по уставной грамотѣ или отведенныхъ ей по приговору общины въ пользованіе, такъ, и „прикупокъ“, т. е. земель внѣ-надѣльныхъ, пріобрѣтенныхъ въ предѣлахъ той волости, въ которой проживаетъ домохозяинъ, а равно и тѣхъ, которыя находятся въ предѣлахъ данной волости, хотя бы собственникъ ихъ въ составѣ домохозяевъ послѣдней и не числился; 2)

размѣръ и цѣнность хозяйственнаго инвентаря въ данной семьѣ, а равно усадебныхъ и иныхъ хозяйственныхъ строеній; 3) кромѣ того, слѣдуетъ установить обложеніе мірскими сборами промышленныхъ заведеній, принадлежащихъ крестьянамъ и лицамъ, проживающимъ въ данномъ сельскомъ обществѣ или волости. И здѣсь размѣръ обложенія долженъ быть установленъ соотвѣтственно доходности этихъ заведеній.

Такая система раскладки мірскаго сбора значительно облегчила бы лежащее нынѣ почти исключительно на надѣльныхъ крестьянскихъ земляхъ бремя мірскихъ повинностей и въ то же время не нуждалась бы въ коренной реформѣ своей и въ случаѣ введенія у насъ мелкой земской единицы и безсословныхъ сельскихъ обществъ.

Нынѣ имѣется цѣлый рядъ расходовъ, которые, по всей справедливости слѣдовало бы снять съ обществъ и оплачивать изъ общеимперскихъ суммъ. Сюда слѣдуетъ прежде всего отнести расходъ на волостныя правленія и волостные суды. Теперь волостныя правленія изъ административной организаціи для крестьянской общественной жизни обратились фактически въ собирательную и передаточную инстанцію по всѣмъ дѣламъ общаго государственнаго управленія, т. е. въ низшій исполнительный органъ, гораздо болѣе нужный правительству, чѣмъ крестьянамъ. Равно вѣдомству волостныхъ судовъ подлежатъ не одни крестьяне, но и лица другихъ сословій, не участвующія въ платежѣ сборовъ на мірскія надобности. По всей справедливости содержаніе этихъ учрежденій слѣдовало бы принять на счетъ государственнаго казначейства. То же самое всецѣло относится къ расходамъ по охраненію общественной безопасности, на содержаніе полицейскихъ урядниковъ, жандармовъ и сотскихъ, которые несутъ свою службу одинаково для всѣхъ сословій, а не для однихъ крестьянъ.

По указанному закономъ порядку (ст. 172 общ. пол. о кр). сельскій староста или сборщикъ податей, по пріемѣ

отъ крестьянъ платежей, за вычетомъ изъ нихъ части, слѣдующей въ мірскіе сборы, вноситъ затѣмъ всю сумму въ казначейство. Другими словами, закономъ устанавливается такой порядокъ, что изъ поступившихъ съ крестьянъ платежей прежде всего должно отчислить сумму, соотвѣтствующую мірскимъ сборамъ, и лишь затѣмъ остатокъ зачисляется въ счетъ казенныхъ и земскихъ сборовъ. Между тѣмъ въ дѣйствительности, въ виду настояній податной инспекціи и земскихъ начальниковъ, болѣе всего заинтересованныхъ въ безнедоимочномъ поступленіи казенныхъ сборовъ, прежде и ранѣе всего удовлетворяются изъ взысканной съ крестьянъ суммы казенные сборы, затѣмъ земскіе, и лишь остающаяся часть поступающихъ съ крестьянъ платежей обращается на покрытіе мірскихъ расходовъ.

Такимъ образомъ, на долю мірскихъ сборовъ приходятся часто незначительныя суммы. Благодаря этому, смѣта мірскихъ расходовъ выполняется несвоевременно, и волостные старшины для удовлетворенія текущихъ расходовъ часто бываютъ вынуждены дѣлать временныя позаимствованія изъ другихъ суммъ, находящихся случайно въ ихъ распоряженіи. Очень часто неотлагательные расходы производятся даже на собственныя средства должностныхъ лицъ волостного и сельскаго управленія и получаются ими обратно, спустя долгій срокъ, при поступленіи изъ недоимокъ соотвѣтствующихъ сборовъ.

Для устраненія этого ненормальнаго явленія и соблюденія вмѣстѣ съ тѣмъ интересовъ казны, земства и крестьянскаго самоуправленія должно или настоять на точномъ соблюденіи правила ст. 172 обш. пол. о кр., или, по крайней мѣрѣ, измѣнить его въ томъ смыслѣ, чтобы волостныя правленія, при полученіи отъ старостъ денежныхъ суммъ въ уплату различныхъ сборовъ, отчисляли, соотвѣтственно окладу каждой категоріи сборовъ, положенному на данное сельское общество, одну часть на погашеніе казенныхъ, другую—земскихъ и третью—мірскихъ сборовъ, при чемъ и недоимка самая,

если окажется, должна равнымъ образомъ дробиться соотвѣтственно означеннымъ окладамъ.

При такомъ порядкѣ удовлетворенія претензій казны, земства и самого крестьянскаго общества, по крайней мѣрѣ не окажется дѣленія взыскателей на фаворитовъ и пренебрегаемыхъ.

Наконецъ, для упорядоченія поступленія мірскихъ сборовъ слѣдовало бы установить ежегодный учетъ сборщиковъ, волостныхъ старшинъ и сельскихъ старостъ.

Сборы эти взыскиваются обыкновенно и сельскимъ старостой и особыми сборщиками податей, число которыхъ не ограничено закономъ.

Такъ какъ сельскіе старосты, въ большинствѣ случаевъ, а сборщики податей почти поголовно-неграмотны, то получаемыя ими деньги, при неграмотности и самихъ плательщиковъ, очень часто не вносятся въ особыя платежныя книжки. Это обстоятельство, при многочисленности сборщиковъ податей (10—15 человѣкъ на одно общество) и при уплатѣ населеніемъ сборовъ по частямъ въ теченіе всего года и накопленіи недоимокъ,—дѣлаетъ невозможнымъ правильный разсчетъ податей и повинностей вообще, затрудняетъ контроль надлежащей власти за исправнымъ поступленіемъ сборовъ и очень часто вызываетъ злоупотребленія со стороны какъ сборщиковъ, такъ и плательщиковъ.

Дѣйствующими постановленіями, правда, требуется производить учетъ должностныхъ лицъ по окончаніи срока ихъ службы; но на дѣлѣ это далеко не всегда исполняется. Учету сборщиковъ, выбираемыхъ на одинъ годъ, препятствуетъ установившійся во многихъ мѣстностяхъ вредный обычай допускать сборщиковъ и послѣ срока ихъ службы добирать недоимки ихъ года въ послѣдующее время. Это приводитъ къ тому, что сборщики не сдаютъ отчета по цѣлымъ годамъ, а затѣмъ объявляютъ, что ими утеряны квитанціи, или что уволенный писарь перепуталъ записки и счета,—однимъ словомъ, дѣлаютъ невозможнымъ произвести имъ правильный учетъ. Въ виду этого, прежде всего необходимо отмѣ-

нить порядокъ, по которому сборщикъ даннаго года добираетъ въ послѣдующіе года недоимки сбора своего года. Кромѣ того должно установить, чтобы сборщики передавали сборы въ кассу волостного правленія подъ квитанціи волостного старшины, а старосты получали бы подъ свои расписки въ особой книгѣ ежемѣсячные авансы на мірскіе расходы изъ волостной кассы.

Деньги вообще „нѣжная вещь“, и чѣмъ болѣе осторожности и отчетности будетъ установлено при сборѣ и расходованіи мірскихъ капиталовъ, тѣмъ лучше: скорѣе можно будетъ тогда разсчитывать на упорядоченіе крестьянскаго хозяйства, въ которомъ въ настоящее время, приходится сознаться, «мірская деньга» представляется слишкомъ часто статьей дохода для многочисленныхъ деревенскихъ «администраторовъ».

Необезпеченность урожая.

Для того, чтобы и при трехпольѣ все же была возможность получить съ земли хотя что—либо, нужно, кромѣ земли, имѣть живой и мертвый инвентарь и сверхъ того сѣмена для посѣва. Между тѣмъ, въ цѣломъ рядѣ случаевъ, давно переставшихъ быть исключеніями, у крестьянъ въ самое нужное время не оказывается на лицо ни лошади, ни сѣмянъ. Причина старая—былъ неурожай: лошадь продали, сѣмена съѣли...

Чтобы не слишкомъ обременять читателя цифровыми данными въ подтвержденіе этихъ, увы, безспорныхъ истинъ, мы здѣсь просто сошлемся на заявленія нѣсколькихъ мѣстныхъ комитетовъ о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности по вопросу о числѣ крестьянскихъ безлошадныхъ, малолошадныхъ и безскотныхъ дворовъ.

Въ Шенкурскомъ уѣздѣ, Архангельской губерніи, число безлошадныхъ дворовъ, достигаетъ 24%. Въ Вятской губерніи безлошадныхъ было въ 1899 г. 16,5%.

Въ Кунгурскомъ уѣздѣ, Пермской губерніи=17%, безлошадныхъ хозяевъ; 9% всѣхъ дворовъ совершенно порвали связь съ землею.

Въ Нижегородской губерніи по переписи 1887—90 г.г. безлошадные дворы составляли 41,8%, вмѣстѣ съ тѣмъ, число ихъ съ каждымъ годомъ повышается, особенно въ южной земледѣльческой части губерніи. Такъ, въ Нижегородскомъ уѣздѣ въ періодъ съ 1889—99 г.г. число безлошадныхъ возросло съ 35 до 40%. Въ Ардатовскомъ уѣздѣ за пятилѣтіе 1888—1894 г.г. всѣ группы хозяевъ съ 1, 2, 3 и т. д. лошадьми дали убыли отъ 9 до 18% въ каждой группѣ и только хозяйства съ болѣе чѣмъ 9 лошадьми дали приростъ въ 7,5%.

Въ Спасскомъ уѣздѣ, Казанской губерніи, число безлошадныхъ дворовъ въ 1902 г. достигло 16%.

Въ Клинскомъ уѣздѣ Московской губерніи въ 1901—902 г.г. процентъ безлошадныхъ достигъ до 33%.

Въ Кашинскомъ уѣздѣ, Тверской губерніи, безлошадныя хозяйства составляютъ 25%; безкоровныя хозяйства 18%.

Въ Борисоглѣбскомъ уѣздѣ, Тамбовской губерніи, число безлошадныхъ достигало, къ 1898 г., до 22%. Для Тамбовскаго уѣзда въ обслѣдованныхъ 64 обществахъ, безлошадные дворы составляютъ 30%. Въ Темниковскомъ уѣздѣ, исключая 10%, не получившихъ надѣла (бывшіе горно-заводскіе крестьяне),—безлошадныхъ 25% общаго числа дворовъ.

Въ Тульской губерніи число безлошадныхъ составляло, въ 1893 г., 26%.

Въ Лохвицкомъ уѣздѣ, Полтавской губерніи, около 30% домохозяевъ вовсе лишено скота, а 20% имѣютъ лишь по одной головѣ Такимъ образомъ, не обезпечена скотомъ почти половина всего наличнаго числа домохозяевъ.

Въ Маріупольскомъ уѣздѣ, Екатеринославской губерніи, дворовъ, не имѣющихъ рабочаго скота—15,5%.

Землю свою безлошадные, раздобывъ сѣмянъ, сначала обработываютъ наймомъ; но урожаи, вслѣдствіе плохой наемной обработки, все падаютъ и падаютъ, доходя до того состоянія, что перестаютъ давать сѣмена, и наконецъ, земли совсѣмъ бросаются, особенно которыя находятся вдали отъ селенія. Въ концѣ-концовъ, безлошадникъ становится совершеннымъ нищимъ, настолько бѣднымъ, что не имѣетъ возможности работать въ холодную зимнюю пору, за отсутствіемъ теплой одежды.

Главнѣйшей мѣрой борьбы противъ такой бѣды является возможно скорое открытіе кредита изъ государственнаго банка безлошаднымъ и безскотнымъ крестьянамъ для пріобрѣтенія ими живого и мертваго инвентаря, безъ котораго невозможно вести хозяйство.

Создать такой крестьянскій кредитъ изъ государственнаго банка было бы желательно путемъ привлеченія къ этому дѣлу уѣздныхъ земствъ; причемъ, самая операція могла бы принять такой видъ: необходимыя средства даются государственнымъ банкомъ отдѣльнымъ земствамъ, въ общемъ размѣрѣ, приблизительно опредѣляемомъ на каждый годъ; и земства уже черезъ свое посредство ссужаютъ нуждающихся, чаще всего не деньгами, а *натурой*, т. е. тѣмъ именно, что кому надо, разсрочивая уплату (по справедливой разцѣнкѣ) съ должниковъ на сроки взиманія земскихъ сборовъ.

Взятыя въ ссуду и израсходованныя непроизводительно деньги могутъ повлечь за собою разореніе хозяйства, тогда какъ во-время данныя сѣмена или снабженіе безлошаднаго крестьянина лошадью, вообще,—употребленіе полученныхъ въ ссуду денегъ производительно, несомнѣнно послужитъ къ поддержанію благосостоянія крестьянина. Снабженіе кредитомъ натурою представляется особенно удобнымъ, между прочимъ, въ годы неурожаевъ, когда у населенія для поддержанія скота является надобность въ объемистыхъ кормахъ (соломѣ, сѣнѣ и проч.), пріобрѣтать которые, въ періодъ голодовки почти что совершенно невозможно крестьянамъ.

Между тѣмъ, если заемщикъ получитъ ссуду натурой къ веснѣ, онъ будетъ избавленъ отъ хлопотъ и убыточныхъ расходовъ.

Наконецъ, и крестьянскому банку, при выдачѣ имъ ссудъ малоземельнымъ и безземельнымъ крестьянамъ на пріобрѣтеніе „прикупокъ“, необходимо должно возможно тщательнѣе освѣдомляться о томъ, въ силахъ ли эти новые должники банка своимъ наличнымъ инвентаремъ съ успѣхомъ вести хозяйство на прикупкахъ. Если при этомъ обнаружится, что крестьяне „маломощны“, что у нихъ „животы“ слабы и сѣмянъ нѣтъ или плохи, въ такихъ случаяхъ банкъ долженъ былъ бы выдавать ссуду не только на покупку земли, но и на пріобрѣтеніе сельскохозяйственныхъ необходимыхъ (по характеру мѣстности и способамъ веденія въ немъ хозяйства) машинъ и орудій, скота, сѣмянъ и т. п. предметовъ, способныхъ содѣйствовать улучшенію хозяйства заемщика и облегчающихъ ему тѣмъ самымъ возможность исправно совершать свои періодическіе взносы въ банкъ за „прикупку“.

Повышеніе доходности земли.

Разъ у крестьянина имѣются: сравнительно достаточное количество земли, приличный инвентарь и сѣмена, тогда слѣдуетъ позаботиться уже о другомъ, а именно— о *повышеніи доходности земли;* возникаетъ вопросъ о, такъ называемой, *интенсификаціи полевого хозяйства.*

Первымъ необходимымъ шагомъ въ этомъ отношеніи, даже при наличности трехпольнаго хозяйства, должна явиться настойчивая *борьба съ черезполосностью и длинноземельемъ.*

Слѣдуетъ различать два вида черезполосности у крестьянъ, именно, внѣшнюю—съ лицами инаго званія, и внутреннюю—у крестьянъ въ одномъ и томъ же обществѣ.

Изъ видовъ внѣшней черезполосности наибольшей распространенностью отличается черезполосность кресть-

янскихъ надѣловъ съ помѣщичьими землями. Возникнувъ, обыкновенно, еще во времена крѣпостного права, черезполосность помѣщичьихъ земель съ крестьянскими не только не была устранена, при освобожденіи, но, въ большинствѣ случаевъ, полностью закрѣплена утвержденіемъ за крестьянами всего ихъ фактическаго пользованія внутри владѣльческихъ земель.

Въ сѣверныхъ, главнымъ образомъ, губерніяхъ (Пермской, Архангельской, Новгородской, Казанской) значительно распространена черезполосность надѣльныхъ земель съ казенными. Причиной тому было, что при землеустройствѣ государственныхъ крестьянъ, надѣлы за ними укрѣплялись по фактическому владѣнію каждаго селенія. А владѣли они до эмансипаціи сплошь и рядомъ какъ-бы островками земли въ казенныхъ дачахъ, по преимуществу лѣсныхъ. Не мало, наконецъ, всюду черезполосности съ владѣніями церквей, удѣла, монастырей и т. д.

Что касается внутринадѣльной, собственно крестьянской черезполосицы, то можно сказать, что она до послѣдняго времени была неразлучнымъ спутникомъ не только общиннаго, но равно и подворнаго землевладѣнія. Въ послѣднемъ черезполосица усиливается вслѣдствіе частыхъ продажъ и покупокъ, перехода надѣловъ путемъ наслѣдованія и т. п. Особымъ развитіемъ черезполосности отличается подворное владѣніе въ западныхъ губерніяхъ, гдѣ участки домохозяевъ нарѣзаны по такъ называемой „шнуровой“ системѣ, требующей, чтобы каждый домохозяинъ въ селеніи имѣлъ столько полосъ земли, сколько усматривается въ крестьянскомъ надѣлѣ видоизмѣненій въ качествѣ почвы пахотныхъ полей и покосовъ. Подворный участокъ состоитъ поэтому здѣсь часто изъ многихъ десятковъ узкихъ полосъ, разбросанныхъ по всѣмъ направленіямъ надѣла, черезполосно съ такими же полосками другихъ домохозяевъ.

Число участковъ, въ которыхъ находится надѣльная земля, при черезполосицѣ достигаетъ прямо не-

вѣроятныхъ размѣровъ. Постоянно во всѣхъ губерніяхъ имѣется рядъ случаевъ, не представляющихъ ничего „особеннаго“ для данной мѣстности, когда полевой надѣлъ семьи оказывается разбитымъ на 20—40 полосъ, разбросанныхъ въ разныхъ мѣстахъ. При маломъ размѣрѣ самого надѣла и ширина полосъ—ничтожна; нерѣдко бываютъ онѣ въ $^1/_2$ и даже $^1/_3$ сажени въ полѣ, когда, слѣдовательно, нѣтъ возможности пройти даже сохой такую ленту земли, не то что ее хорошо обработать.

Если считать ширину межи только въ 6 вершковъ, то при ширинѣ полосъ въ 3 сажени должно пропадать на межахъ $^1/_{24}$ всей земли, при ширинѣ полосъ въ 2 сажени—$^1/_{16}$ и при ширинѣ въ 1 саж.—$^1/_8$, т. е. при средней величинѣ надѣла на общество въ 1,000 десятинъ пропадетъ такимъ образомъ отъ 40 до 125 десятинъ.

Въ видѣ примѣра укажемъ здѣсь слѣдующее: Согласно свѣдѣніямъ Суджанскаго (Курской губ.) уѣзднаго комитета, надѣлъ селенія Скороднаго, въ $3{,}906^8/_{10}$ десятинъ всѣхъ угодій земли, раздробленъ самое меньшее на 8,400 полосокъ во всѣхъ трехъ поляхъ, въ каждомъ, при среднемъ опредѣленіи длины въ 250 саж., получается въ однѣхъ межахъ 2.100,000 погонныхъ, въ 6 вершковъ ширины, саженъ, т. е. въ общемъ 109 десятинъ 900 квад. саженъ непроизводительной, но все таки ежегодно облагаемой окладными денежными сборами въ 246 руб. 12 коп. земли (по 2 руб. 25 коп. за десятину). Вмѣсто праздно находящейся подъ межами, крестьяне вынуждены арендовать 53 десятины за 1,220 р. Наконецъ, потеря времени при обработкѣ черезполосныхъ десятинъ на переѣздъ, запряжку, накладываніе и снятіе съ телѣгъ, на переходъ, при снятіи хлѣбовъ съ одной полосы на другую и проч. приноситъ убытку при обработкѣ поля—1,600 руб., и при уборкѣ урожая—1,080 руб. Въ Суджанскомъ уѣздѣ находится 42 селенія съ узкими и длинными полосами надѣловъ. Если положить на каждое минимумъ 1,500 р. убытка,

то и тогда исчисляется въ годъ на уѣздъ 63,000 р. потери отъ черезполосности.

Въ Ярославской губерніи, по подсчету мѣстнаго статистическаго бюро, на межахъ въ трехъ поляхъ пропадаетъ удобной земли около 7,000 десятинъ, или 250,000 пуд. хлѣба возможнаго съ нихъ урожая. Для всей площади крестьянскаго землевладѣнія въ Россіи, по исчисленію проф. Скворцова, потеря удобной земли на межахъ равняется 1.300 000 десятинъ, или 60.000,000 пудовъ зерна возможнаго съ нихъ урожая.

Вполнѣ справедливо слѣдуетъ считать по этому черезполосность однимъ изъ самыхъ больныхъ мѣстъ сельскаго хозяйства, дѣлающей кромѣ того немыслимыми никакія мѣропріятія по улучшенію хозяйства.

Причина та, что черезполосный владѣлецъ находится въ полной зависимости отъ своихъ сосѣдей по отношеніи сѣвооборота и сроковъ полевыхъ работъ. Поэтому посѣвы при черезполосицѣ приходится поневолѣ производить крайне однообразные, съ неизбѣжнымъ трехпольнымъ сѣвооборотомъ, да и то иногда бываетъ затруднительно разбить поля даже на три клина, не лишаясь при этомъ возможности проѣхать или прогнать скотину на дальній клинъ безъ порчи ближнихъ.

Вообще, при черезполосицѣ стремленіе каждаго отдѣльнаго хозяина улучшить свое полевое хозяйство неизбѣжно задерживается гнетомъ массы большинства землевладѣльцевъ. Всѣ должны держаться одной и той же системы хозяйства, рискуя въ противномъ случаѣ потерять результаты своего труда и сдѣланныхъ затратъ.

Наилучшимъ средствомъ борьбы съ черезполосицей былъ бы обмѣнъ черезполосныхъ участковъ между сосѣдними владѣльцами, въ цѣляхъ постепеннаго объединенія *своей* земли къ одному мѣсту, хотя бы и въ трехъ поляхъ. Къ сожалѣнію, этому въ настоящее время, въ значительной степени мѣшаетъ нашъ законъ.

Согласно ст. 1374, т. X, ч. I св. зак. „мѣняться недвижимыми имуществами запрещается, исключая пяти слѣдующихъ случаевъ: 1) для доставленія удоб-

наго выгона, посадамъ и городамъ дозволяется мѣнять казенныя земли на земли частныя; 2) для пріобрѣтенія выгона въ случаѣ обращенія селеній въ города, по распоряженію правительства; 3) для миролюбиваго развода общихъ и черезполосныхъ дачъ по правиламъ, изложеннымъ въ межевыхъ законахъ (ст. 616 и слѣд.); 4) для поземельнаго устройства крестьянъ, и 5) для образованія земельныхъ участковъ для сельскихъ начальныхъ училищъ вѣдомствъ народнаго просвѣщенія и православнаго исповѣданія, посредствомъ промѣна казенныхъ земель на земли частныхъ лицъ или учрежденій, а равно крестьянскія надѣльныя".

Цѣль этихъ ограниченій мѣны—чисто-фискальная—именно, чтобы сохранить за казной право на крѣпостныя актовыя пошлины и гербовый сборъ, который идетъ въ казну при замѣнѣ мѣновой сдѣлки двойнымъ договоромъ купли—продажи недвижимости.

На основаніи крестьянскихъ Положеній, обмѣнъ надѣльной земли на участки *другихъ* владѣльцевъ допускается на основаніи добровольныхъ сдѣлокъ, свидѣтельствуемыхъ земскими начальниками или соотвѣтствующими имъ лицами, въ присутствіи понятыхъ, и утверждаемыхъ губернскимъ присутствіемъ по представленію земскаго начальника, или соотвѣтствующаго ему должностнаго лица, съ выдачей каждой изъ участвующихъ въ обмѣнѣ сторонъ данной на обмѣниваемую землю (ср. полож. о крестьян., по прод. 1902 г. II, ст.: 6, 45, 46, 48, 50 и 51; III: 144, 197—203, 242).

На практикѣ однако, не смотря на стѣсненія со стороны закона, мѣна земельными участками совершается среди крестьянъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, именно, какъ средство борьбы съ черезполосностью, въ цѣляхъ возможнаго объединенія своего надѣла въ каждомъ полѣ къ одному мѣсту. Къ сожалѣнію, сдѣлки такія производятся безъ всякихъ правилъ, даже по простымъ словеснымъ соглашеніямъ между неграмотными, что вноситъ еще большую путаницу въ крестьянскія земельныя отношенія и ведетъ къ безконечнымъ спо-

рамъ и тяжбамъ на волостныхъ судахъ и уѣздныхъ съѣздахъ.

Уступая настоятельной потребности крестьянскаго быта, слѣдовало бы въ этомъ отношеніи законодательнымъ порядкомъ отмѣнить стѣснительныя правила ст. 1374, т. X, ч. I, св. закона на случай, когда мѣна совершается между односельцами *именно въ цѣляхъ устраненія черезполосности*, и въ особенности, установленныя при этомъ нотаріальнымъ положеніемъ двойныя пошлины, какъ при взаимной куплѣ—продажѣ обмѣниваемыхъ участковъ съ заключеніемъ двухъ купчихъ крѣпостей, оплачиваемыхъ крѣпостными и актовыми пошлинами и гербовымъ сборомъ и требующихъ кромѣ того отъ сторонъ извѣстныхъ нотаріальныхъ издержекъ. Подобный порядокъ, отличающійся сложностью и дороговизной, крайне затрудняетъ обмѣнъ черезполосныхъ участковъ, въ особенности при незначительныхъ размѣрахъ послѣднихъ. Во всякомъ случаѣ, вопросъ объ уничтоженіи черезполосицы находится въ тѣсной связи съ неизбѣжной общей межевой реформой нашего землевладѣнія и разверстаніемъ угодій, для осуществленія, чего, вѣроятнѣе всего, Государственная Дума рѣшитъ создать генеральную коммиссію межеванія, которая имѣла бы свои отдѣленія во всѣхъ губерніяхъ и уѣздахъ Россіи, съ непремѣннымъ участіемъ въ этихъ мѣстныхъ комиссіяхъ выборныхъ отъ крестьянъ, для опредѣленія на мѣстахъ степени нужды крестьянъ и упорядоченія ихъ землепользованія.

При общинномъ землепользованіи, вредное значеніе черезполосицы можетъ быть до *извѣстной степени* ослаблено путемъ опредѣленія надѣловъ къ одному мѣсту и установленія извѣстнаго предѣла дробленію полосъ. Такая мѣра выработана уже практикой жизни въ нѣсколькихъ мѣстностяхъ, между прочимъ, въ Тверской и Ярославской губерніяхъ. Въ послѣдней, въ Мышкинскомъ и Мологскомъ уѣздахъ, крестьяне-общинники сами разверстываютъ землю полосами въ 100-двухсаженныхъ квадратныхъ кона (400 квад. саженъ),

не допуская дальнѣйшаго дробленія и, напротивъ, всячески содѣйствуя взаимно объединенію къ одному мѣсту полосъ одного хозяина въ каждомъ полѣ

Другимъ существеннымъ тормазомъ экономическаго благосостоянія нашего крестьянства является такъ называемое *длинноземелье*, выражающееся въ отдаленности надѣльныхъ угодій отъ селеній.

Причины этого явленія лежатъ въ прошломъ, именно, въ неумѣломъ (умышленно или неумышленно) надѣленіи крестьянъ, при освобожденіи ихъ отъ крѣпостной зависимости, надѣльной землею клочками, разбросанными нерѣдко на значительныхъ разстояніяхъ, или въ видѣ длинныхъ полосъ земли, примыкающихъ къ селенію однимъ лишь узкимъ краемъ.

Большія разстоянія между полевыми угодьями и усадебною осѣдлостью создаютъ, въ связи съ плохою планировкою земли, непреодолимыя препятствія развитію интенсивнаго хозяйства. Именно вслѣдствіе длинноземелья сплошь и рядомъ крестьяне терпятъ громадныя потери на непроизводительной тратѣ времени и труда при скудныхъ урожаяхъ. Такъ, напримѣръ, въ большихъ казенныхъ селахъ Изюмскаго уѣзда, Харьковской губерніи, крестьяне для обработки своихъ полей и снятія урожая сплошь и рядомъ должны выѣзжать за 20—30 верстъ и, за неимѣніемъ на мѣстѣ ни воды, ни жилищъ, ежедневно возвращаться домой, теряя на это массу времени. Примѣръ этотъ далеко не единичный.

При такомъ положеніи дѣла, конечно, нечего и думать объ унавоженіи полей, разъ вывозка удобренія перестаетъ окупаться соотвѣтственнымъ увеличеніемъ урожая. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ затрудненій нерѣдко крестьяне, даже малоземельные, вовсе оставляютъ свои дальніе участки безъ обработки или же сдаютъ ихъ за безцѣнокъ въ аренду, чтобы получить съ нихъ хотя что нибудь, не затрачивая съ ничтожнымъ результатомъ массы чисто каторжнаго труда.

Вопросъ о крайнемъ вредѣ длинноземелья для нашего крестьянства уже давно обратилъ на себя вниманіе знатоковъ сельскаго быта. Они единодушно настаиваютъ на самой упорной борьбѣ противъ этого зла, указывая, между прочимъ, на желательность проведенія въ этомъ отношеніи *внутринадѣльнаго разселенія крестьянъ*.

Какъ указала сама жизнь, такое разселеніе можетъ совершаться или посредствомъ созданія хуторнаго хозяйства, или соединеніемъ въ одну сплошную межу всѣхъ разбросанныхъ участковъ каждой семьи (комассація), или при помощи раздробленія крупныхъ селеній на мелкіе поселки, съ выдѣломъ послѣднимъ самостоятельныхъ надѣловъ (дробленіе общинъ). При этомъ наблюдается интересная особенность, а именно: борьба противъ длинноземелья системой хуторнаго хозяйства съ успѣхомъ практикуется на югѣ и западѣ Россіи, въ губерніяхъ съ подворнымъ землевладѣніемъ, Здѣсь отзывы лицъ, близко знакомыхъ съ хуторнымъ хозяйствомъ, въ большинствѣ случаевъ самые о немъ благопріятные. Приближая хозяина къ землѣ и обезпечивая за нимъ прочное владѣніе обособленнымъ въ одинъ отрубной участокъ надѣломъ, хуторское устройство даетъ возможность использовать значительную часть земли, теперь незанятую, ввести лучшіе пріемы обработки земли, сберечь массу времени и труда, затрачиваемыхъ безъ пользы крестьянами при черезполосицѣ и длинноземельѣ, усилить удобреніе полей, а слѣдовательно—и урожайность земли, вообще, ввести болѣе интенсивную культуру, поднять, благодаря стойловому содержанію и хорошимъ обильнымъ кормамъ, животноводство и развить молочное хозяйство. Только при хуторскомъ хозяйствѣ возможно успѣшное развитіе спеціальныхъ культуръ—садоводства, огородничества, особенно воздѣлываніе табака, свекловицы и т. п.

Такое разселеніе крестьянъ оказываетъ сильное воздѣйствіе не только на матеріальный бытъ, но и на моральную сторону ихъ жизни. Опредѣленныя границы, полнѣйшая свобода эксплоатированія своею собствен-

ностью, предоставляетъ широкое поле для частной инициативы каждой болѣе способной единицы, и тѣмъ даетъ контингентъ отдѣльныхъ представителей крестьянства, самодѣятельныхъ и доступныхъ правильной культурѣ.

Но увы, „и на солнцѣ есть пятна“... такъ и въ хуторскомъ хозяйствѣ, какъ средствѣ борьбы противъ длинноземелья, не все и не всегда обстоитъ благополучно. Прежде всего, хуторская система не можетъ быть примѣняема въ мѣстностяхъ, гдѣ крестьянскіе надѣлы слишкомъ измельчали и гдѣ поэтому устройство хуторовъ потребуетъ слишкомъ крупныхъ затратъ на рытье колодцевъ, переносъ усадебъ и т. п., безъ надежды вернуть ихъ путемъ соотвѣтственнаго повышенія доходности земли. Затѣмъ опытъ западно-европейскаго хозяйства показалъ, что вслѣдствіе разбросанности усадебъ представляются большія затрудненія для общественнаго управленія, организаціи полиціи безопасности и благоустройства. Мало того, большинство хозяевъ—хуторянъ, вслѣдствіе своей изолированности и вытекающей отсюда рѣдкости обмѣна мыслей, какъ показываетъопытъ, гораздо сильнѣе привязываются къ старинnымъ хозяйственнымъ привычкамъ и образу жизни, нежели жители деревень, находящіеся въ постоянномъ умственномъ общеніи. Сельско-хозяйственные союзы и товарищества, имѣющіе такое большое значеніе для правильнаго сельско-хозяйственнаго прогресса, находятъ въ деревняхъ гораздо болѣе воспріимчивую почву, чѣмъ въ мѣстностяхъ съ хуторской системой разселенія. Въ значительной степени неизбѣжно будутъ тормозить успѣхъ дѣла хуторнаго разселенія крупныя издержки, съ которыми связана такая перемѣна въ системѣ хозяйства. Уже одни работы по перенесенію усадебъ и приведенію полевого участка въ пригодный для „одворицы“ видъ, неизбѣжно потребуютъ расходовъ не менѣе въ среднемъ рублей 800—1000; почему и явятся доступными лишь для наиболѣе состоятельныхъ крестьянъ—„полупанковъ“ какъ ихъ зовутъ на югѣ, обладающихъ надѣломъ не менѣе 15—20 десятинъ. Разсчитывать же здѣсь на крупную поддержку со сто-

роны казны болѣе чѣмъ сомнительно, за отсутствіемъ средствъ, которыхъ, при повсемѣстномъ проведеніи хуторнаго хозяйства, потребовались бы сотни милліоновъ на каждую губернію.

Наконецъ, по самой природѣ своей, хуторское разселеніе, предполагающее предоставленіе лицу опредѣленнаго участка въ наслѣдственное пользованіе, не можетъ имѣть мѣста при общинномъ землепользованіи съ его періодическими земельными передѣлами. Впрочемъ, по дѣйствующему нашему законодательству, хуторское разселеніе фактически и при подворномъ землевладѣніи почти невозможно. По крайней мѣрѣ, согласно указамъ сената отъ 19-го апрѣля 1878 г. № 3445 и 20-го апрѣля 1890 г. № 2693, передѣлъ земли у крестьянъ-подворниковъ можетъ имѣть мѣсто не иначе, какъ по *единогласному желанію* всѣхъ домохозяевъ, что de facto осуществимо лишь по счастливой случайности. Правилъ же о *допустимости разверстанія и обмѣна земель между крестьянами-собственниками* (не между крестьянами и помѣщиками) въ нашемъ законѣ не имѣется, несмотря на крайнюю въ томъ надобность. Думается намъ,—теперь было бы самое время для разработки и составленія проекта новыхъ правилъ, которыми предусматривались бы не только выработка условій разселенія и образованія хуторовъ на началѣ допустимости добровольнаго разверстанія и обмѣна земельныхъ участковъ между крестьянами-подворниками, но и разрѣшеніе всѣхъ вопросовъ, относящихся къ настоящему предмету. Очень часто, особенно въ малороссійскихъ и юго-западныхъ губерніяхъ, хуторское разселеніе встрѣчаетъ себѣ существенный тормазъ въ распространенномъ здѣсь толочномъ правѣ (общій выпасъ скота) и связанномъ съ нимъ обязательномъ трехпольѣ въ общихъ смѣнахъ, гдѣ земли не могутъ быть ни огораживаемы, ни застраиваемы. Упраздненіе общей толоки является необходимымъ условіемъ возможности проведенія хуторнаго хозяйства.

Другой способъ борьбы съ длинноземельемъ, примѣнимый и при подворномъ, и при общинномъ землепользованіи, представляется болѣе простымъ, съ точки зрѣнія его практической осуществимости. Мы говоримъ о соединеніи всѣхъ разрозненныхъ участковъ одной семьи въ одну окружную границу, безъ *перенесенія* усадебъ такъ называемая *комассація*.

Не говоря уже о пользѣ такой мѣры, въ смыслѣ борьбы противъ черезполосности, при ней значительно увеличивается и самый объемъ надѣльной земли, доступной хозяйственной обработкѣ. Какъ извѣстно, при разбросанности участковъ, масса земли пропадаетъ подъ межами, окружающими всякую ничтожную полосу земли отдѣльнаго хозяина, а равно подъ дорогами, необходимыми, чтобы дать доступъ къ каждому отдѣльному участку. Затѣмъ при комассаціи будетъ устраненъ другой крупный недостатокъ дробности надѣла, особенно при узкихъ полосахъ, когда нѣтъ возможности ни хорошо вспахать почву, ни правильно ее засѣять безъ потери значительнаго количества зерна, падающаго на межи или плохо забороненнаго. Наконецъ, этотъ пріемъ меліораціи землепользованія является вполнѣ доступнымъ и для рядовыхъ крестьянъ, владѣющихъ сравнительно небольшими земельными участками (3—10 десятинъ), веденіе на которыхъ хуторного хозяйства было бы малодоходнымъ и не окупило бы самыхъ издержекъ по переносу усадебъ.

Но во всякомъ случаѣ для возможности успѣшной организаціи какъ хуторнаго хозяйства, такъ и комассаціи земель, прежде всего необходимо измѣнить существующее законодательство, дозволяющее передѣлъ земли у подворниковъ лишь по *единогласному* соглашенію всѣхъ домохозяевъ селенія. Здѣсь слѣдовало бы разрѣшить составленіе приговоровъ такого рода большинствомъ $^2/_3$ голосовъ, съ оставленіемъ нежелающихъ на ихъ прежнемъ мѣстѣ, а равно допустить разверстаніе и обмѣнъ земли между отдѣльными крестьянами—собственниками.

Что касается вопроса о средствахъ упорядоченія длинноземелья *при общинномъ землепользованіи*, то хуторское устройство совершенно несовмѣстимо съ сохраненіемъ общины и обусловливается переходомъ отъ общинной формы землевладѣнія къ подворно-наслѣдственной. Для крестьянъ-общинниковъ имѣется другой пріемъ борьбы противъ длинноземелья, а именно: дробленіе общинъ и разселеніе общинниковъ поселками.

Согласно ст. 52—55 общ. полож. о крестьян. (издан. 1902 г.) для раздѣла сложныхъ общинъ, т. е. такихъ, въ составъ которыхъ входятъ нѣсколько селеній, на отдѣльныя самостоятельныя селенныя общины, а равно для раздѣленія селенной общины и выселенія части ея на край надѣла, въ видѣ новой общины, требуется согласіе $^2/_3$ домохозяевъ—условіе при дробленіи *одной простой* селенной общины легко выполнимое, какъ вообще въ крестьянскомъ быту сравнительно легко осуществляется наличность такого большинства при массѣ дѣлъ различнаго содержанія, рѣшаемыхъ на сходахъ общины. Слѣдовало бы лишь, въ интересахъ упорядоченія борьбы противъ длинноземелья, *дополнить* дѣйствующее законодательство въ томъ смыслѣ, чтобы, во-первыхъ, въ отношеніи сложныхъ общинъ дозволенъ былъ *выдѣлъ* изъ нихъ отдѣльнымъ селеннымъ общинамъ по желанію послѣднихъ, съ отмежеваніемъ имъ особаго участка изъ общинной земли, и во вторыхъ, чтобы въ отношеніи простыхъ (селенныхъ) общинъ такой же *выдѣлъ* имѣлъ мѣсто по требованію не менѣе $^1/_3$ всего числа домохозяевъ—общинниковъ, съ отмежеваніемъ имъ, въ одномъ мѣстѣ, надѣла изъ общинной земли и созданіемъ изъ нихъ выселка и новой общины.

Во всякомъ случаѣ, какъ при созданіи выселковъ, такъ и при хуторномъ разселеніи крестьянства, для успѣха этихъ мѣръ борьбы съ длинноземельемъ, кромѣ желанія на разселеніе самихъ крестьянъ, необходимо оказаніе со стороны правительства возможно дѣятельной матеріальной помощи лицамъ, разселяющимся въ предѣлахъ своего надѣла. Необходимость такого содѣйствія

объясняется тѣмъ, что переселеніе на другую часть надѣла неизбѣжно связывается не только съ оставленіемъ удобренныхъ земель, конопляниковъ, садовъ и проч., и съ полученіемъ взамѣнъ ихъ выпаханной полевой земли, но и съ крупными, представляющимися для большинства крестьянъ положительно непосильными расходами по перенесенію построекъ и устройству хозяйства на новыхъ мѣстахъ, размежеванію, сооруженію колодцевъ и запрудъ и т. п.

Въ виду этого, необходимымъ условіемъ всякаго разселенія является подготовка на счетъ казны усадебныхъ участковъ, размежеваніе ихъ, устройство колодцевъ, запрудъ, дорогъ и т. п. сооруженій, необходимыхъ для возможности организаціи поселка или хуторовъ.

Желательно было бы сосредоточить завѣдываніе разселеніемъ въ рукахъ земства, которое вообще близко стоитъ къ экономическимъ нуждамъ населенія и хорошо знаетъ мѣстныя условія и запросы крестьянскаго быта.

За послѣднее время рядъ земствъ обратилъ вниманіе на длинноземелье и предпринялъ рядъ мѣръ съ цѣлью, если не устранить совершенно это зло, то хотя бы, по возможности, его ослабить.

Такъ, Вятское земство еще въ 1892 году ассигновало 10000 рублей для выдачи пособій выселяющимся на полевыя земли, на слѣдующихъ условіяхъ: 1) пособія выдаются по ходатайству крестьянъ уѣздной управой, съ разрѣшенія губернской, изъ обязательнаго страхового капитала: 2) размѣръ пособія не долженъ превышать 30 руб. на дворъ: 3) пособіе отпускается въ томъ лишь случаѣ, если разселяющееся селеніе имѣетъ не менѣе 50 дворовъ и если крестьяне изъявятъ согласіе поселиться на полевую землю не ближе 1 версты отъ прежняго селенія и отъ сосѣднихъ. Въ общемъ, приблизительно тѣже условія и льготы для разселяющихся были выработаны нѣкоторыми уѣздными земствами и другихъ губерній (таковы, напр., земства—Рязанское, Данковское, Егорьевское, Ранненбургское, Сапож-

ковское, Спасское, Ряжское и друг.). Основываясь, такимъ образомъ, уже на нѣкоторой земской практикѣ въ этомъ отношеніи, можно выставить, кромѣ указанныхъ выше, слѣдующія основныя начала борьбы съ длинноземельемъ:

Прежде всего, едва-ли надо упоминать о томъ, что здѣсь не должно быть и рѣчи о какомъ-либо принужденіи. Иниціатива разселенія должна идти отъ самихъ крестьянъ, и оно должно совершаться естественнымъ путемъ. Задача помощи крестьянамъ можетъ состоять лишь въ устраненіи тѣхъ препятствій, которыя лежатъ на пути къ разселенію крестьянскихъ обществъ и въ предоставленіи имъ необходимой матеріальной поддержки.

Затѣмъ, не говоря уже о необходимой матеріальной помощи разселяющимся, въ формѣ предоставленія имъ возвратныхъ ссудъ на возможно болѣе льготныхъ условіяхъ, было бы крайне желательно установить какъ бы денежную премію за разселеніе. Рѣшиться на оставленіе насиженныхъ мѣстъ, даже при крайнихъ ихъ неудобствахъ, не такъ-то легко, и, быть можетъ, (какъ показалъ напр., опытъ Вятскаго и Рязанскаго земствъ) разсчетъ на такую премію въ нѣкоторыхъ случаяхъ способовалъ бы такой рѣшимости на разселеніе. Но при этомъ, конечно, самая выдача ссудъ и пособій должна имѣть мѣсто лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда разселеніе совершается именно въ цѣляхъ улучшенія условій землепользованія и поднятія экономическаго благосостоянія переселяющагося, что опредѣляется фактомъ перехода послѣдняго на житье на свой далекій отъ селенія участокъ.

Такъ какъ разселеніе является одной изъ существенныхъ противопожарныхъ мѣръ, то и было бы вполнѣ раціональнымъ отнести часть расходовъ по нему на счетъ мѣстныхъ страховыхъ капиталовъ, достигающихъ, кстати сказать, въ рядѣ земствъ очень крупныхъ суммъ, часто болѣе милліона рублей.

Страхованіе отъ неурожая.

Такой же подсобный характеръ носитъ и слѣдующая намѣчаемая нами реформа, цѣлью которой является гарантировать крестьянину его нормальный доходъ съ земли и такимъ образомъ предупредить для его хозяйства вредные послѣдствія неурожаевъ. Я говорю здѣсь о *страхованіи посѣвовъ отъ неурожая*.

Борьба съ неурожаями у насъ ведется до сихъ поръ тѣми же способами, какъ она велась еще и въ Московскомъ государствѣ и, разумѣется, съ такимъ же неуспѣхомъ. Добрые люди дѣлаютъ складчины, казна и земство жертвуютъ извѣстныя суммы. Всѣ средства эти идутъ на раздачу голодающимъ продуктовъ первой необходимости, обыкновенно, съ крупнымъ запозданіемъ и не безъ злоупотребленій при раздачѣ. Во всякомъ случаѣ на такую благотворительность намъ приходится тратить изъ государственныхъ и общественныхъ суммъ ежегодно десятки милліоновъ. По подсчету спеціалистовъ на продовольствіе населенія было израсходовано казной: съ 1868 по 1870 годъ 2.391.672 р., съ 1971 по 1880 годъ 17.803.775 р., съ 1881 по 1890 годъ 9.966.230 р., съ 1891 по 1900 годъ 196.569.606 р., съ 1901 по 1904 годъ 40.550.951 р.; въ 1905 году расходъ былъ не менѣе 40—50 милліоновъ рублей. Вся эта благотворительная „система“ носитъ характеръ случайный, имѣетъ къ тому же деморализирующій характеръ подачки; мало того, она влечетъ за собою массу злоупотребленій со стороны любителей легкой наживы, умѣющихъ всегда вплотную прицѣпиться къ „питательному“ для нихъ дѣлу кормленія голодающихъ, гдѣ такъ трудно составлять и провѣрять отчеты,—а тѣмъ болѣе къ доставленію голоднымъ сѣмянъ и прочихъ продуктовъ первой необходимости.

Вопросъ о государственномъ страхованіи посѣвовъ далеко не новъ; впервые у насъ онъ былъ поднятъ при императорѣ Николаѣ I бывшимъ министромъ государственныхъ имуществъ графомъ Киселевымъ, кото-

рый еще въ 40-хъ годахъ намѣревался примѣнить страхованіе къ общественнымъ запашкамъ государственныхъ крестьянъ. Къ сожалѣнію, дѣло это не состоялось, и про страхованіе посѣвовъ отъ неурожаевъ забыли. Только спустя почти сорокъ лѣтъ вопросъ былъ поднятъ снова, когда, въ началѣ 90-хъ годовъ, стала работать, подъ предсѣдательствомъ Плеве, особая комиссія, руководившаяся въ дѣятельности своей трудами Л. І. Грасса; но и здѣсь дѣло дальше разсужденій не пошло, тѣмъ болѣе, что бюрократія отнеслась враждебно къ этому проэкту. Въ такомъ положеніи оно находится и въ настоящее время. „Забвеніе“ о немъ со стороны правительства является крупной ошибкой, объясняемой впрочемъ тѣмъ обстоятельствомъ, что въ бытность С. Ю. Витте министрамъ финансовъ и все то сельское хозяйство находилось у властей въ полномъ забвеніи...

Въ настоящее время у насъ главнымъ факторомъ, обслуживающимъ сельскохозяйственную жизнь, является случай, отъ котораго всецѣло земледѣлецъ во всемъ зависитъ. Хозяйство его подвержено всякимъ невзгодамъ: гибнетъ урожай отъ засухи, пропадаетъ отъ насѣкомыхъ, отъ града, ливней, и т. д. Благодаря всему этому, статистика показываетъ намъ страшное колебаніе урожаевъ не только въ предѣлахъ одной губерніи, но даже въ одной и той же волости. Такъ, напр. въ Поволожьѣ сплошь и рядомъ въ одномъ и томъ же уѣздѣ и волости урожай колеблется отъ нуля до 150 пудовъ. Очевидно, при такомъ положеніи сельскихъ хозяйствъ нѣтъ никакой возможности дѣлать хозяйственные разсчеты: мыслима-ли правильная организація, когда хозяинъ не въ состояніи высчитать приблизительно средній урожай? При подобныхъ условіяхъ прямо рискомъ со стороны хозяевъ является производство всякихъ мелліорацій, когда совершенно неизвѣстнымъ представляется вопросъ, окупятся-ли онѣ и когда въ хозяйствѣ. Послѣднее ведется на авось, вполнѣ уподобляясь азартной игрѣ; одинъ годъ дастъ 100% дохода, а другой—одинъ убытокъ, причемъ и то и другое наступаетъ

при равной затратѣ хозяиномъ и знанія, и труда, и капитала. Тотъ же случай нарушаетъ весь сельскохозяйственный строй и въ другомъ отношеніи: происходитъ паденіе цѣнъ на трудъ, уменьшается количество скота, мертваго инвентаря, словомъ, подрывается хозяйство въ корнѣ.

Какъ показалъ уже опытъ страхованія отъ огня, отъ градобитія и т. д. бороться противъ вреднаго вліянія случая на хозяйство успѣшнѣе всего можно путемъ страхованія противъ послѣдняго, поскольку онъ, въ своихъ разныхъ проявленіяхъ, гибельно отражается на урожаѣ хлѣбовъ. Такое страхованіе отъ неурожая должно гарантировать средній для данной мѣстности урожай, и тѣмъ устанавливать заранѣе возможность правильнаго *разсчета* въ хозяйствѣ на будущее при соображеніи средней доходности имѣнія.

Устанавливая принципъ страхованія, необходимо имѣть въ виду его *обязательность*; только тогда это предпріятіе будетъ прочно и выгодно для страхователя и страхуемаго. Оно должно быть обязательнымъ для всѣхъ землевладѣльцевъ, а не для однихъ только крестьянъ. Эта обязательность страхованія должна вытекать и изъ цѣлей общегосударственныхъ. Въ настоящій моментъ крушенія у насъ сельскаго хозяйства вообще, не только крестьянскаго, когда оно безъ удержу катится по наклону, кому какъ не правительству принять на себя заботу о ея поддержкѣ; мѣра, полезная для одного сословія, будетъ полезна и для другихъ, притомъ наши два главные вида землевладѣнія такъ переплелись между собою, что вліяніе обнищалаго крестьянскаго хозяйства не можетъ не сказаться въ дурную сторону на владѣльческомъ хозяйствѣ: недавніе поджоги и разгромы экономій отлично доказываютъ вѣрность послѣдняго замѣчанія.

Въ виду такой серьезной заинтересованности правительства въ дѣлѣ поднятія у насъ сельскаго хозяйства, весьма важнымъ вопросомъ въ страхованіи является, въ чьихъ рукахъ должно находиться дѣло. Несомнѣнно, страхованіе должно быть государственнымъ,

чтобы въ немъ устранено было стремленіе извлеченія *доходовъ* изъ предпріятія и дана была возможность сельскому населенію обезпечить свой средней урожай на возможно выгодныхъ условіяхъ.

Наконецъ, при страхованіи урожаевъ, получатъ страховую сумму *дѣйствительно* пострадавшіе отъ неурожая, получатъ *по праву*, а не изъ милости, получатъ въ опредѣленномъ и вполнѣ достаточнымъ размѣрѣ. Ничего не будетъ прилипать къ рукамъ раздающихъ теперь продовольствіе изъ причитающагося страхового вознагражденія къ страховому учрежденію, въ случаѣ злоупотребленій, возможны *иски* въ обыкновенномъ *судебномъ* порядкѣ, Прекратятся и разговоры о «деморализаціи» населенія «царскими» подачками, будто бы побуждающими крестьянъ къ легкому отношенію къ дѣлу, къ беззаботности на счетъ своего существованія. Сельское хозяйство изъ предпріятія, носящаго характеръ крайняго риска, зависящаго отъ тысячи случайностей, которыхъ предотвратить нельзя, превратится въ серьезное, правильное коммерческое дѣло, гдѣ риски будутъ обезпечены страхованіемъ.

Вообще, доказывать пользу страхованія урожаевъ —значило бы ломиться въ открытыя двери. Весь вопросъ—въ *практическомъ* осуществленіи этой идеи. Но непрактическаго, неосуществимаго здѣсь ничего нѣтъ, если на дѣло взглянуть безъ предвзятой мысли.

Въ 1903 году подъ посѣвомъ числилось во всей Россіи всего до 82 милліоновъ десятинъ земли, урожайность которыхъ при *обязательности* страхованія и должна была бы быть обезпеченной страхованіемъ. Размѣръ страховой преміи и страховая сумма должны опредѣляться *разно*, въ зависимости отъ мѣстности, отъ качествъ земли, качества ея обработки, среднихъ урожаевъ и т. д. Л. І. Грассъ въ своемъ спеціальномъ сочиненіи по настоящему вопросу въ окончательномъ выводѣ, составилъ для 14 раіоновъ Россіи 2.130 тарифовъ для ржи и 2.000 для ярового хлѣба; причемъ, изъ нихъ въ 874 мѣстахъ премію опредѣлилъ отъ 0,5%

до 1% страхуемой суммы и въ 781 случаѣ отъ 2% до 3%, и въ остальныхъ выше, доходя до 9% (для Крыма), въ общемъ же для Россіи она указана имъ въ 2,4%.

Въ среднемъ, Грассъ считаетъ, что для каждаго крестьянина долженъ быть обезпеченъ на каждой десятинѣ слѣдующій урожай: ржи 27 пудовъ, пшеницы $22^1/_2$ пуда, овса 18 пуд. и ячменя 21 пудъ; причемъ, страховой платежъ на десятину падаетъ въ суммѣ $60^1/_4$ копѣекъ. Конечно, этотъ разсчетъ лишь приблизителенъ. Но если даже мы предположимъ среднюю сумму страховой преміи въ 1 рубль на десятину, т. е. всего въ годъ 82 мил. рублей—со всей посѣвной земли, уже и онъ составитъ для правительства достаточно крупный капиталъ для начала.

Обязательное страхованіе должно быть нормальнымъ, причемъ, непремѣнно слѣдуетъ одновременно допустить *добровольное*, страхованіе болѣе высокаго размѣра урожая, что особенно важно для помѣщиковъ, ибо для нихъ страхованіе въ размѣрѣ средняго *крестьянскаго* урожая не имѣетъ смысла: такой „урожай“ въ экономіяхъ съ правильнымъ хозяйствомъ равносиленъ полному неурожаю: у крестьянъ и 25 пудовъ сбора хлѣба съ десятины считается среднимъ, а для экономій средній сборъ minimum 80 пудовъ, при чемъ такой сборъ не обезпечиваетъ никакой прибыли, а даетъ возможность лишь сводить концы съ концами.

При допущеніи добровольнаго страхованія, вполнѣ отпадаетъ возраженіе, что при обязательномъ страхованіи парализуется иниціатива и стремленіе къ улучшенію хозяйства. Страхованіе урожаевъ не можетъ понизить и тщательности обработки земли. Напротивъ, и крестьяне тогда, не опасаясь неурожаевъ, съ большой энергіей станутъ обрабатывать землю, зная, что съ нея *всегда* что либо получатъ, а слѣдовательно, труды ихъ не пойдутъ прахомъ. Въ виду допущенія страхованія урожаевъ въ цифрѣ, превосходящей возможный minimum сбора хлѣбовъ, только въ случаѣ извѣстной ея обработки (удобреніе, правильная распашка, пра-

вильный сѣвооборотъ), многіе перейдутъ отъ экстензивной системы земледѣлія къ интензивной, ибо окажется возможнымъ рисковать трудомъ и капиталомъ.

Трудно ожидать, чтобы страхованіе оказало развращающее вліяніе на крестьянина. Прежде всего, страхованіе по нормѣ дастъ только обезпеченіе пропитанія и обсѣмененія: остается еще масса неудовлетворенныхъ потребностей на одежду, подати и т. д., которыя будутъ постоянно толкать къ хозяйственной дѣятельности. Злоупотребленія,—напримѣръ, засѣвъ „для видимости"—очень легко обнаружить, да и урожай—слишкомъ очевидное дѣло для опытнаго глаза, чтобы его можно было выдать за неурожай и получать обманнымъ образомъ страховую сумму. Агенты земскаго страхованія и теперь съ необычайной легкостью, принимая на страхъ отъ огня хлѣбъ *на корню*, опредѣляютъ приблизительный сборъ и весьма правильно оцѣниваютъ его стоимость.

Для успѣха дѣла, необходимо исполненіе страхованія на мѣстахъ поручить и мѣстнымъ людямъ, въ лицѣ земскихъ учрежденій. Государственное страхованіе должно имѣть видъ *объединеннаго земскаго*; причемъ обязанностью земствъ явится самое производство страховыхъ операцій, а завѣдываніе и распредѣленіе средствъ будетъ находиться въ распоряженіи казны, какъ общества перестрахованія. При такой постановкѣ дѣла, его техническая сторона очень будетъ упрощена возможностью воспользоваться уже существующими земскими страховыми учрежденіями и агентами.

Рискъ для государства при введеніи обязательнаго страхованія отъ неурожаевъ несомнѣнно будетъ, особенно въ первые года существованія послѣдняго, и казнѣ, очень можетъ быть, придется доплатить не одинъ десятокъ милліоновъ къ страховому капиталу (собранному съ страховщиковъ) на преміи пострадавшимъ отъ неурожая.

Однако и теперь государство ежегодно тратитъ тѣ же десятки милліоновъ на продовольствіе голодающимъ

и при томъ тратитъ безъ надежды возврата и съ ничтожнымъ успѣхомъ. Потеря все равно есть, только теперь она иначе распредѣляется, приноситъ иные результаты. Тяготу въ настоящее время несутъ (въ налогахъ) почти одни крестьяне—земледѣльцы, тогда понесутъ ее и землевладѣльцы крупные и средніе; бремя платежей распредѣлится. Получившіе отъ урожая внесутъ деньги за потерпѣвшихъ отъ стихійнаго бѣдствія, и у государства окажутся новые ресурсы для помощи голодающимъ.

Пора уже превратить, наше сельское хозяйство изъ азартной операціи, гдѣ все основано на случаѣ, въ планомѣрную дѣятельность, съ возможностью для хозяина точнаго учета своего нормальнаго дохода въ будущемъ.

Хлѣбные ломбарды.

Въ цѣляхъ повышенія доходности крестьянскихъ земель слѣдуетъ обратить вниманіе еще на одно обстоятельство, именно, на *предотвращеніе крестьянами массоваго выбрасыванія на рынокъ хлѣба и другихъ земельныхъ продуктовъ за безцѣнокъ осенью.*

Можно смѣло сказать, что 80% сельскихъ хозяевъ, вынужденные безденежьемъ (страда-деньгу съѣла) прямо съ поля выбрасываютъ почти весь урожай зерна на рынки въ теченіи 3 мѣсяцевъ: сентября, октября и ноября. Лишь состоятельныя хозяйства выдерживаютъ до январскихъ цѣнъ.

И вотъ осенью, въ эту пору острой нужды въ деньгахъ, совершаются главныя закупки зерна по произвольнымъ цѣнамъ скупщиками. Послѣдніе, диктуя свои цѣны продавцамъ, пользуются какъ неосвѣдомленностью сельскихъ хозяевъ о состояніи хлѣбныхъ рынковъ не только сосѣднихъ губерній, но даже своихъ мѣстныхъ, такъ и нуждою населенія въ денежныхъ средствахъ. Дѣло доходитъ до того, что въ настоящее время для бѣднаго и даже средняго достатка крестьянина хорошій урожай хлѣба является сплошь и рядомъ хуже

неурожая, такъ какъ въ первомъ случаѣ является неизбѣжное повышеніе цѣнъ на рабочія руки, а цѣны на хлѣбъ падаютъ. При урожаѣ крестьянину, чтобы убрать свой хлѣбъ, необходимо вынужденъ или входить въ долги для полученія денегъ на уплату рабочимъ по уборкѣ, или же везти на рынокъ наскоро обмолоченный свѣжій хлѣбъ; а между тѣмъ цѣна на него падаетъ, и выходитъ, что крестьянинъ истратитъ на наемъ рабочихъ почти весь урожай, или всю его прибыль противъ обычной нормы, а для себя не выручитъ ничего.

Какъ низко при такихъ условіяхъ расцѣнивается осенью хлѣбъ, видно изъ слѣдующихъ примѣровъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Нижегородской губерніи цѣны, напр., на овесъ колеблются отъ 2 р. 50 к., осенью до 5 руб., весною въ Смоленской губерніи цѣна на ленъ обыкновенно весной вдвое выше, чѣмъ осенью. Въ Волынской губерніи хлѣбъ осенью стоитъ на 10—50 коп. дешевле съ пуда, чѣмъ весной, и. т. д. Мало того, даже осенью, при особенно крупномъ наплывѣ продажнаго хлѣба, цѣна на одинъ и тотъ же хлѣбъ въ теченіи *одного мѣсяца* составляетъ разницу отъ 50—80 коп. на пудъ. Благодаря переполненію дешевымъ хлѣбомъ осеннюю рынка, дѣло у насъ теперь не рѣдко доходитъ до того, что хлѣбъ попадаетъ въ руки скупщикамъ за цѣну низшую, чѣмъ во сколько онъ обошелся крестьянамъ.

Выходъ изъ такого печальнаго положенія вещей, когда и „безъ хлѣба горе, и съ хлѣбомъ вдвое“, представляется въ настоящее время одинъ, а именно, организація крестьянамъ правительственнаго кредита подъ хлѣбъ, при помощи котораго жителямъ деревни можно было бы раздобыться деньгами на свои осеннія нужды и выждать болѣе удобнаго и выгоднаго времени для продажи.

Все дѣло выдачи ссудъ подъ хлѣбъ должно быть передано земству, съ опредѣленіемъ для этого надлежащихъ суммъ изъ средствъ казны. Для сбереженія крестьянскаго хлѣба, подъ который выдана ссуда, можно было бы съ успѣхомъ примѣнять уже существующіе

въ селеніяхъ хлѣбные магазины, постепенно дополняя ихъ постройкой, на средства казны, въ подходящихъ пунктахъ, земскихъ хлѣбныхъ складовъ

Самое производство такой операціи выдачи ссудъ подъ урожай должно было бы по возможности упростить, намѣтивъ, напр., его въ слѣдующихъ основныхъ чертахъ: Въ селеніи, гдѣ земскій хлѣбный складъ (или общественный амбаръ), долженъ находиться, особенно въ базарные дни, земскій агентъ и оцѣнщикъ, которые и должны принимать привозимый крестьянами хлѣбъ по оцѣнкѣ съ согласія хозяина, выдавая послѣднему ссуду не выше 60% рыночной стоимости, занося сдѣлку въ книгу и выдавая на руки складочное свидѣтельство, на которомъ должно быть отмѣчено: размѣръ и качество сданнаго хлѣба, срокъ и размѣръ ссуды и условія послѣдней. Это свидѣтельство о храненіи могло бы служить удобнымъ передаточнымъ документомъ (по удостовѣренной надписи) о состоявшейся позднѣе окончательной продажѣ третьему лицу сданнаго въ складъ хлѣба. По такому документу съ передаточной надписью скупщикъ можетъ получить всю партію изъ склада, конечно, уплативъ за крестьянина занятую имъ у земства въ свое время ссуду.

Мѣстами въ Россіи, по иниціативѣ земствъ, такіе „хлѣбные ломбарды“ уже существуютъ и съ успѣхомъ функціонируютъ. Такъ, наприм., въ Вятской губерніи, къ 1902 году въ уѣздахъ Нолинскомъ, Орловскомъ, Малмыжскомъ и Глазовскомъ было открыто около 20 хлѣбныхъ ломбардовъ въ селахъ, гдѣ производится болѣе значительная торговля хлѣбомъ.

При открытіи ломбардовъ здѣсь преслѣдовались двѣ цѣли (кромѣ субсидіи нуждающимся), именно-во 1-хъ, предупредить значительное пониженіе осеннихъ цѣнъ на хлѣбъ, когда населеніе особенно нуждается въ уплатѣ податныхъ сборовъ, на что, обыкновенно, и бываетъ принуждено продавать часть хлѣба, во вторыхъ, задержать значительное поднятіе весеннихъ цѣнъ, когда населеніе, взамѣнъ необходимости покупать хлѣбъ на

рынкахъ, могло бы брать обратно помѣщенный въ ломбардъ осенью свой хлѣбъ по залоговой цѣнѣ съ доплатою сравнительно незначительной суммы за расходы по сохраненію и страхованію.

Хлѣбъ принимается въ ломбарды озимый и яровой. Такъ какъ послѣдній, будучи возвращаемъ крестьянамъ весною, идетъ исключительно на посѣвъ, то въ цѣляхъ повышенія качества посѣвного зерна въ ломбардахъ принимаются мѣры для его отсортировки сѣялками и устраиваются особые приспособленія для болѣе тщательнаго храненія сѣменного хлѣба

Ломбардныя операціи идутъ здѣсь блестяще и замѣчается стремленіе къ возможно большему открытію такихъ учрежденій по губерніи, что уже само по себѣ показываетъ на желательность и полную возможность и остальнымъ земствамъ Россіи послѣдовать примѣру Вятчанъ въ дѣлѣ организаціи хлѣбныхъ ломбардовъ того же типа.

Организація кредита для крестьянъ.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что главнѣйшимъ „нервомъ“ повышенія доходности крестьянской земли и вообще крестьянскаго благосостоянія является удачная и хорошо созданная организація кредита, какъ меліоративнаго въ собственномъ смыслѣ слова, такъ и мелкаго мѣстнаго—для удовлетворенія экстренныхъ мелкихъ нуждъ крестьянства: безъ наличности такого кредита, въ достаточномъ размѣрѣ и умѣло оборудованнаго, всѣ благія намѣренія и проекты экономическаго улучшенія крестьянскаго быта останутся, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, невыполненными.

Это обстоятельство вынуждаетъ насъ здѣсь, въ возможно сжатомъ очеркѣ, ознакомить читателя съ современнымъ положеніемъ въ Россіи меліоративнаго и мелкаго кредита для крестьянъ и высказать наши пожеланія о средствахъ и способахъ упорядоченія у насъ этого дѣла въ будущемъ.

Меліоративный кредитъ нормируется у насъ въ настоящее время закономъ 1900 года о ссудахъ на сельско-хозяйственныя улучшенія. Сущность этого закона такова:

Законъ завѣдыванія на мѣстахъ дѣлами о выдачѣ ссудъ ввѣряетъ губернскимъ о ссудахъ на сельско-хозяйственныя улучшенія комитетамъ. Комитеты эти, состоящіе подъ предсѣдательствомъ мѣстнаго управляющаго государственными имуществами, имѣютъ право разрѣшать выдачу ссудъ на сумму до 5,000 рублей; при чемъ, лишь ссуды свыше пятисотъ рублей представляются на утвержденіе министра земледѣлія и государственныхъ имуществъ. Ссуды могутъ быть выдаваемы для выполненія слѣдующихъ сельско-хозяйственныхъ улучшеній: 1) осушительныя, обводнительныя и оросительныя работы, а также укрѣпленіе береговъ рѣкъ, овраговъ и сыпучихъ песковъ; 2) лѣсоразведеніе; 3) разведеніе плодовыхъ садовъ, виноградниковъ и хмѣльниковъ; 4) расчистка неудобныхъ земель; 5) устройство хуторскихъ хозяйствъ во владѣльческихъ имѣніяхъ и усадебныхъ осѣдлостей при разселеніи крестьянъ въ предѣлахъ надѣльныхъ ихъ земель; 6) сооруженіе подваловъ для выдерживанія вина, устройство винодѣленъ и пріобрѣтеніе винодѣльческаго инвентаря, а также приборовъ и приспособленій для огневой сушки плодовъ; 7) возведеніе хлѣбныхъ амбаровъ, скотныхъ дворовъ, конюшенъ, ригъ, сушиленъ и хмѣлесушиленъ; 8) устройство сооружаемыхъ для переработки продуктовъ собственнаго хозяйства сельско-хозяйственныхъ заведеній, какъ-то: маслобоенъ, сыроваренъ, маслодѣленъ, мельницъ, крупорушекъ и лѣсотехническихъ производствъ, и 9) пріобрѣтеніе племенного скота. Срокъ выдачи ссудъ въ законѣ указанъ не свыше 25 лѣтъ; лишь на лѣсоразведеніе—до 30 лѣтъ. Размѣръ ссуды на устройство сельско-хозяйственныхъ заведеній не можетъ превышать пяти тысячъ рублей на одно предпріятіе, а на пріобрѣтеніе племенного скота трехъ тысячъ рублей на одного заемщика, причемъ, у послѣдняго должно уже

существовать скотоводство, подлежащее улучшенію. Самый размѣръ ссуды при этомъ не можетъ превышать 75 проц. стоимости производимаго улучшенія, и выдается она лишь при условіи предварительнаго выясненія производительности предположенной затраты и надзора за употребленіемъ ссуды, согласно назначенію. Вмѣстѣ съ тѣмъ, если предпринимаемое лицомъ, испрашивающимъ ссуду, улучшеніе представляетъ значеніе для цѣлой мѣстности, или если производствомъ работъ на частныхъ земляхъ можетъ быть облегчено или удешевлено выполненіе такихъ же работъ на сосѣднихъ казенныхъ земляхъ, то въ этихъ случаяхъ часть стоимости работъ можетъ быть оплачена изъ отпускаемыхъ въ распоряженіе министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ спеціальныхъ кредитовъ (на осушеніе, орошеніе и т. п.).

По выданнымъ ссудамъ заемщики уплачиваютъ 4 проц. годовыхъ и погашеніе, опредѣляемое соразмѣрно сроку ссуды. По ссудамъ на укрѣпленіе береговъ рѣкъ, овраговъ и сыпучихъ песковъ взимается всего 2 проц. Ссуды обезпечиваются тѣмъ имѣніемъ, въ которомъ производится улучшеніе, а равно другимъ недвижимымъ имѣніемъ, приносящимъ доходъ, и процентными бумагами, принимаемыми въ обезпеченіе исправности казенныхъ подрядовъ и поставокъ. Имущество это, при ссудахъ на осушительныя, обводительныя и оросительныя работы, а также на укрѣпленіе береговъ рѣкъ, овраговъ и сыпучихъ песковъ, принимается въ обезпеченіе въ одномъ размѣрѣ займа, а при ссудахъ на всѣ прочія улучшенія—въ размѣрѣ не свыше 75 проц. выдаваемаго капитала. При этомъ, однако, при ссудахъ землевладѣльцамъ на сумму до 1000 рублей можетъ быть и не требуемо представленіе такого залога, если стоимость его земли не менѣе чѣмъ въ 5 разъ превышаетъ размѣръ ссуды. Сельскимъ обществамъ ссуды выдаются подъ залогъ принадлежащихъ имъ „прикупокъ“ или подъ круговую поруку членовъ общества.

Ссуда выдается не ранѣе, какъ будетъ произведенъ чинами министерства земледѣлія осмотръ на мѣстѣ для выясненія производительности затратъ на улучшеніе и составленія ими смѣты работъ, потребныхъ для этого. Разъ, послѣ такой провѣрки, ходатайство о ссудѣ будетъ признано уважительнымъ, сельско-хозяйственный комитетъ или иное заступающее его учрежденіе объявляетъ желающимъ получить ссуду: 1) размѣръ ссуды, который можетъ быть измѣненъ комитетомъ въ зависимости отъ опредѣленной по плану и смѣтѣ работъ стоимости предположеннаго улучшенія; 2) послѣдовательность выполненія плана работъ и сроки выдачи ссудъ, въ зависимости отъ выполненія намѣченнаго плана; 3) размѣръ и способъ участія заемщика въ расходахъ на производство улучшенія; 4) срокъ ссуды, установляемый сообразно съ особенностями и свойствомъ улучшенія и мѣстными условіями; 5) время, съ котораго должно начаться теченіе срочныхъ платежей по ссудѣ и сроки ихъ взноса.

Этимъ не исчерпывается „попеченіе“ казны надъ лицомъ, которое получило ссуду. Какъ гласитъ законъ далѣе: „Министерство земледѣлія и государственныхъ имуществъ наблюдаетъ за выполненіемъ принятыхъ на себя заемщикомъ обязательствъ, при содѣйствіи губернскихъ уполномоченныхъ и состоящихъ въ ихъ распоряженіи спеціалистовъ или особо командированныхъ для сего министерствомъ чиновъ. Въ случаѣ замѣченнаго промедленія въ ходѣ работъ, неправильности въ ихъ производствѣ, несогласія съ утвержденнымъ планомъ, недоброкачественности матеріаловъ, неисправности въ ремонтѣ и т. п., упомянутыя лица даютъ заемщику надлежащія указанія, при неисполненіи коихъ минист. земледѣлія и госуд. имущ. можетъ сдѣлать распоряженіе о производствѣ потребныхъ исправленій за счетъ заемщика или о прекращеніи дальнѣйшаго отпуска ссуды. Вызванный такимъ распоряженіемъ расходъ вносится въ ближайшій окладъ причитающихся съ заемщика платежей“.

Переводя слова закона на житейскій языкъ, мы убѣждаемся въ намѣреніи закона свести хозяина земельнаго участка, взявшаго дешевую ссуду, на степень управляющаго своимъ имуществомъ, подъ контролемъ и по указаніямъ чиновника отъ казны. Положеніе, во всякомъ случаѣ, непріятное и обидное для всякаго хозяина, любящаго свое дѣло и дѣйствительно стремящагося улучшить свое хозяйство. Мало того, такая своеобразная правительственная опека надъ исправнымъ хозяиномъ за то, что онъ дерзнулъ воспользоваться дешевымъ кредитомъ и улучшить свое хозяйство, въ конечномъ результатѣ легко можетъ повлечь за собою его полное экономическое крушеніе. Представимъ себѣ хотя бы такой примѣръ: кто-либо, желая разработать неудобную землю въ своемъ имѣніи, напр., болото, захотѣлъ осушить его и часть раздѣлать подъ покосъ, а часть подъ фруктовый садъ и огородъ; въ то же время, надѣясь на увеличеніе площади покосовъ, онъ рѣшаетъ улучшить свое молочное хозяйство и пріобрѣсти племенного скота для этого, напр., коровъ и овецъ. На эти предпріятія ему выдается ссуда, составляется смѣта работъ, и довольный хозяинъ, получивъ денежки, приступаетъ къ осушкѣ своего болота, пользуясь указаніями чиновника-спеціалиста, подъ руководствомъ котораго составлена самая смѣта. Но чиновникъ этотъ переводится въ другое мѣсто, и его замѣщаетъ новая личность изъ тѣхъ молодыхъ людей, которые въ излишнемъ даже количествѣ протираютъ полы въ корридорахъ петербургскихъ департаментовъ, „состоя“ при послѣднихъ. Такой юнецъ, начитавшись въ англійскихъ сельско-хозяйственныхъ журналахъ о преимуществахъ осушенія болотъ по японскому или папуасскому способу, начинаетъ рьяно критиковать у нашего хозяина его осушительныя работы, считаетъ ихъ произведенными неправильно и недоброкачественно и пишетъ во всѣ концы и канцеляріи по этому поводу бумаги, блестящаго стиля, добиваясь разрѣшенія производить осушеніе по новомодному способу. Это разрѣшеніе ему дается, и, въ

концѣ концовъ, весь капиталъ забивается въ болото безъ видимыхъ результатовъ. Такія же печальныя столкновенія хозяина и чиновника-надзирателя легко могутъ возникнуть и позднѣе, при разбивкѣ, напримѣръ, фруктоваго сада, по вопросу о томъ, какія плодовыя деревья и кусты и какихъ сортовъ разсаживать или при покупкѣ племенного скота и т. д., и т. д.—до безконечности. Конечно, „начальство“ въ этихъ спорахъ всегда одержитъ верхъ и хозяинъ—заемщикъ у казны, ставшій теперь ея слугою, будетъ посрамленъ. Оставалось бы, кажется, самое лучшее для послѣдняго—бросить хозяйство и улучшенія въ немъ на волю судебъ и на чиновничій произволъ, но, вѣдь, это далеко не всегда мыслимо, ибо иной „спеціалистъ“-зулусъ своими „улучшеніями“ сумѣетъ въ концѣ разорить все имѣніе, чего, понятно, ни одинъ хозяинъ не сможетъ вынести, и вступится, на свою же бѣду, въ хозяйничаніе такого „спеціалиста“.

Уже изъ приведеннаго примѣра, думается намъ, читатель легко могъ убѣдиться, насколько излишній формализмъ и чрезмѣрно строгая чиновничья опека, проведенные въ указанномъ законѣ, тормозятъ благую цѣль изданія послѣдняго—дать дешевый кредитъ сельскимъ хозяевамъ для производства улучшеній въ ихъ имѣніяхъ. Низводя хозяевъ, получившихъ казенную ссуду, на степень простыхъ управляющихъ въ своихъ имѣніяхъ, подъ началомъ министерскихъ чиновниковъ, въ цѣляхъ предупрежденія со стороны заемщиковъ обращенія занятыхъ ими денегъ на другія свои нужды, а не на тѣ улучшенія, на какія онѣ выданы, законодатель, очевидно, забылъ одно очень существенное обстоятельство, что излишній канцеляризмъ и формальность именно и порождаютъ легче всего злоупотребленія, прикрываемыя бумагой и дутыми отчетами.

Слѣдуетъ впрочемъ замѣтить, что до послѣдняго времени „меліорація“ такая не имѣла большого практическаго значенія. По крайней мѣрѣ съ 1896 по 1901 годъ всего было выдано въ Россіи меліоративныхъ ссудъ на 700,000 руб., т. е. въ среднемъ менѣе чѣмъ 150,000 руб.

въ годъ—это на всю то Россію!... Въ примѣненіи же къ улучшенію собственно-крестьянскаго хозяйства ничтожное значеніе этой формы кредита станетъ еще болѣе очевиднымъ, если принять во вниманіе хотя бы тотъ фактъ, что, напр., изъ 360,000 руб. меліоративныхъ ссудъ, выданныхъ въ 1900 году, болѣе 200,000 рублей пошло на винодѣліе и разведеніе плодовыхъ садовъ, и крестьянъ совершенно не коснулось, а почти $^2/_3$ остального капитала ушло на улучшенія частновладѣльческихъ, не крестьянскихъ земель. Наконецъ, и самая сумма, ежегодно ассигнуемая на меліорацію, такъ ничтожна, что неизбѣжно тѣмъ самымъ лишаетъ законъ 1900 года серьезнаго практическаго значенія.

Для того, чтобы меліоративный кредитъ въ будущемъ дѣйствительно оправдалъ возлагаемыя на него надежды по улучшенію крестьянскаго благосостоянія, необходимо, чтобы онъ былъ свободенъ отъ стѣснительныхъ формальностей и канцелярщины, чтобы размѣръ его соотвѣтствовалъ дѣйствительнымъ запросамъ страны, и наконецъ, чтобы онъ былъ близокъ и легко доступенъ для крестьянства.

Въ послѣднемъ отношеніи слѣдуетъ дѣло выясненія потребности отдѣльныхъ заемщиковъ въ меліоративной ссудѣ, равно какъ и ея размѣра и условій выдачи, предоставить вѣдомству мѣстныхъ землеустроительныхъ комиссій изъ выборныхъ отъ крестьянъ, землевладѣльцевъ и должностныхъ лицъ для изслѣдованія мѣстныхъ земельныхъ нуждъ крестьянства и способовъ къ улучшенію его экономическаго положенія.

Такія комиссіи, составленныя изъ лицъ, близкихъ къ крестьянской жизни въ данной мѣстности, конечно, всего скорѣе, точнѣе и добросовѣстнѣе выяснятъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ потребность крестьянина въ меліоративномъ кредитѣ, размѣръ послѣдняго, условія обезпеченія долга и его погашенія. Самыя же средства должны быть даны правительствомъ или же государственнымъ банкомъ, или же, всего лучше, путемъ со-

зданія спеціальнаго сельско-хозяйственнаго банка, задачей дѣятельности котораго было бы именно оказаніе денежной помощи кредитомъ сельскому хозяйству и сельской промышленности. При этомъ самыя ссуды отдѣльнымъ заемщикамъ изъ этихъ учрежденій слѣдовало бы давать лишь съ вѣдома и разрѣшенія мѣстныхъ землеустроительныхъ комиссій, въ томъ размѣрѣ и на тѣхъ условіяхъ, какъ послѣднія укажутъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, не слѣдуетъ ограничивать область примѣненія меліоративнаго кредита точно указанными въ законѣ случаями, какъ, напримѣръ, это сдѣлано въ ст. 14 закона 1900 года о ссудахъ на сельско-хозяйственныя улучшенія. Напротивъ, *по усмотрѣнію мѣстныхъ землеустроительныхъ комиссій*, ссуды такія слѣдовало бы выдавать на всевозможныя предпріятія могущія содѣйствовать улучшенію хозяйства, въ зависимости отъ мѣстныхъ условій. Такова, напр., покупка сельско-хозяйственныхъ машинъ, паровыхъ и водяныхъ двигателей, молотилокъ, жней и проч., на гуртовой промыселъ, на улучшеніе системъ полеводства, на огородничество, бахчеводство, пчеловодство, разработку торфа, устройство дорогъ, на разверстаніе и обмѣнъ угодій, на замѣну существующаго хозяйства болѣе интенсивнымъ, на развитіе земледѣльческихъ складовъ и т. п. (все случаи, не предусмотрѣнные закономъ 1900 года).

Выдача ссудъ отдѣльнымъ лицамъ при этомъ должна обезпечиваться стоимостью не только земли, но и всего живого и мертваго инвентаря и строеній. Крестьянскія надѣльныя земли представляютъ въ общей своей массѣ колоссальный капиталъ, на счетъ котораго, хотя бы въ нѣкоторой незначительной его части, крестьянскія финансовыя операціи могли бы быть значительно облегчены; во всякомъ случаѣ, такой залогъ, съ уплатою лишь процентовъ на выданную подъ эти земли сумму, хотя бы въ размѣрѣ одной четверти или одной трети ихъ стоимости, былъ бы неизмѣримо болѣе выгоденъ для крестьянина, нежели реализація потребныхъ денегъ путемъ обращенія къ разнымъ сельскимъ ро-

стовщикамъ и кулакамъ. Наконецъ, краткосрочный кредитъ можно было бы оказывать даже подъ залогъ процентныхъ казенныхъ и гарантированныхъ правительствомъ бумагъ.

Конечно, меліоративный кредитъ можетъ имѣть успѣхъ лишь въ томъ случаѣ, когда на него будетъ ассигнована крупная сумма, въ общемъ по разсчету не менѣе 1 милліона рублей на губернію, не считая экстренныхъ расходовъ общегосударственнаго характера (напр., на переселеніе, на страхованіе отъ неурожая и т. п.). Что касается способовъ полученія такихъ средствъ, то для этого, при бѣдности государственной кассы, пришлось бы обратиться къ различнымъ источникамъ дохода. Такъ, на это дѣло можно было бы обратить значительную часть суммъ страхового капитала, какъ извѣстно, достигающаго въ нѣкоторыхъ земствахъ нерѣдко нѣсколькихъ милліоновъ рублей. Сюда же можно было бы установить извѣстное процентное отчисленіе ($10^0/_0$—$15^0/_0$) изъ накопившихся въ каждой губерніи вкладовъ по сберегательнымъ кассамъ. Наконецъ, неизбѣжно пришлось бы обратиться за субсидіей изъ правительственныхъ суммъ, въ видѣ ассигнованія постепенно въ разныя губерніи съ этой цѣлью извѣстной суммы (10—15 милліоновъ руб.) при составленіи ежегоднаго бюджета. Такія субсидіи должны быть погашены земствами въ теченіи извѣстнаго времени постепенно; при чемъ нужныя для этого средства земства могли бы получить путемъ установленія особаго сбыта съ земель и недвижимостей.

При умѣлой постановкѣ дѣла земельной меліораціи мы могли бы прійти къ поразительнымъ результатамъ въ смыслѣ увеличенія, въ предѣлахъ даже въ Европейской Россіи, площади удобныхъ для землепользованія земель. Стоитъ только вспомнить, какое колоссальное количество земли остается у насъ втунѣ подъ болотами, или наоборотъ, считается неудобной для сельскаго хозяйства, благодаря отсутствію орошенія. Осушеніе болотъ на сѣверѣ, въ центрѣ и на западѣ,

организація на счетъ казны искусственнаго орошенія на югѣ и юго-востокѣ, дали бы намъ такія новыя земельныя пространства, которыми съ успѣхомъ можно было бы удовлетворить земельный голодъ не одной сотни тысячъ крестьянскихъ семействъ.

Организація *мелкаго кредита* населенію находится у насъ до сихъ поръ въ зачаточномъ состояніи. Имѣющіяся учрежденія такого рода возникли въ разное время безъ всякой взаимной между собой связи, съ ограниченнымъ кругомъ лицъ, имѣющихъ право кредитоваться. Такъ, еще по положенію 1840 года созданы были существующія до настоящаго времени *вспомогательныя кассы*, учрежденныя для государственныхъ крестьянъ въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи. До настоящаго времени такихъ кассъ имѣется по волостямъ губерній центральной Россіи около 2930, съ капиталомъ въ общемъ болѣе $28^1/_2$ милліоновъ рублей, изъ которыхъ къ 1 января 1902 года состояло выданными въ ссуды болѣе 26 милліоновъ. Брать взаймы деньги изъ такихъ кассъ могутъ лишь крестьяне—домохозяева той волости, въ которой имѣется вспомогательная касса; причемъ размѣръ ссуды не долженъ превышать 60 рублей на одно лицо изъ 6% и срокомъ для сельскихъ обществъ не болѣе 16, и для отдѣльныхъ домохозяевъ не болѣе 3 лѣтъ. Счетоводство и отчетность въ кассахъ ведутся волостными правленіями, подъ контролемъ уѣздныхъ и губернскихъ крестьянскихъ учрежденій.

Равнымъ образомъ давняго происхожденія (уставъ 1851 года) *удѣльные банки* для бывшихъ удѣльныхъ крестьянъ. Въ настоящее время число этихъ банковъ доходитъ въ разныхъ губерніяхъ до 172 съ общимъ оборотнымъ капиталомъ въ 2 мил. рублей [1]).

Сравнительно большой успѣхъ и значеніе имѣли у насъ, до изданія положенія 1-го іюня 1895 года объ

[1]) О башкирскихъ и киргизскихъ кассахъ, въ виду ихъ спеціальнаго значенія, мы здѣсь говорить не будемъ.

учрежденіяхъ мелкаго кредита, *ссудосберегательныя товарищества и кассы*, создающія капиталъ путемъ паевыхъ взносовъ своихъ участниковъ (товарищей). Число такихъ товариществъ достигало къ 1 января 1903 года въ Россіи 852, съ капиталомъ около 50 милліоновъ рублей и съ 298 тысячами членовъ, т. е. лицъ, могущихъ въ учрежденіяхъ этихъ кредитоваться.

Въ дополненіе къ ссудосберегательнымъ товариществамъ закономъ 1 іюня 1895 года были созданы у насъ, подъ контролемъ и ближайшимъ наблюденіемъ мѣстныхъ учрежденій госуд. банка, *кредитныя товарищества*, которымъ была предоставлена возможность получать для образованія своего основного капитала ссуды изъ государственнаго банка. Сверхъ того основной капиталъ ихъ создается еще вкладами, предоставленными земскими, общественными и частными учрежденіями или частными лицами. Къ 1 января 1904 года открыли дѣйствія свои болѣе 300 товариществъ съ общей суммой вкладовъ болѣе 1.800.000 рублей; выдано же ссудъ было болѣе, чѣмъ на $2^1/_2$ милліона рублей.

Что касается крестьянскихъ учрежденій мелкаго кредита, не спеціальнаго характера, то здѣсь слѣдуетъ упомянуть о существующихъ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ *мірскихъ капиталахъ*, предназначенныхъ для цѣлей мелкаго кредита однообщественникамъ. Такіе капиталы имѣются въ 26 губерніяхъ Россіи, въ количествѣ 1937, съ оборотомъ, по подсчету къ 1 января 1902 года, въ 7.882.275 рублей, изъ которыхъ числилось выданными въ ссуду 6.754.058 руб.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, главнымъ образомъ на мірскіе же капиталы, учреждены были при сельскихъ обществахъ или при волостяхъ *сельскіе и волостные банки*, число которыхъ въ настоящее время доходитъ до 582, съ капиталомъ около $8^1/_2$ милліоновъ. Кромѣ мірскихъ капиталовъ, источникомъ средствъ сельскихъ банковъ служатъ пожертвованія и безпроцентныя ссуды, получаемыя отъ частныхъ лицъ и учрежденій, а равно отъ земствъ. Кредитоваться въ такихъ банкахъ могутъ

только крестьяне сельскихъ обществъ, участвовавшихъ въ учрежденіи даннаго банка; ссуды выдаются на срокъ не болѣе 12 мѣсяцевъ, въ размѣрѣ до 200 руб. подъ процентъ не выше 12 въ годъ. Непосредственное завѣдываніе банкомъ, веденіе счетоводства, пріемъ и выдача денегъ и составленіе отчетовъ банка предоставлено распорядителю, избираемому на должность сельскимъ сходомъ той мѣстности, гдѣ дѣйствуетъ банкъ. Для наблюденія за дѣятельностью распорядителя и разсмотрѣнія просьбъ о выдачѣ ссудъ ежегодно избирается сельскими сходами обществъ—учредителей банка особый повѣрочный совѣтъ. Общій надзоръ за дѣйствіями банка возложенъ на органы крестьянскаго управленія, а отчетность банка посылается въ министерство внутреннихъ дѣлъ и въ министерство финансовъ.

Несравненно лучше и систематичнѣе поставлена организація мелкаго кредита въ губерніяхъ царства Польскаго, гдѣ существуютъ почти повсемѣстно для этой цѣли *гминныя кассы*. Общее число послѣднихъ, равномѣрно распредѣленныхъ по всѣмъ 10 западнымъ губерніямъ, равняется 1319 (къ 1 января 1902 года). Основной капиталъ гминныхъ кассъ былъ составленъ изъ общественныхъ суммъ и, главнымъ образомъ, казенными ассигнованіями. Правительство давало средства этимъ кассамъ въ видѣ безпроцентныхъ ссудъ, но подъ тѣмъ условіемъ, чтобы послѣ накопленія кассой дохода въ размѣрѣ, равномъ данной правительствомъ субсидіи, послѣдняя обращалась на образованіе новой гминной кассы. Къ 1 января 1902 года всѣ гминныя кассы имѣли основного капитала болѣе чѣмъ 1.365.000 рублей. Вмѣстѣ съ тѣмъ, вкладовъ въ кассахъ числилась болѣе 14 мил. рублей, а прибыль отъ операцій превысила 7 мил. рублей.

Брать себѣ ссуды въ гминныхъ кассахъ могутъ, главнымъ образомъ, лица, владѣющія землею въ предѣлахъ данной гмины въ размѣрѣ не болѣе 60 морговъ (30 десятинъ) и ведущія на ней сельское хозяйство. Ссуды выдаются срокомъ до 12 мѣсяцевъ, изъ 8%, въ

размѣрѣ до 100 р. въ кассахъ съ основнымъ капиталомъ менѣе 1000 руб., а въ остальныхъ до 200 рублей; завѣдываніе кассой находится въ рукахъ войта и двухъ выборныхъ лицъ; ревизіи кассы производятъ три выборныхъ домохозяина. Общій надзоръ за кассами лежитъ на учрежденіяхъ по крестьянскимъ дѣламъ, причемъ фактически ревизуетъ кассы комиссаръ не менѣе раза въ годъ [1]).

Судя по даннымъ, собраннымъ мѣстными комитетами о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности, дѣятельность существующихъ уже крестьянскихъ организацій мелкаго кредита мало удовлетворительна. Такъ, волостныя вспомогательныя кассы раздали уже давно большую часть своихъ денегъ и до сихъ поръ не могутъ ихъ выручить, благодаря, съ одной стороны, небрежному веденіи дѣлъ въ волостныхъ правленіяхъ, съ другой стороны, по причинѣ полной несостоятельности заемщиковъ и поручителей по нимъ, или за ихъ смертью, Разсчетныхъ по займамъ книжекъ на рукахъ у крестьянъ заемщиковъ не имѣется, квитанцій въ уплатѣ ими денегъ не выдается, и все сводится къ отмѣткѣ въ книгѣ ссуднаго капитала, дѣлаемой волостнымъ писаремъ; а насколько подобная отмѣтка правильна, нѣтъ никакой возможности провѣрить. Замѣчаются такія ссуды, которыя переписываются изъ года въ годъ, чуть не десять лѣтъ, и изъ срочныхъ давно превратились въ безсрочныя. По приговорамъ волостныхъ сходовъ, ссудные капиталы расходуются не по назначенію, напримѣръ, на пополненіе растратъ, совершенныхъ должностными лицами, на ремонтъ зданія волостнаго правленія и т. п. Веденіе отчетности такъ запутано сложеніемъ наличности съ долговыми записями, что дѣйствительной суммы капитала невозможно провѣрить и установить; нерѣдко капиталы эти и совсѣмъ исчезаютъ, неизвѣстно куда. Вмѣстѣ съ тѣмъ, изъ тѣхъ кассъ, гдѣ средства еще имѣ-

[1]) Свѣдѣнія взяты изъ статьи *Бородаевскаго* см. „Сводъ трудовъ мѣстныхъ комитетовъ“: „кредитъ“ 183—196 стр.

ются, ссуды теперь выдаются съ трудомъ. Такъ, въ 93 дѣйствующихъ въ Архангельской губерніи учрежденіяхъ мелкаго кредита (въ томъ числѣ 58 волостныхъ вспомогательныхъ кассъ) имѣется капитала для ссудъ 227 тысячъ рублей, изъ которыхъ, однако, роздано даже менѣе 83 тысячъ руб., а остальныя деньги лежатъ въ кассахъ, въ большинствѣ случаевъ, обращенными въ $^0/_0/_0$ бумаги, и это—при крайней нуждѣ мѣстнаго крестьянства въ кредитѣ. Впрочемъ, значительно стѣсняетъ пользованіе ссудами изъ этихъ кассъ обязательное требованіе представленія заемщикомъ особыхъ поручителей (изъ домохозяевъ) на каждые 5 руб. занятой изъ кассы суммы.

Въ такомъ же положеніи дѣло обстоитъ и съ удѣльными банками и мірскими капиталами, гдѣ, благодаря небрежности веденія дѣлъ, то всѣ суммы розданы безъ надежды ихъ получить обратно, то лежатъ въ кассахъ и не выдаются крестьянамъ.

Сельскіе банки равнымъ образомъ едва поддерживаютъ свое существованіе, благодаря неудачной ихъ организаціи. Управленіе банкомъ на практикѣ обыкновенно сосредоточивается въ рукахъ одного распорядителя; членами же совѣта при немъ часто состоятъ лица малограмотныя, ничего не понимающія въ банковскихъ операціяхъ и потому не умѣющія контролировать дѣятельность распорядителя, Послѣдствія такого положенія дѣлъ очевидны: стоитъ распорядителемъ быть лицу не добросовѣстному, какъ банкъ становится или его личной кассой, или обращается всецѣло къ услугамъ кулаковъ для ихъ финансовыхъ операцій, а не обслуживаетъ дѣйствительно нуждающагося въ кредитѣ населенія.

Между тѣмъ въ настоящее время нужда въ созданіи дешеваго мелкаго кредита все болѣе усиливается среди крестьянства. Помимо потребностей, удовлетвореніе которыхъ, хотя бы при посредствѣ кредита, является весьма полезнымъ въ интересахъ сельскаго хозяйства, такъ какъ онѣ влекутъ за собою значительное повышеніе производительности труда и понижаютъ одновременно стоимость продукта (таковы, напр; ко-

личественное или качественное улучшеніе инвентаря, обновленіе сѣмянъ и т. д.), рядомъ съ ними имѣются и другія нужды остраго характера, которыя необходимо крестьянамъ удовлетворять немедленно, таковы, напр, необходимость уплаты податей, леченіе болѣзни, похороны, крестины, поѣздки въ городъ по дѣламъ, не терпящимъ отлагательствъ, субсидія члену семьи, отправляющемуся на заработки, пріобрѣтеніе матерьяловъ для кустарной работы, зимнія одежды, разсчетъ съ плотниками за произведенныя постройки, и т. д. Отсутствіе дешеваго кредита на удовлетвореніе такихъ нуждъ влечетъ за собою для крестьянина необходимость обращаться за денежной помощью къ кулаку, которому онъ, въ крайнемъ случаѣ, продаетъ что-либо изъ своего хозяйства за безцѣнокъ—и поступаетъ, пожалуй, даже раціональнѣе, чѣмъ если возьметъ у него деньги въ долгъ: кулакъ считаетъ себя благодѣтелемъ, если даетъ ссуду за 100—200% годовыхъ. Какъ извѣстно, въ отдѣльныхъ случаяхъ такихъ займовъ *по нуждѣ* процентъ достигаетъ 1000%, даже 1500% въ годъ!.. Отсутствіе дешеваго и скораго кредита въ такихъ случаяхъ часто служитъ началомъ разоренія и гибели даже крѣпкихъ крестьянскихъ хозяйствъ.

Признавая необходимость возможно широкаго распространенія у насъ учрежденій мелкаго кредита, считаемъ нужнымъ отмѣтить, что наиболѣе успѣшной окажется ихъ дѣятельность въ томъ случаѣ, когда они будутъ устроены на небольшіе районы дѣйствій—не болѣе какъ на волость. При небольшомъ районѣ каждый заемщикъ, какъ въ смыслѣ матерьяльнаго достатка, такъ и въ отношеніи его нравственныхъ качествъ, будетъ болѣе извѣстенъ завѣдующимъ кредитной операціей, и потому кредитомъ будутъ въ состояніи воспользоваться всѣ благонадежные, хотя и малосостоятельные, хозяева. Въ случаѣ же учрежденія кредитныхъ кассъ по одной, напр., на уѣздъ, такая близость правленія кассъ съ населеніемъ и точная ихъ освѣдомленность о нравственныхъ качествахъ и кредитоспособности заем-

щиковъ будетъ неизбѣжно отсутствовать; почему и ссуды скорѣе всего станутъ получать имущественно-состоятельные крестьяне. Бѣдные же окажутся такими счастливцами только въ исключительныхъ случаяхъ, когда смогутъ доказать свою добросовѣстность и солидность. Наконецъ, при этомъ утрачено будетъ необходимѣйшее условіе доступности мелкаго кредита, именно, нахожденіе кредитной кассы вблизи населенія. При установленіи ея въ уѣздномъ городѣ жителямъ дальнихъ селеній придется за полученіемъ ссуды и за ея уплатой ѣздить не только за десятки, но, смотря по мѣстности, даже за сотни верстъ, теряя и время и деньги, мало того, лишаясь возможности получить своевременно ссуду въ экстренныхъ не терпящихъ отлагательства случаяхъ.

Въ виду сказаннаго, думается намъ, было бы самое практичное создать кредитныя кассы не менѣе одной въ каждой волости, въ общемъ на тѣхъ же основаніяхъ, какъ созданы и функціонируютъ въ настоящее время въ западномъ краѣ гминныя кассы. Такимъ образомъ было бы желательно создать у насъ *вспомогательныя кассы* при волостныхъ правленіяхъ, подъ непосредственнымъ завѣдываніемъ старшины и двухъ выборныхъ волостныхъ жителей, самостоятельныхъ и не состоящихъ на казенной службѣ. Въ интересахъ болѣе правильной постановки счетоводства слѣдовало бы въ кассахъ болѣе крупнаго размѣра учредить еще выборное лицо—казначея, съ платой за труды, по усмотрѣнію волости, изъ мірского капитала. Въ остальныхъ же кассахъ дѣлопроизводство можно было бы поручить, за небольшое добавочное вознагрожденіе, волостному писарю. Предполагая ко времени созданія такихъ кассъ установленіе у насъ *всесословной волости*, какъ низшей земской организаціи, мы смѣло можемъ надѣяться на хорошій *качественный составъ* всѣхъ этихъ лицъ, назначаемыхъ для завѣдыванія по волостямъ учрежденіями мелкаго кредита.

Существуя въ каждой волости, вспомогательныя кассы явятся, съ точки зрѣнія близости къ кліентамъ, какъ бы домашними учрежденіями. Каждый изъ жителей волости не одинъ разъ бываетъ въ волостномъ правленіи, и ему очень легко и удобно обратиться, когда придетъ надобность, въ свою мѣстную кассу за ссудой. Требуя сравнительно ничтожныхъ расходовъ на администрацію, вспомогательныя кассы будутъ имѣть возможность, брать за ссуду небольшой процентъ (напр. 6% годовыхъ); причемъ, не нужно непремѣнно крупнаго основного капитала; главное—требовать своевременнаго и исправнаго взноса ссудъ должниками обратно. Благодаря организаціи такихъ кассъ при волостныхъ правленіяхъ, какъ органахъ земской мелкой единицы, явится возможность установленія взысканій по долгамъ не судебнымъ, а административнымъ порядкомъ; именно, въ случаѣ неуплаты ссуды въ срокъ, послѣдняя будетъ взыскиваться наравнѣ съ земскими сборами, безъ всякого судебнаго разбирательства и неизбѣжной съ нимъ проволочки времени.

Надзоръ за дѣятельностью кассъ долженъ лежать на волостныхъ сходахъ, т. е. на самихъ участникахъ и заемщикахъ кассъ, которые или въ полномъ составѣ, или лучше путемъ спеціально избираемыхъ для того лицъ, должны ежегодно повѣрять и контролировать дѣятельность лицъ, завѣдующихъ кредитными операціями.

Средства для такихъ кассъ могутъ быть получены во 1-хъ, путемъ внесенія въ основной капиталъ тѣхъ общественныхъ суммъ, гдѣ какія по волостямъ имѣются, во 2-хъ, частными вкладами, а затѣмъ посредствомъ безпроцентныхъ ссудъ, изъ казны. Изъ казенныхъ суммъ было бы вполнѣ достаточно отчислить на каждую волостную кассу отъ 1000 до 3000 рублей, подъ условіемъ возвращенія ихъ обратно, когда въ кассѣ накопится дохода на нихъ 100%. Принимая во вниманіе, что въ Европейской Россіи всѣхъ волостей насчитывается около 18.000, мы найдемъ, что казнѣ придется выдать на дѣло мелкаго кредита отъ 12 до 36 милліо-

новъ рублей, которые черезъ 8—9 лѣтъ вернутся въ казну обратно.

Самый размѣръ ссуды не долженъ превышать 50 рублей, и по возможности должно выдавать ихъ на краткій срокъ—не болѣе года, съ допустимой просрочкой до 6 мѣсяцевъ, изъ 6—8% годовыхъ. Обезпеченіемъ исправности уплаты заемщикомъ долженъ служить его надѣлъ, а равно живой и мертвый инвентарь, а для торговцевъ и промышленниковъ—ихъ недвижимое имущество. Что касается крестьянъ, то въ настоящее время каждый небезземельный домохозяинъ имѣетъ въ своемъ владѣніи отъ 1 до 5 душевыхъ надѣловъ, капитальная стоимость которыхъ въ среднемъ не менѣе 300 рублей; сюда еще должно присоединить на каждый дворъ отъ 200 до 500 руб.—стоимость усадебной осѣдлости и инвентаря. Такимъ образомъ, каждая самостоятельная семья крестьянская владѣетъ недвижимостью самое малое на сумму 450 рублей. Это вполнѣ обезпечиваетъ возможность полученія кредитнаго долга maximum въ 50 рублей, особенно если допустить еще ежемѣсячную разсрочку платежа. Требовать поручительства за должника представляется дѣломъ совершенно излишнимъ. При этомъ за долгъ домохозяина, сдѣланный на нужды всей семьи, должны отвѣчать всѣ члены одного и того же двора. При общинномъ землепользованіи у общины всегда имѣется достаточно средствъ понужденія неисправнаго должника, до отнятія у него надѣла и сдачи другому за плату въ цѣляхъ погашенія долга включительно.

Борьба съ малоземельемъ.

Наше сельское населеніе мало культурно; у него нѣтъ ни общаго развитія, ни профессіональнаго знанія и умѣнія. Оно бѣдно, не имѣетъ въ громадномъ большинствѣ случаевъ своихъ сбереженій и такихъ учрежденій, которыя могли бы его снабдить необходимыми средствами для интенсированія его хозяйства и для большей продуктивности его труда. При настоящемъ уровнѣ развитія и эко-

номическомъ положеніи оно не можетъ развить емкость своего хозяйства для приложенія всего своего некультурнаго труда. Чтобы достичь послѣдняго, необходимо въ корень измѣнить крестьянское хозяйство, сдѣлать его интенсивнымъ, это—во 1-хъ, а во вторыхъ, необходимо снабдить населеніе знаніемъ и умѣніемъ, чтобы, обладая ими, населеніе могло использовать свой трудъ въ свободное отъ сельскохозяйственныхъ работъ время, котораго у насъ, благодаря нашему географическому положенію, болѣе чѣмъ достаточно, и въ 3-хъ, необходимо его снабдить капиталомъ и для веденія интенсивнаго хозяйства, и для приложенія своего культурнаго труда внѣ сельско-хозяйственной среды.

Всѣ эти реформы совершиться по волшебству не могутъ. Для коренного измѣненія всего экономическаго и соціальнаго строя населенія необходимо затратить огромныя средства, массу труда въ теченіи многихъ и многихъ лѣтъ. Земледѣльческое же населеніе настолько расшатано экономически, что не можетъ ожидать многіе годы осуществленія этихъ благихъ результатовъ; оно живетъ, кормится, платитъ и прямые и косвенные налоги, ему необходимо прилагать свой трудъ, чтобы на все это заработать; а при наличности условій культурности населенія, этотъ трудъ въ массѣ можетъ быть приложенъ только къ землѣ. Отсюда само собою вытекаетъ, что *параллельно* со всею совокупностью мѣропріятій, направленныхъ къ поднятію экономической жизни земледѣльческаго населенія, какъ то: всеобщее образованіе, широкое распространеніе профессіональныхъ знаній и умѣнія, упорядоченіе правоотношеній, землепользованія, развитіе всѣхъ видовъ кредита, доступнаго для населенія и т. д.,—необходимо принять мѣры и къ расширенію площади землепользованія для доставленія возможности населенію, и при существующихъ условіяхъ веденія имъ хозяйства, получать большій доходъ съ земли, и неминуемо стать въ еще лучшія условія послѣ благодѣтельнаго воздѣйствія на него въ будущемъ выше перечисленныхъ предпріятій мелліоративнаго типа.

Обыкновенно признаютъ четыре главныхъ средства борьбы съ малоземельемъ, а именно: введеніе интенсивной культуры, аренда земли, дополнительный надѣлъ и, наконецъ, переселеніе. Ихъ мы, далѣе и разсмотримъ.

Введеніе интенсивной культуры.

Уже при самомъ надѣленіи крестьянъ землею отведенная имъ въ надѣлъ кормовая площадь, въ видѣ сѣнокосовъ и пастбищь, въ весьма многихъ случаяхъ являлась недостаточной для прокормленія того количества скота, которое необходимо было содержать въ соотвѣтствіи съ размѣрами полученной ими пахотной площади при данномъ строѣ хозяйства. Подъ вліяніемъ же необходимости расширить площадь посѣва, чтобы добыть больше хлѣба при усиливавшемся малоземельѣ, указанное несоотвѣтствіе стало съ каждымъ годомъ все болѣе очевиднымъ, вслѣдствіе широко примѣняющагося почти повсюду обращенія сѣнокосныхъ и пастбищныхъ угодій подъ пахоту, при веденіи трехпольнаго хозяйства по прежнему.

Особенно плохо стоитъ теперь отношеніе посѣвныхъ площадей къ кормовымъ въ центральныхъ и черноземныхъ губерніяхъ. Такъ, напр., въ губерніяхъ: Воронежской, Тамбовской, Орловской. Тульской, Харьковской и Курской площадь земли подъ распашкой составляетъ 82%, 84,1%, 84,2%, 85,1%, 86,4%, и 88,9%. Въ Подольской губ. она доходитъ до 89%. Даже въ Самарской губ. крестьяне обратили въ пашню свыше 84% своихъ надѣльныхъ земель. Въ приволжскихъ губерніяхъ—Нижегородской, Казанской и Симбирской—площадь пашни колеблется отъ 76% до 82½%; въ Черниговской и Полтавской—78% и 76,8%. Въ южныхъ—отъ 70,5% въ Бессарабской, 77,8% въ Таврической,—до 83% въ Херсонской. Сравнительно лучше дѣло стоитъ на востокѣ, гдѣ, напр., въ Оренбургской губ. подъ пашней 54%, въ Пермской 58% и въ Уфимской 45%.

Слѣдуетъ замѣтить въ этомъ отношеніи, что вездѣ, гдѣ посѣвная площадь составляетъ свыше четырехъ пятыхъ всей надѣльной земли, содержаніе скота и рабочихъ лошадей, по крайней мѣрѣ въ томъ количествѣ, въ которомъ это требуется для сколько-нибудь правильнаго хозяйства, становится совершенно невозможнымъ.

Непосредственнымъ результатомъ сокращенія кормовой площади явился у крестьянъ количественный упадокъ скотоводства. Меньше стало у нихъ скотины — нечѣмъ стало и поля удобрять, а отсюда ясно, что и обработка земли стала хуже, и урожаи убавились. Вмѣстѣ съ тѣмъ, мѣстами наблюдается печальное явленіе, именно—крестьяне разучились обрабатывать землю, ведутъ хозяйство спустя рукава, плохо пашутъ и боронятъ, дурно сѣютъ и худо хлѣбъ собираютъ, оставляя массу зерна на полосѣ неубраннымъ.

Такимъ образомъ, приходится сознаться, что, въ большинствѣ случаевъ, полевое хозяйство крестьянъ находится въ настоящее время въ крайне печальномъ положеніи, когда не только благомъ былъ бы переходъ къ раціональнымъ культурамъ, но даже прогрессомъ для хозяйства оказалась бы правильная постановка пресловутаго нашего трехполья, въ смыслѣ соотвѣтствія частей ярового и озимого полей и достаточной наличности кормовой площади для скота.

Важнѣйшей мѣрой поднятія крестьянскаго сельскаго хозяйства является увеличеніе въ немъ кормовыхъ средствъ. Для хозяйствъ большей частью внутреннихъ губерній, гдѣ естественная кормовая площадь почти исчерпана, такой результатъ можетъ быть достигнутъ въ требуемыхъ размѣрахъ преимущественно путемъ перехода отъ господствующаго нынѣ трехполья къ многопольнымъ системамъ хозяйства, съ введеніемъ въ сѣвооборотъ посѣва кормовыхъ травъ или корнеплодовъ. Такой реформой хозяйства, при которой часть полей отойдетъ подъ культуру кормовыхъ растеній, увеличится скотоводство и удобреніе полей, повысится ихъ урожайность и доходы отъ скотоводства, наконецъ,

уменьшится процентъ непроизводительнаго пара. Что касается выбора одной изъ многопольныхъ системъ, то опытъ показалъ уже, что у насъ лучше всего принимается четырехпольная система. Ей для крестьянскаго хозяйства слѣдуетъ отдать предпочтеніе передъ другими болѣе сложными формами полеводства уже потому, что при ней отдѣльные клинья надѣла подвергаются наименьшему сокращенію. Въ Западной Европѣ переходъ къ многопольной системѣ также начался съ четырехполья: такъ называемый Норфольскій сѣвооборотъ (озимь, корнеплодъ, овесъ и клеверъ) является одной изъ наиболѣе типичныхъ его формъ.

Замѣна трехполья новой системой, конечно, потребуетъ значительныхъ средствъ. Но въ этомъ должна помочь казна меліоративнымъ кредитомъ, въ размѣрѣ, напримѣръ, тѣхъ суммъ, какія не дополучатся хозяевами за время ломки хозяйства на новый ладъ.

Нужно, однако, оговориться. И при наилучшихъ условіяхъ меліоративнаго кредита, и при высокомъ уровнѣ среди крестьянъ сельско-хозяйственныхъ знаній, наконецъ, при всемъ желаніи населенія перейти къ наиболѣе интенсивнымъ системамъ сельскаго хозяйства, существующимъ на западѣ, природныя климатическія условія нашей суровой родины въ концѣ концовъ все таки заставятъ насъ отказаться отъ возможности конкурировать въ этомъ отношеніи съ западнымъ сельскимъ хозяйствомъ.

Сельскому хозяйству въ Россіи приходится считаться съ цѣлымъ рядомъ неизвѣстныхъ нашимъ западнымъ сосѣдямъ неблагопріятныхъ условій, тормозящихъ въ значительной степени прогрессъ въ сельскохозяйственной техникѣ. Не говоря уже о крайне скудной природѣ на довольно значительномъ пространствѣ Россіи, нашъ климатъ болѣе континенталенъ, чѣмъ въ западной Европѣ. Это значитъ, что у насъ періодъ безморознаго времени короче, зима суровѣе, осадковъ

меньше и распредѣлены они болѣе неравномѣрно, повышеніе температуры весною идетъ быстрѣе.

Отсюда рядъ слѣдующихъ неблагопріятныхъ послѣдствій для землевладѣнія: періодъ роста растеній короче, озимыя растенія легко страдаютъ отъ зимнихъ холодовъ, кущеніе злаковъ менѣе обильно, позднеспѣлые и болѣе производительные сорта страдаютъ отъ раннихъ заморозковъ, весенній періодъ развитія коротокъ, лѣтнія неравномѣрныя засухи вызываютъ ускоренное неполное вызрѣваніе и т. д. Съ другой стороны, сроки времени для сельско-хозяйственныхъ работъ у насъ короче: время весенняго посѣва такъ коротко, что не даетъ возможности крестьянамъ выполнить его сколько нибудь совершеннымъ образомъ; время осенней подготовки тоже сокращено. Вмѣстѣ съ тѣмъ малый періодъ работъ заставляетъ сельскихъ хозяевъ усиливать мертвый инвентарь. Это одинаково распространяется и на ту часть живаго инвентаря, которую представляютъ собою рабочія руки. Въ теченіи долгихъ зимнихъ мѣсяцевъ значительное число этихъ рукъ остается праздными или должно искать примѣненія своему труду внѣ земледѣльческаго промысла, что далеко не всегда удается. Результатомъ же такихъ условій является сравнительно низкая продуктивность труда земледѣльца, причемъ онъ сплошь и рядомъ проѣдаетъ зимой то, что заработалъ лѣтомъ. Мало того, тяжелыя климатическія условія нашей родины неизбѣжно вынуждаютъ оставлять въ крестьянскомъ хозяйствѣ значительную площадь непроизводительнаго пара и лишаютъ хозяевъ возможности сокращать его, хотя бы до тѣхъ размѣровъ, какія существуютъ напр. въ Германіи. Дѣло въ томъ, что суровый климатъ Россіи не позволяетъ въ сѣверныхъ, центральныхъ и части южныхъ губерній (кромѣ Новороссіи, Бессарабіи, и отчасти юго-западныхъ губ.) слишкомъ оттягивать озимый посѣвъ, производить его осенью по снятіи ярового хлѣба или послѣ картофеля, свекловицы и т. д., какъ это очень часто практикуется за границей. Это у насъ

въ большинствѣ мѣстностей невозможно, въ виду значительно болѣе ранняго, нежели на югѣ и на юго-западѣ, наступленія холодовъ, препятствующихъ развитію и укорененію озимыхъ посѣвовъ передъ наступленіемъ зимняго времени. На западѣ, напр. во Франціи, представляется возможнымъ производить озимый посѣвъ даже въ октябрѣ, а съ рискомъ и въ декабрѣ; между тѣмъ у насъ уже рискованно производить посѣвъ озими даже въ концѣ августа. Въ то же время рѣдко удается въ сѣверной и средней Россіи къ первой половинѣ августа покончить съ уборкой яровыхъ хлѣбовъ; выкопка же корнеплодовъ (свекловицы, картофеля) обыкновенно производится только въ сентябрѣ. Такимъ образомъ, въ большинствѣ Россіи представляется физически невозможнымъ производство озимаго посѣва послѣ снятія ржи. Да и въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ было бы возможно, обыкновенно хозяева не рѣшаются дѣлать этого, опасаясь рисковать сѣять озимь въ неотдохнувшую послѣ ржи высушенную послѣдней почву. Правда, мѣстами у насъ, вмѣсто озими, чтобы не оставлять земли въ теченіи года незанятой, иногда засѣваютъ поле какимъ-либо яровымъ растеніемъ, устраняя даже совершенно изъ сѣвооборота озимые хлѣба; однако, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, хозяйство ведется на иныхъ началахъ. Озимые хлѣба, главнымъ образомъ рожь, составляютъ основу нашей полевой культуры, и замѣна такой системы хозяйства съ озимыми хлѣбами посѣвомъ однихъ яровыхъ пока у насъ немыслима, а, слѣдовательно, теперь у крестьянъ обязательно требуется годъ пара подъ рожь, равно какъ и подъ озимую пшеницу, гдѣ таковая сѣется. Такимъ образомъ, пока что, паръ въ крестьянскомъ нашемъ земледѣліи представляется, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, неизбѣжнымъ зломъ, устраненіе котораго или доведеніе до ничтожныхъ размѣровъ, какъ на западѣ, пока невозможно: потому то у насъ для самаго раціональнаго хозяйства потребуется соотвѣт-

ственно болѣе земли, чѣмъ на западѣ, а у крестьянъ именно земли то и мало.

Поправить дѣло можно еще мѣстами переходомъ прямо на огородныя и парниковыя культуры и на садоводство, т. е. на замѣну сѣмяннаго полевого хозяйства инымъ. Въ общемъ же приходится сознаться, что у насъ борьба съ малоземельемъ посредствомъ замѣны трехполья высшими способами сельско-хозяйственной культуры, благодаря суровымъ климатическимъ условіямъ, возможна далеко не повсемѣстно, и во всякомъ случаѣ имѣетъ свои предѣлы. При томъ, здѣсь мы никогда не достигнемъ тѣхъ степеней интенсивнаго хозяйства, какія дозволяетъ создавать нашимъ западнымъ сосѣдямъ ихъ благодатный климатъ.

Такимъ образомъ, въ конечномъ результатѣ борьбы съ малоземельемъ, особенно въ ближайшее время, наилучшимъ средствомъ такой борьбы явится расширеніе площади землепользованія у крестьянъ путемъ аренды, дополнительнаго надѣленія или переселеніемъ.

Аренда земли.

Аренда частновладѣльческой земли. Во многихъ мѣстностяхъ Россіи состоятельныя крестьянскія семьи, обладая и хорошимъ инвентаремъ и достаточнымъ запасомъ средствъ, и рабочихъ силъ, оказываются, по малоземелью, лишенными возможности приложить на своемъ надѣлѣ въ полной мѣрѣ свой трудъ и инвентарь, почему, желая использовать ихъ въ надлежащей мѣрѣ, снимаютъ себѣ въ аренду необходимые участки частно-владѣльческой или казенной земли. Слѣдуетъ отмѣтить въ этомъ отношеніи наблюденіе нашихъ изслѣдователей крестьянскаго быта, что въ настоящее время у насъ по размѣру арендуемыхъ площадей, наибольшее количество ихъ находится въ пользованіи именно *состоятельныхъ* крестьянскихъ семействъ. Точно также, росту надѣльной земли вполнѣ соотвѣтствуетъ и ростъ арендной, т. е. чѣмъ больше надѣльной земли

имѣетъ данное хозяйство, тѣмъ обширнѣе и арендуемая имъ площадь. Здѣсь, въ видѣ общаго правила, менѣе состоятельные крестьяне оттѣсняются отъ земли болѣе состоятельными, и, такимъ образомъ, существующее между ними экономическое неравенство усиливается еще болѣе.

По справедливому въ этомъ отношеніи замѣчанію проф. Карышева въ его сочиненіи „Крестьянскія внѣнадѣльныя аренды"—„крестьянскія аренды возрастаютъ и падаютъ вмѣстѣ съ надѣлами.... Чѣмъ выше надѣлы, тѣмъ больше растетъ и средній размѣръ арендуемыхъ участковъ. Стремленіе арендовать частно-владѣльческія земли наиболѣе ссуществляется зажиточными и сравнительно многоземельными семьями. Вездѣ, гдѣ мы имѣемъ возможность привести группировку крестьянъ по размѣрамъ надѣловъ,—вездѣ мы встрѣчаемъ неуклонно повторяющійся ростъ арендъ *вмѣстѣ* съ увеличеніемъ количества ихъ собственной земли. Приведенными данными существованіе прямой зависимости между этими факторами крестьянскаго хозяйства должно считаться доказаннымъ".

Въ видѣ нагляднаго освѣщенія сказаннаго укажемъ здѣсь мѣстныя статистическія данныя, приведенныя по разсматриваемому вопросу Епифанскимъ уѣзднымъ комитетомъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности; а именно:

Крестьянскія хозяйства, засѣвающія	Общее число хозяйствъ	Изъ нихъ арендуютъ	На 100 хозяйствъ арендуютъ	Арендной земли на дворъ (въ десятинахъ)	Надѣльной земли на дворъ (въ десятинахъ)	На 100 арендъ приходится	
						На годъ	На долгій срокъ
0 до 1 десят.	1.880	67	3,6	0,5	0,99	70,3	29,7
1— 2 „	3.192	418	13,1	0,7	1,6	54,0	46,0
2— 5 „	6.666	3.478	52,1	1,6	2,7	74,4	52,6
5—10 „	4.394	3.850	86,6	3,3	3,9	39,3	60,7
свыше 10 д.	1.206	1.144	95,0	5,2	5,2	37,6	62,4

Возможности успѣха аренды частно-владѣльческой земли экономически слабыми малоземельными крестьянами мѣшаетъ еще и то обстоятельство, что лица такія могутъ, по капиталамъ своимъ, арендовать сравнительно ничтожные по размѣру участки земли—много одну или $1^1|_2$ десятины. Поэтому и землевладѣльцы входятъ съ ними лично въ соглашенія рѣдко, только по какимъ-либо особымъ соображеніямъ, напр. обязуя ихъ *отработать* арендную плату цѣликомъ или отчасти личнымъ трудомъ на помѣщичьихъ земляхъ, или изъ одолженія, желая поддержать съ арендующими хорошія сосѣдскія отношенія и т. д. Обыкновенно же землевладѣлецъ, рѣшившись сдавать землю свою въ аренду, сперва ищетъ крупнаго съемщика, имущественное положеніе котораго дозволяетъ заключить съ нимъ арендный договоръ, не опасаясь за исправный взносъ денежныхъ платежей.

Такими крупными съемщиками почти постоянно являются именно зажиточные крестьяне-кулаки, арендующіе большіе земельные участки съ цѣлью извлеченія изъ нихъ дохода путемъ раздачи мелкими клочками въ подъаренду нуждающимся въ землѣ маломочнымъ крестьянамъ, по несоразмѣрно высокимъ цѣнамъ, пользуясь нуждою и безвыходнымъ положеніемъ своихъ арендаторовъ.

Нужда въ землѣ и необходимость для малоземельныхъ крестьянъ во что бы то ни стало добыть недостающее съ надѣла количества пищи и корма, благодаря возникающей отъ этого огромной конкурренціи и малому сравнительно количеству сдающейся въ аренду земли или захвату ея спекулянтами на крестьянской нуждѣ, заставляютъ крестьянъ снимать себѣ „шматки“ земли на явно невыгодныхъ условіяхъ за несоразмѣрно высокую плату, которой нѣтъ возможности выручить доходомъ съ арендуемой земли. Но такой арендаторъ и не помышляетъ о доходѣ съ земли. Онъ является простымъ съемщикомъ, работникомъ; ему безусловно необходимо добыть извѣстное добавочное количество

пищи для себя и своей семьи, или извѣстный запасъ корма для скота, и онъ волей—неволей долженъ трудиться изо-всѣхъ силъ, чтобы выручить этотъ недостатокъ пропитанія съ арендуемой земли, и имѣть еще возможность внести арендную плату; затраченная же для добыванія этихъ продуктовъ рабочая сила и время идутъ даромъ.

Приведемъ здѣсь нѣкоторыя данныя въ этомъ отношеніи изъ трудовъ мѣстныхъ комитетовъ о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности:

Въ Самарской губерніи указываются случаи, когда земля, снятая посредниками по 6—8 р. за десятину, сдавалась ими въ подъаренду по 12—18 р.; причемъ еще лучшія земли оставались въ личномъ пользованіи съемщика, и послѣдній обязывалъ своихъ арендаторовъ обрабатывать ея въ дополненіе къ арендной платѣ. Случаи такого рода приводятся массами и по другимъ губерніямъ, гдѣ, напр., въ Симбирской, Бессарабской, Курской и др. кулаки—съемщики постоянно наживаютъ при подъарендѣ на каждой десятинѣ въ 3—4 раза болѣе, чѣмъ сами за нее платятъ.

Въ Тульской губерніи (Епифанскій уѣздъ) арендная плата за посѣвную десятину равняется въ среднемъ 12 руб.; а если перевести всѣ расходы по обработкѣ и ликвидаціи урожая на деньги, то средняя чистая доходность выразится въ суммѣ 11 р. 17 к. Въ результатѣ, при оцѣнкѣ личнаго труда, арендная плата поглощаетъ здѣсь не только чистый доходъ, но и часть заработной платы. Въ Задонскомъ уѣздѣ (Воронежской губ.) въ среднемъ чистый доходъ на 1 десятину посѣва составляетъ 10 р. 46 к., а арендная цѣна при подесятинной съемкѣ—14 р. 52 к. Тамъ же, въ Землянскомъ уѣздѣ, сотвѣтствующія цифры равны 16 р. 3 к. и 18 р. 53 к.

Въ Орловской губерніи чистая доходность земли у крестьянъ при посѣвѣ ржи опредѣляется для уѣздовъ — Малоархангельскаго, Мценскаго, Ливенскаго и Елецкаго—въ 13 р. 46 коп.; тогда какъ арендная плата при этомъ равняется 18 р. 2 коп. съ десятины. Для

уѣздовъ Болховскаго, Орловскаго, Кромскаго и Сѣвскаго чистый доходъ съ десятины ржаного поля равняется 11 р. 21 коп., тогда какъ арендная плата подъ рожь съ десятины равна 17 р 10 коп. Для уѣздовъ Карачевскаго и Дмитровскаго соотвѣтствующія цифры достигаютъ 8 р. 71 коп. и 14 р. 65 коп., а для Брянскаго и Трубчевскаго уѣздовъ—4 р. 78 коп. и 5 руб. 55 коп Очевидно, здѣсь всюду крестьянину-арендатору, и то при благопріятныхъ условіяхъ, отъ арендуемой десятины остается лишь та сумма, какую было бы необходимо уплатить за производство всѣхъ работъ по обработкѣ и уборкѣ земли.

Въ Курской губерніи, въ Обоянскомъ уѣздѣ, при существующей средней арендной цѣнѣ 14 р. 2 коп. за десятину ярового посѣва, крестьянинъ получаетъ отъ десятины яри чистой прибыли 6 р. 7 коп., но только въ томъ случаѣ, если не считать труда; если же къ расходамъ по арендѣ прибавить стоимость обработки, то получается убытокъ въ 4 р. 55 коп. Аренда десятины озимого посѣва, не считая труда, даетъ чистаго дохода 9 р. 17 коп., а считая стоимость труда—6 р. 55 коп. убытка.

Для Суджанскаго уѣзда арендная цѣна подъ озимое составляетъ въ среднемъ 23 р. 43 коп , а для всей Курской губерніи—21 рубль. Нормальный общій доходъ съ десятины при среднемъ урожаѣ—41 р. 15 коп. Вычитая отсюда стоимость аренды (23 р. 43 коп.), получаемъ доходъ съ десятины, не считая стоимости затраченнаго труда, въ 17 р. 72 коп. По губерніи этотъ доходъ въ среднемъ равенъ всего 9 р. 62 коп. Средняя стоимость обработки 1 десятины подъ озимое равна 17 р. 27 коп. При вычетѣ стоимости работы изъ общей прибыли, оказывается, что арендаторъ 1 десятины подъ озимь получаетъ чистой прибыли 45 копѣекъ. При подсчетѣ же для всей губерніи получается убытокъ съ 1 десятины въ 4 р. 85 коп.

Самая аренда такая заключается, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, на одинъ (75%), рѣдко на два

года. Въ результатѣ же вздутыхъ цѣнъ за аренду и краткости срока пользованія мы видимъ, что и пользованіе землею со стороны арендатора ведется самое хищническое: желая вознаградить себя за высокую арендную плату, онъ стремится возможно полнѣе использовать силы земли въ теченіе арендnаго срока, хотя бы такой способъ хозяйства отразился самымъ пагубнымъ образомъ на плодородіи почвы въ будущемъ.

Не лучше, если не хуже, обстоитъ дѣло и въ случаѣ сдачи земли въ долгосрочную (3—12 лѣтъ) аренду съемщикамъ кулакамъ, промышляющимъ земельной обработкой и сдачей ея въ подъаренду мелкими участками. Съемщикъ такой, пользуясь нуждою помѣщика, старается захватить землю себѣ по возможно дешевой цѣнѣ, а потомъ у него одна забота—выжать изъ земли всѣ соки за время аренды, не заботясь о поддержаніи производительности почвы. Обыкновенно имѣніе, прошедшее черезъ такую аренду, становится неузнаваемымъ: все что можно увезти, продать, срубить, изъ него выбирается, строенія валятся, оставленныя все время аренды безъ ремонта, и приходятъ въ полную негодность; инвентарь, если и былъ сданъ по описи, возвращается въ невозможномъ состояніи. Земля обращается подъ сплошную распашку, продолжавшуюся нѣсколько лѣтъ подъ рядъ, безъ всякаго перерыва, безъ какой либо системы сѣвооборота, безъ соблюденія элементарныхъ требованій раціональнаго хозяйства—просто лишь съ цѣлью получить съ земли за время аренды все возможное, а потомъ, какъ выжатый лимонъ бросить на произволъ судьбы—хозяину на шею, и т. д. Словомъ, для того чтобы послѣ такой аренды вновь привести имѣніе въ приличный хозяйственный видъ, хозяину придется на него потратить массу и средствъ и труда, да и то иной разъ безуспѣшно.

Результаты такихъ арендъ очевидны: сельское хозяйство на арендуемыхъ земляхъ приходитъ въ полный упадокъ. Хозяинъ земли получаетъ сравнительно ничтожное вознагражденіе за снимаемую у него землю;

мало того, сплошь и рядомъ ему не приходится получать даже выговореннаго за пользованіе вознагражденія. Дѣло въ томъ, что даже кулаки-съемщики земли часто вносятъ арендную плату полностью лишь въ урожайные годы; а въ случаѣ неурожая или даже просто недорода, когда и сами имѣютъ слабую получку съ подъарендаторовъ, такъ изворачиваются, что хозяевамъ земли не представляется возможности даже по суду взыскать съ нихъ недоплаченное. Еще хуже обстоитъ дѣло при сдачѣ земли въ аренду мелкими участками крестьянамъ непосредственно. На практикѣ въ такихъ случаяхъ установился обычай, что крестьяне, при заключеніи договора, не вносятъ никакого задатка, или же платятъ сравнительно ничтожныя суммы—отъ 50 к. до 2 рублей съ десятины; окончательный же разсчетъ производится уже осенью послѣ сбора урожая при свозѣ съ поля копенъ. При этомъ, если годъ былъ урожайный, землевладѣлецъ получитъ арендную плату сполна, при неурожаѣ въ его пользу остается обыкновенно одинъ задатокъ. Далеко не всякій хозяинъ рѣшится въ такихъ случаяхъ, по примѣру кулаковъ-съемщиковъ, черезъ своихъ прикащиковъ удерживать копны крестьянъ на полѣ до полной уплаты причитающейся аренды, т. е. другими словами, обречь ихъ на голодовку: полезно бываетъ помнить въ такихъ случаяхъ о поддержаніи хорошихъ сосѣдскихъ отношеній: иначе вѣдь и „красный пѣтухъ“ недалеко....

Нѣтъ выгоды въ такой „продовольственной арендѣ“ и для крестьянъ, когда они, уплачивая съемщикамъ бѣшеныя деньги за арендуемую землю, стремятся, въ погонѣ за кускомъ хлѣба, лишь во что бы то ни стало добыть себѣ недостающее количество пищи и корма, и когда имъ дѣйствительно приходится не только не получать дохода съ земли, но еще въ стремленіи свести концы съ концами *даромъ* примѣняетъ свой трудъ къ арендуемой землѣ.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что въ конечномъ результатѣ разсматриваемыхъ случаевъ аренды отъ нея

обогащаются не хозяева и не арендаторы-крестьяне изъ малоземельныхъ, но исключительно посредники—спекулянты, съ колоссальнымъ къ тому же ущербомъ для сельскаго хозяйства.

Болѣе гарантіи для землевладѣльца получить доходъ съ своего поля даетъ случай такъ называемой испольной формы аренды, т. е. такого соглашенія, по которому крестьянинъ арендаторъ въ обычномъ видѣ сдѣлки обязывается снимаемую у помѣщика землю обработать, обсѣменить и убрать урожай, причемъ за пользованіе землею половину урожая свозить къ землевладѣльцу во дворъ въ его пользу. Въ виду того, что крестьяне обыкновенно обрабатываютъ землю плохо и еще хуже ее удобряютъ, урожаи на испольной землѣ бываютъ крайне слабые; почему и доходъ съ такой аренды и арендатору, и хозяину бываетъ очень малъ. Дѣйствительно, практика показываетъ намъ, что помѣщики рѣшаются на эту форму хозяйства лишь по нуждѣ, когда у нихъ не хватаетъ оборотнаго капитала для веденія хозяйства.

Тамъ, гдѣ существуетъ хроническая нужда въ рабочихъ рукахъ, въ большомъ распространеніи еще одинъ видъ аренды—отработной, когда за арендуемую землю крестьяне обязываются въ теченіи извѣстнаго срока производить опредѣленныя работы въ помѣщичьей экономіи, напр., убирать хлѣбъ съ поля, обрабатывать корнеплоды, вывозить навозъ и т. д. Правда, этимъ достигается основная цѣль аренды—пріобрѣтеніе въ имѣніе рабочихъ рукъ, иногда даже на выгодныхъ условіяхъ. Однако результаты сдѣлокъ въ общемъ далеко не удовлетворительны. Обыкновенно землевладѣлецъ разсчитываетъ на трудъ арендаторовъ въ самое горячее время въ хозяйствѣ—въ страду, когда каждый часъ дорогъ. Между тѣмъ при этомъ и крестьяне спѣшатъ убрать свои поля: своя рубашка къ тѣлу ближе; поэтому и на работу къ помѣщику идутъ они уже послѣ того, какъ управятся со своимъ хозяйствомъ, да и работаютъ скверно. Отсюда обыкновенно непоправимая потеря времени въ по-

мѣщичьемъ хозяйствѣ и неизбѣжные убытки отъ запозданія въ работахъ, ссоры и непріятности съ крестьянами, влекущія часто за собою враждебныя отношенія и на будущее время. Въ результатѣ теперь и большинствомъ землевладѣльцевъ отработная форма аренды признана настолько вредною для раціональнаго хозяйства, благодаря полной зависимости отъ произвола рабочихъ, что на практикѣ съ каждымъ годомъ въ исправныхъ экономіяхъ встрѣчается все рѣже, или съ условіемъ выполненія не экстренныхъ, а обычныхъ терпящихъ отлагательство работъ.

Несравненно выгоднѣе для землевладѣльцевъ другой видъ аренды, именно вынужденной для крестьянъ при черезполосности крестьянскихъ надѣловъ, когда крестьяне мѣстами такъ окружены и запутаны въ межахъ помѣщичьихъ имѣній, что волей-неволей являются вынужденными арендовать различнаго рода „отрѣзки“, „клинья“, „шматки“ и проч. изъ послѣднихъ. Нерѣдко исключительной цѣлью такихъ арендъ является необходимость для крестьянъ получить, путемъ пользованія арендованной землею, скорый и удобный проходъ изъ одной части своего надѣла въ другой, желаніе воспользоваться прогономъ для скота и проч. Наконецъ, такая аренда „поневолѣ“ или противъ воли практикуется крестьянами исключительно въ цѣляхъ избавиться отъ неизбѣжной иначе потравы такихъ угодій ихъ скотомъ, когда штрафныя деньги за потраву обошлись бы крестьянамъ дороже самой аренды.

Конечно, въ такихъ случаяхъ землевладѣлецъ воленъ крестьянъ, „съ кашей ѣсть или масло изъ нихъ пахтать“, назначая за аренду произвольныя цѣны, будучи увѣренъ, что крестьяне все равно *вынуждены* будутъ на нихъ согласиться; однако аренды такого рода носятъ на столько явный характеръ произвола и недобросовѣстности, что далеко не всякій порядочный человѣкъ рискнетъ такимъ способомъ вытягивать жилы изъ крестьянъ. Наконецъ, и къ вопросу объ улучшеніи

крестьянскаго землевладѣнія такого типа аренда не имѣетъ никакого отношенія.

Нѣсколько лучше обстоитъ дѣло съ арендными отношеніями въ тѣхъ случаяхъ, когда землевладѣльцами сдаются крупные земельные участки крестьянскимъ обществамъ или товариществамъ на долгій срокъ. При этомъ арендная плата не превышаетъ обыкновенно силъ арендаторовъ, давая имъ возможность извлекать доходъ съ земли. Въ то же время и пользованіе этими землями входитъ въ самую тѣсную связь со всѣмъ хозяйственнымъ строемъ крестьянъ, которые приспособляютъ къ установившимся арендным отношеніямъ весь свой хозяйственный инвентарь, скотъ, орудія; мало того— не рѣдки случаи, когда арендаторы на такихъ земляхъ обосновываютъ цѣлые поселки. При этомъ и хозяйство на земляхъ, снятыхъ въ долгосрочную аренду ведется крестьянами не хищнически, а исправно и бережно, обычнымъ чаще всего трехпольемъ, какъ и на своихъ надѣлахъ.

Однако и въ этихъ арендныхъ отношеніяхъ есть „ложка дегтя“, заключающаяся именно въ неопредѣленности положенія арендующихъ. По закону нашему аренда не м. б. заключена, при такихъ условіяхъ по общему правилу на срокъ долѣе 12 лѣтъ (иногда до 36 лѣтъ—см. ст. 1693 т. X ч. 1 св. закон.). На практикѣ же *обыкновенно* въ такихъ случаяхъ хозяинъ по истеченіи 12-лѣтняго срока соглашается на продолженіе ея еще далѣе; но онъ можетъ и не согласиться на это, или предложить новыя крайне невыгодныя условія; въ такихъ случаяхъ наступаетъ полная ломка и крушеніе всего хозяйства арендаторовъ, вынужденныхъ выбираться съ насиженныхъ уже мѣстъ и увеливать собою карды безземельныхъ.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что однимъ изъ главныхъ недостатковъ существующаго положенія арендныхъ отношеній являются непомѣрно высокія цѣны, вздутыя или посредниками, умѣло пользующимися крестьянской нуждой въ землѣ, или же (а чаще—одновре-

менно) конкурренціей многихъ домохозяевъ на одинъ и тотъ же сдающійся въ аренду участокъ.

Помочь этому нестроенію можно, однако, лишь *до извѣстной степени*, именно, во первыхъ, борьбой съ кулаками-посредниками посредствомъ предоставленія возможности нуждающимся въ землѣ крестьянамъ самимъ непосредственно вступать въ арендныя соглашенія съ землевладѣльцами. А такъ какъ послѣднимъ и невыгодно, и слишкомъ хлопотно заключать сдѣлки отдѣльно съ каждымъ арендаторомъ-десятинникомъ, то выходъ одинъ, именно—организація сдачи земли въ аренду цѣлымъ крестьянскимъ обществамъ или товариществамъ, съ круговой другъ за друга отвѣтственностью, съ тѣмъ чтобы уже они сами, по взаимному соглашенію, распредѣляли участками между собою арендованную у помѣщика землю.

Здѣсь крупную услугу могли бы оказать нуждающемуся населенію, въ дѣлѣ болѣе правильнаго и прочнаго установленія арендныхъ отношеній, земства и новыя мѣстныя землеустроительныя комиссіи, принявъ на себя посредничество въ организаціи арендъ на указанныхъ началахъ и по выдачѣ необходимыхъ для того ссудъ изъ меліораціоннаго капитала арендаторамъ на обзаведеніе улучшеннымъ инвентаремъ и вообще въ подмогу расширяемому хозяйству. Этотъ же капиталъ долженъ служить резервомъ для уплаты арендныхъ суммъ въ случаяхъ неполнаго урожая, При близкомъ участіи земства, которое выразилось бы здѣсь въ развитіи кредита для нуждъ сельскаго хозяйства вообще и для найма земли въ частности, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ—въ неурожайные годы—и въ гарантированіи уплаты арендныхъ суммъ—успѣхъ дѣла былъ бы обезпеченъ, и землевладѣльцы, увѣренные при наличности такихъ гарантій въ исправности платежа со стороны крестьянъ-арендаторовъ, съ охотой стали бы имъ сдавать свои земли, даже скорѣе, чѣмъ кулакамъ-съемщикамъ. Путемъ вмѣшательства въ это дѣло мѣстныхъ землеустроительныхъ комиссій и земствъ самыя аренд-

ныя отношенія перестали бы имѣть существующій теперь неопредѣленный характеръ отношеній, основанныхъ до извѣстной степени на рискѣ (есть урожай—съемщикъ исправно уплатитъ, нѣтъ,—и въ результатѣ вмѣсто арендной платы—одно горе). Они тогда, напротивъ, получатъ устойчивость и опредѣленность: хозяинъ будетъ знать, что онъ во всякомъ случаѣ арендную плату получитъ; съемщикъ, съ пособіемъ изъ меліоративнаго капитала, покойно и съ выгодой для себя будетъ извлекать изъ земли доходы, особенно если къ той порѣ пройдетъ вопросъ о страхованіи посѣвовъ отъ неурожая. Такимъ образомъ тогда будутъ обезпечены интересы обѣихъ сторонъ въ договорѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, при извѣстныхъ условіяхъ касательно срока и размѣра арендной платы, окажется возможнымъ примѣненіе болѣе культурныхъ пріемовъ хозяйства на арендуемой землѣ. Намъ же именно и важны здѣсь главнымъ образомъ не столько интересы отдѣльныхъ лицъ—собственника или арендатора—сколько прочное положеніе и постоянный прогрессъ сельскаго хозяйства, между тѣмъ послѣднему при арендахъ крайне вредятъ чрезмѣрныя цѣны и краткосрочность найма.

Какъ мы уже указывали выше, въ настоящее время наблюдается почти повсемѣстно, особенно въ центральныхъ губерніяхъ Россіи, непомѣрное возвышеніе арендныхъ цѣнъ, совершенно не соотвѣтствующее дѣйствительной продуктивности и доходности земли, результатомъ чего является неизбѣжное стремленіе арендаторовъ выжать всѣ соки изъ земли, чтобы хотя сколько нибудь скупить такимъ образомъ издержки производства. Объясняется такая „игра на повышеніе“ цѣнъ прежде всего крайней земельной нуждою крестьянъ, когда спросъ превышаетъ въ колоссальномъ размѣрѣ предложеніе, а затѣмъ земельнымъ ростовщичествомъ кулаковъ-посредниковъ по арендѣ.

Принятіе мѣръ противъ этого зла возможно лишь путемъ прежде всего доставленія нуждающимся въ землѣ крестьянамъ въ достаточномъ размѣрѣ добавоч-

ной земли въ пользованіе, а затѣмъ энергичной борьбой при содѣйствіи земствъ и меліоративныхъ капиталовъ противъ посредничества въ арендѣ и предоставленіемъ возможности (какъ уже сказано выше) крестьянамъ входить въ сдѣлки непосредственно съ самими землевладѣльцами. Но и при этомъ не слѣдуетъ забывать, что пока крестьяне будутъ нуждаться въ землѣ и десятками конкуррировать на каждую сдаваемую въ аренду десятину, борьба противъ повышенія цѣнъ все равно будетъ имѣть очень мало успѣха. Правда, нѣкоторые писатели предлагаютъ, въ цѣляхъ упорядоченія отношеній между контрагентами, установить административнымъ или законодательнымъ даже порядкомъ нормировку арендныхъ цѣнъ, сообразно съ дѣйствительной производительностью и доходностью земли. Но спрашивается, какимъ же образомъ урегулировать эти цѣны и какія установить для нихъ нормы, особенно когда къ тому же еще цѣны зависятъ отъ качества почвы каждаго даннаго поля, отъ его болѣе или менѣе возвышеннаго или низкаго положенія, отъ возраста и даже отъ качества лѣса, который на участкѣ росъ, отъ большей или меньшей продолжительности оставленія земли въ залежи или подъ травою и пр.? Очевидно, что никакое вмѣшательство ни закона, ни какихъ бы то ни было комиссій, ни даже суда, какъ это предлагалось нѣкоторыми, тутъ совершенно невозможно, такъ какъ никто, кромѣ владѣльца земли и съемщика ея, не въ состояніи сказать, какая цѣна можетъ быть признана соотвѣтственной, и какая чрезмѣрной, какую цѣну крестьянинъ-съемщикъ можетъ заплатить, и какая для него обременительна.

Не говоря уже о всей трудности и сложности практическаго осуществленія такой задачи, мы отмѣтимъ еще здѣсь, что подобная законодательная нормировка арендныхъ цѣнъ представляетъ собою элементарнѣйшее нарушеніе права частной собственности въ области права свободы пользованія каждаго своимъ имуществомъ, какъ угодно, если только такимъ пользованіемъ не нарушаются права другихъ лицъ. Въ то же время

непосредственное вторженіе во взаимныя отношенія между хозяиномъ и арендаторомъ путемъ обязательнаго предписанія заключать аренду не дороже извѣстной суммы за десятину можетъ повлечь за собою совершенно неожиданныя послѣдствія, именно, или сами владѣльцы, не желая отдавать свои земли за принудительно установленную арендную плату, совершенно прекратятъ сдачу ихъ, поставивъ тѣмъ крестьянъ въ несравненно худшее, чѣмъ даже теперь, положеніе,—или же станутъ сдавать земли по высшей цѣнѣ, уговариваясь скрыть въ договорѣ дѣйствительный размѣръ арендной платы.

Еще крупнымъ недостаткомъ существующихъ арендныхъ отношеній, крайне гибельно отражающимся на сельско-хозяйственной культурѣ, является ихъ краткосрочность. По общему правилу, по крайней мѣрѣ 75% арендныхъ сдѣлокъ заключаются срокомъ на 1, много на два года. При такомъ краткомъ срокѣ, когда арендуется пахотная земля, арендаторъ не станетъ затрачивать на ея обработку больше труда и капитала, чѣмъ сколько можетъ окупиться доходомъ одного года; иначе вся предпринимательская прибыль отъ этого поступитъ неизбѣжно въ пользу не лица, ихъ затрачивающаго, а хозяина или новаго съемщика. Потому то и невозможно требовать отъ краткосрочнаго арендатора не только какихъ-либо меліорацій на арендуемой землѣ: осушенія, орошенія, устройства сельско-хозяйственныхъ промышленныхъ заведеній и т. п., но даже установленія правильнаго плодосмѣна съ многолѣтнимъ сѣвооборотомъ. Наконецъ, такой арендаторъ не можетъ даже обставить свое хозяйство хорошимъ инвентаремъ: все равно послѣ срока аренды придется искать другой земли въ пользованіе, и слѣдовательно снова приспособляться къ новымъ условіямъ и терять на распродажѣ одного и покупкѣ другого инвентаря. Впрочемъ на дѣлѣ ни одинъ арендаторъ и не думаетъ о меліораціи земли, а на оборотъ, стремится выжать изъ нея всѣ соки, по возможности, безъ затратъ со своей стороны. Хозяйство ведется, повторяемъ, на такихъ земляхъ спеціально на

ихъ культурную гибель—не больше, и главное безъ существенной выгоды и для хозяевъ и для арендующихъ.

Большинство лицъ, спеціально обсуждавшихъ вопросъ объ упорядоченіи дѣла сельско-хозяйственной аренды, видятъ возможность поправить это нестроеніе путемъ установленія законодательнымъ путемъ опредѣленнаго срока, не менѣе котораго должна продолжаться аренда между тѣми же контрагентами или ихъ законными наслѣдниками, во всякомъ случаѣ на срокъ около того числа лѣтъ, какое необходимо для завершенія полнаго (или даже двойного) круга сѣвооборота и сверхъ того, двухъ лѣтъ для ликвидаціи аренды или заключенія контракта на новый срокъ. При этомъ, чѣмъ долѣе срокъ аренды, тѣмъ благопріятнѣе должно это, по общему правилу, отражаться на сельско-хозяйственной культурѣ. При долгосрочной арендѣ арендаторъ съ большей увѣренностью можетъ интенсировать свое производство и вкладывать въ него необходимые капиталы, трудъ и знаніе, не опасаясь, что эти затраты не окупятся и не успѣютъ принести ему законной предпринимательской прибыли, т. е. другими словами, выходитъ, что чѣмъ долѣе продолжается аренда, тѣмъ благопріятнѣе отражается это на общемъ сельско-хозяйственномъ прогрессѣ. Въ интересахъ же обезпеченія хозяина отъ хищническаго веденія хозяйства долгосрочнымъ арендаторомъ предлагаютъ установить, при отсутствіи въ арендномъ договорѣ какихъ либо спеціальныхъ указаній, законодательнымъ порядкомъ общія правила, обязательныя для соблюденія арендаторомъ, подъ угрозою въ противномъ случаѣ немедленнаго досрочнаго расторженія аренды и взысканія убытковъ. Въ силу такихъ правилъ каждый долгосрочный арендаторъ будетъ обязанъ: не измѣнять порядка полеводства, выгоновъ и лѣсного хозяйства и скотоводства, оставлять въ неприкосновенности расположеніе усадебныхъ построекъ, прудовъ и колодцевъ, и поддерживать постройки, равно какъ живой и мертвый инвентарь имѣнія въ совершен-

но исправномъ видѣ, чтобы было ему чѣмъ обрабатывать землю на раціональныхъ началахъ. Затѣмъ арендаторъ обязанъ содержать всѣ поля, покосы и выгоны въ совершенно исправномъ видѣ и въ размѣрѣ не меньшемъ, чѣмъ они были при снятіи имѣнія въ аренду.

Всѣми мѣрами этими, до извѣстной степени, можно будетъ упорядочить арендныя отношенія въ сельскомъ хозяйствѣ; думается намъ однако, что все—таки и здѣсь не должно обольщать себя чрезмѣрными иллюзіями. Какія бы мѣры мы не изобрѣтали для упорядоченія арендныхъ отношеній и ради охраненія на арендуемыхъ земляхъ веденія раціональнаго хозяйства, этого, въ конечномъ результатѣ, едва-ли когда добьемся. Нашъ крестьянинъ плохо обрабатываетъ и свою землю, а тѣмъ менѣе станетъ онъ стараться надъ чужой землею, взятой имъ во всякомъ случаѣ на срокъ и въ цѣляхъ извлеченія изъ нея возможно большого дохода. Вмѣстѣ съ тѣмъ, если законъ и частное соглашеніе сторонъ при заключеніи арендnаго договора обратятъ главное вниманіе на улучшеніе землепользованія, этимъ самымъ они будутъ должны предоставить возможно больше льготъ по взносу арендной платы и ея размѣру, чтобы такимъ образомъ лучше заинтересовать арендатора въ улучшеніи земли; въ тоже время такое соглашеніе неизбѣжно должно бить по карману землевладѣльца, а потому едва-ли для него желательно.

Изъ всѣхъ этихъ соображеній на нашъ взглядъ выводъ слѣдующій: Упорядоченіе арендныхъ отношеній въ томъ смыслѣ, чтобы и собственникъ земли получилъ приличный доходъ, и нуждающійся въ землѣ крестьянинъ имѣлъ всегда ея въ достаточномъ количествѣ, и чтобы, наконецъ, земледѣліе при этомъ не страдало отъ хищническаго пользованія землею, и третьи лица, кулаки- посредники не обогащались на чужой счетъ,—въ громадномъ большинствѣ случаевъ возможно однимъ лишь способомъ. Способъ этотъ—выкупная операція при содѣйствіи мѣстныхъ землеустроительныхъ комиссій и крестьянскаго банка, по которой *постоянно* арендуемыя

у землевладѣльцевъ участки земли были бы предоставлены въ собственность ихъ арендаторамъ въ потребномъ размѣрѣ, за соотвѣтствующее при томъ вознагражденіе собственникамъ. Особенно необходимой является такой выкупъ въ случаяхъ „принудительной“ аренды, основанной единственно на неудобствахъ, созданныхъ черезполосностью владѣнія, когда арендаторы находятся въ полной зависимости отъ владѣльцевъ, не извлекая въ то же время никакихъ экономическихъ выгодъ отъ подобной дорогой аренды. Послѣдняя представляетъ такую язву въ крестьянскомъ быту, что возможно скорѣйшее уничтоженіе ея путемъ исправленія черезполосности явится актомъ простой справедливости—не болѣе.

На практикѣ крестьянской жизни мы часто встрѣчаемъ въ настоящее время случаи *аренды крестьянами крестьянскихъ же надѣльныхъ земель*. Причинъ такому явленію много. Прежде всего, съ увеличеніемъ количества населенія, все болѣе и болѣе уменьшается размѣръ земельнаго надѣла на одинъ крестьянскій дворъ; такъ что мѣстами крестьянамъ становится уже не только экономически-невыгодно вести на своемъ надѣлѣ хозяйство, но и прямо невозможно, благодаря тому, что съ него все равно нечѣмъ будетъ прокормить семью. Въ такихъ случаяхъ многіе крестьяне рѣшаются искать себѣ средствъ существованія внѣ деревни, и ликвидируя совсѣмъ или временно свое сельское хозяйство, сдаютъ свои надѣлы односельцамъ въ аренду. Затѣмъ, и при достаточномъ сравнительно надѣлѣ не мало крестьянъ оказывается не расположенными вести сельское хозяйство, а стремятся найти (и дѣйствительно находятъ) заработковъ болѣе „по душѣ себѣ“ на сторонѣ. Уходя на заработки, они равнымъ образомъ сдаютъ свои надѣлы въ аренду на годъ, а часто и на болѣе долгіе сроки.

Въ виду экстренной обыкновенно необходимости сдать надѣлъ, обычными арендаторами при этомъ являются наиболѣе состоятельные односеленцы—кулаки.

Даютъ они за аренду ничтожную плату, а сами, конечно, ведутъ на этихъ земляхъ самое хищническое хозяйство, не удобряя ихъ и не щадя, а на усадебныхъ мѣстахъ разрушаютъ постройки, хозяйственныя обзаведенія и проч. Въ результатѣ часто бываетъ, что вернувшись на старое пепелище послѣ неудачныхъ попытокъ найти заработокъ на сторонѣ, хозяинъ надѣла находитъ и усадьбу свою разоренной, и поля совершенно истощенными и непригодными для веденія на нихъ хозяйства.

Аренды такого печальнаго типа во многомъ зависятъ отъ существовавшаго до послѣдняго времени стѣсненія крестьянъ въ свободѣ ихъ выхода изъ сельскаго состоянія, и законодательныхъ препятствій къ свободѣ распоряженія своимъ надѣломъ и выходу изъ общины съ правомъ требовать себѣ вознагражденія отъ общины за уступку „права членства“.

Во всякомъ случаѣ, разъ какой крестьянинъ стремится выйти изъ крестьянства, слѣдуетъ озаботиться объ *облегченіи* неизбѣжныхъ при такомъ выходѣ формальностей и помочь ему возможно выгоднѣе окончательно ликвидировать свое деревенское хозяйство, до *продажи* надѣла включительно, чтобы доставить ему такимъ образомъ средства для обзаведенія новымъ хозяйствомъ тамъ, гдѣ онъ пристроится. Нельзя всѣхъ крестьянъ „сердечнымъ попеченіемъ“ загонять въ деревни и принуждать непремѣнно вести сельское хозяйство! Теперь же крестьяне именно силой привязаны къ земледѣлію и къ землѣ, не будучи въ правѣ реализовать свои надѣлы или выгоды членства въ общинѣ. Отсюда неизбѣжная и печальная по экономическимъ послѣдствіямъ сдача надѣловъ въ аренду кулакамъ.

Наконецъ, бываютъ случаи, когда крестьяне, благодаря невозможной черезполосицѣ или крайне невыгодному въ хозяйственномъ отношеніи распредѣленію надѣльныхъ земель, сдаютъ въ аренду отдаленные запольные, черезполосные участки своихъ земель, которыхъ они, за дальностью разстоянія, сами обрабатывать не мо-

гутъ; въ такихъ случаяхъ, имѣющихъ характеръ вынужденной сдачи, земли сдаются крестьянами обыкновенно дешевле существующихъ нормальныхъ арендныхъ цѣнъ. Очень часто при этомъ взамѣнъ сданныхъ въ аренду участковъ надѣльной земли, крестьяне сами арендуютъ у сосѣднихъ владѣльцевъ или крестьянъ же земли, лежащія по близости. Такіе случаи происходятъ не вслѣдствіе даже малоземелья даннаго селенія, а вслѣдствіе крайне неудобнаго для полевой культуры расположенія надѣльныхъ земель, благодаря черезполосности. Борьба противъ такого зла должна быть направлена къ стремленію устранить чрезполосность всѣми доступными и возможными въ этихъ цѣляхъ средствами и способами (см. выше стр. 217 слѣд.).

Аренда казенныхъ земель при правильной постановкѣ дѣла представляется однимъ изъ лучшихъ средствъ борьбы съ малоземельемъ и крушеніемъ крестьянскихъ хозяйствъ. Значеніе такой аренды для крестьянскаго хозяйства представляется тѣмъ болѣе важнымъ, что земли эти, какъ всецѣло находящіяся въ распоряженіи казны, могутъ быть съ наибольшею полнотою приспособляемы къ нуждамъ крестьянскаго населенія.

Разсматривая въ этомъ отношеніи наши законоположенія о передачѣ и способахъ пользованія казенными землями, мы видимъ здѣсь постепенное развитіе стремленія сдавать эти послѣднія въ аренду не исключительно въ цѣляхъ извлеченія такимъ путемъ съ крестьянъ-арендаторовъ возможно большей выгоды казнѣ, но и ради улучшенія экономическаго положенія населенія. Въ этихъ цѣляхъ большія, первоначально, площади арендныхъ угодій (нерѣдко отъ 3 до 6 тысячъ десятинъ) стали мало по малу разбиваться на мелкіе участки; торги, производившіеся ранѣе въ губернскомъ городѣ, были переведены на мѣста расположенія оброчныхъ статей, въ ближайшія къ нимъ волостныя правленія; наконецъ, данъ былъ въ законахъ рядъ спеціаль-

ныхъ льготъ по арендѣ, въ особенности для крестьянскихъ обществъ и товариществъ.

Наиболѣе серьезныя улучшенія въ дѣло эксплоатаціи казенныхъ оброчныхъ статей крестьянами внесъ законъ 5-го іюня 1900 года, въ основѣ котораго лежитъ стремленіе, по возможности, удовлетворить потребности въ землѣ наиболѣе нуждающейся части крестьянскаго населенія. Согласно закону этому, право арендовать казенныя оброчныя статьи предоставлено сельскимъ обществамъ, селеніямъ, товариществамъ и отдѣльнымъ крестьянамъ; причемъ, въ обезпеченіе исправнаго платежа оброка, могутъ, взамѣнъ залоговъ, представлять: сельскія общества или селенія—мірскіе приговоры, товарищества—взаимныя ручательства ихъ членовъ, и отдѣльные крестьяне—ручательство благонадежныхъ членовъ того же общества. Приговоры и ручательства принимаются въ обезпеченіе лишь на сумму, не превышающую по разсчету 15 руб. на домохозяина или поручителя. На такихъ условіяхъ сдаются только статьи, за которыя полугодовой оброкъ не превышаетъ суммы обезпеченія посредствомъ мірскихъ приговоровъ или ручательствъ. Сельскимъ обществамъ, селеніямъ и товариществамъ разрѣшается снимать земельныя оброчныя статьи на всякомъ разстояніи отъ своихъ селеній, а прочія статьи—не далѣе 20 верстъ отъ нихъ—тѣ и другія срокомъ до 24 лѣтъ. Отдѣльнымъ же крестьянамъ срокъ аренды ограниченъ 12 годами; причемъ они могутъ брать въ аренду только тѣ оброчныя статьи, которыя отстоятъ отъ ихъ селеній не далѣе 20 верстъ. Для такой аренды безъ торговъ требуется заключеніе земскаго начальника о необходимости для крестьянъ той земли, которую они желаютъ арендовать, и утвержденіе губернатора, послѣ чего земля отдается имъ по среднимъ существующимъ цѣнамъ.

Означенный законъ слѣдуетъ разсматривать лишь какъ первый шагъ правительства въ дѣлѣ правильной постановки вопроса о способахъ пользованія казенной

землею въ интересахъ крестьянъ и улучшеніи условій аренды казенныхъ земель.

Однимъ изъ крупныхъ недостатковъ закона 5 іюня 1900 года является красной нитью проходящая въ немъ забота законодателя о сдачѣ оброчныхъ статей по цѣнамъ, возможно болѣе выгоднымъ для казны. Такимъ образомъ, здѣсь, очевидно, на первомъ планѣ все таки стоитъ казенный фискальный интересъ сдачи земли тѣмъ, кто всего болѣе въ ней нуждается и потому даетъ хорошую плату, а не забота о поднятіи крестьянскаго благосостоянія. Между тѣмъ вопросъ о земельномъ устройствѣ крестьянъ настолько серьезенъ, что казнѣ нечего бояться нѣкоторыхъ временныхъ тратъ и расходовъ; тѣмъ болѣе, что и убытки свои она, съ увеличеніемъ имущественнаго благосостоянія крестьянъ, съ лихвой вернетъ съ нихъ же усиленіемъ поступленія доходовъ путемъ косвенныхъ налоговъ. Такой уступкой со стороны казны должна быть сдача участковъ крестьянамъ безъ торговъ, на льготныхъ условіяхъ, именно въ цѣляхъ улучшенія экономическаго положенія населенія, а не въ видѣ финансовой операціи, приносящей непосредственно доходъ казнѣ.

Дробленіе надѣловъ, благодаря естественному приросту населенія, съ одной стороны, и нищенскому, четвертному (Гагаринскому) надѣлу, съ другой стороны, во многихъ мѣстностяхъ ведетъ къ тому, что на имѣющихся въ распоряженіи отдѣльныхъ семействъ клочкахъ земли не представляется возможности вести даже немудреное полевое хозяйство. Положеніе такихъ семействъ, близкихъ уже къ пролетаріату, глубоко трагично именно ихъ безпомощностью. Истомленные, надорванные жизнью впроголодь, хилые, они не имѣютъ средствъ и силъ для успѣшнаго выполненія труднаго и дорого стоящаго переселенія на новыя мѣста и должны роковымъ образомъ сидѣть на прежнемъ пепелищѣ. Крестьянскій банкъ тоже имъ не можетъ помочь; для пріобрѣтенія земли при его посредствѣ нужно имѣть все-таки хотя небольшую сумму денегъ, если не для

прилаты къ банковскому ассигнованію, то хотя бы на первое обзаведеніе; а затѣмъ и въ будущемъ ждутъ покупщика срочныя погашенія долга банку подъ угрозой иначе продажи „прикупки“ съ аукціона за невзносъ платежей. Такимъ образомъ, этимъ крестьянамъ остается одинъ выходъ, одно средство имѣть достаточно земли для возможности не умереть съ голоду, именно просить изъ милости у сосѣднихъ землевладѣльцевъ, гдѣ они имѣются, дать земли въ аренду „исполу“, или даже на болѣе тяжелыхъ условіяхъ. Экономическое положеніе этихъ крестьянъ грозитъ такими серьезными осложненіями въ будущемъ, что государство неизбѣжно должно обратить вниманіе на это и озаботиться о доставленіи имъ земли на льготныхъ началахъ, именно: предоставленія имъ права снимать въ аренду *безъ торговъ*, срокомъ не свыше 24 лѣтъ [удлиненіе срока желательно въ видахъ побужденія съемщиковъ къ производству наиболѣе важныхъ мелiоративныхъ работъ], подъ обезпеченіе круговою порукою арендующихъ, участковъ земли размѣромъ не болѣе средняго душевого надѣла, установленнаго Положеніями 19 февраля 1861 года для данной мѣстности, не стѣсняясь при томъ разстояніемъ этихъ участковъ отъ мѣста жительства арендаторовъ, и по цѣнѣ, опредѣляемой по соображенію съ прежде получавшимся доходомъ казны отъ этихъ участковъ.

Мѣра эта, при разумномъ и умѣломъ пользованіи ею, можетъ оказаться въ рукахъ правительства могучимъ орудіемъ борьбы противъ земельной нужды у крестьянъ и противъ крестьянскаго пролетаріата. Такая ничтожная въ общемъ государственномъ оборотѣ льгота отъ казны крестьянамъ дала бы въ буквальномъ смыслѣ жизнь десяткамъ тысячъ бѣдняковъ и, освободивъ вмѣстѣ съ тѣмъ государство отъ безнадежныхъ недоимщиковъ, увеличило бы кадры того крѣпкаго къ землѣ и сильнаго землею крестьянства, которымъ жива и держится Россія.

Другой крупный недостатокъ существующаго положенія вещей въ области разсматриваемыхъ отношеній заключается въ томъ, что и въ настоящее время сдаваемые въ аренду казенные участки нерѣдко по своимъ размѣрамъ представляются слишкомъ крупными и мало пригодными для мелкихъ арендаторовъ, какими являются крестьяне, не соотвѣтствуя ни ихъ платежнымъ средствамъ, ни размѣрамъ ихъ хозяйства. Поэтому, во многихъ случаяхъ, участки эти арендуются лишь богатыми крестьянами, которые уже *отъ себя* передаютъ ихъ по частямъ за высокую, конечно, арендную плату дѣйствительно нуждающимся въ землѣ малосильнымъ крестьянскимъ семьямъ.

Это—крупное нестроеніе, бороться противъ котораго законодателю возможно путемъ установленія закономъ указаннаго уже нами выше правила о предоставленіи крестьянамъ въ аренду безъ торговъ, срокомъ до 24 лѣтъ, участковъ земли на каждаго размѣромъ не болѣе средняго душевого надѣла, установленнаго при эмансипаціи для данной мѣстности, не стѣсняясь при томъ разстояніемъ участковъ этихъ отъ селеній, гдѣ приписанъ арендаторъ, и по цѣнѣ, опредѣляемой по соображенію съ прежде получавшимся доходомъ казны отъ этихъ участковъ. Самые участки должны быть, во всякомъ случаѣ, сдаваемы съемщикамъ пригодными и готовыми для того хозяйственнаго назначенія, ради котораго они берутся въ аренду. Такимъ образомъ, напримѣръ, при сдачѣ участковъ подъ пашню казна должна сама озаботиться о снятіи лѣса, выкорчеваніи пней и т. д., чтобы арендаторъ могъ спокойно и непосредственно, вскорѣ послѣ найма, приступить къ хозяйственному пользованію участкомъ. Въ противномъ случаѣ — трудъ крестьянина - арендатора по приведенію участка въ пригодный для веденія на немъ хозяйства видъ долженъ быть принимаемъ по оцѣнкѣ въ зачетъ арендныхъ платежей.

На ряду съ указанными мѣропріятіями необходимо еще содѣйствіе крестьянамъ-арендаторамъ меліо-

ративнымъ кредитомъ на производство необходимыхъ и полезныхъ издержекъ при обзаведеніи хозяйствомъ на арендуемыхъ участкахъ, каковы, напримѣръ, устройство жилыхъ и дворовыхъ арендаторскихъ построекъ, созданіе живого и мертваго инвентаря, расходы по переселенію на новоселье и т. п.

Кромѣ возможности предоставленія нуждающимся крестьянамъ въ арендное пользованіе пахотныхъ участковъ земли, на которыхъ арендаторы могли бы вести свое сельское хозяйство, казенныя земли могутъ обслуживать еще иную, такъ сказать, частичную потребность крестьянъ въ дополнительныхъ къ ихъ земельнымъ надѣламъ угодьяхъ.

Въ настоящее время, какъ мы уже указывали выше, благодаря чрезмѣрной распашкѣ надѣльной земли, у крестьянъ обыкновенно чувствуется острая нужда въ сѣнокосахъ. Этой нуждѣ съ успѣхомъ могли бы помочь казенныя земли, въ составѣ которыхъ имѣются многочисленные покосные участки, а равно такія угодья, которыя легко можно обратить въ сѣнокосы и тѣмъ удовлетворить одну изъ наиболѣе настоятельныхъ потребностей въ современномъ крестьянскомъ хозяйствѣ. Однако и здѣсь, при сдачѣ такихъ сѣнокосовъ, должно обратить серьезное вниманіе на то, чтобы покосные участки сдавались на каждаго арендатора въ размѣрѣ тоже не болѣе средняго надѣла угодьями въ данной мѣстности по положеніямъ 19 февраля 1861 года, чтобы предупредить, такимъ образомъ, участіе кулаковъ—посредниковъ при взятіи покосовъ въ аренду.

Въ заключеніе слѣдуетъ отмѣтить, что и въ настоящее время успѣшное развитіе аренды крестьянами казенныхъ земель на льготныхъ условіяхъ въ значительной мѣрѣ тормозится, благодаря слабой предпріимчивости самихъ крестьянъ и малой ихъ освѣдомленности объ условіяхъ такой льготной аренды. Благодаря этому, они сплошь и рядомъ упускаютъ возможность снять казенную землю въ аренду, затягиваютъ на цѣлые мѣсяцы время подачи прошеній объ отдачѣ имъ земли и,

такимъ образомъ, лишаются возможности получить ее безъ торговъ. Въ результатѣ и теперь еще много участковъ арендуется крестьянами съ торговъ, не смотря на существованіе для нихъ льготной возможности полученія участковъ этихъ въ аренду на несравненно болѣе льготныхъ условіяхъ.

Дополнительный надѣлъ.

Какъ было указано выше (стр. 41—45), стремленіе редакторовъ крестьянскихъ положеній 1861 года дать освобожденнымъ отъ крѣпостной зависимости помѣщичьимъ крестьянамъ земельный надѣлъ въ количествѣ, вполнѣ обезпечивающемъ имъ самимъ и ихъ потомству возможность кормиться исключительно съ земли потерпѣло фіаско, благодаря крайне упорной оппозиціи этому со стороны большинства помѣщиковъ. Подъ давленіемъ послѣднихъ пришлось, въ интересахъ спасенія всей великой реформы, послѣдовательно болѣе трехъ разъ урѣзывать предположенныя нормы крестьянскихъ надѣловъ. Въ результатѣ же получилось, что, при изданіи Положеній 19 февраля, норма высшаго надѣла была сведена до такого уровня, при которомъ часть прежнихъ надѣловъ, состоявшая до эмансипаціи въ фактическомъ пользованіи крестьянъ, подлежала у значительнаго числа послѣднихъ отрѣзкѣ въ пользу ихъ бывшихъ господъ. По замѣчанію П. П. Семенова, можно считать, что такимъ образомъ, въ общемъ, за бывшими помѣщичьими крестьянами оставлено было не болѣе $^4/_5$ находившихся въ ихъ пользованіи земель.

Подъ давленіемъ тѣхъ же крѣпостниковъ, съ кн. Гагаринымъ во главѣ, введена была злополучная ст. 123 общ. пол. о кр., по которой помѣщикъ, по добровольному соглашенію съ крестьянами, могъ *подарить* имъ одну четверть высшаго или указнаго надѣла, послѣ чего остальная часть надѣльной земли отходила къ помѣщику, и всякія обязательныя отношенія между нимъ и его бывшими крѣпостными прекращались. Какъ

справедливо замѣтилъ проф. Ходскій („Земля и земледѣлецъ“ 1891 г. II т. стр. 41), наиболѣе часты были переходы крестьянъ на дарственные надѣлы въ мѣстностяхъ многоземельныхъ, гдѣ представлялась возможность арендовать землю за невысокую плату и гдѣ въ то же время особенно рѣзко проявлялось несоотвѣтствіе выкупныхъ платежей съ арендными цѣнами: это, именно, въ юго-восточной, сѣверо-восточной и южной окраинахъ. Въ общемъ, число „четвертниковъ“ составило по 36 губерніямъ болѣе 600.000 человѣкъ, т. е. около 0,9 проц. числа всѣхъ бывшихъ крѣпостныхъ. Ихъ надѣлы были размѣромъ иногда и при освобожденіи не болѣе нѣсколькихъ сотъ квадратныхъ саженъ, теперь же они составляютъ только десятки саженъ въ каждомъ полѣ. При такой площади надѣла никакого сельскаго хозяйства вести нельзя (кромѣ садоводства и огородничества, которыя далеко не всюду возможны), и на этихъ ничтожныхъ надѣлахъ, въ большинствѣ случаевъ, сидитъ нынѣ нищенское населеніе, которому некуда дѣться, нѣтъ выхода изъ его трагическаго по нуждѣ положенія. Не можетъ оно и переселятся, ибо переселеніе неизбѣжно связано съ крупными расходами, по крайней мѣрѣ въ настоящемъ его видѣ.

Та же причина—отсутствіе средствъ лишаетъ этотъ безземельный пролетаріатъ возможности совершать прикупки при содѣйствіи крестьянскаго банка. Если по закону 3-го ноября 1905 года имъ и удастся получить изъ банка ссуду полностью, то все равно не на что будетъ сдѣлать первое хозяйственное обзаведеніе и платить срочные взносы въ банкъ.

Сверхъ того имѣется у насъ не мало совершенно безземельныхъ крестьянъ. Сюда относятся прежде всего бывшіе дворовые, которыхъ уже въ 1858 году насчитывалось, по 10 ревизіи, болѣе 720.000 человѣкъ, и ихъ потомки, которыхъ теперь навѣрное болѣе милліона, а равно потомки старыхъ, такъ называемыхъ николаевскихъ солдатъ. Сами николаевскіе солдаты полу-

чили въ свое время право на надѣлъ изъ государственныхъ земель. Многимъ онъ фактически и былъ отведенъ, хотя не всѣ имъ на дѣлѣ воспользовались, но на потомковъ ихъ это право не распространено, и они, какъ и бывшіе дворовые и ихъ потомки, приписаны къ волостямъ или селеніямъ, но безъ права участія въ крестьянскомъ общинномъ надѣлѣ. У нихъ обыкновенно одна хата въ чертѣ крестьянской усадебной осѣдлости, иногда клочекъ огородной земли—и болѣе ничего, это самые настоящіе сельскіе пролетаріи. Въ общемъ уже въ 1861 году отведенный бывшимъ крѣпостнымъ крестьянамъ земельный надѣлъ составлялъ въ среднемъ на каждую наличную мужскую душу около $3^1/_2$ десятинъ. Принимая же въ соображеніе приростъ населенія, увеличившагося за время до 1897 года, считая отъ послѣдней ревизіи (1851 года), на 93 проц., можно легко вычислить, что число душъ мужского пола у бывшихъ крѣпостныхъ крестьянъ должно теперь достигать 20 милліоновъ. Если на это число раздѣлить отведенное въ надѣлъ бывшимъ крѣпостнымъ количество земли (37,1 мил. десятинъ), то окажется, что въ настоящее время средній душевой надѣлъ у бывшихъ крѣпостныхъ понизился уже до 1,8 десятины. При такомъ малоземельѣ теперь крестьяне въ большинствѣ случаевъ (до 74 проц. всѣхъ ихъ) собираютъ со своихъ надѣловъ хлѣба менѣе 22 пудовъ на душу, т. е. менѣе того количества, которое требуется для прокормленія себя, семьи и для необходимой въ хозяйствѣ скотины.

Болѣе благопріятнымъ образомъ проведено было поземельное устройство для государственныхъ крестьянъ. По разсчету проф. Ходскаго, изъ бывшихъ государственныхъ и удѣльныхъ крестьянъ (въ общемъ болѣе $10^1/_2$ милліон. ревизскихъ душъ) были надѣлены выше средней рабочей нормы болѣе $^1/_2$ (50,7 проц.), въ предѣлахъ нормы—болѣе $^1/_3$ (35,6 проц.), менѣе нормы всего 13,7 проц. Въ общемъ при эмансипаціи бывшіе государственные крестьяне получили около 6,7 десятины, а удѣльные—не менѣе 5 десятинъ на душу. Однако и

здѣсь естественный приростъ населенія повліялъ крайне неблагопріятно на землевладѣніе Согласно матеріаламъ комиссіи 16-го ноября 1901 года, по изслѣдованію вопроса о движеніи съ 1861 по 1900 г. благосостоянія сельскаго населенія средне-земледѣльческихъ губерній, сравнительно съ другими мѣстностями Европейской Россіи,—средній размѣръ надѣла на одну душу мужского пола крестьянъ всѣхъ разрядовъ, т. е. бывшихъ помѣщичьихъ, удѣльныхъ и государственныхъ, представлялъ въ 1900 году до 2,6 десятинъ. При этомъ менѣе всего земли на душу (отъ 1,4 десят. до 1,7 десят.), приходилось въ юго-западномъ краѣ и малороссійскомъ раіонахъ, болѣе всего (отъ 4,8 до 4,6 десят.) въ восточномъ, сѣверномъ и сѣверо-восточномъ раіонахъ.

Согласно матеріаламъ этой комиссіи, по раіонамъ средній размѣръ надѣла на одну душу мужского пола крестьянъ всѣхъ разрядовъ представлялся въ слѣдующемъ видѣ:

Раіоны:		Число десятинъ на душу.
Сѣверный		4,7
Сѣверо-восточный		4,6
Восточный		4,8
Юго-восточный		3,5
Средне-приволжскій		2,4
Средне-земледѣльческій	юго-восточн. гр.	2,2
	юго-западн. гр.	1,7
Средне-промышленный		2,6
Прибалтійскій		2,4
Сѣверо-западный		2,2
Юго-западный		1,4
Малороссійскій		1,7
Новороссійскій		2,5
Всего по 50 губ. Европ. Россіи		*2,6*

Въ дополненіе къ этимъ цифрамъ, мѣстные комитеты о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности сообщаютъ еще болѣе печальные факты, именно о повсемѣстномъ развитіи за послѣднее время числа *безземель-*

ныхъ крестьянъ. Такъ въ Самарской губерніи, т. е. въ одной изъ житницъ Россіи, безземельныхъ состоитъ болѣе 16 проц. всего населенія, въ Псковскомъ уѣздѣ— болѣе 20 проц. въ Таврической губерніи, въ Крымскихъ уѣздахъ, число безземельныхъ превышаетъ 50 проц. Въ Полтавской губ. 3,4 проц. крестьянъ совершенно не имѣютъ земли, 16,3 проц. имѣютъ однѣ усадьбы; 26,7 проц. имѣютъ отъ 1 до 3 десятинъ пашни. Въ Симбирской губерніи болѣе 112.000 дарственниковъ имѣютъ средній душевой надѣлъ не болѣе $^1/_3$ десятины. Въ Архангельской губ., при необъятномъ земельномъ просторѣ, культурныхъ земель приходится менѣе 1 десятины на каждаго жителя; въ сѣверо-восточныхъ уѣздахъ Вологодской губ. ощущается острое малоземелье; напр., въ Яренскомъ уѣздѣ ни одна волость не имѣетъ надѣльной пахатной земли болѣе 2.000 саженъ на ревизскую душу. Даже въ Уфимской губерніи 78,4 проц. крестьянъ имѣютъ надѣлъ всего въ 4,6 десятины.

Въ общемъ можно сказать, что теперь у большинства сельскихъ обывателей малоземелье, въ связи къ тому же съ черезполосицей, дошло до такого предѣла, когда уже самый переходъ отъ трехполья къ высшей, болѣе интенсивной культурѣ представляется затруднительнымъ безъ извѣстнаго предварительнаго увеличенія земельныхъ надѣловъ до такой нормы, которая представлялась бы наиболѣе соотвѣтствующей рабочимъ силамъ крестьянской семьи.

Крестьянинъ самъ хорошо сознаетъ это; отсюда объясняется то стихійное стремленіе всего нашего земледѣльческаго класса къ пріобрѣтенію себѣ добавочной „землицы“ всѣми возможными способами, до насильственнаго захвата ея у помѣщиковъ включительно— способъ, увы, слишкомъ часто примѣняемый за послѣднее время.

Источникомъ, изъ котораго можно было бы удовлетворить этотъ крестьянскій „земельный голодъ“, являются земли казны, удѣловъ и, наконецъ, частныхъ

лицъ. Самыя средства и способы такого удовлетворенія мы сейчасъ и разсмотримъ.

При этомъ прежде всего слѣдуетъ рѣшить вопросъ: слѣдуетъ ли давать дополнительный земельный надѣлъ всѣмъ безъ исключенія крестьянамъ, просто въ силу факта принадлежности лица къ данному состоянію, не обращая вниманія на то, богатъ онъ или бѣденъ, обладаетъ ли данный субъектъ достаточнымъ количествомъ земли для веденія сельскаго на ней хозяйства, или принадлежитъ къ числу тѣхъ бѣдняковъ, которымъ, какъ говорится, курицу выгнать некуда.

Основной идеей созданія дополнительнаго крестьянскаго надѣла должно являться не стремленіе общества и правительства непремѣнно установить „черный передѣлъ", въ смыслѣ новаго распредѣленія всей сельскохозяйственной площади земли въ Россіи между крестьянами, каждому по ровну (но почему, спрашивается, не между всѣми русскими гражданами?), Лучше оставимъ разрѣшеніе задачи этой для грядущихъ вѣковъ, когда, быть можетъ, общество измѣнитъ свою этику и станетъ признавать справедливымъ нарушеніе принципа неприкосновенности частной собственности и распредѣленіе цѣнностей, какъ результата труда одного, между многими „захребетниками". Нѣтъ, думается намъ, въ настоящее время задачей законодателя, при установленіи дополнительныхъ надѣловъ, должна являться прежде всего забота объ улучшеніи участи малоземельныхъ крестьянъ, т. е. тѣхъ изъ нихъ, находящаяся въ собственности которыхъ земля не можетъ прокормить ихъ при трехпольномъ хозяйствѣ.

Къ группѣ такихъ малоземельныхъ крестьянъ слѣдуетъ отнести всѣхъ тѣхъ, у которыхъ въ настоящее время на душу приходится земли менѣе, чѣмъ ея было надѣлено по нормамъ положенія 19-го февраля 1861 г.

По разсчету проф. Мануилова („Поземельный вопросъ въ Россіи" 1905 г. стр. 78—79), площадь земли, находившейся въ 1892 году во владѣніи крестьянъ съ надѣломъ не свыше нормъ 1861 года, составляла въ 50 гу-

берніяхъ Европейской Россіи 35,9 мил. десятинъ. Эта земля находилась въ пользованіи населенія въ 15,8 мил. душъ мужского пола, такъ что въ среднемъ приходилось на душу 2,3 десятины. Если указанную площадь надѣльной земли разсчитать на число душъ мужского пола по нормѣ высшаго или указнаго надѣла, то на этой площади устроилось бы только 8,6 мил. душъ мужского пола, при чемъ въ среднемъ пришлось бы на душу 4,1 дес., т. е. на 80 проц. больше, чѣмъ было ранѣе.

Въ такомъ случаѣ еще надлежало бы надѣлить землею 7,2 мил. душъ; для чего при той же нормѣ надѣленія потребовалось бы 29,5 мил. десятинъ, въ томъ числѣ около 16 мил. для черноземныхъ губерній и 13 мил.—для нечерноземныхъ.

Для настоящаго времени эти цифры должны быть увеличены, соотвѣтственно приросту населенія, приблизительно на 10%; въ такомъ случаѣ общая площадь, требуемая для дополнительнаго надѣла, составила бы *32—33 милліона десятинъ*.

Откуда ихъ взять?

Правда, въ Европейской Россіи имѣется масса казенной земли—около 140 милліоновъ десятинъ, но изъ нихъ около 70% находится подъ лѣсомъ, 28,5 процента составляютъ неудобныя земли, и только около 4.200.000 десятинъ удобной земли, которая и сдается теперь въ аренду главнымъ образомъ крестьянамъ. При этомъ казенныя оброчныя статьи расположены очень неравномѣрно по территоріи Европейской Россіи, именно, почти 94 проц. всей площади названныхъ земель, сдаваемыхъ въ аренду, приходится главнымъ образомъ на губерніи восточныя и южныя. Между тѣмъ въ этихъ мѣстностяхъ и вообще имѣется казенной земли не такъ ужъ много. Сравнительно еще довольно крупную площадь занимаютъ казенныя земли въ губерніи Самарской—около 1.400.000 десятинъ, въ губерніяхъ Таврической—205.000 десятинъ, Екатеринославской—90.000 десятинъ, Херсонской—311.500 десятинъ, Харьковской—

77.000 десятинъ, Саратовской—222.300 десятинъ, Тамбовской—68.500 десятинъ, во всѣхъ остальныхъ значительно менѣе; въ губерніяхъ же, въ которыхъ сельское населеніе наиболѣе страдаетъ отъ малоземелья, казенныхъ земель и совсѣмъ мало: въ Тульской, напримѣръ, всего 746 десятинъ, въ Курской—190 десятинъ, въ Полтавской—3.607 десятинъ; есть и такія мѣстности, особенно въ западныхъ губерніяхъ, гдѣ въ рукахъ казны остался только лѣсъ, земельныхъ же угодій совсѣмъ нѣтъ. Въ сѣверныхъ губерніяхъ — (Архангельской, Вологодской, Олонецкой, Пермской и Вятской) гдѣ именно находятся казенныя земли въ наибольшемъ количествѣ (болѣе 95.110.000 десятинъ), число казенныхъ оброчныхъ статей сравнительно невелико. Однако, въ общемъ по всей Россіи, при добромъ намѣреніи правительства, можно было бы къ указаннымъ 4,2 милліоновъ десятинъ, выдѣлить, при сравнительно небольшой затратѣ на меліорацію, еще не менѣе 5—6 милліоновъ десятинъ лѣса, „росчистей“, покосовъ и другой удобной для веденія на ней сельскаго хозяйства земли изъ казенныхъ угодій, и создать изъ нихъ основной земельный фондъ для дополнительнаго надѣла [1]).

---

[1]) Согласно циркуляру бывшаго управляющаго главнымъ управленіемъ земледѣлія и землеустройства г. Кутлера, *въ лѣсной департаментъ* поступили отъ начальниковъ управленій земледѣлія и государственныхъ имуществъ свѣдѣнія *о размѣрѣ возможнаго къ отчужденію количества подлѣсной земли* изъ общаго состава казенныхъ лѣсовъ. Въ этотъ составъ не вошли Царство Польское и Прибалтійскій край.

Мѣстныя управленія при составленіи данныхъ дѣйствовали крайне осторожно, принимая во вниманіе не только значеніе лѣсовъ въ данномъ раіонѣ какъ защитное и водоохранное, но даже промышленные интересы другихъ раіоновъ, часто очень далеко расположенныхъ отъ мѣста произрастанія лѣса. Статистическія данныя, присланныя мѣстными управленіями, показываютъ тотъ лѣсъ, который или не имѣетъ никакого значенія въ указанныхъ смыслахъ, или, если и наноситъ нѣкоторый вредъ, то весьма несущественный. Данныя по губерніямъ слѣдующія: (крайній сѣверъ) Архангельская губ.—550.000 дес., Вологодская—700.000 дес., Олонецкая—около 150.000 дес., Пермская—400.000 дес., (Сѣверный лѣсной и промыш-

Если прибавить еще около 3 милліоновъ десятинъ удѣльныхъ земель (за исключеніемъ изъ площади удѣльнаго землевладѣнія въ 8.025.000 десятинъ, 5.930.000 десятинъ лѣса), изъ которыхъ въ настоящее время уже болѣе 2 милліоновъ десятинъ сдается крестьянамъ въ аренду—то получилось бы въ общемъ казенной и удѣльной земли, годной для распредѣленія въ видѣ дополнительнаго надѣла, около 12 милліоновъ десятинъ, т. е. около одной трети той площади, которая является нужной для проведенія всей реформы.

Здѣсь мы не будемъ брать въ разсчетъ земли монастырскія, церковныя, городскія, принадлежащія разнымъ учрежденіямъ и казачьи земли.

Въ этомъ отношеніи замѣтимъ, что общая площадь земельнаго владѣнія монастырей составляетъ, по даннымъ синода за 1890 годъ, всего 451.000 десятинъ, въ томъ числѣ лѣса 230.000 десятинъ и пахотныхъ земель 122.000 десятинъ, кое гдѣ монастырямъ принадлежатъ хорошіе заливные луга. Церковныя земли, составляющія въ среднемъ, какъ извѣстно, тридцать три десятины на причтъ, если въ общемъ и представляютъ довольно значительную площадь, (1.672.000 десятинъ, въ томъ числѣ пахотной 1.154.000 десятинъ),

---

ленный) Новгородская - свыше 200.000 дес., Костромская—200.000 дес., Ярославская—около 200.000 дес., Вятская—450.000 десятинъ, Казанская—около 150.000 дес., Московская—13.000 дес., Тверская - около 27.500, Нижегородская 42.000 дес., Владимірская 29.000 дес., Петербургская 14.500 дес., Псковская—почти 17.000 дес. (Среднерусскій) Тульская 350 дес., Калужская—10.500 десятинъ. Орловская 16.500., Тамбовская 49.000 десятинъ, Саратовская 6.000, Рязанская 18.000 дес., (Западный)—Виленская 2.500 десятинъ, Ковенская около 4.500 дес., Минская—53.000 дес., Могилевская—10.000 десятинъ, Гродненская - 25.500 дес., Волынская—14.500 дес., (Заволжскій)—Самарская - 11.000 дес., Оренбургская почти—28.000 дес., (Южный и лѣсостепной)—Кіевская—5.500 дес., Подольская—100 дес., Черниговская—6.000 дес., Харьковская - 36 дес., Полтавская—200 дес., Курская—3.000 дес., Воронежская—1.000 дес., (Южный степной)—Херсонская—свыше—12.000 дес., Бессарабская—2.000 дес., Таврическая—152 дес., Екатеринославская—350 дес. и Астраханская—6.000 дес. Итого общая площадь добавочныхъ угодій даже при такомъ разсчетѣ все же равна почти 3.500.000 дес.

то очевидно, что отчужденіе этихъ земель для предоставленія ихъ крестьянамъ возможно лишь при коренной реформѣ положенія у насъ духовенства, для котораго земли эти представляютъ пока главное обезпеченіе.

Общая площадь земель остальныхъ группъ, вмѣстѣ взятыхъ, составляла въ 1887 году, по даннымъ центральнаго статистическаго комитета, около 8 милліоновъ десятинъ, въ томъ числѣ свыше 3-хъ милліоновъ войсковыхъ земель Оренбургскаго казачьяго войска. Есть еще до 19 милліоновъ десятинъ земель казачьихъ—станичныхъ и запасныхъ—въ области войска Донскаго и другихъ казачьихъ областяхъ; но объ обращеніи въ надѣлъ крестьянамъ земель городскихъ, гдѣ кстати есть свои «илоты»—мѣщане, и казачьихъ—едва-ли можетъ идти рѣчь, такъ какъ онѣ служатъ для удовлетворенія необходимыхъ потребностей городовъ и казачьихъ войскъ.

Недостающее такимъ образомъ для потребныхъ 32 мил. дополнительнаго надѣла количество земли—около 20 мил. десятинъ, при зачетѣ 12 мил. десятинъ удобной казенной и удѣльной земли,—придется установить путемъ отрѣзки для этой цѣли части владѣльческихъ земель.

Произвести такую отрѣзку можно безъ особенныхъ практическихъ трудностей, такъ какъ и въ настоящее время изъ 96 милліон. десятинъ всей частно владѣльческой земли, находящейся въ Европейской Россіи, не менѣе 35 милліоновъ десятинъ постоянно сдается землевладѣльцами крестьянамъ въ аренду. По крайней мѣрѣ проф. Карышевъ опредѣляетъ количество такой арендуемой земли для 50 губерній приблизительно въ 24 милліона десятинъ, не считая въ томъ числѣ выгоновъ, арендуемыхъ какъ отдѣльныя угодія („Крестьянскія внѣнадѣльныя аренды“ стр. VIII), а г. Флексоръ (въ „Сводѣ трудовъ мѣстныхъ комитетовъ—„Аренда“ см. введеніе) опредѣляетъ количество всей арендуемой крестьянами земли до 50 милліоновъ

десятинъ. Въ виду того, главнымъ образомъ, обстоятельства, что въ настоящее время, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, земли эти не даютъ помѣщикамъ опредѣленнаго дохода, такъ какъ арендная плата вносится крестьянами крайне неисправно, а часто и совсѣмъ не вносится, отнятіе же арендуемыхъ земель отъ крестьянъ и прекращеніе аренды неизбѣжно повлечетъ за собою крайнюю обостренность отношеній и, почти навѣрное, аграрныя волненія,—въ виду всего этого, повторяемъ, сами же помѣщики будутъ рады освободиться отъ этихъ земель въ пользу крестьянъ и добровольно пойдутъ на встрѣчу правительству, если послѣднее, выкупая отъ нихъ эти участки, выдастъ имъ за землю покупную стоимость или гарантируетъ исправную уплату ея крестьянами.

Нѣтъ равнымъ образомъ основанія опасаться, что намѣченная нами реформа повлечетъ за собою распадъ болѣе культурныхъ хозяйствъ и гибель на нихъ интенсивной культуры, которой не будутъ въ силахъ поддерживать на пріобрѣтенныхъ отъ помѣщиковъ земляхъ крестьяне. Слѣдуетъ помнить, что при этомъ въ собственность крестьянамъ перейдутъ почти исключительно тѣ участки земли, которые и теперь состоятъ у нихъ въ арендномъ пользованіи; нѣтъ никакого основанія опасаться пониженія урожая на этихъ земляхъ: смѣшно говорить о существованіи интенсивной культуры на краткосрочно арендуемыхъ крестьянами у помѣщиковъ участкахъ земли. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ, хозяйство на послѣднихъ ведется крестьянами самое хищническое; что называется, выжимаются изъ земли всѣ соки. Именно лишь переходъ этихъ арендуемыхъ участковъ въ собственность крестьянъ-арендаторовъ можетъ положить конецъ такому безобразному веденію хозяйства и повлечь за собою меліорацію землепользованія: хозяинъ всегда бережетъ свое больше, чѣмъ чужакъ.

Самая операція выкупа такой арендуемой земли можетъ быть проведена различнымъ образомъ: гдѣ

возможно, путемъ содѣйствія крестьянамъ въ томъ со стороны крестьянскаго банка, или же и главнымъ образомъ, путемъ повторенія выкупной операціи, какъ она была проведена по положенію о выкупѣ.

Средняя покупная цѣна земли, пріобрѣтенной съ помощью крестьянскаго банка за послѣднее время, опредѣлилась въ 100 руб. за десятину. При такомъ разсчетѣ вся выкупная операція по передачѣ крестьянамъ въ собственность, въ видѣ дополнительнаго надѣла, 20 мил. десятинъ изъ арендуемой ими земли, обойдется въ два милліарда рублей—операція, созданіе и проведеніе которой, конечно, потребуетъ массы энергіи, ума и силъ отъ нашихъ финансистовъ. Однако, невозможной ее считать нельзя никоимъ образомъ, даже при современномъ положеніи нашихъ финансовъ. Послѣдніе и послѣ севастопольской кампаніи были не лучше, если не хуже нынѣшнихъ; однако, и тогда удалось съ успѣхомъ провести, при особомъ участіи въ разсчетахъ по операціи Н. Х. Бунге, нашу выкупную реформу разсчитанную на сумму около милліарда—что тогда, при дороговизнѣ денегъ, звучало несравненно сильнѣе чѣмъ теперь. Наконецъ, и для крестьянъ уплата выкупныхъ платежей за дополнительный надѣлъ, съ прекращеніемъ по послѣднему манифесту, начиная съ 1907 года, выкупныхъ платежей по основному надѣлу, не представитъ особенныхъ трудностей, а просто „возвратитъ ихъ въ первобытное состояніе“, съ доставленіемъ имъ, однако, несравненно большаго количества надѣла за прежнія „подати“.

Какъ указалъ проф. П. П. Мигулинъ, выкупъ этой земли отъ частныхъ владѣльцевъ можетъ быть произведенъ безъ особыхъ затрудненій со стороны государства.

На 1-е января 1904 года земельныхъ ссудъ, выданныхъ всѣми нашими ипотечными банками (кромѣ крестьянскаго) числилось почти на 1.500 мил. рублей. Заложено было въ нихъ къ 1-му января 1902 г. около $42^1/_2$ мил. десятинъ земли, оцѣненной почти въ 2.600

мил. руб. При отчужденіи земли въ пользу крестьянъ, весь этотъ ипотечный долгъ можетъ быть переведенъ на крестьянъ, какъ это было сдѣлано въ 1861 году съ ипотечнымъ долгомъ землевладѣльцевъ казеннымъ банковымъ установленіямъ. Считая среднюю цѣну выкупаемой земли (оцѣнка ея банкомъ около 60 руб. десятина) по послѣднимъ среднимъ покупнымъ цѣнамъ крестьянскаго банка (т. е. около 100 руб. за десятину), получается возможность выкупить до 15 мил. десятинъ земли, безъ всякихъ новыхъ операцій со стороны государственнаго казначейства. Въ случаѣ же выкупа еще пяти милліоновъ десятинъ, потребовалось бы выдать выкупныхъ свидѣтельствъ или свидѣтельствъ крестьянскаго банка на сумму до 500 милліоновъ рублей. Въ общемъ крестьянамъ по этой операціи пришлось бы ежегодно платить до 100 милліоновъ рублей, т. е. почти старую сумму выкупныхъ платежей, отмѣненныхъ манифестомъ 3-го ноября 1905 года. Теперь они, вѣроятно, не меньшую сумму взносятъ за аренду этой же земли, но арендныя цѣны растутъ, а выкупные платежи будутъ фиксированы, а со временемъ (въ случаѣ конверсіи государствомъ своихъ обязательствъ) могутъ быть и уменьшены.

Что же касается дополнительныхъ надѣловъ изъ казенной и удѣльной земли, то, думается намъ, предоставленіе ихъ въ собственность крестьянамъ по выкупной операціи представляется едва ли желательнымъ. Дѣло въ томъ, что здѣсь основная цѣль всей реформы —доставленіе въ неограниченное пользованіе малоземельнымъ крестьянамъ достаточнаго для прокормленія себя и семьи своей земельнаго участка—достигается съ успѣхомъ, какъ показалъ уже опытъ сибирскаго землевладѣнія, передачей участковъ этихъ не въ собственность крестьянъ, а лишь *въ наслѣдственное ихъ пользованіе*, подъ условіемъ взноса за то въ казну ежегодно опредѣленнаго оброка и возвращенія участка въ казну обратно или передачи его другому желающему,

при отказѣ отъ него перваго получателя или при не исправномъ платежѣ имъ суммы оброка.

Самый размѣръ послѣдняго съ десятины, конечно, не долженъ превышать размѣра обычнаго дохода, какой даютъ казнѣ ея земли, въ среднемъ, съ десятины въ той же мѣстности. Первоначальная сдача участковъ такихъ должна быть произведена преимущественно мѣстному населенію, чтобы удовлетворить сначала тѣхъ изъ мѣстныхъ съемщиковъ, которые имѣютъ недостатокъ земли до нормальнаго для данной мѣстности средняго надѣла на мужскую душу по положеніямъ 19-го февраля 1861 года.

Размежеваніе обширной площади казенной земли на мелкіе участки, конечно, вызоветъ на практикѣ значительныя затрудненія. Несомнѣнно, при этомъ потребуются и крупные расходы; но ни расходы, ни затрудненія не должны останавливать этого дѣла, въ виду его громадной важности, особенно въ настоящій моментъ. Народъ нашъ начинаетъ терять терпѣніе, тщетно ожидая себѣ „облегченія на счетъ землицы". Пора, давно пора правительству пойти навстрѣчу этому завѣтному желанію народа и провести, на указанныхъ выше началахъ, реформу дополнительнаго надѣленія крестьянъ землею—это пусть будетъ основной и первой задачей Государственной Думы.

Наконецъ, нѣтъ достаточныхъ основаній опасаться какъ бы дополнительное надѣленіе землею не породило недовольствъ и волненій среди крестьянъ.

Конечно, и это можетъ быть, если за дѣло приняться неумѣло, напримѣръ, всецѣло передавъ его въ руки петербургскихъ канцелярій съ ихъ „свѣдующими людьми". Никакихъ однако безпорядковъ и произвола не будетъ, если самое дѣло дополнительнаго надѣленія крестьянъ землею будетъ поручено новой землеустроительной комиссіи, которая должна имѣть свои отдѣленія во всѣхъ губерніяхъ и уѣздахъ имперіи. Въ этихъ мѣстныхъ комиссіяхъ непремѣнно должны участвовать выборные отъ крестьянъ для опредѣленія на мѣстахъ степени

нужды каждаго крестьянскаго лица или общества въ землѣ и способа надѣленія ихъ землею: путемъ переселенія, разселенія, размежеванія, покупки частныхъ земель при содѣйствіи крестьянскаго банка тѣмъ крестьянамъ, которые не подходятъ подъ установленую выше группу малоземельныхъ (т. е. имѣющихъ теперь на семью надѣла менѣе, чѣмъ былъ опредѣленъ размѣръ средняго надѣла для данной мѣстности по Положеніямъ 19-го февраля 1861 года), или, наконецъ, путемъ экспропріаціи для малоземельныхъ съ проведеніемъ начала выкупной операціи. Необходимо лишь привлеченіе въ эти коммиссіи несравненно большаго числа выборныхъ изъ крестьянъ (не менѣе 50 % личнаго состава), чѣмъ это установлено въ настоящее время. Такія комиссіи, составленныя изъ лицъ, близкихъ къ крестьянской жизни въ данной мѣстности, конечно, всего скорѣе, точнѣе и добросовѣстнѣе выяснятъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ причины „аграрной болѣзни“ и лучшія средства ея излѣченія.

Переселеніе.

Значеніе переселенія въ дѣлѣ борьбы съ крестьянскимъ малоземельемъ все болѣе начинаетъ выясняться не только обществу, но даже и нашему правительству, вступившему за послѣднее время въ полосу „покровительственнаго“ содѣйствія переселенцамъ на новыя мѣста.

Уже давно, еще въ Московской Руси, видимъ мы не разъ покровительственное отношеніе правительства къ переселенческому вопросу; причемъ однако преслѣдовались цѣли исключительно политическія—заселеніе пустынныхъ окраинъ въ цѣляхъ созданія защитныхъ „городовъ“ противъ набѣговъ сосѣднихъ враждебныхъ Москвѣ народовъ. Только при Екатеринѣ II къ политическимъ причинамъ организаціи переселеній начинаетъ присоединяться экономическій мотивъ. Присоединеніе къ Россіи новыхъ огромныхъ территорій, почти пустынныхъ, но соприкасавшихся съ южнымъ

моремъ, воинственнымъ Кавказомъ, Турціей и Австріей заставляло правительство заботиться сдѣлать эти территоріи обитаемыми, такъ какъ иначе ихъ нельзя было считать закрѣпленными за Россіей. Съ этою цѣлью переселенцы вызывались не только изъ внутренней Россіи, но изъ Германіи и Балканскаго полуострова на самыхъ льготныхъ условіяхъ, съ надѣленіемъ большими количествами земли (по 60 десятинъ на душу), съ освобожденіемъ отъ налоговъ, съ льготами самоуправленія. Къ сожаленію, очень много земли было роздано царедворцамъ, образовались латифундіи, незаселенныя и препятствующія заселенію края свободными или бѣжавшими отъ крѣпостной зависимости крестьянами и другими выходцами. Но какъ бы то ни было, Новороссія создалась и разбогатѣла очень быстро, составивъ гордость блестящаго екатерининскаго времени, и долгое время служила выходомъ для избытка населенія внутренней Россіи, а до отмѣны крѣпостного права—также и убѣжищемъ для уходившихъ отъ него.

Крѣпостное право съ его закабаленіемъ личности крестьянъ помѣщику, мало способствовало развитію у насъ переселенческаго дѣла. Помѣщику важно было имѣть больше рабочихъ рукъ. Объ интересахъ самихъ крестьянъ, вынужденныхъ сидѣть на ничтожномъ надѣлѣ, на имѣя средствъ перейти къ интенсивной культурѣ и не имѣя приличнаго заработка въ сосѣднихъ безтолково ведшихся экономіяхъ, никто не думалъ, такъ какъ власть была въ рукахъ именно тѣхъ же заинтересованныхъ въ дешевомъ трудѣ крестьянъ дворянскихъ классовъ.

Однако и во времена господства крѣпостного права вопросъ о борьбѣ съ малоземельемъ путемъ переселенія интересовалъ правительство. Казна, какъ помѣщикъ, владѣла массой крестьянъ (государственныхъ) и еще большимъ количествомъ земли, не дававшей никакого дохода. Въ то же время казенныя крестьяне мѣстами поселились слишкомъ густо и тѣснили другъ друга въ земельномъ отношеніи. Именно въ цѣляхъ упорядоченія крестьянскаго землевладѣнія и устраненія мало-

земелья, въ 30—40-хъ годахъ прошлаго столѣтія, во время управленія Киселева министерствомъ государственныхъ имуществъ, началось систематическое переселеніе казенныхъ крестьянъ изъ мѣстностей, страдавшихъ малоземельемъ.

Самое переселеніе организовано было при этомъ слѣдующимъ образомъ: по донесеніямъ палатъ государственныхъ имуществъ, изъ мѣстностей, въ которыхъ размѣръ надѣла былъ ниже 5 десятинъ на душу и слабо были развиты подсобные промыслы и сторонніе заработки, министерство опредѣляло переселить часть населенія на новыя мѣста. Мѣста эти равнымъ образомъ опредѣлялись министерствомъ. Послѣ того какъ состоялось такое постановленіе министерства, всѣ палаты государственныхъ имуществъ по пути слѣдованія переселенцевъ обязывались озаботиться о прокормленіи послѣднихъ, доставленіи имъ медицинской помощи, средствъ передвиженія (если гдѣ понадобятся) и т. д. Переселеніе самое совершалось на счетъ казны. На новыхъ мѣстахъ, тоже на казенный счетъ, заготовлялись строительные матеріалы, живой и мертвый инвентарь, запасы сѣна и продовольствія для людей до перваго урожая. Мало того, казна давала еще на каждую семью на первое обзаведеніе заимообразно по 50 руб., причемъ на 4 первыхъ года съ переселенцевъ не взималось податей; на слѣдующія 4 года—собирали ихъ только половину. Вмѣстѣ съ тѣмъ еще въ видѣ льготы переселенцы на 3 года были свободны отъ рекрутчины и на 6 лѣтъ отъ постойной повинности.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что тогда переселенія казенныхъ крестьянъ обставлены были для нихъ очень выгодными экономическими условіями. Результаты такой заботливости правительства о своихъ крестьянахъ оказались по истинѣ блестящими. Достаточно указать на то одно обстоятельство, что изъ 270000 человѣкъ, государственныхъ крестьянъ, переселенныхъ съ половины 30-хъ и до конца 50-хъ годовъ въ Сибирь и

южно-русскія губерніи, почти всѣ отлично зажили на новыхъ мѣстахъ и достигли значительнаго благосостоянія.

Съ освобожденіемъ крестьянъ переселенческій вопросъ отошелъ у правительства на задній планъ. Тогда (какъ и прежде) усилилось *самовольное* переселеніе крестьянъ въ Азіатскую Россію, преимущественно въ Сибирь. Безъ знанія мѣстности, безъ капиталовъ, при невозможныхъ путяхъ сообщенія двинулись русскіе люди на новыя мѣста какъ-то инстинктивно. Переселенческая волна докатилась до самаго Тихаго океана, захватила слегка даже сосѣднія съ Россіей Монголію и Манчжурію, а въ западной Сибири осѣла довольно прочно.

Теперь, напротивъ, поднятъ былъ, въ интересахъ землевладѣльцевъ вопросъ о необходимости удерживать дешевыя рабочія руки на мѣстахъ, чтобы было возможно продолжать занятія сельскимъ хозяйствомъ. Отсюда, а равно изъ стремленія правительства тормозить свободу передвиженія крестьянъ, чтобы гарантировать (ошибочно) себѣ успѣхъ сбора податей и повинностей, возникаетъ новое враждебное отношеніе къ переселенческому дѣлу, въ которомъ видѣли только „вредную подвижность и бродяжничество“. Затѣмъ начались мечты о насажденіи у насъ крупной фабричной промышленности, для чего обезземеленіе крестьянъ казалось лучшимъ средствомъ (торжествовали идеи Маркса). На вопросъ о переселеніи стали смотрѣть, какъ на совершенно праздный и незаслуживающій вниманія, а вопящимъ о земельной нуждѣ крестьянамъ рекомендовалось слѣдовать примѣру китайцевъ и заводить огородное сельское хозяйство.

Въ 1894 году министерствомъ внутреннихъ дѣлъ были выработаны правила разрѣшенія переселенія. Эти послѣднія поставлены въ зависимость отъ согласія губернаторовъ, наличности у переселяющихся извѣстной суммы на дорожные расходы (отъ 300 до 500 рублей), смотря по отдаленности мѣста новаго поселенія, отсутствія за ними недоимокъ и т. п. Вмѣстѣ съ тѣмъ по

уѣздамъ крестьянскимъ властямъ посылался рядъ секретныхъ циркуляровъ, которыми рекомендовалось всячески удерживать крестьянъ отъ переселеній. Правительство, поддержанное сообщеніями „готовыхъ къ услугамъ“ преданныхъ ему „свѣдующихъ лицъ“ изъ чиновниковъ о томъ, что въ Азіатской Россіи осталось мало пригодной для заселенія земли, въ 1897 году начало старательно препятствовать переселенію, допуская таковое лишь для наиболѣе сильныхъ по рабочему составу и состоятельныхъ элементовъ крестьянства. (Циркуляръ мин. внутр. дѣлъ отъ 20 февраля 1897 года). Нормальный размѣръ ссудъ переселенцамъ на домообзаводство былъ сокращенъ до 30 р. на семью, и лишь особенно нуждающимся дозволялось выдавать 20 рублей дополнительныхъ (тогда какъ еще въ 1895 и 96 годахъ нормальной размѣръ ссуды доходилъ до 100 р. на семью). Въ то же время губернаторамъ было предписано принимать всѣ усилія „къ опроверженію преувеличенно заманчивыхъ слуховъ, которые безспорно являются одной изъ главнѣйшихъ побудительныхъ причинъ къ оставленію родины переселенцами“. Наконецъ, указано было наблюдать, чтобы не выселялись тѣ семьи, которымъ, по малочисленности состава или по бѣдности, трудно хорошо устроиться въ Сибири, и не разрѣшать переселеній, безъ предварительной посылки ходоковъ.

Съ постройкой сибирской желѣзной дороги впрочемъ дѣло значительно измѣнилось къ лучшему, и правительство, въ интересахъ содѣйствія нуждамъ желѣзной дороги (а не крестьянства) стало, до извѣстной степени, поощрять переселенія. Даже были ассигнованы на этотъ предметъ извѣстныя средства, произведены обслѣдованія и нарѣзка годныхъ для поселенія участковъ, самые участки приспособлены для переселенія, кое-какія мѣстности были осушены отъ болотъ, другія (безводныя) орошены. Въ общемъ однако переселенческое дѣло стоитъ плохо у насъ до сихъ поръ.

Къ числу крупнѣйшихъ недостатковъ современной организаціи переселенческаго дѣла относится сосредо-

точеніе его въ рукахъ одного центральнаго управленія, стоящаго далеко отъ дѣйствительной жизни. На мѣстахъ же выселенія забота о переселенцахъ возложена, главнымъ образомъ, на крестьянскія учрежденія. И безъ того уже обремененныя массой работы, послѣднія крайне тяготятся чуждымъ ихъ бумажной дѣятельности и требующимъ спеціальныхъ экономическихъ и агрономическихъ познаній сложнымъ переселенческимъ дѣломъ. Поэтому они и заботятся здѣсь лишь объ упорядоченіи одной канцелярской, формальной стороны дѣла и прямо враждебно иной разъ встрѣчаютъ крестьянъ, желающихъ переселиться, видя въ ходатайствѣ ихъ одно нагроможденіе на себя массы лишняго и постылаго дѣла.

Въ результатѣ, повсемѣстно теперь уже самое полученіе отъ губернскаго присутствія разрѣшенія на переселеніе сопряжено съ безконечными формальностями и канцелярской волокитой, на которую уходятъ часто цѣлые годы. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ настоящее время переселеніемъ не достигается цѣль улучшенія стѣсненнаго положенія нуждающейся части крестьянскаго населенія; осуществляемое по иниціативѣ самого населенія за личный страхъ и рискъ каждой отдѣльной переселяющейся семьи, переселеніе требуетъ крупныхъ на себя издержекъ—не менѣе 300 руб. на семью на одну дорогу, не считая расходовъ по обзаведенію на новыхъ мѣстахъ: въ общемъ, самое скромное, переселяющійся долженъ имѣть съ собою не менѣе 700—1000 рубл. Другими словами, теперь переселеніе является доступнымъ только для зажиточныхъ сравнительно домохозяевъ. При этомъ очень часто самыя переселенія представляются явленіемъ болѣзненнымъ и отличаются случайнымъ безсистемнымъ характеромъ, направляясь иной разъ въ совершенно неожиданномъ направленіи. Я помню, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда мнѣ пришлось жить въ Вятской губерніи, въ правительственныхъ сферахъ много говорили объ

стровахъ нашихъ въ Ледовитомъ океанѣ, особенно о

Новой Землѣ, на которую намѣчено было направить, для ея изслѣдованія, рядъ научныхъ экспедицій.

Не знаю, какимъ путемъ, но разговоры объ этомъ островѣ дошли до вятскихъ крестьянъ, которые истолковали дѣло въ томъ смыслѣ, что Россія получила „новыя земли“, т. е. нераспаханныя угодія, и начали массами ходатайствовать о переселеніи ихъ туда. Посылали ходоковъ, а многіе даже распродали свои усадьбы и инвентарь и поѣхали самовольно на „новыя земли“. Результатомъ этого движенія было крушеніе цѣлаго ряда крестьянскихъ хозяйствъ и полное обнищаніе ихъ.

Въ доказательство неудовлетворительности существующей постановки переселенческаго дѣла почти всѣми мѣстными комитетами о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности указывается, между прочимъ, на массовое обратное движеніе переселенцевъ, которое въ общемъ составляетъ не менѣе трети всего прямого движенія новоселовъ. Такое обратное переселеніе является тяжелымъ бременемъ для остального населенія, пополняя собою и такъ уже, къ сожалѣнію, многочисленные у насъ ряды безземельнаго пролетаріата. Для человѣка—это избытокъ злоключеній; для государства—это потерянные 2—3, иногда и болѣе лѣтъ производительнаго труда десятковъ тысячъ семействъ.

Одною изъ главныхъ причинъ обратнаго переселенія является недостаточное предварительное знакомство переселенцевъ съ трудностями переселенія и раіонами водворенія; благодаря чему, они нерѣдко попадаютъ въ условія, совершенно неподходящія къ условіямъ ихъ прежней жизни.

Въ большинствѣ случаевъ, они не знаютъ, какимъ образомъ они должны на новомъ мѣстѣ обрабатывать землю. Мѣстная почва и ея качества, а равно климатическія условія имъ чужды; о томъ, какія породы хлѣбовъ здѣсь лучше пойдутъ, они не имѣютъ понятія. Поэтому каждый культивируетъ то, къ чему онъ привыкъ на родинѣ, не спрашивая, возможно это здѣсь или

нѣтъ. Такимъ образомъ, новоселъ нерѣдко экспериментируетъ посѣвами безъ всякаго смысла и понятія, и не получая никакихъ урожаевъ, разоряется и уходитъ обратно на родину, часто съ отличнаго надѣла, который онъ только по незнанію не сумѣлъ обработать, какъ нужно.

Крупная вина въ этомъ отношеніи лежала на существовавшей до послѣдняго времени организаціи переселенческаго дѣла.

До сихъ поръ въ періодъ болѣе 10 лѣтъ руководительство переселеніемъ раздѣлялось *между тремя учрежденіями* — департаментомъ государственныхъ земельныхъ имуществъ, отдѣломъ земельныхъ улучшеній бывшаго министерства земледѣлія и переселенческимъ управленіемъ министерства внутреннихъ дѣлъ [1]). Первое учрежденіе вѣдало технику образованія участковъ, предварительное обслѣдованіе колонизаціонныхъ раіоновъ, выдѣленіе лѣсныхъ дачъ, однимъ словомъ всю «земляную» работу. Никакого конкретнаго отношенія къ «переселенцу», его жизненному укладу, привычкамъ и міровозрѣнію у этого учрежденія не было. Собирались на мѣстахъ междувѣдомственныя коммисіи изъ лицъ, большею частью невидѣвшихъ намѣченныхъ участковъ, и судьба будущихъ новоселовъ рѣшалась кабинетнымъ способомъ. Отдѣлъ земельныхъ улучшеній вѣдалъ гидротехническія сооруженія на готовыхъ и

[1]) Теперь, съ переходомъ переселенческаго управленія въ главное управленіе землеустройства и земледѣлія и съ передачею изъ департамента земельныхъ имуществъ и отдѣла земельныхъ улучшеній переселенческихъ и гидротехническихъ партій переселенческому управленію, явилась возможность устранить этотъ существенный дефектъ и соединить три разрозненныхъ организаціи. При новой постановкѣ дѣла вся колонизаціонная часть Сибири будетъ раздѣлена на 9 раіоновъ; завѣдывающіе раіонами соединятъ въ себѣ функціи бывшаго завѣдывающаго ранѣе отводными партіями и завѣдывающаго водвореніемъ переселенцевъ. Словомъ, они будутъ вѣдать дѣло съ начала до конца, неся, конечно, отвѣтственность за его неуспѣхъ. Этимъ вводится по крайнѣй мѣрѣ принципъ единенія въ будущемъ дѣлѣ устройства возможнаго благополучія на новыхъ мѣстахъ.

утвержденныхъ коммисіями участкахъ, бракуя ихъ нерѣдко съ точки зрѣнія возможности осушенія или обводненія. Переселенческое управленіе вѣдало исключительно водвореніе переселенцевъ, оказаніе помощи имъ при передвиженіи и устройство на новыхъ мѣстахъ. Получалась розобщенность, въ дѣлѣ весьма вредная.

Землеотводныя партіи отводили и отграничивали земельные участки, опредѣляли на основаніи весьма шаткихъ теоретическихъ данныхъ («сравнительнаго метода» и т. д.) колонизаціонную емкость участка, степень его пригодности къ колонизаціи и т. д. На смѣну землеотводной партіи являлась гидротехническая. Теоретически она имѣла задачу опредѣлять культурно-техническую пригодность раіона для переселенія и колонизаціи въ водномъ отношеніи. Практически же дѣло сводилось къ пересмотру и повторенію работъ землеотводной партіи съ точки зрѣнія обводненія и осушенія участковъ, которые часто браковались послѣ того, какъ землеотводныя партіи въ значительной степени уже исполнили свою работу. При этомъ, предположенія гидротехнической партіи въ своей гадательности и шаткости ничѣмъ не уступали предположеніямъ землеотводной. Можно ли считать окончательными гидротехническія изысканія безъ знанія той формы хозяйства, которую изберутъ будущіе переселенцы? Потомъ наступала очередь третьей организаціи (переселенческое управленіе), вѣдающей дѣло водворенія переселенцевъ на мѣстахъ. Эта организація, имѣя въ своихъ рукахъ самую важную задачу переселенческаго дѣла, фактически несла на себѣ всю отвѣтственность по переселенію и вынуждена была считаться съ тѣми неудобствами, которыя вытекали изъ этой сложной, трехстепенной и разобщенной дѣятельности по переселенческой организаціи.

Проектированныя партіями переселенческіе участки съ ихъ хозяйственнымъ описаніемъ передавались (съ 1902 года) крестьянскимъ начальникамъ и (гдѣ имѣются) переселенческимъ чиновникамъ; имъ вмѣнено въ обязанность осматривать зарегистрованные участки въ на-

турѣ, а затѣмъ съ своими заключеніями относительно пригодности или непригодности такихъ участковъ для переселенія, передавать все «дѣло» въ уѣздныя коммиссіи, состоящія, подъ предсѣдательствомъ производителя работъ, изъ исправника, крестьянскихъ начальниковъ, переселенческаго чиновника (гдѣ имѣется), податного инспектора и лѣсничихъ.

Такимъ образомъ теперь, въ значительной мѣрѣ, рѣшающій голосъ о пригодности намѣченныхъ участковъ для водворенія на нихъ переселенцевъ, принадлежитъ переселенческимъ чиновникамъ и крестьянскимъ начальникамъ. Но послѣдніе и безъ того по горло заняты массой дѣлъ, чтобы имъ имѣть *фактическую* возможность осмотрѣть на мѣстахъ и проконтролировать работу партій; а затѣмъ выполнять всѣ свои сложныя обязанности по такимъ дѣламъ, какъ пріемка переселенческихъ участковъ (послѣ утвержденія ихъ уѣздной комиссіей), водвореніе переселенцевъ, разборъ дѣлъ о ссудахъ и выдача послѣднихъ и т. п. Поэтому переселенческая часть у уѣздныхъ начальниковъ стоитъ прямо въ невозможномъ видѣ—всюду видна лишь забота соблюсти *формальности* — и только. На дѣйствительную же помощь и руководительство переселенцы у нихъ разсчитывать не могутъ. Немного лучше обстоитъ дѣло и у переселенческихъ чиновниковъ, которые, при всей добросовѣстности ихъ, буквально задавлены теперь массой дѣла и не въ силахъ физически выполнить всѣ свои дѣла по переселенческому вопросу.

Хорошій примѣръ „попеченія“ и „заботъ“ о переселенцахъ имѣется въ запискѣ податного инспектора Тюкалинскаго уѣзда, представленной въ Тобольскій комитетъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности.—Здѣсь авторъ прямо обвиняетъ землеустроительныя партіи въ чрезвычайно плохомъ качествѣ образованныхъ ими участковъ для переселенцевъ, причемъ около 90% пригодныхъ земель испорчено межеваніемъ, когда одни участки отводились богатые пашнею, но безъ покосовъ, а другіе—наоборотъ. Такъ,

„всѣ поселки по Оми совершенно лишены покоса, и надѣлы вытянуты узкою лентой на 18—23 версты въ совершенно безводную степь. При такихъ обстоятельствахъ станетъ совершенно понятнымъ, почему переселенцы бѣгутъ, почему послѣ 7—8 лѣтъ ихъ еще нужно кормить казеннымъ хлѣбомъ, почему весь этотъ народъ, вполнѣ работящій, добросовѣстный, изподырничался въ конецъ, и такъ привыкъ къ слову „способіе“, что отъ него никакого другого и не добьешься“. Что касается выдачи самыхъ пособій переселенцамъ, то они выдавались такъ нераціонально, такими малыми долями и такъ несвоевременно, что на нихъ ничего другого, кромѣ привычки къ клянченью, пріобрѣсти было нельзя: на обсѣмененье выдавалось только 7 р. 20 к., да еще въ то время, когда всѣ добрые люди отсѣялись, на домообзаводство 25—30 р., рѣдко 50—60 руб. сразу, да и то или среди зимы, или еще лучше—въ ноябрѣ. Теперь позволительно спросить, что можетъ сдѣлать человѣкъ съ семьею самъ—пять съ 35 рублями, изъ которыхъ нужно отдать еще за харчи и квартиру? Остается одно,—купить клячу рублей за 20 (для нагляднаго доказательства, что деньги пошли на дѣло) и ѣздить къ чиновнику все лѣто и весну клянчить о „способіи“, пока въ ноябрѣ не выдадутъ другіе 25 р.“

Такія же свѣдѣнія о неудовлетворительной постановкѣ дѣла межеванія поселенческихъ участковъ имѣются въ трудахъ мѣстныхъ комитетовъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности со всѣхъ концовъ Сибири и Степного края. Такъ въ спеціальномъ докладѣ Акмолинскому комитету совѣтника областного правленія, прямо заявляется, что „водвореніе и устройство переселенцевъ-новоселовъ въ районѣ Сибирской желѣзной дороги носитъ характеръ чего-то случайнаго; вездѣ проглядываетъ, что заселеніе совершалось безъ предшествовавшаго необходимаго всесторонняго и тщательнаго изученія края, отличающагося многими своеобразными особенностями, въ особенности недостаткомъ водоснабженія.“ Въ результатѣ здѣсь на участкахъ

многихъ уже водворенныхъ переселенцевъ не оказалось ни капли воды, которой найти не могли и позднѣе. Въ концѣ концовъ послѣ массы перенесенныхъ поселенцами страданій и болѣзней, пришлось поселки ихъ переселять на новыя мѣста. Наконецъ, всѣмъ извѣстны случаи неудачнаго отвода земель въ Уссурійскомъ краѣ и на Амурѣ, гдѣ покосы и посѣвы, а мѣстами и селенія, гибли отъ лѣтнихъ разливовъ рѣкъ.

Невозможность для крестьянъ на родинѣ получить отъ „начальства“ сколько-нибудь удовлетворительныхъ свѣдѣній о мѣстахъ переселенія повела за собою созданіе оригинальнаго явленія въ сельскомъ быту, именно такъ называемаго „ходачества“. Иногда цѣлыя деревни, даже волости, стремясь на новыя земли и не зная, гдѣ ихъ искать, избираютъ изъ своей среды особыхъ „ходоковъ“ для производства такихъ развѣдокъ, нерѣдко облагая себя довольно крупными взносами на путевыя издержки послѣднихъ. Начиная свою „миссію“ и добравшись съ грѣхомъ пополамъ до переселенческаго чиновника, ходоки такіе получаютъ отъ него лишь общія и крайне туманныя свѣдѣнія о предполагаемыхъ къ заселенію участкахъ, иногда и копіи плановъ съ нихъ; съ этими свѣдѣніями ходоки уже идутъ лично смотрѣть мѣста, не рѣдко попадая совсѣмъ не туда, куда слѣдуетъ. Однако и личный осмотръ ими новыхъ мѣстъ чаще всего ведетъ къ печальнымъ результатамъ. Дѣло въ томъ, какъ вѣрно указалъ А. А. Бѣлевскій („Русское Богатство“ 1904 г., VIII), что у ходоковъ обыкновенно нѣтъ умѣнія разбираться на новыхъ мѣстахъ въ пригодности или непригодности мѣста для веденія сельскаго хозяйства. Ходокъ, напр., изъ верхняго Днѣпровья „привыкъ у себя на родинѣ классифицировать землю по дикой, преимущественно лѣсной растительности. Выше всего онъ цѣнитъ смѣшанныя лиственничныя насажденія съ примѣсью лещины (орѣшника), затѣмъ смѣшанные же лѣса съ прокидывающимся липнякомъ, рябиной и малинникомъ. Сосновые лѣса онъ считаетъ легко разрабатываемыми, но мало плодород-

ными; вяникъ—это холодная тяжелая земля, но разработать ее гораздо труднѣе; березняки—это слабыя земли; осинники онъ презираетъ—это подзолье. И вотъ съ запасомъ такихъ-то эмпирическихъ знаній ему приходится разобраться въ сибирской тайгѣ, гдѣ главными породами являются лиственница и береза, нѣтъ ни лещины, ни липняка, почвы иной формаціи. Между тѣмъ онъ долженъ опредѣлить и годность земель, и стоимость ихъ разработки. Сдѣлать это онъ можетъ лишь весьма несовершенно, а иногда и совсѣмъ неудачно, тѣмъ болѣе, что мѣстные жители, если таковые имѣются, зачастую сознательно вводятъ его въ заблужденіе, такъ какъ антагонизмъ интересовъ между старожилами и новоселами существуетъ и все обостряется, благодаря возникающей, вслѣдствіе заселенія, земельной тѣснотѣ. Мы видимъ, что шансы неудачнаго выбора участка значительны“... „Если ко всему этому прибавить обязательныя хозяйственныя неудачи на новомъ мѣстѣ, рискованность вообще сельско-хозяйственнаго промысла, зависящаго такъ много отъ естественныхъ условій,—то должно изумляться не величинѣ процента обратныхъ переселенцевъ, а его незначительности“.

Такимъ образомъ „ходачество“ еще помогаетъ переселяющимся изъ мѣстъ съ сравнительно одинаковымъ климатомъ, почвой и культурными условіями, какъ и на новыхъ мѣстахъ; чаще же всего бываетъ, что и ходоки, какъ сами новоселы, теряются при выборѣ мѣстъ и дѣйствуютъ на авось, нерѣдко разрушая этимъ экономическое положеніе да и всю жизнь своихъ земляковъ—переселенцевъ, или же, въ лучшемъ случаѣ, не добившись толка и потративъ мірскія деньги, отправляются въ обратный путь съ пустыми руками. Вмѣстѣ съ тѣмъ мѣстами привычка бродяжить и желаніе жить на счетъ другихъ создаютъ отрицательные типы профессіональныхъ ходоковъ, которые ложными свѣдѣніями о новыхъ мѣстахъ часто увлекаютъ крестьянъ на переселеніе въ прямо невозможныя для жизни мѣстности.

Въ разсматриваемой области особенно деликатнымъ и острымъ характеромъ обладаетъ вопросъ *о землепользованіи переселенцевъ* на родинѣ и на новыхъ мѣстахъ, какъ затрагивающій кореннымъ образомъ интересы не только самихъ переселяющихся, но и ихъ односельчанъ.

Относительно участковъ, остающихся послѣ переселяющихся на родинѣ, должно рѣшать вопросъ, сообразуясь, съ тѣмъ, въ общинномъ или подворномъ владѣніи находилась надѣльная земля у переселившагося. Крестьянинъ, который или выкупилъ окончательно земельный участокъ, состоящій въ подворно-наслѣдственномъ пользованіи его семейства, или которому выдѣленъ изъ мірского надѣла участокъ въ собственность, соотвѣтственно внесенной имъ суммѣ выкупныхъ платежей, остается собственникомъ этихъ земель и по выходѣ изъ общества въ другое, хотя бы на мѣстѣ переселенія, какъ это высказано было еще въ Высочайше утвержденномъ 16-го января 1869 г. положеніи главнаго комитета объ устройствѣ лицъ сельскаго состоянія (см. ст. 175 пол. о выкупѣ II, ст. 128, по изд. 1902 г.). Очевидно, самый фактъ переселенія не лишаетъ хозяина такого выкупленнаго участка права собственности на послѣдній; переселенецъ можетъ продать его или заложить (лишь крестьянину же, по закону 14-го декабря 1893 г.), передать другому лицу въ аренду, наконецъ, можетъ и отказаться отъ своихъ правъ на него, просто покинуть его. Въ случаѣ такого отказа или оставленія участка на произволъ судьбы, послѣдній поступаетъ въ распоряженіе общества, къ которому принадлежалъ переселившійся (ст. 117 мѣст. полож. великор. IY, 22, по прод. 1902 г.).

Впрочемъ въ настоящее время трудно предполагать, что случаи „заброса“ земли будутъ часты. При современномъ земельномъ голодѣ въ деревнѣ скорѣе слѣдуетъ разсчитывать на обратное явленіе, особенно среди подворниковъ, именно, на большой спросъ многихъ на одинъ и тотъ же надѣлъ.

Въ случаѣ переселенія крестьянина-общинника, его надѣлъ поступаетъ обратно въ распоряженіе общины. Всѣ же состоящія на переселенцахъ, по прежнимъ обществамъ, недоимки въ казенныхъ, земскихъ и мірскихъ сборахъ и при подворномъ, и при общинномъ землевладѣніи переводятся на переселенцевъ по мѣсту новаго водворенія, съ освобожденіемъ прежнихъ обществъ отъ всякой за нихъ отвѣтственности и съ возложеніемъ ея непосредственно на самихъ переселенцевъ (п. 23 закона 13 іюля 1889 г. п. 3 Высоч. утвержден. 12 апрѣля 1897 г. мнѣн. госуд. совѣта). При этомъ именно община должна получать такіе надѣлы въ свое распоряженіе, а не отдѣльные домохозяева, по частнымъ о томъ соглашеніямъ съ выселяющимися, какъ это нерѣдко практикуется въ настоящее время. Такой принятый надѣлъ община должна сама или распредѣлить по собственному усмотрѣнію между своими членами, какъ найдетъ это полезнѣе, или оставить въ общемъ пользованіи, сдать въ аренду, или какъ-нибудь иначе распорядиться.

Впрочемъ, согласно заявленіямъ мѣстныхъ комитетовъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности, на практикѣ эти строгія предписанія закона о безвозмездной передачѣ обществамъ оставляемыхъ переселенцами невыкупленныхъ надѣловъ не соблюдались, и переселенцы, какъ подворники, такъ и общинники, уступали свои невыкупленные еще надѣлы за вознагражденіе однообщественникамъ или всему „міру“, или даже постороннимъ крестьянамъ по домашнимъ условіямъ. Очень часто замѣчалось при этомъ, въ различныхъ притомъ мѣстностяхъ Россіи, что общины сами, по мірскимъ приговорамъ, разрѣшали переселяющимся сдавать въ аренду ихъ надѣлы срокомъ до новаго передѣла земли на наличныя души, при чемъ всѣ окладные денежные сборы съ земли обязывался уплатить арендаторъ, а остальныя деньги, такъ называемые „верхи“, шли въ пользу переселенцевъ, достигая иногда довольно крупной суммы въ 200—300 руб. на хозяина. Мѣстами, наконецъ, (напр., въ губ. Курской, С.-Петербург-

ской, Воронежской и др.) общества, принимая на себя надѣлы выселяющихся, выдаютъ имъ за нихъ довольно значительныя пособія.

Такая „поправка“ закона жизнью крестьянской оказывается особенно желательной въ отношеніи усадебныхъ земель. Въ отношеніи послѣднихъ ст. 110 мѣст. пол. Великорос. (IV. 15, по прод. 1902 г.) указываетъ, что выселяющійся не имѣетъ права продавать своей усадьбы, т. е. ликвидировать свое дворовое хозяйство, для полученія средствъ къ выселенію; почему на практикѣ и здѣсь наблюдаемъ мы всякаго рода „обходы закона“, и обходы, замѣтимъ здѣсь кстати, совершенно желательныя. Какъ мы говорили уже въ свое время (см. стр. 98 слѣд.), выходъ члена изъ общины неизбѣжно влечетъ за собою извѣстный плюсъ въ пользу послѣдней, именно въ смыслѣ оставленія за общиной, въ ея пользу тѣхъ выгодъ, какія получалъ выходящій (пользованіе надѣломъ, усадьбой, общимъ выгономъ и т. д.). Съ точки зрѣнія будущихъ измѣненій въ законодательствѣ было бы положительно необходимо обязать общину вознаграждать своихъ выходящихъ членовъ за утрачиваемыя ими „права членства“; почему, напр., и въ случаяхъ переселеній при выходѣ переселенца изъ общины, слѣдовало бы, оставляя въ собственности выходящаго усадебный участокъ, привлекать общину къ оказанію матерьяльной помощи выселяющемуся, въ размѣрѣ по приблизительной капитализаціи средняго годового дохода послѣдняго отъ пользованія полевымъ надѣломъ изъ 5%. Для уплаты такого вознагражденія, при отсутствіи у общины свободныхъ средствъ, слѣдовало бы предоставить ей право занимать таковыя изъ крестьянскаго банка.

Правда, при этомъ многоземельные дворы получатъ больше вознагражденія за свои надѣлы при переселеніи, чѣмъ малоземельные, т. е. другими словами, болѣе состоятельные переселенцы снова получатъ здѣсь преимущество, но что же дѣлать; вѣдь и община при переселеніи первыхъ получитъ себѣ обратно значитель-

но больше земли и угодій, чѣмъ при уходѣ послѣднихъ, отъ утраты которыми „правъ членства“ послѣдуетъ для нея обогащеніе въ несравненно меньшей степени.

Во избѣжаніе однако какихъ-либо спекуляцій съ землею слѣдовало бы оставить за общиной свободу права выбора: или брать себѣ надѣлъ переселяющагося и тогда обязательно выдавать ему указанное вознагражденіе, или же отказываться отъ его надѣла, выдѣляя послѣдній ему въ подворное пользованіе, когда слѣдовательно не потребуется съ общины и выдавать вознагражденіе за „права членства“. Въ послѣднемъ случаѣ переселяющійся уже воленъ будетъ поступать со своимъ „подворнымъ“ надѣломъ, какъ ему будетъ угодно.

Замѣтимъ кстати, что подобная практика до извѣстной степени уже была указана въ циркулярѣ Мин. Внутр. Дѣлъ отъ 26 октября 1893 г. за № 6, въ которомъ между прочимъ сказано слѣдующее: „Въ случаѣ отказа общества бывшихъ государственныхъ крестьянъ отъ принятія въ свое распоряженіе земельнаго надѣла односельца своего, желающаго перейти въ другое общество, слѣдуетъ обязать общество, въ назначенный срокъ, выдѣлить участокъ этого лица къ одному мѣсту, въ подворное наслѣдственное владѣніе, (съ опредѣленіемъ размѣра выкупныхъ платежей, согласно требованію 2 и 3 п. п. ст. 15 Полож. госуд. крестьян. и затѣмъ предложить означенному лицу, по предоставленному 15 п. 1 ст. Высоч. утвержд. 12 іюня 1886 года мнѣнія Государственнаго Совѣта праву, выкупить участокъ посредствомъ единовременнаго взноса въ казначейство выкупной суммы за отведенный участокъ, опредѣленной по капитализаціи ежегодныхъ выкупныхъ взносовъ изъ 5%). Въ случаѣ же отказа переселяющагося отъ принятія участка (и выкупа его) участокъ продается съ публичныхъ торговъ, на основаніи правилъ, изложенныхъ въ 135—138 ст. Полож. о выкупѣ и Высоч. утвержд. 17 ноября 1869 года мнѣніи Государственнаго Совѣта“.

Правило это, если выкинуть изъ него мѣста, поставленныя нами въ скобкахъ, которыя послѣ манифеста 3 ноября 1905 г. утратили практическое значеніе, —имѣло бы хорошій практическій смыслъ и на будущее время.

Переселяющіеся обыкновенно торопятся съ ликвидаціей своихъ дѣлъ на родинѣ, вслѣдствіе чего распродаютъ свое имущество за безцѣнокъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ нерѣдкихъ случаяхъ переуступки надѣловъ по домашнимъ сдѣлкамъ, неузаконенность, а потому и рискованность такихъ сдѣлокъ, расторгаемыхъ обыкновенно волостными судами по искамъ возвратившихся обратно переселенцевъ, значительно понижаютъ цѣну на уступаемые надѣлы. Послѣдніе и пріобрѣтаются почти исключительно зажиточными домохозяевами, минуя руки нуждающихся въ землѣ крестьянъ, за отсутствіемъ у нихъ необходимыхъ для покупки средствъ. При такихъ условіяхъ, переселеніе не уменьшаетъ числа безземельныхъ и не улучшаетъ положенія малоземельныхъ, а только усиливаетъ экономическое неравенство между различными группами населенія.

Для того чтобы крупныя затраты, которыя неизбѣжно понесетъ государство при упорядоченіи переселенческаго дѣла, не пропадали безусловно для коренной части населенія, необходимо установить такой порядокъ, при которомъ освободившіеся надѣлы переселенцевъ доставались бы безземельнымъ и малосостоятельнымъ крестьянамъ. Здѣсь открывается обширная и плодотворная область дѣятельности реформированнаго крестьянскаго банка.

Другой, настоятельно необходимой de lege ferenda мѣрой въ этомъ отношеніи является узаконеніе льготнаго сохраненія за переселенцами надѣловъ на родинѣ до ближайшаго передѣла или въ теченіе извѣстнаго срока (6—10 лѣтъ), съ предоставленіемъ права сдавать эти участки безъ согласія общества однообщественникамъ въ аренду.

Эта послѣдняя мѣра являлась бы вмѣстѣ съ тѣмъ хорошимъ средствомъ охраны переселенцевъ отъ полнаго разоренія въ случаяхъ обратнаго возвращенія на родину до истеченія льготнаго срока.

На новыхъ мѣстахъ участки казенной земли отводятся переселенцамъ по числу наличныхъ душъ мужскаго пола «въ размѣрѣ»,—какъ туманно выражается законъ,—«опредѣляемомъ по соображенію съ условіями земледѣлія и производительностью почвы избранной мѣстности». Участки эти въ Европейской Россіи отводятся переселенцамъ первоначально въ арендное пользованіе на сроки отъ 6—12 лѣтъ; по истеченіи же этого времени, отведенные участки лишь *могутъ быть* переданы ихъ владѣльцамъ въ безсрочное пользованіе, слѣдовательно, могутъ быть и отобраны въ казну обратно Въ Сибири, напротивъ, казенныя земли предоставляются переселенцамъ прямо въ безсрочное пользованіе, съ запрещеніемъ отчуждать эти участки или обременять ихъ долгами.

Однако, и въ Сибири земельные участки переселенцевъ остаются въ наслѣдственномъ пользованіи переселенческихъ семействъ лишь подъ обязательнымъ условіемъ постояннаго въ нихъ проживанія. Какъ гласитъ въ этомъ отношеніи законъ, переселенцы, самовольно оставившіе послѣ ихъ переселенія отведенныя имъ земли, *не имѣютъ права на надѣленіе другими свободными землями*". Такіе покинутые надѣлы считаются свободными для водворенія на нихъ новыхъ переселенцевъ по истеченіи трехлѣтняго срока со времени оставленія ихъ лицами, коимъ они были предоставлены. Оставить же свой участокъ и получить новый переселенцы могутъ „лишь въ случаяхъ, заслуживающихъ особаго уваженія, съ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ".

Разсматривая дѣйствующее наше законодательство по переселенческому вопросу, нельзя не признать крайне вреднымъ правило закона 13-го іюля 1889 г., что переселенцы въ губерніи Европейской Россіи являются

въ теченіе отъ 6 до 12 лѣтъ только арендаторами отведенной имъ подъ поселеніе казенной земли. Въ то же время нежелательно опредѣленіе закона о предоставленіи переселенцамъ въ Сибирь сейчасъ же земельныхъ участковъ въ наслѣдственное пользованіе, съ воспрещеніемъ самовольнаго ухода съ нихъ подъ угрозой лишенія переселенцевъ права селиться на казенной землѣ вообще.

Означенное правило было бы полезно измѣнить въ томъ смыслѣ, чтобы казенныя земли отдавались переселенцамъ въ безсрочное пользованіе лишь спустя извѣстный „срокъ обожданія“,—хотя бы пять лѣтъ, въ теченіе которыхъ переселенецъ продолжалъ бы числиться въ спискахъ прежняго общества, изъ котораго выселился. Такимъ путемъ достигалась бы двоякая цѣль: съ одной стороны, переселенецъ видѣлъ бы подъ собою твердую почву на новосельѣ, а съ другой—не оказался бы нищимъ при обратномъ переселеніи на родину, гдѣ въ запасѣ для него имѣлся бы прежній надѣлъ, по крайней мѣрѣ, усадебная недвижимость. Случаи обратнаго переселенія у насъ такъ часты, что законодателю необходимо считаться съ ними. Наказывать же переселенца-неудачника за то, что онъ вернулся назадъ, не ужившись на новомъ мѣстѣ, отнятіемъ у него права на надѣлъ въ прежнемъ обществѣ, какъ это практикуется въ настоящее время, является чрезмѣрной и безполезной притомъ жестокостью. Этотъ драконовскій законъ усиливается равнымъ образомъ безцѣльно суровымъ правиломъ, лишающимъ поселенца права на надѣлъ изъ казенной земли вообще, въ случаѣ самовольнаго ухода съ мѣста прикрѣпленія къ землѣ. Отъ хорошей жизни никто на чужбину не ѣдетъ; разъ и съ новыхъ мѣстъ переселенецъ бредетъ назадъ или ищетъ болѣе подходящаго ему участка, значитъ—онъ попалъ „изъ огня да въ полымя“, и обезземеливать при такихъ условіяхъ переселенца — это прямо безнравственно.

До послѣдняго времени и въ литературѣ, особенно же въ офиціальныхъ кругахъ, упорно повторялось, что возможность крестьянскаго переселенія даже въ Сибирь неизбѣжно скоро должна исчезнуть за отсутствіемъ тамъ достаточнаго запаса свободныхъ и годныхъ для обработки земель. Эта мысль высказывается такъ категорично и такими авторитетами, какъ г.г. Кауфманъ, А. С. Ермоловъ и др., что съ нею слѣдуетъ серьезно считаться.

Въ задачу нашего изложенія не входитъ однако подробная критика этого мнѣнія. Замѣтимъ здѣсь лишь, что противъ него говорятъ уже соображенія общаго характера. Прежде всего, у насъ нѣтъ достаточныхъ точныхъ данныхъ въ пользу указаннаго выше воззрѣнія. Между тѣмъ, напримѣръ, сторонники его еще сравнительно недавно категорически утверждали невозможность колонизаціи *тайги*, считая громадныя пространства, ею занимаемыя въ Сибири, совершенно непригодными для веденія тамъ сельскаго хозяйства. Однако изслѣдованіе таежныхъ пространствъ въ 1896—97 гг. по порученію комитета сибирской желѣзной дороги дало совершенно неожиданно 14 милліоновъ десятинъ земли, вполнѣ пригодной для земледѣлія, которая ранѣе считалась неудобной.

А недавно непремѣнный членъ Томскаго губернскаго присутствія въ приведеннномъ уже нами выше докладѣ своемъ Томскому губернскому комитету о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности уже прямо указывалъ въ этомъ отношеніи, „на тотъ громадный источникъ земли, какимъ является сѣверное лѣсное пространство губерніи, такъ называемые урманы и тайга. Возможность и выгодность земледѣлія на этомъ пространствѣ до широты города Нарыма твердо установлены примѣрами существующаго земледѣлія въ Нарымскомъ краѣ и на существующихъ въ тайгѣ заимкахъ. Главными препятствіями къ заселенію таежныхъ участковъ являются лѣсъ и бездорожье. О возможности массоваго лѣсоистребленія извѣстно хотя бы изъ обезлѣ-

сенія южной части Сибири. Устраненіе другого препятствія возможно лишь посредствомъ проложенія дорогъ, устройства мостовъ, гатей и переправъ". Тѣ же свѣдѣнія имѣются и изъ сосѣднихъ губерній и областей Сибири, климатическія и почвенныя условія которыхъ мало чѣмъ разнятся отъ таковыхъ въ Томской губерніи.

Приморская и Пріамурская области по результатамъ обслѣдованія ихъ партіями, посланными для выясненія возможныхъ тамъ желѣзныхъ дорогъ, несомнѣнно обѣщаютъ десятки милліоновъ (не менѣе 20 мил.) вполнѣ пригодной для поселенія земли. То же подтверждено и при обслѣдованіи вопроса объ организаціи въ этихъ областяхъ поселеній изъ участвовавшихъ въ японской войнѣ нижнихъ чиновъ. Американскій синдикатъ, берущійся за сооруженіе Канско-Беринговой (сѣверо-Сибирской) желѣзной дороги, утверждаетъ, что вдоль ея есть множество вполнѣ пригодной земли для переселенцевъ напоминающей по силѣ растительности, преріи Америки. Много земли и въ южной Сибири, гдѣ только необходимо ее сперва обводнить. Средняя Азія обладаетъ необычайно могучими лесовыми почвами, и при нѣкоторыхъ затратахъ на орошеніе можетъ дать для переселенцевъ вполнѣ достаточное количество земли, пригодной даже для культуры хлопка. Въ общемъ, по послѣднимъ офиціальнымъ свѣдѣніямъ военнаго вѣдомства, можно считать до 250—300 милліоновъ десятинъ земли въ Азіатской Россіи, пригодной для населенія.

Конечно, такихъ земель, которыя сразу же безъ всякой подготовки можно было бы пахать, не особенно много. Почва нуждается въ подготовкѣ. Во многихъ мѣстностяхъ ее придется осушать отъ болотъ, въ другихъ орошать, въ третьихъ освобождать отъ лѣса. Но что же дѣлать? Безъ труда ничто не дается, труда не боится русскій крестьянинъ, но ему надо *помочь*; въ этомъ-то и заключается правительственная задача. Насъ пугаютъ дороговизною оросительныхъ работъ въ средней Азіи. Министерство земледѣлія исчисляло ихъ

въ среднемъ по 60 рублей на десятину. Но 60 милліоновъ рублей на орошеніе милліона десятинъ въ раіонѣ Оренбургъ—Ташкентской желѣзной дорогои,—развѣ это дорого? Особенно, когда вспомнишь, что цѣны на десятину орошенной площади хлопковыхъ полей въ средней Азіи доходятъ до 3.000 рублей.

Наконецъ, не мало пустуетъ и въ Европейской Россіи земель, вполнѣ пригодныхъ для веденія на нихъ сельскаго хозяйства немедленно или же послѣ нѣкоторой меліораціи ихъ—осушенія или обводненія. Достаточно будетъ указать въ этомъ отношеніи на громадную площадь Пинскихъ болотъ, гдѣ земля, послѣ осушенія, какъ показали уже опыты, является вполнѣ пригодной для земледѣлія. Укажемъ равнымъ образомъ еще на земли по линіи Оренбургъ—Ташкентской и Петербургско-Вологодской желѣзныхъ дорогъ, на горѣлыя пространства въ Ветлужскомъ уѣздѣ Костромской губерніи, которыхъ только послѣ пожара 1901 года насчитывалось тамъ до 100.000 десятинъ, на пригодныя, но пустыя земли въ губерніяхъ Псковской, Самарской и др. Переселеніе, или вѣрнѣй, разселеніе малоземельныхъ крестьянъ на эти участки, во первыхъ, доступно и бѣднякамъ, у которыхъ нѣтъ средствъ ѣхать въ Сибирь на новыя земли, и во-вторыхъ, дастъ населенію вѣрное обезпеченіе на мѣстѣ, взамѣнъ часто безплодныхъ, а иногда и прямо разорительныхъ исканій лучшей доли въ далекихъ тайгахъ Сибири.

По условіямъ нашей государственной жизни, переселеніе, кромѣ заселенія и укрѣпленія за нами окраинъ. должно преслѣдовать, главнымъ образомъ, иную задачу, именно, оно должно стать въ рукахъ правительства орудіемъ борьбы съ малоземельемъ. Въ цѣляхъ этихъ и переселеніе должно осуществляться по извѣстному разработанному плану въ интересахъ не только выселяющихся крестьянъ, но и нуждающейся части мѣстнаго населенія, въ пользованіе которой желательно было бы предоставлять, согласно закону 13-го іюля 1889 года,

остающіеся послѣ переселенцевъ невыкупленные ими надѣлы.

Во всякомъ случаѣ, въ интересахъ упорядоченія переселенческаго дѣла было бы желательнымъ прежде всего учредить въ густо населенныхъ мѣстностяхъ, откуда наблюдается усиленная эмиграція крестьянъ, особыя переселенческіе бюро, комитеты и т. подобныя учрежденія (съ участіемъ мѣстныхъ дѣятелей) для доставленія желающимъ непосредственно съ мѣста, намѣченнаго ими для переселенія, правильныхъ свѣдѣній о переселенческихъ участкахъ и условіяхъ водворенія Къ такимъ же мѣрамъ слѣдуетъ причислить еще, напр.,—изданіе и широкое распространеніе доступныхъ картъ, путеводителей, хозяйственныхъ описаній, переработка въ одно краткое дешевое руководство всего запутаннаго законодательства о переселеніи, и въ особенности, уничтоженіе излишнихъ формальностей и волокиты, которыми въ настоящее время обставлено переселеніе, въ частности же не только отмѣна требованія отъ переселяющихся извѣстнаго денежнаго обезпеченія, но, напротивъ, оказаніе со стороны правительства возможной помощи переселяющимся и пособій на первое обзаведеніе новоселамъ, а равно расширеніе работъ по заготовленію земель для переселенцевъ, устройство на новыхъ мѣстахъ церквей, школъ, складовъ земледѣльческихъ орудій, организаціи агрономической помощи и проч.

Указомъ 4 марта 1906 года объ образованіи особыхъ губернскихъ и уѣздныхъ комиссій въ составѣ мѣстныхъ администраторовъ и выборныхъ лицъ отъ земства и крестьянъ съ сосредоточеніемъ общаго направленія дѣятельности въ учреждаемомъ при главномъ управленіи землеустройства и земледѣлія *комитетѣ по землеустроительнымъ дѣламъ*—заложенъ въ настоящее время первый камень въ дѣлѣ объединенія и упорядоченія у насъ переселенческаго дѣла.

Согласно указу, уѣздныя землеустроительныя комиссіи состоятъ подъ предсѣдательствомъ уѣзднаго

предводителя дворянства, изъ предсѣдателя земской управы, непремѣннаго члена по назначенію главнаго управленія землеустройства, уѣзднаго члена окружнаго суда или предсѣдателя мирового съѣзда, члена отъ удѣльнаго вѣдомства въ уѣздахъ, гдѣ есть удѣльныя земли, податного инспектора, земскаго начальника, трехъ членовъ—выборныхъ отъ уѣзднаго земскаго собранія и трехъ представителей отъ крестьянъ, назначаемыхъ по жребію изъ кандидатовъ, избираемыхъ волостными сходами. Губернскія коммиссіи образуются, подъ предсѣдательствомъ губернатора изъ губернскаго предводителя дворянства, предсѣдателя губернской управы, непремѣннаго члена, по назначенію главнаго управленія землеустройства, управляющаго казенной палатой, управляющихъ отдѣленіями крестьянскаго и дворянскаго банковъ, одного изъ членовъ окружнаго суда губернскаго города, одного изъ непремѣнныхъ членовъ губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, управляющаго удѣльнымъ округомъ, 6 выборныхъ отъ губернскаго земскаго собранія, въ томъ числѣ 3 крестьянъ, владѣющихъ надѣломъ. Уѣздныя коммиссіи обязаны выяснить положеніе крестьянскаго землевладѣнія для содѣйствія крестьянскому банку, губернскія—объединяютъ дѣйствія уѣздныхъ и разрѣшаютъ разногласія. При главномъ управленіи землеустройства учреждается комитетъ по землеустроительнымъ дѣламъ, состоящій подъ предсѣдательствомъ главноуправляющаго, изъ управляющихъ государственнымъ банкомъ, дворянскимъ и крестьянскимъ банками, представителей отъ министерствъ: императорскаго двора, внутреннихъ дѣлъ, финансовъ, юстиціи, главнаго управленія землеустройства и государственнаго контроля. Комитетъ открываетъ уѣздныя и губернскія коммиссіи и возлагаетъ на нихъ, по собственному усмотрѣнію, либо по ходатайству губернаторовъ, земскихъ собраній и самихъ коммиссій, выясненіе потребности правительственнаго содѣйствія къ переселенію на казенныя земли, участіе въ дѣлахъ сдачи крестьянамъ въ аренду казенныхъ

оброчныхъ статей, содѣйствіе сельскимъ обществамъ въ улучшеніи условій землевладѣнія, посредничество о полюбовномъ разверстаніи черезполосныхъ угодій, общихъ владѣній и сервитутовъ. Главноуправляющему землеустройствомъ предоставляется испрашивать кредиты на содержаніе въ текущемъ году комиссій, состава землемѣровъ и техниковъ и оказаніе денежной помощи населенію при землеустройствѣ.

Безспорно, переселенческое движеніе настоятельно нуждается въ организаціи; ему должно придать уже давно планомѣрность и осмысленность, заботясь о томъ, чтобы выселеніе дѣйствительно улучшало экономическій бытъ, и при томъ не однихъ только переселенцевъ, но и тѣхъ, которые остаются на родинѣ, ихъ однообщественниковъ. Необходимо, чтобы выборъ участковъ на новыхъ мѣстахъ былъ цѣлесообразенъ, чтобы условія возможной и желательной на нихъ сельско-хозяйственной культуры были точно извѣстны переселенцамъ и подходили къ ихъ привычному способу веденія хозяйства; чтобы впередъ была выяснена хозяйственная сила переселяющейся семьи и точно опредѣленъ размѣръ необходимаго ей, въ опредѣленныхъ мѣстныхъ условіяхъ, пособія и кредита.

Между тѣмъ пока всю эту сложную работу на новыхъ мѣстахъ будутъ производить мелкіе чиновники прежняго бюрократическаго пошиба, можно съ полной увѣренностью разсчитывать на его полный провалъ, которому не помогутъ никакія комиссіи, основанныя на мѣстахъ выселенія: все живое дѣло по прежнему останется закованнымъ въ канцелярскіе образцы и шаблоны. Если правительство дѣйствительно хочетъ поставить переселенческое дѣло на правильный путь, оно должно немедленно же распространить организацію мѣстныхъ землеустроительныхъ комиссій и на наши окраины— въ тѣ мѣста, куда главнымъ образомъ совершается переселеніе. Безъ такого объединенія вѣдомства переселенческаго дѣла, повторяемъ, трудно разсчитывать на его успѣшное развитіе; тѣмъ болѣе, если по прежнему

будутъ замедлять введеніе земствъ на нашихъ „далекихъ окраинахъ“.

Безъ земства на окраинахъ все равно, даже если введутъ тамъ землеустроительныя комиссіи, послѣднія немедленно превратятся въ чисто-бюрократическія учрежденія, со всѣми ихъ недостатками. Только при дружной совмѣстной дѣятельности этихъ организацій можно надѣяться на успѣхъ *подготовительныхъ* работъ, безъ которыхъ и переселенческое дѣло успѣха имѣть не будетъ: изслѣдованіе мѣстности въ естественномъ и хозяйственномъ отношеніи, опредѣленіе участковъ, удобныхъ для заселенія, проложеніе къ нимъ дорогъ, организація агрономической помощи (складовъ орудій и матеріаловъ, сѣмянъ, посредничество при покупкахъ живого инвентаря и т. п.), заготовленіе продовольственныхъ запасовъ для переселенцевъ, опредѣленіе—совокупно съ уѣздными комиссіями—тѣхъ мѣстностей, откуда пойдутъ переселенцы, выясненіе, въ зависимости отъ частныхъ условій земельнаго участка, размѣра кредита изъ казны и безвозвратныхъ субсидій новоселамъ—таковы эти необходимыя подготовительныя при переселеніи дѣйствія.

„Деньги нервъ войны“ говорилъ Петръ I. Перефразируя это изрѣченіе, мы должны сказать, что „деньги—нервъ переселенческаго дѣла“. Если правительство наконецъ-то дошло до мысли, что переселеніе является однимъ изъ лучшихъ средствъ борьбы съ малоземельемъ, оно должно прежде всего озаботиться о доставленіи возможности уходить на новыя мѣста именно безземельнымъ или малоземельнымъ крестьянамъ. Между тѣмъ, какъ мы уже говорили, въ настоящее время расходы по переселенію настолько велики, что самое это предпріятіе оказывается имущественно необезпеченной части крестьянства совершенно не подъ силу. Здѣсь правительство необходимо должно будетъ, въ борьбѣ съ малоземельемъ, придерживаться старой системы въ переселенческомъ дѣлѣ, которую съ успѣхомъ примѣнялъ еще Киселевъ, въ бытность его (въ 30—40 годахъ) министромъ государственныхъ имуществъ именно—ока-

занія возможно широкаго матерьяльнаго содѣйствія казны „маломочнымъ“ переселенцамъ. Безспорно, дѣло это потребуетъ очень крупныхъ денежныхъ затратъ; но во всякомъ случаѣ послѣднія будутъ производительными, и казна такъ или иначе, хотя бы путемъ косвенныхъ налоговъ, съ лихвой вернетъ ихъ съ прочно усѣвшагося на новосельѣ переселенца, которому дешевый кредитъ и безвозвратныя ссуды казны дали возможность сдѣлаться, при помощи къ тому же личнаго труда и энергіи, исправнымъ хозяиномъ на окраинѣ изъ прежняго деревенскаго пролетарія въ Европейской Россіи. Самый вопросъ объ изысканіи средствъ на правильную постановку переселенческаго дѣла не долженъ быть разрѣшаемъ путемъ созданія особыхъ на этотъ счетъ спеціальныхъ налоговъ. Вопросъ этотъ нельзя разрѣшить внѣ связи съ общимъ государственнымъ бюджетомъ, который и безъ того нуждается въ коренномъ преобразованіи. Можно надѣяться, что необходимыя и для переселенія, какъ и для аграрной реформы вообще, средства найдутся у страны. Вѣдь нашлись же они на желѣзныя дороги, на которыя за десять только лѣтъ было истрачено около двухъ милліардовъ руб. Если же общебюджетныхъ средствъ не хватитъ, то необходимо прибѣгнуть къ займу, хотя бы даже подъ гарантію. Дѣло на столько серьезно—вопросъ ставится о самомъ существованіи и прогрессѣ Россіи,—что теперь уже поздно задумываться надъ примѣненіемъ героическихъ средствъ.

Подводя итоги всему, выше нами указанному въ качествѣ мѣръ, необходимыхъ для поднятія государственнаго и экономическаго положенія лицъ сельскаго состоянія, необходимо, во всякомъ случаѣ, отмѣтить слѣдующее: Всякое мѣропріятіе, направленное къ улучшенію крестьянскаго хозяйства, къ повышенію производительности почвы, къ развитію дешеваго и скораго

кредита, къ упорядоченію сбыта сельско-хозяйственныхъ продуктовъ, къ организаціи переселеній и т. п.— каждое такое мѣропріятіе, повторяемъ, можетъ лишь тогда имѣть вѣрный и несомнѣнный успѣхъ въ будущемъ, когда само населеніе окажется въ состояніи понимать смыслъ и пользу предпринимаемыхъ новшествъ и окажется способнымъ *умѣть* осуществлять ихъ на дѣлѣ. При той же низкой степени умственнаго и гражданскаго развитія, на какой теперь находится громадное большинство нашего крестьянства, всякая работа будетъ безплодна, всякія извнѣ вводимыя улучшенія мнимыми, кажущимися, а не настоящими, прочными, дѣйствительными. Всякія мѣры, даже въ области сельско-хозяйственныхъ улучшеній, требуютъ прежде всего широкой ихъ пропаганды, которая наиболѣе возможна путемъ распространенія соотвѣтственныхъ печатныхъ произведеній: между тѣмъ, у насъ въ массѣ мѣстностей, крестьяне, и желающіе познакомиться съ такими произведеніями, не имѣютъ въ своей средѣ грамотныхъ для прочтенія. Къ стыду нашего правительства, приходится установить тотъ фактъ, что и до сихъ поръ у насъ встрѣчаются цѣлыя селенія безграмотныхъ. Согласно даннымъ, имѣющимся въ извѣстномъ трудѣ г.г. Фальборка и Чарнолусскаго—„Начальное народное образованіе“, изд. 1905 г. (стр. VIII, XVI, XXIV), въ настоящее время въ Россіи имѣется всего 31.109 низшихъ учебныхъ заведеній общаго типа въ селеніяхъ, а именно:

Земскихъ одноклассныхъ 13.285
Сельско-общественныхъ одноклассн... 7.903
Церковно-приходскихъ 10.921

На содержаніе ихъ расходуется ежегодно изъ разныхъ источниковъ:

	На содержаніе училищъ.	На содержаніе учащихъ.
Земскихъ одноклассныхъ	5.484.191 р.	4.337.661 р.
Церковно-приходскихъ	1.702.824 р.	978.750 р.
Школъ грамотности	532.853 р.	319.381 р.
Всего.	7.719.871 р.	5.635.792 р.

Въ томъ числѣ, губернскія и уѣздныя земства тратятъ на низшія общеобразовательныя учебныя заведенія 6.205.007 рублей и *правительство всего лишь 1.774.719 рублей въ годъ*. Это изъ двухъ съ половиной милліардовъ бюджета!... Кромѣ того и грамотность крестьянъ печальнаго характера. Если даже не обращать вниманія на увеличивающійся съ каждымъ годомъ рецидивизмъ безграмотности, и грамотные именно *умѣютъ* лишь теперь читать, далеко не всегда понимая, что читаютъ. Непривычка эта усваивать прочитанное въ книгѣ, наконецъ, неумѣніе, и послѣ усвоенія такого примѣнять на практикѣ полученныя свѣдѣнія, вообще *боязнь* новаго и косность крестьянства—все это нынѣ представляетъ очень существенные тормазы въ дѣлѣ улучшенія крестьянскаго благосостоянія.

Въ борьбѣ съ невѣжествомъ, дѣло народнаго образованія у насъ должно быть поставлено возможно широко, а не такъ, какъ это существуетъ въ настоящее время. Независимо отъ незначительности затрачиваемыхъ средствъ на народное образованіе, послѣднее страдаетъ у насъ отсутствіемъ системы и опредѣленнаго плана; школы создаются по случайнымъ причинамъ, въ зависимости отъ того, найдется-ли на мѣстѣ частный благотворитель или энергичный ходатай передъ правительственными органами, составится ли въ земствѣ или думѣ сочувствующее народному просвѣщенію большинство.

Народное образованіе должно быть открыто признано самою назрѣвшею потребностью государства. Сообразно этому, всѣ усилія правительства должны быть направлены на увеличеніе числа и качества низшихъ школъ, поставивъ себѣ ближайшей задачей скорѣйшее разрѣшеніе вопроса объ общедоступности и улучшеніи начальнаго обученія, оставивъ его обязательно на попеченіи земства и приходя на помощь послѣднему щедрыми субсидіями, достаточными для достиженія намѣченной цѣли, а равно и на поддержку и развитіе внѣшкольнаго образованія въ народѣ.

Образованіе при этомъ должно быть поставлено широко. Мало дать народу грамотность и средства для матерьяльнаго улучшенія быта; для правильной личной и гражданской жизни народъ долженъ быть широко снабженъ какъ техническими знаніями, такъ, прежде всего, всестороннимъ развитіемъ. Безъ этого онъ не въ состояніи будетъ воспользоваться и данными ему въ руки средствами для устройства своего матерьяльнаго благосостоянія.

Вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо предоставить сельскому учителю извѣстную самостоятельность, сдѣлавъ его не чиновникомъ, не пассивнымъ орудіемъ передачи ученикамъ извѣстныхъ механическихъ знаній, а живымъ дѣятелемъ, хорошо обезпеченнымъ имущественно и надлежащимъ образомъ подготовленнымъ къ дѣлу въ учительскихъ семинаріяхъ. Для этого нужно, чтобы выборъ его, назначеніе и удаленіе отъ должности не зависѣли отъ случайностей единоличнаго усмотрѣнія и произвола, а принадлежали такому коллективному органу, который основывалъ бы свое мнѣніе и постановленія на постоянномъ текущемъ контролѣ за дѣятельностью учителя; имъ, напр. м. б. существующій училищный совѣтъ съ усиленіемъ въ немъ земскаго представительства.

Сельскій учитель явился истиннымъ побѣдителемъ во время Франко-Прусской войны. Дай Богъ, чтобы и на Руси возможно скорѣе наши хорошо обставленные матеріально, спеціально подготовленные къ своему дѣлу, не сгоняемые по прихоти и произволу начальства сельскіе учителя одержали несравненно болѣе славную побѣду надъ невѣжествомъ нашего народа, чтобы они оказались успѣшными піонерами въ борьбѣ съ мракомъ, носителями въ себѣ того высокаго солнца знанія, подъ лучами котораго таялъ бы ледъ косности и бюрократизма и скрылась бы съ лица нашей родины та тьма невѣжества, которую такъ старательно поддерживало у насъ правительство своими „уставами о предупрежденіи и пресѣченіи народнаго знанія и образованія“.

И да будетъ свѣтъ!...

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I.

Страницы.

Крестьяне до освобожденія . . . . . 5—15
Освобожденіе крестьянъ . . . . . 15—44
Дальнѣйшее развитіе крестьянскаго правопорядка до 17 го октября 1905 года. . . . . 45—66

II.

Что необходимо сдѣлать для улучшенія крестьянскаго быта:

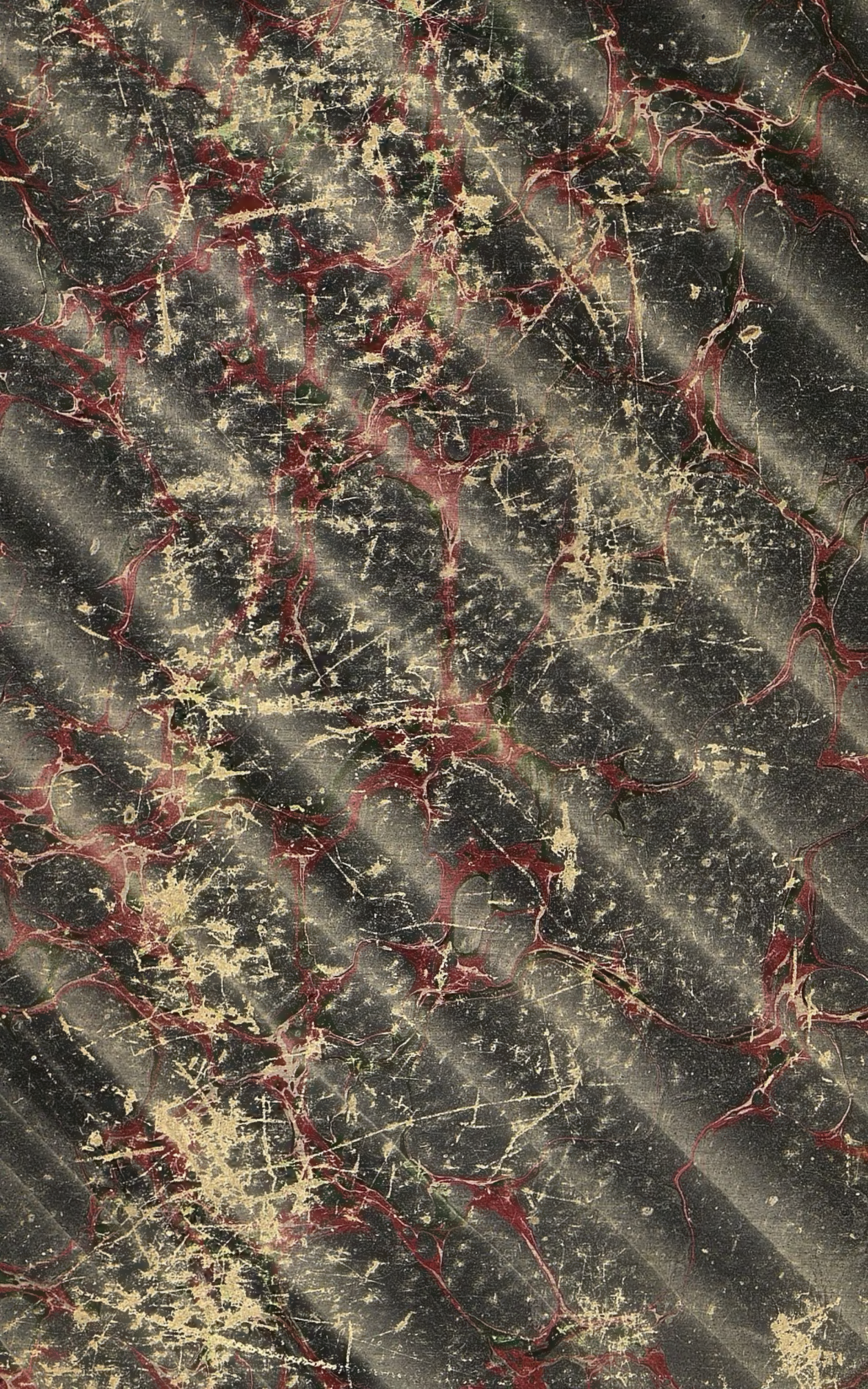
Реформы въ цѣляхъ уравненія правъ крестьянъ съ другими гражданами Россіи:

Отмѣна крестьянской обособленности и административной опеки. . . . . 68—72
Реорганизація крестьянскаго управленія. . . . . 72—80
Реформа волостного суда. . . . . 80—86
Обычай въ крестьянскомъ быту. . . . . 86—94
Свобода передвиженія; реформа крестьянской семьи и семейныхъ раздѣловъ . . . . . 94—113
Свобода землепользованія . . . . . 113—180
Основныя формы крестьянскаго землепользованія: а) подворное землепользованіе; условія отчужденія и порядокъ укрѣпленія правъ на подворные участки. . . 113—131
в) Общинное землепользованіе; понятіе о немъ, условія пользованія усадебными участками, угодьями и полевою землею общины; отношеніе общины къ общинникамъ. Вопросъ объ отмѣнѣ общиннаго землепользованія . . . . . 131 - 155
с) Прикупки; понятіе о нихъ, условія пріобрѣтенія; вопросъ объ обложеніи мірскими сборами прикупокъ; юридическая нормировка условій пользованія послѣдними. Желательная помощь крестьянскаго банка въ дѣлѣ пріобрѣтенія прикупокъ . . . . . 155—180

Хозяйственныя реформы:

Окладные сборы и ихъ реформа; а) казенные сборы, в) земскіе сборы, с) мірскіе сборы . . . . . 180—209
Необезпеченность урожая . . . . . 209—212

Страницы.

Повышеніе доходности земли: интенсификація полевого хозяйства: борьба съ черезполосностью и длинноземельемъ . . . . . 212—226
Страхованіе отъ неурожая . . . . . 226—232
Хлѣбные ломбарды . . . . . 232—235
Организація кредита для крестьянъ. . . . . 235—252
а) Меліоративный кредитъ . . . . . 235—244
в) Мелкій кредитъ. . . . . 244—252
Борьба съ малоземельемъ . . . . . 252—254
1) Введеніе интенсивной культуры . . . . . 254—259
2) Аренда земли: а) аренда частновладѣльческой земли; в) аренда надѣльной земли, с) аренда казенныхъ земель . . . . . 259—283
3) Дополнительный надѣлъ; условія и способъ его выполненія. . . . . 283—297
4) Переселеніе: Исторія и современное положеніе вопроса. Землепользованіе переселенцевъ. Желательная постановка переселенческаго дѣла . . . . . 297—324
Заключеніе . . . . . 324—327

ОБЪЕДИНЕННАЯ БИБЛИОТЕКА И. К. П.